

СЛАВЯНСКОЕ И БАЛКАНСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ —
ЯЗЫКОВЫХ КОНТАКТОВ

Издательство «Наука»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ

СЛАВЯНСКОЕ
И БАЛКАНСКОЕ
ЯЗЫКОЗНАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ
ЯЗЫКОВЫХ КОНТАКТОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО "НАУКА"
МОСКВА 1983

Сборник посвящен изучению процесса и результатов контактирования и интерференции языков как в древнейшие периоды, так и на современном этапе, включая контакты в пограничных языковых зонах (балто-славянская, карпато-балканская). Языковые связи и взаимодействия исследуются на материале литературных языков и диалектов. В сборник включены также статьи теоретического характера по проблемам сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков.

Редколлегия серии:

доктора филологических наук С.Б. БЕРНШТЕЙН (председатель), Е.И. ДЕМИНА, Вяч.Вс. ИВАНОВ, Л.Н. СМИРНОВ, Н.И. ТОЛСТОЙ, Т.В. ПОПОВА (ответственный секретарь), кандидат филологических наук Т.В. ЦИВЬЯН.

Ответственные редакторы выпуска:

доктор филологических наук Л.А. ГИНДИН,
кандидаты филологических наук Г.П. КЛЕПИКОВА,
Л.Г. НЕВСКАЯ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемый читателю сборник продолжает серию изданий, начатую Институтом славяноведения и балканстики АН СССР в 1975 г. книгой "Славянское и балканское языкознание. Проблемы интерференции и языковых контактов" (М., "Наука"). Основная тема настоящего сборника — языковые контакты как предмет славянского и балканского языкознания — является в известном смысле традиционной для отечественных исследований в области славянской и балканской этнолингвистики. Большая работа по этой тематике длительное время проводится Институтом славяноведения и балканстики АН СССР, где активно развиваются такие направления исследований, как контакты и интерференция в балканском ареале с древнейших времен, балто-славянские контакты и др.

Состав предлагаемого сборника, подобно предшествующим публикациям серии, определяется достаточно широкими взглядами на сущность языковых контактов как совокупности разнообразных языковых и межязыковых взаимодействий разной степени интенсивности, пространственного распространения, хронологической удаленности и внешней выраженности. Благодаря такой постановке вопроса представленные в выпуске исследования, казалось бы, посвященные далеко отстоящим друг от друга частным проблемам, оказываются связанными воедино общим направлением: разработкой теории и методологии языковых контактов в славянских языках, в карпато-балканском лингвистическом ареале. Разработка теории интерференции и языковых контактов этого ареала, а равно и инициатива по комплексному изучению этой тематики в большой степени связана в нашей науке с именем профессора С.Б. Бернштейна.

В настоящем выпуске серийного издания "Славянского и балканского языкознания" представлены работы, касающиеся данных древних языков Балканского полуострова и их роли для изучения этногенетических процессов на Балканах. В области изучения древнебалканской лингвистической проблематики тема языкового контактирования неизменно остается актуальной, поскольку сложные и неоднозначно решаемые вопросы балканского этногенеза находятся в прямой зависимости от осуществления методически достоверных сопоставлений фактов древних балканских языков с их современными аналогами, иными словами — от правильно выполненной проекции современной языковой ситуации на древнее состояние, и наоборот. Помимо традиционных для античной балканстики проблем, таких как фрако-анатолийские и фрако-греческие контакты, вопросы догреческого языка, а также индоиранских реликтов в примыкающих к континентальным Балканам зонах (статьи Л.А. Гиндина, Вяч.Вс. Иванова,

Ю.В. Откупщикова, В.Н. Топорова, О.Н. Трубачева, В.П. Яйленко), данный раздел включает и ряд работ, посвященных реконструкции древнего до-письменного состояния албанского языка (статьи А.В. Десницкой, И.А. Ка-лужской, В.Э. Орла). Разработка этой темы весьма существенна для оценки роли албанского языка в интерференционных балканских процессах, начи-ная с древнейших времен.

В выпуске представлены также статьи, касающиеся интерференцион-ных процессов в зонах современного дву- и трехязычия, например, на белорусско-литовском пограничье (статья Т.М. Судник), в восточной Лат-галии (статья Б.П. Рейдзане), в различных микрозонах карпатского ареала: голальские говоры на территории Словакии (статья Ю. Кришшако-вой), в словацких говорах Украинского Закарпатья (статья Е.Н. Овчинни-ковой). Эти ареалы характеризуются непрерывным многовековым взаи-модействием, с одной стороны, славянских и балтийских языков и этно-сов, а с другой, – славянских диалектов, традиционно относимых к од-ной или различным славянским языковым группам. Планомерное обсле-довение языковой ситуации на разных лингвистических уровнях, возни-кающей в условиях этнолингвистического контакта, не только вводит в научный оборот новые языковые факты (в частности, такая ситуация во многом способствует сохранению архаических элементов в лексике, словообразовании и т.п.), но и позволяет осознать внутрилингвисти-ческие м е х а н и з м ы языкового взаимодействия. Это важно не только в теоретическом отношении, но – при экстраполяции на более древние периоды языкового развития – может служить историко-лингвистиче-ми аргументами, касающимися более древнего языкового состояния со-ответствующей территории.

В фонетике, словообразовании, морфологии, лексике и синтаксисе – при сохранении каждым языком статуса отдельного языка – создается зона схождения признаков, концентрирующая в себе возможности пере-счета с языка на язык, т.е. собственно осуществления языкового контак-та. Высокая степень подобия лексики и конгруэнтность структур, участву-ющих во взаимодействии языков, позволяют ставить вопрос о формирова-нии (или предпосылках формирования) применительно к отдельным фраг-ментам территории славяно-балтийских (resp. славяно-славянских) лингво-этнических взаимодействий особого рода языковых союзов. Вместе с тем в выпуск включены и работы, главным образом, лексико-семантического ха-рактера, в которых представлены некоторые следствия контактов слав-янского и неславянского (романского, албанского, венгерского, тюрк-ского) населения карпато-балканского пространства, не являющихся акту-альным фактором современной лингвистической ситуации в указанном регионе (статьи Г.П. Клепиковой, Д. Петровича, И.Ю. Пую, С.В. Семчин-ского, Т.Ф. Семеновой; развитие историко-этимологической линии в отно-шении ряда "балканлизмов", упоминаемых Д. Петровичем, можно найти в заметках В.Э. Орла).

АНТИЧНАЯ БАЛКАНИСТИКА*

А. В. ДЕСНИЦКАЯ ПАЛЕОБАЛКАНИСТИКА И АЛБАНСКИЙ ЯЗЫК

В палеобалканистических исследованиях были достигнуты за последние десятилетия значительные успехи. Особенный интерес представляет выявление признаков отдельных ономастических ареалов, дающее основания для соотнесения их с определенными этническими комплексами, названия которых сохранены в античных источниках. С этой точки зрения несомненно впечатляет достигнутое расчленение в недавнем прошлом еще очень суммарного представления о восточной части палеобалканской языковой области, которая долгое время сохраняла неопределенное наименование фрако-фригийской.

Ономастические изоглоссы, например распространение топонимов с суф. *-para*, *-bria*, *-diza* во фракийском ареале и с суф. *-dava* в дакийском, прежде всего показательны как исторические свидетельства расселения соответствующих племен, даже если языковые системы, которыми фракийские и дакийские племена пользовались и о которых до сих пор нет достаточных сведений, были между собой относительно близки.

Иллирологические исследования, которые в результате критики так называемого "паниллиризма" сосредоточились на изучении исторического ареала расселения иллирийцев в северо-западной части Балканского полуострова, также значительно продвинулись вперед. В этом отношении большую роль сыграли усилия историков и археологов, которым удалось достичь исторической определенности представлений об общественном строе и материальной культуре иллирийских племен, об их роли в политической жизни Балканского полуострова в период, предшествовавший римскому завоеванию¹. С лингвистической стороны внимание концентрируется на дифференциации ономастических ареалов внутри "иллирийского комплекса"². Так территориальное распределение антропонимов дает основания Р. Катичичу дифференцировать либурнийский (на северо-западе), паннонский (в центре) и собственно иллирийский (на юго-востоке) ареалы, которым, как он полагает, соответствовало расселение различных этнических групп. В какой степени за различиями ономастических традиций стояли различия языковые, остается неизвестным.

* В настоящем разделе публикуются некоторые материалы симпозиума "Античная балканистика З. Языковые данные и этнокультурный контекст Средиземноморья" (Москва, 1978), о котором см. подробно "Вестник древней истории", 1979, № 4.

¹ См. материалы иллирологических конференций, проведенных в Сараеве (1964 г.) и в Тиране (1972): Simpozijum o teritorijalnom i hronološkom razgraničenju ilira u praistorijsko doba. Sarajevo, 1964; Studia Albanica. Tirana, 1972, 2.

² Katičić R. Ancient Languages of the Balkans, I. The Hague-Paris, 1976, p. 176 и сл. (с указанием литературы).

В целом можно констатировать, что установление ономастических ареалов, достигаемое путем учета повторяемости основ и основообразующих суффиксов, с определением их пространственной дистрибуции, а также выявление некоторых фонетических изоглосс – это, в сущности, тот предел, которого смогла достигнуть современная палеобалканстика на основании имеющихся в ее распоряжении материалов. Однако для определения различий между языковыми структурами и, тем самым, для определения характерных признаков отдельных палеобалканских языков, материалы эти, к сожалению, остаются иррелевантными.

Возможности изучения генетических и историко-ареальных связей палеобалканских языков не ограничиваются рамками сопоставления имеющихся материалов в пределах собственно балканской территории. Новые многообещающие перспективы открылись благодаря исследованиям И. Дуриданова и В.Н. Топорова, посвященным фрако-балтийским и дако-балтийским языковым связям³. Древняя топонимика восточной части Балканского полуострова не только находит себе соответствия в балтийской топонимике, но во многих случаях также получает достаточно убедительное этимологическое истолкование в свете апеллятивной лексики балтийских языков (в особенности это касается гидронимии). И здесь дело не только в особых диагностических качествах литовского языка, обусловленных архаическим характером его морфологической структуры и богатством лексики, связанной с обозначением природных явлений, но прежде всего в самом факте наличия определенных ономастических соответствий, указывающих на древние связи, возможно, восходящие к периоду территориальных контактов в рамках позднеиндоевропейской общности. Открывшаяся таким образом возможность этимологического определения значительного числа фракийских основ, выделяемых из ономастического материала, дает уже возможность экспонировать фракийскую лексику в виде перечня лексем в количестве 182 единиц, что значительно конкретизирует представление о фракийском языке⁴.

В этом контексте кажется уместным вспомнить о том, что на первом этапе развития иллирологии привлекали к себе внимание также иллиро-балтийские соответствия⁵. Современная иллирология, еще не вполне оправившаяся от своего рода шока, связанного с критикой "паниллирийской" теории, ограничивает поле своих исследований географическими рамками Балканского полуострова, не касаясь связей балканской ономастики даже с территориально менее удаленными областями центральной Европы к северо-востоку от Альп. Между тем давно известные факты иллиро-балтийских ономастических соответствий приобретают теперь новую значимость в свете открывшейся картины фрако-балтийских и дако-балтийских соответствий. Установление древних ареально-исторических связей всего

³ Duridanov I. Trakischi-dakische Studien. I. Die thrakischi-baltischen und dakisch-baltischen Sprachbeziehungen. Sofia, 1969 (= *Linguistique balkanique*, XIII, 2); Топоров В.Н. К фракийско-балтийским языковым параллелям. – Балканское языкознание. М. 1973; Он же. К фракийско-балтийским языковым параллелям. II. – Балканский лингвистический сборник. М., 1977.

⁴ Дуриданов И. Езикъ на траките. София, 1976, с. 72–84.

⁵ См.: Jökl N. Illyrier (Eberts Reallexikon der Vorgeschichte), VI. Berlin, 1926, S. 45 и сл.; Krahe H. Sprache und Vorzeit. Heidelberg, 1954, S. 104 и сл.

палеобалканского языкового комплекса с балтийской языковой областью указывает не только на доисторические территориальные контакты носителей соответствующих языков с прабалтийцами, но и на то, что сами палеобалканские языки происходят из одного ареала позднеиндоевропейской общности, и что, будучи перенесены на Балканский полуостров в результате переселения фрако-дакийских и иллирийских племен, они, вероятно, должны были сохранять между собой значительную степень близости.

Итак, из результатов палеобалканистических исследований, достигнутых на сегодняшний день, могут быть выведены два важных утверждения: а) языки фракийского и иллирийского комплексов (термин Р. Катичича) были принесены говорившими на них племенами из области доисторических территориальных контактов с прабалтийскими племенами; б) расселение соответствующих этнических групп на Балканском полуострове получило отражение в комплексах ономастических (дистрибуция основ и деривационных моделей) и фонетических изоглосс, что позволяет устанавливать границы отдельных этно-лингвистических ареалов.

Кроме того имеется некоторая сумма сведений о палеобалканской лексике, не дающая, однако, по своей количественной ограниченности и случайности, достаточных оснований для создания дифференцированного представления о лексическом составе отдельных палеобалканских языков. Этой сумме сведений предстоит быть умноженной в процессе дальнейших исследований.

Нет сведений о морфологической структуре палеобалканских языков, если не считать заранее данного представления о том, что эти языки, будучи индоевропейскими, должны были являть собой определенный этап эволюции праиндоевропейского состояния поздней поры. Ясно, что непосредственным источником позитивных сведений о грамматических формах палеобалканских языков могли бы быть только тексты. За неимением текстов образ палеобалканских морфологических структур мог бы быть представлен лишь с помощью гипотез, основанием для которых должны служить реконструкции историко-типологического характера, использующие как данные сравнительной грамматики индоевропейских языков, так и сведения, добываемые с помощью внутренней реконструкции ранних ступеней развития живых балканских языков, восходящих в той или иной мере к палеобалканскому состоянию. В первую очередь имеются в виду восточно-романские и албанский языки.

Не останавливаясь на сложной проблематике реконструкции дакийского языка через живые восточно-романские языки (опыт подобной реконструкции представлен в книге Г. Рейхенкrona "Дакийский язык"⁶), позволю себе высказать некоторые соображения в связи с задачами изучения албанского языка в аспекте палеобалканистики. Пока речь может идти лишь о наброске программы возможных исследований.

До сих пор вопрос об албанском языке в связи с палеобалканистической проблематикой возникал лишь в плане альтернативного решения вопроса о его происхождении от иллирийского или фракийского языков. Поскольку о морфологической структуре ни того, ни другого конкретных сведений не имеется, альтернатива эта не может получить лингвисти-

⁶ Reichenkron G. Das Dakische. Heidelberg, 1966.

ческого решения. Данные внешнеисторического порядка, как и свидетельства из области ономастики, достаточно убедительно говорят о том, что предки албанцев в античный период проживали в западной части Балканского полуострова и что, следовательно, их язык скорее может восходить к языкам иллирийского ареала⁷. Немногочисленные данные лингвистического порядка (главным образом албано-мессапские соответствия) также в большей мере поддерживают иллирийскую гипотезу происхождения албанского языка.

Однако при установлении даже вполне убедительных в этимологическом отношении албано-иллирийских или, наоборот, албано-фракийских лексических соответствий не приходится считать эти соответствия специфическими. Ни в одном случае нельзя утверждать, что то или иное слово, случайно засвидетельствованное в качестве иллирийского или фракийского, дакийского, македонского и т.д., принадлежало лексике только одного из этих языков и отсутствовало в других. Этим по существу сводится к минимуму диагностическая значимость лексических соответствий для лингвистического решения вопроса о том, от какого из палеобалканских языков ведет свое происхождение современный албанский язык.

Исследования, проводившиеся с целью определения происхождения албанского языка, до сих пор не дали настоящей интеграции албанских языковых фактов в круг материалов, используемых в палеобалканистических исследованиях. С другой стороны, так же мало результатов дают эпизодические обращения к албанскому словарю в целях этимологического истолкования отдельных палеобалканских лексем.

В общем следует признать, что албанский язык далеко еще не дал всего того, что он может дать для проникновения в тайны древнебалканского языкового мира, и продолжает оставаться в этом смысле своего рода "вещью в себе". Между тем это единственный язык, непосредственно продолжающий речь какой-то из частей палеобалканской языковой области. Поэтому не только лексика, но и грамматический строй албанского языка могут послужить отправной точкой для реконструкций, имеющих целью воссоздание типических моделей лексического состава и грамматического строения палеобалканского языка. Ставя задачу реконструкции древнеалбанского языка, мы тем самым ставим и задачу реконструкции палеобалканского языкового типа, имея в виду, что палеобалканские языки были, по всей вероятности, относительно близки между собой — и лексически, и грамматически. Конечно, такая реконструкция может быть лишь очень условной ввиду отсутствия текстов на албанском языке древнее XV в.

Относительно обозримой, при всей сложности, кажется задача реконструкции древнеалбанской лексики. Для того, чтобы автохтонная часть словарного состава албанского языка могла быть использована в палеобалканистических исследованиях, ее надлежит экспонировать с максимальным приближением к палеобалканскому хронологическому уровню. Для этого предстоит отобрать, по возможности, все исконно-албанские эле-

⁷ Из работ последнего времени см.: *Cabej E. L'illyrien et l'albanais. Questions de principe.* — *Studia Albanica*, 1970, I; *Idem. Die Frage nach dem Entstehungsgebiet der albanischen Sprache.* — *Zeitschr. f. Balkanologie*, 1974, X, 2.

менты, как с выясненной индоевропейской этимологией, так и неизвестного происхождения. С учетом историко-фонетических закономерностей, исторических наслоений словообразовательного характера и морфологических изменений, а также с учетом возможного изменения и развития значений, может быть реконструирован относительно древний облик соответствующих лексем. При этом нельзя забывать о том, что реконструируются не индоевропейские праформы, ноprotoалбанские и раннедревнеалбанские, иначе говоря, хронологический уровень албанского языка примерно от 500 г. до н.э. до 500 г. н.э.

Характер экспозиции древнейшего состояния засвидетельствованной албанской лексики может быть проиллюстрирован несколькими приме-рами⁸:

- **lūgas*⁹ m. – новоалб. *lug* m. 'углубление, желоб, корыто для водопоя';
- **lūga* f. (< **lugā*) собирает. от **lūgas* – новоалб. *lugē* f. 'ложка';
- **lūgia* f. (< **lugiā*) – новоалб. *lugje* f. 'углубление в горах, ущелье';
- **lugaria* f. (< **lugariā* или < **lugorijā*) – новоалб. *lugare* f. 'корыто';
- **lugañia* f. (< **lugañā* или < **lugonīā*) – новоалб. *lugajē* 'широкая долина';
- **lúgaras* m. – новоалб. *lugur* m. 'орудие для выдалбливания';
- **lúgatas* прилагат. – новоалб. *i lugët* 'выдолбленный, вогнутый';
- **lúgetjas* (?) или **lugetis* (?) – новоалб. *lugës* 'выдолбленный, вогнутый';
- 1. sg. prae. **lugónia* (< *luganīō*¹⁰) – новоалб. *lugonj, lugoj* 'выдалбливать';
- 1. sg. prae. **lugótja* (< **lugatīō*) – новоалб. *lugos* 'выдалбливать'.

Можно предположить существование в древнеалбанском не сохранившегося в новоалбанском первичного глагола **luga* (< **lugō*) 'выдалбливать'.

Собират. **diala* f., **dela* f. (< **delā*) 'дети' – новоалб. *djalë* m. 'гальчик, сын'.

От того же древнеалбанского корня **del-* (от и.-е. **dhe(i)*- 'кормить грудью' были образованы собирательные имена жен. рода: **dalja*, **dalmja* 'молодняк, мелкого рогатого скота, овцы' – новоалб. *dele* f., *delme* f. 'овца'.

- **anna* f., **anda* f. (< **andā*) – новоалб. *anē* f. 'сторона, местность'.
- **ahas* m. (< **oskos* 'ясень') – новоалб. *ah* m. 'бук'.
- **bala* f. (< **bhalā*) – новоалб. *balle* f. 'лоб, передняя часть'.
- **balga* f. (< **bolguā*) – новоалб. *balgē, bajgē* f. 'навоз'.
- **balta* f. (< **bhol(ə)tā*) – новоалб. *baltē* 'размокшая земля, грязь, глина'.
- **bjeska*, **beska* f. (< **berskā*, и.-е. **bher-*, н алб. *bie* 'ударять, падать') – новоалб. *bjeshkē* f. 'горное пастбище'.

⁸ Указания этимологических соответствий и ссылки на литературу опускаются. При полном изложении материала такие указания, конечно, необходимы.

⁹ К началу 1 тыс. н.э. окончание именит. ед. -s должно было, по всей вероятности, подвергнуться редукции. На протяжении хронологического периода, условно принимаемого в качестве палеобалканского, также и другие фонетические явления могли существенно изменить облик реконструируемых форм.

¹⁰ Рефлексом и.-е. **ō* обычно считается албанское *e*. Однако эта закономерность в основном должна была действовать для ударных слогов, притом уже в относительно более поздний период истории древнеалбанского языка, о чем свидетельствует охват переходом **ō* > *e* также латинских заимствований. Считаю возможным реконструировать для конечного неударного *-ō в окончании 1 л.ед.ч.наст.вр. следующую последовательность изменений: и.-е. *-ō > protoалб. *-o > др.-алб. *-a.

**búra* f. (< *burā*) собир. 'мужи' – новоалб. *burrë* m. 'мужчина, муж'.
**barón* m. 'пастух, воин (?)' – новоалб. *bërío* m. 'пастух'.

Построенный таким образом перечень древнеалбанских лексем не только может быть использован для идентификации и этимологического определения палеобалканской лексики, но и в целом будет свидетельствовать о характере словарного состава одного из древних языков балканского ареала. Большой интерес для палеобалканистики представила бы выполненная таким же способом экспозиция автохтонной албанской ономастики. К сожалению, собранные албанскими учеными богатые материалы пока не опубликованы¹¹.

В плане палеобалканистических сравнений, имеющих дело прежде всего с ономастическими единицами, значительную часть которых составляют дериваты, определенный интерес может иметь реконструкция системыprotoалбанской (и частично древнеалбанской) именной деривации.

Албанский язык очень богат суффиксами словообразования, многие из которых унаследованы отprotoалбанского и древнеалбанского состояний. А. Джувани и Э. Чабей в исследованиях, посвященных албанским суффиксам именной деривации, отмечают, что в число их входят древние суффиксы индоевропейского происхождения, суффиксы, заимствованные из других языков и, наконец, составные суффиксы вторичного образования¹². При этом они справедливо указывают на необходимость иметь в виду следующий важный для истории албанского словообразования момент (на значение его в свое время обратили внимание еще Х. Педерсен и В. Мейер-Любке): в числе заимствованных суффиксов есть такие, которые при своем проникновении в албанский язык "встретились" с тождественными формантами исконного происхождения. Дальнейшее существование этих суффиксов в языке явилось таким образом результатом соединения и наслаждения сходных форм и функций, восходящих к разным источникам – внутриязыковому и внешнему.

С учетом этого момента – существенно важного не только для истории деривационных формантов, но и для истории древних слоев лексического состава албанского языка в целом, – представляется возможным выделить из общего количества 168 албанских суффиксов, собранных в труде Джувани–Чабея, некоторую их часть в качестве унаследованных элементов системы именной деривации, существовавшей наprotoалбанском и древнеалбанском хронологических уровнях. Так как большинство из них в той или иной мере сохранили свою продуктивность до настоящего времени, конкретные примеры именных основ, образованных с помощью соответствующих суффиксов, не могут быть показательны. Поэтому я ограничиваюсь перечнем реконструируемых формантов.

Центральное место в системе древнеалбанского именного основообразования занимали рефлексы индоевропейских первичных основ на *-o- и *-a-. В форме имен.ед. реконструируем: *-a-s m – в новоалбанском первичные основы муж. рода с исходом на согласные звуки; *-ă f. – новоалб. -ë f.

¹¹ См.: Kostallari A. Contribution à l'histoire des recherches onomastiques dans le domaine de l'albanais. – Studia Albanica, 1965, 1. c. 47.

¹² Xhuvani A., Cabej E. Prapashtesat e gjuhës shqipe. – Buletin pët shkencat shoqërore, 1956, N 4, f. 66–103.

К общеиндоевропейским прототипам восходили также древнеалбанские причастия-прилагательные: **-ma-s* m., **-mā* f. — новоалб. *-m(ë)*; **-ta-s* m., **-tī* f. — новоалб. *-t(ë)*.

В сравнении с общеиндоевропейским состоянием для древнеалбанского языка можно предположить картину значительного упрощения системы первичных основ. Во всяком случае достоверных следов древних основ на **-i*, **-u*, **-s*, **-r/-n* и др. в албанском основообразовании не обнаруживается. В то же время возможности именной деривации с помощью суффиксов вторичного происхождения, представлявших собой различные варианты расширения первичных суффиксов индоевроп. **-o*, **-ā*, были значительно умножены. Так, наряду с первичными основами жен. рода на **-ā*, существительные собираемого значения образовывались также со следующими формантами: **-iā* f. — новоалб. *-e* f.; **-iā* f. — новоалб. *-i* f.; **-dīā* f. — новоалб. *-zē* f.; **-tīā* f. — новоалб. *-sē* f.

В нижеследующем перечне древнеалбанские деривационные модели группируются по признаку консонантных расширителей.

Суффиксы с элементом *-k*:

**-ka-s* m. — новоалб. *-k*;

**-kā* f. — новоалб. *-kē*. Исконноалбанский тип образований с этим суффиксом позднее контаминировался со славянским (существительные женского рода на *-ka*). Модель эта очень продуктивна в разговорном языке.

**-a-ka-s* m. — новоалб. *-ak* m.;

**-ā-ka-s* m. — новоалб. *-ok* m. И в этом случае можно допустить возможность наслеяния сходных латинских, а позднее и славянских образований¹³.

**-u-ka-s* m. — новоалб. *-uk* m.

К этой же группе исторически можно отнести:

**-unga-s* (и.е. **-ŋ-ko-*) m. — новоалб. *-ung* m.

**-ungā* (и.е. **-ŋkā*) f. — новоалб. *-unge* f.

Суффиксы с элементом *-m*:

**-i-ma-s* m. — новоалб. *-im* m.

**-i-mā* f. — новоалб. *-ime* f.

**-a-mā* f. — новоалб. *-amē* f.

**-a-mīā* f. — новоалб. *-ame* f.

В этой группе особенное внимание привлекает формант **-i-ma* — новоалб. *-im*. С помощью этого очень продуктивного суффикса в современном албанском языке массово образуются отглагольные имена действия, например *urapim* m. 'бег' от *urapoj* 'бегу', *mendim* m. 'мышление' от *mendoj* 'думаю', *rrēfim* 'рассказывание, рассказ' от *rrēfej* 'рассказываю' и т.д. Нельзя не отметить в этом случае поразительное совпадение с литовским языком, в котором тип образования отглагольных имен с тем же суф. *-ima* также является весьма продуктивным. Ср. лит. *bēgimas* 'бег' от *bēgti* 'бежать', *mātymas* 'видение' от *matyti* 'видеть', *lañkymas* 'посещение' от *lankýti* 'посещать' и т.д. Отмечаемое совпадение деривационных моделей с формантом **-i-ma* (и.е. **-i-mo*) может явиться существенным добавлением к списку специальных албано-балтийских соответствий.

Суффиксы с элементом *-n*:

¹³ См.: Çabej E. Studime gjuhësore, III, с. 261.

*-a-na-s m. – новоалб. -an m.;
*-anā f. – новоалб. гег. -anē, тоск. -ërë;
*-änjā f. – новоалб. -onjē, -ojē.
*-i-nā f. – новоалб. -inē f. Влияние славянской модели с тем же суф. -ina могло содействовать сохранению этой древней деривационной модели, употребление которой в основном характерно для северной части гегского диалектного ареала¹⁴.

Суффиксы с элементом -r-:

*-a-ra-s m. – новоалб. -ar m., произв. -are f. Предполагается также влияние латинских образований с суф. -arius¹⁵.

*-äriā f. – новоалб. -ore f.

*-ära-s m. – новоалб. -or, -uer, -uar.

*-urā f. – новоалб. -urē f.

*-ta-ra-s m. – новоалб. -tar m.

*-tēr m. или *-tära-s m. – новоалб. tor, -tuer, -tuar.

Возможно влияние латинского суф. -tor¹⁵.

Суффиксы с элементом -l-:

*-ula-s m. – новоалб. -ul m., произв. -ule f. Предполагается возможное влияние латин. *-ullus*, *-ulla*¹⁶.

*-ula f. – новоалб. -ulē.

*-uljā f. – новоалб. -ule f.

*-ilā f. – южноалб. диал. -lē f.

Суффиксы с элементом -s-:

*-asa-s m. – новоалб. -ash. Допускается возможность влияния соответствующего славянского суффикса¹⁷.

*-äsa-s m. – новоалб. -osh m., произв. -oshe f.

*-usa-s m. или *-usja-s m. – новоалб. -ush m., произв. -ushe f.

*-usā f. – новоалб. -ushē f.

*-usjā f. – новоалб. -ushe f.

*-isima-s m. – новоалб. -shim, -shēm m.

*-stā f. – новоалб. -shtē f. Предполагается влияние суффикса -ishte f., проникшего из славянской речи вместе с заимствованной лексикой.

Наиболее сложные вопросы встают при попытках реконструкции древнеалбанской морфологической структуры. С самого начала должна быть ясна возможность воссоздания не полной картины парадигм именного склонения, а лицъ некоторых элементов этих парадигм. В настоящее время можно считать установленным факт существования в древнеалбанском языке форманта именит. мн. ч. муж. рода *-i, восходившего к индоевропейскому окончанию *-oi, которое имело местоименное происхождение и заменило собой более древнее окончание именит. пад. мн. ч. тематических основ *-ōs¹⁸. Эта замена совершилась на значительной части индоевропейского лингвистического ареала, включая греческий, латинский,

¹⁴ Там же, с. 207.

¹⁵ Там же, с. 281 и след.

¹⁶ Там же, с. 288.

¹⁷ Там же, с. 209 и сл.

¹⁸ Десницкая А.В. Категория собирательности и категория массы в истории грамматического строя албанского языка. – В кн.: Грамматический строй балканских языков. Л., 1976, с. 33 и сл.

кельтские (частично), славянские и балтийские языки, ср. греч. λύκοι, лат. lyci, ст.слав. вльчи 'волки', лит. uyr-ai, др.ирл. fir (из *wir-oī, ср. лат. vir-ī) 'мужи'.

Рефлексы исчезнувшего форманта *-i сохранились в албанском языке в виде морфонологических явлений (умлаут и фонологизованная палатализация согласных), получивших использование при построении основ мн.ч. муж. рода: ед. dash- 'баран' — мн. desh-, ед. zog- 'птица' — мн. zogī-, ед. plak- 'старик' — мн. pleq- [plek'-], ср. новообразование по этому же типу: ед. konak- 'ночлег, жилье' (тур. konak) — мн. koneq- [kopek'-] и др.

Этот факт имеет особое значение для балканистических исследований, так как позволяет объяснить одну из общих черт в морфологии албанского и восточнороманских языков. Фонетические чередования, обусловленные в восточнороманских языках ассимилирующим воздействием форманта множественного числа -i, восходящего к латинскому окончанию им. мн. II склонения -i, образуют в парадигме существительных муж. рода морфонологическую модель, очень сходную с вышеприведенной албанской. Ср. явление умлаута *a* — *e*: рум.ед. *uăr* 'двоюродный брат' — мн. *ueri*; чередования согласных: рум.ед *brad* 'ель, пихта' — мн. *brazi*, ед. *urs* 'медведь' — мн. *urgi*, ед. *bărbat* 'мужчина' — мн. *bărbați*.

Возможно, что сохранение в восточнороманских языках латинской формы множественного числа с окончанием -i было дополнительно поддержано фактом наличия аналогичной формы в языке-субстрате — дакийском. И далее можно заключить, что эта форма была присуща ряду палеобалканских языков, которые в этом отношении как бы посредствовали между балто-славянским и итало-кельтским ареалами. Характерным для дальнейшего развития данной морфологической модели на албанской почве явилось сходное в албанском и восточнороманских языках оформление схемы противопоставления основ единственного и множественного числа с использованием звуковых чередований, обусловленных процессами палатализации под воздействием форманта -i.

Помимо задачи реконструкции отдельных элементовprotoалбанских и древнеалбанских флексивных парадигм общей задачей исследования в этой области может быть выявление наиболее характерных процессов и тенденций в развитии грамматического строя древнеалбанского языка, прояснение картины того, как на остатки древних флексивных парадигм наслаждались инновации и как происходило создание основ албанской морфологической структуры в том виде, как она засвидетельствована начиная с XV—XVI вв. Методом исследования здесь может быть двухсторонняя реконструкция: а) исходя из выработанной в сравнительной грамматике морфологической модели языка позднеиндоевропейского периода, учитывается состав унаследованных албанских языками индоевропейских элементов, который проецируется затем на древнеалбанский уровень; б) отправляясь от новоалбанского состояния вглубь, производится внутренняя реконструкция инноваций, которые выстраиваются затем в порядке относительной хронологии.

Одним из важных достижений новейшего албановедения явилось установление факта образования постпозитивной именной детерминации (система суффигированных артиклей) еще в древнеалбанский период¹⁹.

Трудно переоценить значение этого открытия для балканистики. Что касается исторической морфологии албанского языка, то образование всей системы парадигм именного склонения, построенной на противопоставлении детерминированных и недетерминированных рядов форм, может получить объяснение только с учетом этой важной инновации, знаменовавшей переход от состояния языка позднеобщиндоевропейского типа (protoалбанский) к собственно албанскому. Поэтому не могут считаться правомерными попытки непосредственного возведения отдельных падежных формантов новоалбанского языка к общеиндоевропейским падежным окончаниям. Реконструкция древнеалбанского состояния, на протяжении которого осуществились переоформление, перераспределение и расстановка по новым семантико-структурным принципам всех унаследованных элементов общеиндоевропейской флексии, а также создались новые средства выражения грамматических противопоставлений (в частности, с широким использованием фонетических чередований), является необходимым этапом всех процедур сравнительно-исторического изучения албанского языка как единственно сохранившегося представителя одной из исчезнувших групп в составе общеиндоевропейской языковой общности.

Для определения характера именной системы древнеалбанского языка очень важно также установление доминирующей роли в этой системе собирательных форм, массовое образование которых наславивалось на остатки старых индоевропейских основ²⁰. Эта инновация оказала большое влияние на дальнейшее развитие албанской именной морфологии, определив собой в значительной мере противопоставление основ единственного и множественного числа, столь характерное для новоалбанской грамматической системы. При экспозиции албанской лексики и морфологии на древнеалбанский уровень роль собирательных имен в системе именного основообразования выступает очень отчетливо.

Одной из важнейших инноваций грамматической системы древнеалбанского языка была потеря категории среднего рода²¹. Вероятно, причины этого были связаны не только с рано начавшимся процессом фонетической редукции конечных слогов, в данном случае окончаний *-s и *-t, имевшим своим результатом утрату формального различия имен мужского и среднего рода. Можно думать и о причинах семантико-грамматического характера. В качестве активно действующего фактора здесь могло оказаться влияние разросшейся категории собирательных имен (с формантами *-ā и его расширенными вариантами), вобравшей в себя определенную часть значений среднего рода.

В дальнейшей истории именных категорий албанского языка интересен факт создания новой категории, связанной со значениями типа собирательности — категории определенной массы, формально выделявшейся с помощью показателя детерминированности -t(ē). Эта категория, не закрепившаяся достаточноочно прочно в грамматической системе современного

¹⁹ См.: Cabej E. Unele probleme ale istoriei limbii albaneze. — Studii și cercetări lingvistice, X, 4. București, 1959, c. 533—534.

²⁰ Подробно см.: Десницкая А.В. Категория собирательности и категория массы в истории грамматического строя албанского языка.

²¹ Там же, с. 70.

албанского языка²², в некоторых отношениях выступает как аналог категории среднего рода. Поэтому некоторые исследователи считают ее, вслед за Г. Педерсеном²³, остатком индоевропейской формальной категории среднего рода²⁴. Для этого, как мне кажется, нет достаточных оснований²⁵.

Осуществившаяся в древнеалбанский период ликвидация общеиндоевропейской категории среднего рода имеет себе примечательное соответствие в истории балтийских языков. Литовский и латышский языки утратили средний род по-видимому очень рано и, как указывает Кр. Станг, "нет возможности восстановить исторический ход этого развития"²⁶. Остатки древнего среднего рода обнаруживаются лишь в памятниках прусского языка.

Отмеченное соответствие может быть интерпретировано на фоне других фактов, говорящих о возможности древних контактов периода позднеиндоевропейской общности между балтийскими и палеобалканскими языками и, в частности, в связи с давно отмеченными албано-балтийскими специальными лексическими соответствиями. Ареальные различия в отношении этого явления в области балтийских языков (раннее исчезновение среднего рода в восточной части области и сохранение его на западной периферии) могут говорить о территориальных границах зоны древних контактов с балтийским ареалом того палеобалканского языка, продолжением которого является албанский. С другой стороны, не ясным пока остается вопрос о том, в какой мере и до какого времени сохранялся средний род в других палеобалканских языках. Изучение этого вопроса не представляется простым и однозначным при учете влияния греческих и латинских грамматических моделей, в соответствии с которыми получали свое оформление палеобалканские ономастические единицы и глоссы.

О том, что в некоторых индоевропейских языках средний род мог относительно рано оказаться слабым местом системы грамматических категорий имени, свидетельствует история поздней латыни и вышедших из нее романских языков. Как указывает И.М. Тронский, первые признаки ослабления категории среднего рода в народно-разговорной речи наблюдаются уже в "Сатириконе" Петronия (I в. н.э.), где "неправильное употребление среднего рода и замена его мужским и женским является одним из признаков языка вольноотпущенников. Впоследствии, с утратой конечных -*m* и -*s*, с переходом *i* > *e*, формальные отличия среднего рода от мужского и женского оказались совершенно ничтожными, и категория среднего рода исчезла. В романских языках среднего рода уже нет и унаследованные из латинского языка существительные среднего рода распределились между двумя сохранившимися родами — мужским и женским"²⁷.

²² *Demiraj Sh. Çështje të sistemit emëror të gjuhës shqipe.* Tirane, 1972, с. 170 и сл.

²³ *Pedersen H. Das albanesische Neutrum.* — Zeitschr. f. vergl. Sprachforschung, Bd. 34, 1897.

²⁴ *Demiraj Sh.* Op. cit., с. 85 и сл.

²⁵ См.: Десницкая А.В. Средний род или категория "определенной массы"? — Балканский лингвистический сборник. М., 1977.

²⁶ *Stang Chr.S. Vergleichende Grammatik der Baltischen Sprachen.* Oslo—Bergen—Tromsö, 1966, с. 179.

²⁷ Тронский И.М. Историческая грамматика латинского языка. М., 1960, с. 136.

Таким образом, обнаруживается, что изоглосса процесса раннего ослабления и исчезновения грамматической категории среднего рода охватывает относительно протяженный ареал распространения индоевропейской речи — от балтийских языков на севере до поздней латыни и романских языков на юге. Албанский язык, происходящий от какого-то из языков палеобалканской области, составляет в этом отношении как бы промежуточное звено.

Можно предполагать, что предпосылки сходного процесса развития могли быть заложены в каких-то общих явлениях периода древних ареальных контактов в пределах еще не распавшейся позднеиндоевропейской общности. Вряд ли, однако, единство причин здесь можно искать в сходных процессах фонетической редукции окончаний, так как для балтийских языков подобное объяснение явно не подходит. Скорее следует искать сходств в области семантико-структурных явлений. Можно думать, что исходным моментом ослабления категории среднего рода мог быть характер ее соотношения с категорией собирательности, принявшей на себя определенную часть значений и функций среднего рода и тем самым содействовавшей ослаблению и вытеснению последнего.

Вопрос этот подлежит дальнейшему исследованию.

В этом кратком наброске программы исследований нет возможности остановиться на вопросах, связанных с изучением древнеалбанской глагольной системы, а также на историко-фонетических вопросах реконструкции древнеалбанского состояния. Отмечу лишь, что в фонетических разделах соответствующих работ, помимо древнейших явлений, характеризующих положение албанского в кругу индоевропейских языков, должны быть предметом изучения также некоторые постоянно действующие явления и тенденции, связанные с конститутивными признаками албанской звуковой системы. Значительное место должно занять описание морфонологических процессов, которые, по всей вероятности, действовали уже в древнеалбанский период и оказали свое влияние на перестройку морфологической структуры албанского языка в связи с процессом редукции индоевропейских флексий.

* * *

В заключение остается заметить, что факты албанского языка, будучи транспонированы на древнеалбанский уровень, в большей мере могут быть использованы как материал для сравнительно-грамматических исследований и также окажутся существенно важным источником сведений в области палеобалканистики.

НАБЛЮДЕНИЯ НАД ОТРАЖЕНИЕМ
ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ СЛОГОВЫХ СОНАНТОВ (*č*, *č̄*, *ñ*, *ṁ*)
В АЛБАНСКОМ ЯЗЫКЕ

Проблема отражения индоевропейских слоговых сонантов в албанском языке, несмотря на все свое значение для албанской сравнительно-исторической фонетики, как и для индоевропейского языкоznания в целом, не имеет пока окончательного решения. Между тем изучение этого вопроса важно и для более широкого круга тем, еще ждущих своего исследования, в первую очередь, для анализа албанского корневого вокализма в целом и для реконструкции апофонических чередований в албанском глаголе и имени.

Наличие большого числа точек зрения на судьбу и.-е. слоговых сонантов в албанском делает необходимой ревизию материала и тщательный анализ конкретных этимологий, породивших разные версии праалбанской сонантной системы. Не имея здесь возможности дать подробный обзор имеющихся мнений, мы отсылаем читателя к наиболее компетентным работам¹ и переходим к обоснованию реконструируемой нами системы рефлексов.

1. Отражение и.-е. кратких плавных слоговых сонантов в албанском можно считать установленным:

и.-е. **ḡ* > *ri* и вероятно, **l̄* > *li* (хотя достоверных случаев, подтверждающих этот рефлекс, по нашим сведениям, не имеется). Это свидетельствует о целым рядом примеров, из которых мы приведем в качестве иллюстрации несколько наиболее убедительных.

алб. *krimb* 'червяк' ~ скр. *kṝmīḥ* то же ~ н.-перс. *kirm* ~ лит. *kirmis* ~ ирл. *cuim*, корн. *pryf* (тембр и под влиянием анлаутного **k*U-), из **k*U*mī*². (Происхождение -*b* в *krimb* неясно).

алб. *bri*, гег. *br̄i* (*br̄i*), пл. *br̄ini* (*br̄ini*) 'рог' — основа **brin-*, швед. диал. *brind* 'Männchen vom Renntier' ~ месс. βρένδον 'элафон'; возможно, еще лит. *briedis* 'лось', слав. *-*bred-*/-*bred-* в некоторых префиксированных образованиях³. Алб. *bri* восходит, по всей видимости, к **bh̄rno-*.

Отражением долгих слоговых плавных, вопреки мнению таких авторитетных исследователей, как Йокль, Георгиев и др.⁴, являются, соответственно, *ur*, *ru* < **ḡ* и *ul* < **l̄*. Это подтверждается следующими примерами:

алб. *grurë* 'пшеница; хлеба, злаки' (гег. *grunë*) ~ др.-инд. *jīrṇāḥ* 'трухлявый, растертый, сморщеный,-старый' ~ лит. *žirnis* 'горошина', лтш. *zīrnis* 'зерно' ~ лат. *granum* 'зерно, ядро' ~ ст.-слав. ЗРЬНО 'коκκиς' (с.-хорв. *zrno*) ~ др.-ирл. *gran* 'зернышко' ~ гор. *kaurn* 'зерно'⁵. *Grurë* восходит к и.-е. **ḡr̄nā*, представляющему собой pluralis исконного **ḡr̄nom* в собирательной функции⁶.

алб. *gurmaz*, *grumaz* 'пищевод, горталь' ~ др.-инд. *gīrṇāḥ* 'проглоченный' ~ лит. (acc.) *gūrkli* 'глотка, зоб' ~ слав. **gordlo* (с.-хорв. *грло*) 'горло' ~ др.-греч. βρωτός 'съедобный', βάραφρον 'ущелье, пропасть, жерло, пасть'. *Gurmaz*, следовательно, продолжает и.-е. **ḡUṝm-* от и.-е. **ḡUer-*⁷. Не исключено, что сюда же относится и алб. *grykë* 'горло, ущелье, кратер' (ср. знаменательные семантические сходства с др.-греч. βάραφρον), долгий вокализм которого (*u* < *ū* вместо *u*) трудно объяснить⁸.

алб. *drudhe* 'крошка (хлеба и т.п.)' восходит к и.-е. *d̥ǵʰh₂- 'а, в ко-
нечном счете, к и.-е. *der₂⁹ (алб. *djerr* 'уничтожаю, теряю' ~ др.-греч.
δέρω 'сдирать' и т.п.); ср. скр. *dīrṇāḥ* 'доли добычи', валл. *darn* 'кусок'
(< *d̥ǵʰno-). С иной степенью вокализма алб. *djerrē* 'невозделанная земля,
пахота' (< *der(ə)na).

алб. *krye* 'голова' продолжает праалб. *ktyuā < и.-е. *k̥t̥yā, образова-
ние на -y- от известного и.-е. названия головы, рога, рогатого животно-
го. С другим расширителем ср. др.-греч. κράνιον 'голова, череп', скр.
cīraḥ, gen. *cīryñāḥ* 'мозг'.

алб. *kilp* 'плющ', *kilpēr* 'дикое выющееся растение' точно соответст-
вует лит. *kilpa* 'петля' и, образуя специфическую балтоалбанскую изо-
глоссу, восходит к и.-е. *k(u)l̥pā, *k(u)l̥po-¹⁰.

алб. *mullēzë* 'желудок (животного)' (*То, что перемалывает) ~ др.-инд.
mūrṇāḥ 'размолотый' ~ лит. pl. *miltai* 'мука' (ср. с иной огласовкой гла-
гольные формы: арм. *malem* 'толку, дроблю', лат. *molō* 'мелю' и др., а также
алб. *mjell* 'мука')¹¹.

алб. *kullusmë* 'чаща, дебри' и связанное с ним *kullos* 'пасти скот' ~ лат.
callis 'горная тропа, лесное пастбище' ~ ср.-ирл. *caill* 'лес', валл. *celli* 'роща
и т.п.'¹².

Следует, на наш взгляд, отказаться от мнения Йокля¹³, искашего
отражения *i, *l̥ в алб. *ar*, *al*. Практически все приводимые в доказательство
этого тезиса примеры свидетельствуют об отражении иных ступеней
огласовки. Так, *i gjallē* 'живой', сопоставляемое с лат. *salvus*, др.-греч. ὄλος
(у которых соотношение огласовок само по себе не имеет очевидного
характера), разумеется, восходит к *soluos; *valē* 'волна' – к *molā (ср.
слав. *valъ < *uelos) и в смысле вокализма несопоставимо с др.-инд.
ūrmīḥ 'волна' и под.; *i parē* 'первый' точно также нельзя прямо сопостав-
лять с скр. *pūrv(i)yāḥ*, ст.-слав. ПРЬВЫЙ и т.п. (из *p̥ru-), а следует, по
Кречмеру¹⁴, видеть в этом слове соответствие др.-инд. *pára-*, греч. Πάρις
и под. с исходной семантикой *der erste, der besté'; труднее для объяснения
алб. *ari* 'медведь', соответствия которого (скр. *r̥kṣaḥ*, др.-греч. ἄρκτος,
лат. *ursus*, арм. *arj*) как будто согласно указывают на нулевую огласовку.
Представляется вероятным объяснение *ari* как раннего иноязычного вкрап-
ления в албанский, однако это предположение требует еще дополнитель-
ного изучения.

Выше мы попытались показать, что в албанском языке тембр гласного
при плавном сонанте (*i* или *u*) соответственно связан с краткостью vs.
долготой соответствующего сонанта в индоевропейском. В этом плане
албанский занимает среди других и.-е. диалектов, которым свойствен
тембр *i* или *u* при сонанте, исключительное положение. В то время как,
например, в балто-славянском отсутствует какое бы то ни было очевид-
ное правило распределения *i/u* в рефлексах плавных сонантов (то же ка-
сается отражения *i, *l̥ в индоарийском), а в германском и итальянском
всюду имеется только задний (губной) тембр гласного (в кельском, нао-
борот, во всех случаях *i, *l̥ отражается с тембром *i*), только албанский
систематически проводит указанную корреляцию. В виду случаев метате-
зы типа *gurmaz/grumaz* уже для праалбанского на раннем этапе его разви-
тия позволительно реконструировать лабиализованную и палатализован-
ную фонемы типа *rʷ < *j и *r < *j̥, что и обусловило впоследствии появ-
ление

ление двойных рефлексов типа *ur/ru*. В пределах настоящей работы невозможно решить вопрос о том, представляет ли собой связь тембра гласного при сонантах и долготы сонанта индоевропейский (диалектный) архаизм или албанскую инновацию, однако, необходимость постановки такого вопроса представляется нам несомненной. В том случае, если указанное явление выходит за рамки собственно албанской языковой истории, данные другим и.-е. языкам (например, балтийских и славянских) представят перед нами в новом свете, а именно, как факты относительно позднего обобщения одного из тембров кратких resp. долгих сонантов на все случаи и дальнейшей контаминации.

2. Вопрос об отражении носовых сонантов в слоговой функции в албанском вызывает, пожалуй, еще большую конфронтацию мнений, чем проблема албанских рефлексов и.-е. **ṛ*, **ṝ*. С одной стороны, налицо ставшее традиционным мнение Йокля и Майера¹⁵, согласно которому **m̥*, **n̥* > алб. *e*, *ēn*, *in*, с другой стороны, гипотеза Фасмера и Барича, поддержанная также Георгиевым, о переходе и.-е. **m̥*, **n̥* в алб. *a* (и, по албанскому умлауту, видимо, также в *e*)¹⁶. Однако сторонники последней, по нашему мнению, единственны верной точки зрения недостаточно убедительно аргументировали свою правоту, ограничившись 2–3 примерами и не обращаясь к интерпретации тех случаев, которые приводились Майером и Йоклем как доказательство рефлексации и.-е. **n̥* > *ēn*, *in*.

То, что именно *a*, а не *ēn* продолжает и.-е. **n̥* в албанском, доказывается наличием в нем своего рода "минимальной пары", которая приведена ниже:

алб. *lag* 'мочить, увлажнять; обливать', *lagur* 'мокрый' ~ алб. *lēng* 'жидкость, сок', дальнейшие и.-е. связи которых остаются не вполне ясными¹⁷, восходят кprotoалбанским формам **l̥ng-*, **l̥Vng-*, где *V* – гласный неизвестного качества. Очевидно, что единственным возможным является предположение о том, что *lag* < **l̥ng-*, *lēng* < **l̥Vng-*.

Из приведенного примера видно, что *a* является рефлексом **n̥*, а *ēn* не может отражать **n̥*. Такая рефлексация **n̥* подтверждается и рядом других, достаточно известных примеров:

алб. *shtatē* 'семь' < и.-е. **sept̥m̥t̥i* с редукцией безударного **e*;ср. вед. *saptā* 'семь', арм. *ewnθ* то же, др.-греч. *ēpta* то же, лат. *septem* то же, др.-ирл. *secht(n-)* то же, гот. *sibun* то же, тох. A. *spat* то же¹⁸.

алб. *gjatē* 'длинный, долгий, высокий' < праалб. **dlato-* < и.-е. **dl̥ighto-* (если бы источником этой формы было **dlonghto-*, ожидалось бы **gandē/gjendē*)¹⁹; ср. гот. *laggs* 'длинный', лат. *longus* 'длинный', а также др.-брит. РН *Loūuos*, галльск. этноним *Loūooostal.ṇt̥w̥i*, восходящие к **dlonghos*²⁰.

алб. *mat* 'устье реки' < и.-е. **m̥pto-*: гот. *tinþs* 'рот, подбородок' (причем др.-англ. *tiþ*, совр. англ. *mouth* также в значении 'устье реки'), лат. *mentum*, 'подбородок; кимр. *mant*' 'челюсть'²¹.

алб. *-zet* в *njēzət* 'двадцать', *dyzet* 'сорок' < праалб. **vsāti-* < и.-е. **qik'þt̥i* с редукцией безударного *i* и умлаутом *a* > *e* (условия, в которых проходил умлаут, остаются неясными, ср. другой результат в той же позиции в случае с *shtatē*); ср. арм. *khsan* < **gisān-* 'двадцать', др.-греч. (дор.) *gíkati* то же, лат. *viginti* то же, брет. *ugent* то же, авест. *vīsaiti* то же, тох. В *ikam* то же²².

алб. *gati* 'готово; почти', *gatit* 'готовить' и т.п. вопреки распространенной точке зрения²³ не является заимствованием из славянского **gotovъ*, **gotoviti*²⁴ и восходит к и.-е. глагольному корню *g^het- 'идти'²⁵, а именно, к форме *g^hemti(*yo-*), откуда также гот. *gaqu̥t̥s* 'собрание', др.-инд. *gatiḥ* 'Gang', авест. *gādi*, младоавест. -*gātis*, др.-греч. βάσις 'ход, шаг', лат. (*in*)*ventio*²⁶.

алб. *esell* 'натощак' в связи с *sillē* 'завтрак' членится на *e-sell*, где *e* < *n²⁷ (с допущением умлаута), тождественно скр. á(jñātaḥ) 'неизвестный', др.-греч. ἀ(γνωτος) то же, арм. *an(canawth)* то же, лат. *i(gnōtus)* тоже < **in(gnōtos)*, др.-ирл. *in(gnad)* то же, гот. *un(kunþs)* то же, возможно, нулевая ступень к *ne.

Из числа примеров, иллюстрирующих переход *n>a, безусловно, следует исключить алб. *afēr* 'близко, около', в котором неверно видеть компоненту *a* как продолжение *n в качестве отрицания²⁸, ввиду форм типа *fare* 'совсем, вполне', *farefis* 'близкие родственники'. Как *afēr*, так и родственное ему *fare* являются, вероятно, романскими заимствованиями²⁹.

Рассмотренные случаи, на наш взгляд, доказывают, что в албанском языке *n>a и, вследствие умлаута, e. Наше рассмотрение было бы, однако, неполным, если бы мы не упомянули те случаи, когда предполагается развитие *n>ēn. На самом деле, во всех этих случаях мы имеем специфическое фонетическое развитие иной ступени вокализма, а именно, праалб. *a, *e (из и.-е. *o, *e, соответственно) в позиции перед сочетанием "носовой согласный + взрывной согласный". Это предположение подтверждается тем, что указанное развитие захватило в праалбанском также и ранние латинские заимствования, например, алб. *kuvēnd* 'заседание, собрание; речь, беседа' < лат. *conventus*, *kēndoj* 'петь' < лат. *cantare*, алб. *mēnd* 'ум' < нар.-лат. *mentem*. Этот процесс, на правах балканской изоглоссы или прямого восточнороманского влияния, невозможно отделить от аналогичного процесса в румынском, где уже для прарумынского реконструируется переход лат. ā, ē в той же позиции в *ə, которое затем дало a, и под влиянием контаминации в некоторых позициях ī, возникшее в румынском на почве славянского адстрата, вместо ожидаемого ā. Ср., например, рум. *cintā* 'петь' < *cantare*, *vînt* 'ветер' < *ventus*, *lînced* 'усталый, слабый' < *languidus*, *cîmp* 'поле' < *campus*, *frâmintă* 'заквашивать' < *fermentare* и т.п.³⁰. Указанный процесс, как будет видно ниже, охватывал в албанском языке и собственно албанскую лексику:

алб. *kēnd* 'угол; место у очага' восходит к праалб. **kantos* < **kant(h)os* и точно соответствует слав. **krotъ* 'угол' и пр.

алб. *dhēndēr* 'жених, молодожен, зять' из праалб.. **dent-* < и.-е. *g^hen-(ə)t- тождественно лит. *zéntas* 'зять', слав. **zētъ* то же, лат. глоссовое *genta*.

алб. *dhēmb* 'зуб' < праалб. **damb-* < и.-е. *g^hombhos (к *g^hon-bhos *'выступ, выросшее'); с тем же вокализмом ср. лит. жемайт. *zāmbas* 'острый предмет, мыс, грань балки', слав. **zobъ* 'зуб', др.-инд. jám̥bas 'зуб, пасть', др.-греч. γόμφος 'колонычек', др.-в.-нем. *kamb* 'гребень', тох. A *kat*, тох. B *kete* 'зуб'³¹.

Примеры этого рода могут быть умножены. Подводя итоги нашего анализа, необходимо остановиться еще на алб. *emēr* 'имя', продолжающем, в конечном счете, и.-е. *(o)nōm̥. Не исключено, что -ēr (гег. -ēn) отражает

в данном случае и.е. конечное безударное *ŋ. В таком случае, налицо свидетельство того, что в этой специфической позиции *ŋ > ēn, однако этот единственный пример недостаточно надежен ввиду позднего характера ēn-ēr в большом количестве албанских имен, где оно не имеет генунинного характера. Таким образом, албанский, по-видимому, не различая долгих и кратких слоговых, отражает их так же, как индо-иранский и греческий.

Подводя итоги настоящей работы, мы приходим к следующему:

а) и.е. r, (l) > алб. ri (li?);

б) и.е. ū, ū > алб. ur, ru, ul;

в) и.е. n, m > алб. a (e по умлауту)

г) праалбанские *a, *e (как из и.е. *o, *e, так и из лат. a, e) развились в албанском (под влиянием аналогичных процессов в восточнороманском) в позиции перед сочетанием "носовой + взрывной" в e;

д) рефлексация *ŋ, *m в безударном слоге остается малоизученной, однако, возможно, безударное *ŋ в ауслауте давало -ēn-ēr.

П р и м е ч а н и я

¹ Barić H. Istorija arbanaskog jezika. Sarajevo, 1959, s. 23; Idem. Lingvistické studije. Sarajevo, 1954; Vasmer M. Studien zur albanischen Wortforschung. – In: Acta et commentationes Universitatis Dorpatensis, I. Dorpat, 1921; Mann S.E. The Indo-European Semivowels in Albanian. – Language, 1941, v. 17, N 1; Jokl N. Die Verwandschaftsverhältnisse des Albanischen zu den übrigen indogermanischen Sprachen. – Sprache, 1963, Bd. 9, N 2, S. 113–156; Ćabej E. Fonetika historike. – In: Ćabej E. Studime gjuhësore, III. Prishtinë, 1977, f. 145; Georgiev Vl. Probleme der historischen Lautlehre des Albanischen. Die Vertretung der ide. Gutturale und der sonantischen Nasale. – In: Akten der internationalen albanologischen Kolloquiums, Innsbruck, 1972. Innsbruck, 1977, S. 232–233.

² Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch, I. Bern, 1949, S. 649.

³ Там же, с. 168–169; см. еще: Топоров В.Н. Прусский язык. А – Д.М., 1975, с. 244 сл., где подробная литература.

⁴ Jokl N. Op. cit.; Ćabej E. Op. cit. f. 145; Георгиев В. Българска етимология и ономастика. София, 1960, с. 115.

⁵ Pokorny J. Op. cit., S. 391.

⁶ См. об этом: Schmidt J. Die Pluralbildungen der indogermanischen Neutra. Weimar, 1889.

⁷ Pokorny J. Op. cit., S. 474 f.

⁸ Неясные отношения связывают grykē с лит. gūrkli, kl которого, без сомнения, правильно отражает -tl-. В свете известных фактов о балто-албанских связях в алб. grykē можно видеть форму, косвенно связанную с литовской.

⁹ Pokorny J. Op. cit., S. 206 f.

¹⁰ Там же, с. 639.

¹¹ Не подвергая сомнению латинское происхождение алб. mulli (< *mollinam) необходимо подчеркнуть, что в формировании его фонетического облика скорее всего приняли участие и исконно албанские формы, соотносимые с глагольным корнем *mel-.

¹² Pokorny J. Op. cit., S. 524.

¹³ Jokl N. Op. cit., S. 121.

¹⁴ Kretschmer P. Einleitung in die Geschichte der Griechischen Sprache. Göttingen, 1896, S. 185, прим. 1.

¹⁵ Jokl N., Op. cit., S. 120; Meyer G. Albanesische Studien III. – Sitzungsberichte der Akademie der Wissenschaften in Wien, philosophisch-historische Klasse, 1892, Bd. 125, S. 42.

¹⁶ Vasmer M. Op. cit.; Barić H. Op. cit., s. 23; Georgiev Vl. Op. cit., S. 232–233.

¹⁷ Представляется интересным сопоставление этих слов со слав. *logъ во всем многообразии значений последнего.

- ¹⁸ Pokorný J. Op. cit., S. 909.
- ¹⁹ См. Георгиев В. Указ. соч., с. 116.
- ²⁰ Pokorný J. Op. cit., S. 197.
- ²¹ Там же, с. 726, 732.
- ²² Там же, с. 1177.
- ²³ Ср.: Meyer G. Etymologisches Wörterbuch der albanesischen Sprache. Straßburg, 1891 S. 121; Jokl N. Zur Geschichte des alb. Diphthongs -ua-, -ue-. – Indogermanische Forschungen, 1931, Bd. 49, S. 290 ff.
- ²⁴ См. этимологию слав. *готувъ* у О.Н. Трубачева: Prace filologiczne, 1964, XVIII, cz. 2 s. 153 ff.
- ²⁵ Pokorný J. Op. cit., с. 463.
- ²⁶ Семантическое обоснование связи значений "идти" и "готовый" см.: Трубачев О.Н. Указ. соч. Оно приложимо и к алб. слову, которое, как видно из нашей этимологии, лишь косвенно связано со слав. **готувъ*.
- ²⁷ Baric H. Lingvistické studije. Sarajevo, 1954, s. 16 f.
- ²⁸ Ćabej E. Studime rreth etimologjisë së gjuhës shqipe. – In: Ćabej E. Studime gjuhësore I. Prishtinë, 1977.
- ²⁹ А именно наследуют рум. *afără* 'снаружи, вне', *fără* 'без, кроме' (с развитием значения 'вне' → 'вблизи' и 'вне' → 'без') или их 'незасвидетельствованным балканороманским эквивалентам.
- ³⁰ См.: Istoria limbii române, f. 2. Bucureşti, 1969, p. 294–308.
- ³¹ Pokorný J. Op. cit., S. 369.

В.Э. ОРЕЛ

ВОПРОСЫ СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ГРАММАТИКИ АЛБАНСКОГО ЯЗЫКА

Албанская сравнительно-историческая грамматика пока находится в стадии поиска и разработки и еще очень далека от того уровня точности и подробности, который предполагается необходимым на нынешнем этапе развития индоевропеистики. Значительные пробелы обнаруживаются в реконструкции раннеалбанской морфологии, как именной, так и глагольной, не говоря уже о (сравнительно-) историческом синтаксисе.. Впрочем, весьма несовершенно восстановлен к настоящему времени и низший лингвистический уровень – раннеалбанская фонология; проблемы последней и рассматриваются преимущественно в настоящей работе.

I. И.-Е. *d(h), *g(h) В АЛБАНСКОМ

Согласно традиционным воззрениям и.-е. *d(h), *g(h) отражаются в албанском двояко: как *d* и как *đ* (орфографическое *dh*), например, *dy* 'два' < *duō, *bredh* 'прыгать, бродить' < *bhredh; *desh* 'хотеть, любить' (аор.) < *geus-, *dhemb* 'зуб' < *gompho-, *dyll* 'воск' < *ghulo-, *vidh* 'вяз' < * ȝi(n)ȝh. Отражения соответствующих глухих не дают ожидаемой симметрии: регулярно *t > t, *k̥ > ڻ (орфографическое *th*). Что касается аномальных случаев типа *sorrë* 'ворона' < *korn-, *vis* 'место' < *ceik̥, то они уже не раз подвергались сомнению и, в частности, довольно удачной этимологической ревизии¹.

Правдоподобное распределительное правило, объясняющее двойную рефлексацию негубных звонких и звонких придыхательных, предложено Манном²: *d и рано совпавшее с ним *dh сохраняются в альяуте и

переходят в межзубный -d- в интервокальной позиции. Если более точно охарактеризовать позицию спирантизации как интервокальную или позицию между гласным и сонантом, "правило Манна" окажется справедливым для большинства случаев, притом не только для *d(h), но и для *g(h). Правда, при этом "в остатке" обнаруживается некоторое число исключений, которые нуждаются в объяснении и, в то же время, служат ключом к объяснению осуществившегося в албанском фонетического развития.

Прежде всего приведем примеры, подтверждающие "правило Манна" в указанном выше расширительном понимании.

Случай начала слова: *d(h), *g(h) > d. *Ditē* 'день' < *ditā, *dritē* 'свет' < *drktā, *dy* 'два' < *dyō, *djeg* 'жечь' < *dhegwhō, *dege* 'ветка' < *dhoighā³, *djathṭē* 'правый' < *deksti-, *deshā* 'хотеть, любить' (аор.) < *geus-, *djep* 'колоыбель' < *geub(h)o-, *das(ē)mē* 'свадьба' < *damēsē < *gamatiā, *dorē* 'рука' < *ghēra, *dimēr* 'зима' < *ghēimen-, *dyll* 'воск' < *ghūlo-, *dardhē* 'груша' < *gh(ŋ)rdā, *derr* 'свинья' < *ghoiro-, *dje* 'вчера' < *(d)h)ghe-.

Перечисленным примерам противостоят случаи фонетического развития в неначальной позиции между двумя гласными или гласным и сонантом: *gardh* 'изгородь' < *ghor-d(h)o-⁴, *bredh* 'прыгать, бродить' < *bhredhō, *lodh* 'утомлять' < *ledō, *vjedh* 'красть' < *ueghō, *erdh* 'testiculus' < *orgho-, *mardha* 'замерзать' (аор.) < *morgh-, *vidh* 'вяз' < *ui(n)gho-, *dardhē* 'груша' < *gh(ŋ)rdā⁵, *madh* 'большой' < *mag(h)o-, *lidh* 'связывать' < *ligō.

Указанным случаям, обнаруживающим вполне четкое распределение рефлексов в зависимости от позиции, противостоят две группы слов, обнаруживающих нерегулярное развитие, противоречащее изложенному выше правилу. Прежде всего, это лексемы, у которых в азлауте *g>dh; *dhallē* 'снятое молоко' < *galā⁶, *dhēndēr* 'жених' < *genat-, *dhēmb* 'зуб' < *gompho-. Однако при ближайшем рассмотрении это несоответствие оказывается мнимым, а перечисленные три слова — продолжающими свои индоевропейские прототипы регулярным образом.

Действительно, в том, что касается *g, дистрибутивная антитеза строится на лексемах, этимологии которых нельзя признать достоверными. Сравнение *djep* 'колоыбель' с формами типа слав. *zybъ (Фасмер II, с. 109) некорректно: алб. *r* не может продолжать и.-е. *b(h), а *-je-* ни в коем случае не восходит к дифтонгу на *-i*. У этого слова имеется куда более вероятная этимология (принадлежащее Чабею удачное сопоставление с греч. δέπας, мик. di-pa 'кубок'⁷). Недостаточно надежным оказывается, ввиду новых этимологических реинтерпретаций, и возведение *das(ē)mē* 'свадьба' к и.-е. *gem- (греч. γαμέω)⁸.

Большие трудности представляет вопрос об алб. *du/h)a* аор. *deshā* 'хотеть, любить', традиционно сравниваемом с греч. γεύω, ἔγεοσα 'давать, вкушать', мед. 'вкусить', 'пробовать', к и.-е. *geus⁹. Помимо некоторых пренебрежимых формальных отличий албанского слова, оно характеризуется значительным удалением от своих гипотетических соответствий в плане содержания. Весьма вероятно, что для алб. *du/h)a* более ранним является значение модальности (что, кстати, следует из набора значений возвратной формы *duhem* 'любить друг друга, быть нужным, долженствовать'), — это чувствовал Г. Мейер, ошибочно выводивший данные албанские формы из лат. *debet*¹⁰. Однако и значение долженствования затрудни-

тельно счесть первоначальным, хотя оно и является ранним. Такая эволюция значения заставляет нас отказаться от мысли о том, что семантическое развитие *duha* типологически сходно с судьбой лат. *quaerō* в романских языках, и предпочтеть семантическую реконструкцию того типа, которой отвечают такие, например, обороты, как англ. *to long to, to like to*. Полностью сознавая сравнительную слабость любой семантической аргументации, мы все же откажемся в данном случае от традиционной этимологии, предпочитая возводить алб. *duha, desha* к и.-е. **dhu-s-/dheu-s-*, с апофоническим чередованием *θ* – **e*. Этапы семантического развития здесь могут быть намечены в явном виде, с одной стороны, однокоренным греч. гом. θύω 'бушевать, устремляться' (о воде и т.п.), 'бросаться', и с другой стороны, также однокоренным сдав. **dumati* во всем многообразии значений последнего¹¹. Греч. θύω формально полностью тождественно (за вычетом флексии) алб. *duha*. Таким образом, примеры на **g* выходят, строго говоря, за пределы интересующей нас проблемы, поскольку **g* > *dh* независимо от позиции в слове.

Прежде чем перейти к обсуждению второй группы примеров, содержащих нерегулярные рефлексы, рассмотрим имеющиеся в нашем распоряжении позитивные данные так, как если бы противоречий им материал (о котором см. ниже) отсутствовал.

На чисто фонологическом уровне (описание позиционных условий) ситуация представляется довольно простой: в анлауте **d(h)* и **gh* отражаются в виде взрывного *d*, а в середине слова, после гласной и перед гласной или сонантом – в виде спиранта *dh*. Типологически сходные случаи как известно, имеются в германских (готском) и романских языках. Однако попытка диахронического объяснения подобной дистрибуции в албанском наталкивается на ряд ощущимых трудностей. Прежде всего, типологически маловероятно праалбанское единство процесса, давшего указанное распределение, для **d(h)* и **gh*: это, следовательно, сравнительно позднее совпадение исторически различных изменений. Будь это единый процесс, совершенно неясно было бы, почему им не охвачено **g*. Неизвестны, кроме того, ни его направление (спирантизация или деспирантизация?)¹², ни промежуточные этапы. Эти вопросы, однако, могут быть сняты, если за внешним сходством увидеть два фонологически и хронологически отличных явления. Первое – это спирантизация раннеалбанских взрывных **b*, **d*, **g* в неначальной позиции, позиционно напоминающая, например, обратный процесс в готском¹³. На первый взгляд, это явление может показаться не вполне регулярным, однако здесь несомненно есть своя закономерность (о чем см. подробно ниже). Этот процесс начался, во всяком случае, после возникновения албано-романских контактов, поскольку в ранних румынских заимствованиях из албанского алб. *dh* (из раннеалб. **d*) отвечает рум. *d*: алб. *gardh*; рум. *gard* 'зabor', алб. *shkardhë*; рум. *zgardă* 'ошейник, цепь для собаки', алб. *urdhë*; рум. *urtă* 'сыр, творог'¹⁴, в то время как некоторые албанские заимствования из романского содержат *dh* на месте *d* (ср. *urdhër* 'порядок' < *ordinem*).

От этого, сравнительно позднего процесса, индуцированного хотя бы отчасти восточнороманской фонетической эволюцией, необходимо отличать другой, ранний: спирантацию палатальных **g* и **gh*. Этот процесс

несомненно предшествовал описанному выше, причем на промежуточной стадии палатальные трансформировались в аффрикаты (откуда затем интердентальный спирант), что доказывается албанорумынскими соответствиями типа рум. *barză*, *bardz* 'серый, седой': алб. *bardhë* 'белый', рум. *mazăre* 'горох': алб. *modhullë* то же¹⁵. Эти раннеалбанские заимствования в восточнороманский указывают тем самым на то, что в эпоху интенсивных албано-романских контактов индоевропейские палатальные уже преобразовались в аффрикаты. Впоследствии результаты спирантизации звонких взрывных совпали с этими аффрикатами в одном спирантне в начальной позиции, а в начале слова (и после *-n-*) часть аффрикат утратила свой свистящий элемент.

Таким образом, для раннеалбанского необходимо предположить различную рефлексацию **g* (> *dz) и **gh* (> *dž)¹⁶, свидетельствующую – для раннего этапа – об остаточном различении придыхательного и непридыхательного звонких. Мы можем теперь предложить следующую схему фонетической эволюции в раннеалбанском:

- I. **g* > *dz, **gh* > *dž
- II. **dž-* > *d-
- III. **dz, *dž* > *d-
- IV. **-d-* > **-t-*

Отклонения от реконструированной выше диахронической модели могут, очевидно, объясняться двояко: утратой позиции, мотивированной спирантизацией, или возникновением сходных с аффрикатами звукокомплексов внутри слова. Примером первого типа может служить аористная форма *dhashë* 'давать'. В связи с алб. *hëngra* (аор.) 'есть' уже указывалось на реликты аугмента в албанском¹⁷; в данном случае мы, возможно, имеем еще одно подтверждение этой мысли: ср.др.-инд. *adāt*, арм. *et*, греч. *έδωκε*. В албанском аугмент создавал для **d* интервокальную позицию (затем под форму аориста подстроилось и производное от основы аориста причастие – *dhënë*). Начальное предударное **e* затем закономерно отпало.

В другом месте было показано, что алб. *dhe* 'земля' восходит к форме **dhēghōt* с последующей, уже на албанской почве, редукцией корневого (безударного) **e*¹⁸. После того как редукция осуществилась, раннеалб. **dedzē(m)* должно было преобразоваться таким образом, что в начале слова сформировалась новая аффриката, перешедшая затем в спирант. Сандхи можно объяснить и алб. *dhjetë* 'десять' < и.-е. **deḱpti*¹⁹, поскольку начальное **d* регулярно оказывалось в позиции между гласными в составных числительных от Г1 до 19 (ср. *një-mbë-dhjetë* 'одиннадцать').

Описанная выше позиционная закономерность, подтверждаемая, вообще говоря, даже минимальными парами типа *ditë* 'день': *gdhijnj* 'светать' < **ko-dinjō*, представляет интерес и сама по себе, поскольку бросает свет на предысторию албанских межзубных, и потому, что обнаруживает глубокий архаизм раннеалбанского состояния. Возвращаясь в конце настоящей заметки к предложенной выше схеме, мы можем сказать, что если первый ее этап представляет типичный для "сатемного" языка ранний распад индоевропейской системы палатальных, второй – отражает своеобразный процесс деаффрикатизации, связанный в конечном счете с судьбой индоевропейского спиранта в албанском (о чем – особо в дру-

гом месте), третий (если только он не проходил параллельно четвертому) демонстрирует создание новой системы спирантов, то четвертый этап уже прямо связан с собственно "балканскими" чертами албанского языка и неотделим от других фактов, говорящих в пользу глубокого и достаточно продолжительного взаимодействия с балкано-романским.

2. ИЗ ИСТОРИИ РАННЕАЛБ. **b*, **d*, **g*

Выше мы сделали попытку очертить явление спирантизации раннеалб. **d* < и.-е. **d(h)* и связать его со сходными процессами в романских языках, по крайней мере, в типологическом, если не в интерференционном плане. С поправкой на перечисленные выше процессы, а также некоторые малосущественные комбинаторные изменения²⁰, албанские продолжения индоевропейских велярных и лабиовелярных (последние — перед гласными заднего ряда) предстают перед нами в облике, напоминающем балтийский или славянский тип: **p* > **p*, **t* > **t*, **k*, **kʷ* > **k*, **b(h)* > **b*, **d(h)* > **d*, **g(h)*, **gʷ(h)* > **g*.

Эта картина, в целом отвечающая действительности, нуждается, однако, в некоторых поправках, значение которых не следует преуменьшать. Наряду с регулярными случаями развития звонких взрывных в интервокальном положении²¹, типа алб. *shteg* 'тропинка' < **stoigho-*, *bredh* 'прыгать, бродить' < **b(h)redhō*, *djeg* 'жечь' < **dhegwhō*, в албанском наблюдаются и аномалии, когда в словах с безусловно достоверными этимологиями в той же позиции вместо ожидаемых рефлексов взрывные звонкие дают Ø.

Здесь мы приводим сводку таких случаев: *ba(h)e* 'праща' < **bhoudā* (ср. герм. **bautan* 'бить' и под.; см. Çabej I, с. 47), *bē* 'клятва' < **bhoidhā* (ср. лат. *foedus*, слав. **běda* и под.; Meyer EWA, S. 30)²², *dēt* 'море' < **dheu-bheto-* (к и.-е. **dheubh-*, ср. гор. *diups* 'глубокий' и под.)²³, *drā* 'вытопки' < **droghā* (ср. прусск. *dragios* 'дрожжи' и под.; см. Meyer EWA, S. 72), *dhi* 'коза' < **dīghā*. (ср. нем. *Ziege* Meyer EWA, S. 85)²⁴, *kīj* 'подрезать виноград' < **kodhinjō* (Çabej I, с. 283), *lē* 'легкий' < **legwhu-* (ср. лат. *levis* и под.; Meyer EWA, S. 239–240)²⁵, *luaj* 'играть, двигаться' < **ledoniō* (ср. др.-ирл. *luaid* 'двигать'; Çabej I, с. 324), *mpij* 'замораживать' < **en-paginjō* (к греч. *πάγος*; см. Çabej I, с. 354–355), *rrush* 'виноград' < **(s)ragusio-* (ср. греч. *ῥάξ* 'гроздь'; Çabej II, с. 103; как известно, *rrush* тождественно далм. МН *Ragusium*), *uēj* 'вода' < **uda* (ступень редукции, как в греч. *ὕδωρ*; эта реконструкция, предложенная в Çabej II, с. 239, удачно заменяет маловероятное **udniā*: **uda* > **uē* > *uēj*), *vā* 'брод' < **quadho-* (ср. лат. *vadum*)²⁶, *vē* 'вдова' (ср. лат. *vidua* и под.)²⁷, *zi* 'черный' < **gʷedh(i)o-* (ср. слав. **gaditi* и под.; Pokorný I, S. 484; Jokl N. Op. cit., S. 100 f.)²⁸.

Как нам представляется, разгадка этой странной аномалии скрыта в указанных выше глагольных формах (типичных для албанского словаобразования) на -*Vnīō*. Для этого класса глаголов в албанском реконструируется постоянное ударение: -*Vnīō*. Таким образом, в трех случаях: *kīj* < **kodhinjō*, *luaj* < **ledoniō*, *mpij* < **en-paginjō*, интересующие нас звонкие взрывные находятся в положении перед ударным гласным²⁹. С положением тона (вернее, уже с сохранившимся в албанском местом

индоевропейского ударения) за звонким взрывным, очевидно, можно связать также *vē* < **uidhēyā* (др.-инд. *vidhávā*)³⁰, *bē* < **bhoidhā*, где место ударения устанавливается по слав. **bēda*, *lē* (др.-инд. *laghū* - 'легкий'), возможно, *r̥rush* на основании идентичного ему *Ragusium*. Для остальных случаев установление места тона по тем или иным причинам оказывается затруднительным, что касается *ijē*, то есть основания считать это слово противоречащим примером (в том случае, конечно, если приведенная этимология верна). Вместе с тем, большинство примеров, имеющих достоверную этимологию с достоверно определимым местом индоевропейского тона, бесспорно указывает на тенденцию к выпадению звонких взрывных в интервокальном положении перед ударным гласным. Этот процесс, к слову, носит достаточно поздний характер, уже после редукции безударного **a* < *ē*, что следует из характера контракции гласных; это, в свою очередь, объясняет сохранность места ударения в албанском в ряде других случаев³¹.

В том случае, если бы наша гипотеза оказалась верной, наиболее вероятной промежуточной ступенью развития могли бы быть спиранты. Собственно, наличие одного такого спиранта – интердентального – факт и современного албанского языка. Как мы убедились, в позиции между гласными, перед ударным гласным он не сохранился. Однако на месте ожидаемых спиранизированных **β*, **γ* мы находим в интервокальной позиции исключительно *b* и *g*, или, в описанных выше условиях, *ɣ*. Нам представляется, что предположение о вторичной деспирантизации интервокальных **β*, **γ* было бы слишком смелым, так как, будучи вероятным типологически, оно не подтверждено и не может быть подтверждено материалом: поэтому здесь мы ограничимся лишь упоминанием такой возможности³². Нетрудно видеть, что описанный здесь процесс представляет собой развитие той системы консонантизма, которую мы описали в предыдущем эпизоде³³.

3. И.-Е. *e в АЛБАНСКОМ³⁴

И.-е. ударное **e* отражалось в албанском как в виде *je/ie, ja*, так и в виде *e*. Объяснение этой сложной рефлексии давно искали в позиционной обусловленности исходного **e*³⁵, и предположение это, видимо, не лишено оснований. С другой стороны, давно известно и общее сходство развития и.-е. **e* в албанском и вульг.-лат. **e* в румынском (> *ea, ie*). Наконец, некоторые ученые пытаются установить аналогию с фрак. *ie* < **e*³⁶. Поскольку, однако, все это весьма гипотетично и часто носит характер допущений, кажется необходимой сплошная ревизия материала, связанная с развитием ударного и.-е. **e* в албанском.

Во избежание недоразумений следует оговорить случаи, не включенные в нижеследующий перечень. Это, конечно, лексемы, содержащие дифтонгические сочетания, а также и.-е. б, дававшие в албанском *e*. Далее, это именные формы, где появление *e* обусловлено албанским умлаутом и где, следовательно, первоначально было **o*. Наконец, исключены случаи нейтрализации, когда рефлекс **e* неопределен (например, после палатальных, в частности, *gj*), и некоторые другие случаи с вариантностью *-e/-je-* (в одной и той же лексеме).

а. И.-е. *e > ie, je³⁷

Bie 'нести' < *bherō, bjeshkē 'горная местность' < *bherskā, diell 'солнце' < *dhel(n)jō³⁸, dje 'вчера' < *dhgħes, djeg 'жечь' < *dhegħwħo, djerr 'уничтожать' < *dernō, dhjes 'cacare' < *dherktiō³⁹, dhjetē 'десять' < *dekmti-, jemi '(мы) суть' < *es-mo-, mbjell 'сеять' < *en-pelnō, miel, mjel 'доить' < *melgħo, mjedħer 'малина' < *merd(h)jā, mjekér 'подбородок' < *smekru, mjell 'мука' < *melaq-, ndiej 'чувствовать' < *en-tegnjō, ndjek 'следовать', 'гнаться' < *en-tekō, njeri 'мужчина' < *ner-, pērpjiet 'круча; наверх' < *per-petā, [pēsh] tjerē 'внизу' < *-ter-, pjek 'печь' < *pekʷ-, pjerdh 'furzen' < *perdō, qer 'шить' < *kepō⁴⁰, rrjedh 'происходить; капать' < *reghō, sjell 'привозить, вертеть' < *kʷelō, shqer 'разрывать' < *skerō⁴¹, shtjell 'наматывать' < *stel(n)jō, shtjerrē 'баран' < *sterq-, tjerr 'прясть' < *ter-(kʷn)jā, tjerē 'другие' < *etér- tjetér 'другой' < *-éter, ujedh 'расть' < *ueghō, vjeherr 'свекор' < *suekru-, vjer 'висеть' < *suerō, vjeshtē 'осень' < *uelstā, vjet 'год' < *uetō-, z-vjerdh 'отнимать от груди' < *-uegħo⁴².

б. И.-е. *e > ja

*Djalē 'мальчик' < *dhelā, djathē 'правый' < *deķsti-, fjalē 'слово' < *spelā, gjalmē 'бечевка' < *gelmā⁴³, gjanj 'найти' < *għwenjō, jam '(я) есмь' < *esmi, jashtē 'вне' < *eksti-, mjal(tē) 'мед' < *meli(t), ngjalē 'угорь' < *angħelā, pjalm 'тонкая мука', zjar(m)ē 'огонь' < *għher(m)ā, dhjamē 'сало' < *demā (?).*

в. И.-е. *e > e

*Bredh 'ель' < *bhregō-, bredh 'бродить, прыгать' < *bhre-dhō, dre 'олень' < *dreni-, dhelpēr 'лиса' < *gelpin-, kreh 'причесывать' < *ghrebhskō, le 'легкий' < *legħwu-, lej 'рождаться' < *leghnjo, lende 'желудь' < *(g)len-, mbledh 'собирать' < *legħo, ngreh 'поднимать' < *engreskō, regj 'пропитывать шкуры' < *regnjō, rend 'бежать' < *ren(t)-, resh 'идти' (о снеге), ter 'сушиться на ветру' < *tersō⁴⁴, them 'говорить' < *kensmi, verr(ē), 'ольха' < *ueerno-, vesh 'одевать' < *uesiō, vetē 'свой' < *uetō⁴².*

За вычетом ter 'сушиться на ветру', rrjedh 'капать', форму которых мы не можем объяснить ничем, кроме неясных вторичных процессов, перед нами довольно ясная картина распределения. Выше мы уже говорили о нейтрализации рефлексов после палатальных (*q-*, *g-* — последнее, в частности, из и.-е. **r*). Нечто подобное мы имеем и при начальных и.-е. **k*, **g*, давших *th-*, *dh-*: здесь однако процесс нейтрализации еще не завершен и проявляется, в частности, в варианности (диалектной) в пределах одного слова, как, например, в *th(j)er* 'чеченица' < *kero⁴². Поскольку различие между *-je-* и *-ie-* имеет, как было сказано выше, диахронический характер в том смысле, что исторически *-ie-* > *-je-*, нас интересует характер распределения только между *ie/je*, *ja* и *e*, которое, при всех указанных ограничениях, сводится к следующему: **e* > *e* только после *r*, *l*; **e* > *ie/je*, *ja* во всех остальных случаях. Сложнее ответить на вопрос об условиях появления *ja* в отличие от *ie/je*, для чего, однако, наличный материал недостаточен. Некоторые из приведенных фактов как будто указывают на тенденцию к переходу **e* > *je* в тех случаях, когда следующий слог содержит *-i*. Если эта тенденция реальна, существительные, отне-

сенные в разделе (б) к основам на *-ā*, должны были бы быть рассмотрены в качестве основ на *-i*, что не противоречит фактам албанской фонетики и морфологии (поскольку тематическое *ā*, как и *-i*, отразилось в виде алб. *-ë*). В то же время возникает необходимость в момент рассматриваемого фонетического перехода предполагать правило, запрещающее расподобление *je - i > ja - i* в том случае, если корневой слог закрыт (иначе необъяснимо развитие **e* в глаголах на *-njo*).

Описанный процесс, как нетрудно заметить, чрезвычайно напоминает эволюцию вульг.-лат. **e* в румынском, где оно отражалось как *e* только после *r*, а в остальных случаях, через стадию **i*_e, давало *ie*, причем, если последующий слог содержал *-e*, как правило, происходило расподобление *-ie* в *-ea*⁴⁵,ср. *grevet* > *greu*, *pesti-* > *piept*, *serpe(m)* > *şarpe*. Как же соотносится развитие и.-е. **e* в албанском и лат. *ę* в румынском? Нам представляется, что здесь полезна аналогия из области лексики, где раннеалбанские заимствования в восточнороманский сохраняют более консервативный облик именно в румынском, а не в албанском (ср. хотя бы выше о сохранении в румынском раннеалбанских аффрикат). В интересующем нас случае правила эволюции *e* в румынском практически целиком повторены албанским развитием и.-е. **e*, с присовокуплением некоторых дополнительных шагов в развитии: обобщение позиции, в которой сохраняется *e*, на *l*; эволюция *-ie* в большинстве случаев в *-je*. Если вспомнить о том, что процесс дифтонгизации вульг.-лат. *ę* не является исключительным достоянием румынского, но распространяется, в той или иной степени, и на другие романские языки (французский, испанский, итальянский, в котором, однако, *ę* сохранилось после *n'*, *l'*, *č*, *dž*, аналогично румынскому и албанскому, сохраняющим *e* после палatalных и мягких аффрикат), мы придем к закономерному выводу о том, что характер развития и.-е. **e* в албанском — результат восточнороманского языкового влияния.

В свете принятого нами сближения раннеалбанского и фракийского⁴⁶ этот вывод вступает в ощутимое противоречие с распространенным мнением о том, что уже фракийский знал колебание *e/je* (*ε/η/ιε*)⁴⁷. Чтобы проверить это положение, мы осуществили сплошной просмотр словаря Д. Дечева⁴⁸, причем выяснилось, что в огромном фракийском ономастиконе, где число лексем, содержащих исконное **e*, конечно, очень велико, пресловутое колебание *e/je* обнаруживается всего в шести случаях, причем как раз в тех, которые уже давно используются для доказательства мысли о и.-е., **e* > фрак. *e* > *je*: Βέσσοι—Βέσσοι, Κέφρος—Κάφρος, οκιάρη, Κίερος, Δίερια, Τέραπος⁴⁹. На самом деле, как видно из данного перечня, только два первых примера действительно отражают колебание этого типа, однако, тот факт, что не доказан их диахронический характер, а греческая транскрипция фракийских лексем изучена пока недостаточно, мы должны сделать вывод о том, что — по соображениям чисто количественного порядка — имеем дело с сугубо спорадическими изменениями. Изменение **e* > *je* было фракийскому неизвестно. Если албанский действительно, как мы считаем, наследует одному из фракийских диалектов, описанное нами изменение произошло уже после эпохи письменной фиксации фракийского, что хорошо согласуется с нашей гипотезой о романском источнике данного фонетического явления.

П р и м е ч а н и я

- ¹ См. в частности: *Jokl N. Beiträge zur albanischen Grammatik.* – IF, 1912, Bd. 30, S. 192 ff.
- ² См.: *Mann S.E. The Indo-European consonants in Albanian.* – Language, 1952, v. 28, N 1, p. 31–40.
- ³ Обоснование реконструкции **dhoigh-* в противовес традиционной – **duoighā* (*Pokorny I*, S. 230) см.: *Орел В.Э. К истории развитияprotoалбанского *d̥w-*. – Античная балканистика. 3. Языковые данные и этнокультурный контекст Средиземноморья. Предварительные материалы. М., 1978, с. 37 сл.
- ⁴ Это слово, вызвавшее в свое время ожесточенную полемику, следует все же признать исконно албанским. Подробную аргументацию см.: *Çabej E. Studime gjuhësore*, t. 1. *Prishtinë*, 1976, с. 205.
- ⁵ Эта общепризнанная этимология в свете сказанного ниже по вопросу об относительной хронологии фонетической эволюции в албанском ставит под сомнение реальность сопоставления *dardhē* – Δαρδανία (см.: *Hahn G. von. Albanesische Studien*, Bd. 1. Wien, 1854, S. 232–242).
- ⁶ Согласно Цимоховскому (*Lingua Posnaniensis*, 1950, t. 2, с. 228) и Манну (Op. cit., p. 33). Сомнительно отнесение *dhallē* к *djathē* (и далее к **dedh-*),ср.: *Топоров В.Н. Прусский язык. Словарь*, А – Д. М., 1975, с. 285.
- ⁷ См.: *Çabej I*, с. 129–130.
- ⁸ См. там же, с. 108.
- ⁹ См. уже: *Meyer G. Die Stellung des Albanischen im Kreise der idg. Sprachen.* – BB, 1884, Bd. 8, S. 185 ff.
- ¹⁰ См.: *Meyer G. Etymologisches Wörterbuch der Albanischen Sprache.* Strassburg, 1891 (= Meyer EWA), S. 76.
- ¹¹ См.: ЭССЯ 5, с. 154–155.
- ¹² В этом случае надежные про и contra типологического характера отсутствуют, особенно в связи с тем, что в "соседних" языках – готском и романских наблюдается как возникновение спирантов из смычных, так и наоборот.
- ¹³ См. например: Сравнительная грамматика германских языков, т. 2. М., 1962, с. 43–47. Вместе с тем представляется верным уже не типологическое, а материально-генетическое сближение с фактами (восточно)романского языкового ареала, дающего нам хотя и фрагментарное, но в основе своей более убедительное сходство.
- ¹⁴ Примеры см. в представительной сводке албано-румынских апеллативных параллелей: *Калужская И.А. Проблема автохтонных элементов румынского языка.* – В кн.: Славянское и balkанское языкоzнание. Античная балканистика и сравнительная грамматика. М., 1977, с. 130–145.
- ¹⁵ См.: *Калужская И.А. Указ. соч.; Гиндин Л.А., Калужская И.А., Орел В.Э. К вопросу о составе субстратного фонда языков balkанского ареала.* – В кн.: Балканские исследования, вып. 7. М., 1981, с. 247–253.
- ¹⁶ Разумеется, такая же реконструкция необходима и для промежуточной стадии развития **k > *ts' > th*.
- ¹⁷ См.: *Pedersen H. Die gutturalen im Albanischen.* – KZ, Bd. 36, S. 277 f.
- ¹⁸ См.: *Орел В.Э. Албанские смычные в свете этимологии.* – В кн.: *Balcanica. Лингвистические исследования*. М., 1979, с. 110.
- ¹⁹ См. *Mann S.E. Op. cit.*
- ²⁰ Вполне представительную сводку см.: *Mann S.E. Op. cit.*
- ²¹ Здесь и далее позиции определяются по отношению к индоевропейскому resp. раннеалбанскому состоянию.
- ²² Менее вероятна, хотя и не исключена иная этимология – из и.-е. **dh̥esā*, см.: *Орел В.Э. К истории развитияprotoалбанского *d̥w-*. – Античная балканистика..., с. 38.
- ²³ См.: *Jokl N. Studien zur albanische Etymologie und Wortbildung.* Berlin, 1911, S. 14. В отличие от **bhēudh-*, **dheubh-* объединяет северо-европейский ареал и тохарский. К значению албанского слова: ср.-англ. *the deep 'океан'*, к форме: лтш. МН *Daubīte* (*Топорова В.Н. Указ. соч.*, с. 295).
- ²⁴ Не вполне надежно. Как и предыдущее, может отражать развитие группы **-ghī-*, **-ghi- > g* и далее, спорадически, *> j > ſ*.

- ²⁵ Форма *lehtë*, как справедливо отмечали Мейер (*Meyer EWA*, с.в.) и Чабей (*Cabej I*, с. 311), является вторичным образованием, а потому "цельнолексемное" соответствие с гот. *leichts* носит фиктивный характер.
- ²⁶ См.: *Mann S.E.* Op. cit., p. 33.
- ²⁷ См.: *Jokl N.* Linguistisch-kulturhistorische Untersuchungen aus dem Bereich des Albanischen. Berlin-Leipzig, 1923, S. 51 f.
- ²⁸ Существует и иная этимология < **iodiio-* (ср. лит. *júodas* 'черный'), что, впрочем, не оказывает влияния на интересующую нас проблему; см.: *Cabej II*, с. 325–326.
- ²⁹ Параллельно проходившие процессы выпадения согласного и редукции предударного гласного в *é* (> Ø) в разных случаях соотносились во времени по-разному,ср.: *shkoj* 'идти' < **shiégoj* < **stoigh Vnijō*.
- ³⁰ См.: *Jokl N.* Op. cit., S. 51 f.
- ³¹ См. некоторые примеры: *Cabej E* Erscheinungen der Albanischen Sprachgeschichte und deren balkanischen Zusammenhangen. Tirane, 1979, S. 2–3.
- ³² Частичную аналогию можно, на наш взгляд, усматривать в засвидетельствованном лат. *-i-* > рум. *-b-*.
- ³³ Сказанное позволяет окончательно отказаться от традиционной этимологии *lé-* 'отпускать' < **lédō* (*Meyer EWA*, S. 242) в пользу недавно предложенной альтернативы – сравнения с хет. *lā-* (см. Орел В.Э. Албанские смычные в свете этимологии, с. 116).
- ³⁴ Настоящий раздел написан при участии И.А. Калужской.
- ³⁵ Однако при этом определяемые компаративистами позиционные условия порой диаметрально противоположны, ср.: *Mann S.E.* The Indo-European vowels in Albanian. – *Language*, 1950, v. 26, N 3, p. 378–388; *Cabej E.* Diftongje e grupe zanore te shqipes. – *Buletin i universitetit shtetëror të Tiranës. Seria shkencat shqërore*, 1958, t. 12, N 3, с. 71–88; *Idem*. Nutje në historinë e gjuhës shqipe. Fonetika historike e shqipes. *Prishtinë*, 1970, с. 105–106; *Hamp E.* Albanian *djathë* cheese. – *IF*, Bd. 84, 1970, S. 140–141.
- ³⁶ См.: *Vlahov K.* Vertretung der indo-europäischen a und e im Thrakischen. – *Ann. Univ., Sofia, Faculté des lettres*, 1966, t. 60, 1966, p. 43–134.
- ³⁷ Более ранним вариантом является *-ie-*, переход которого в *-e-* связан, вероятно, с акцентными передвижками в алб.
- ³⁸ Согласно другой этимологии, также не вполне надежной, *diell* < **dhegwhlo-* (подробно см.: *Cabej I*, с.152).
- ³⁹ См. *Cabej I*, с. 153.
- ⁴⁰ Через промежуточную стадию **kjerō*.
- ⁴¹ Через ступень **skjerō*. Ср. прим. 40.
- ⁴² Далее мы специально не оговариваем двойственной рефлексации *vje-*, *ve-*, хотя она безусловно представляет значительный интерес. Следует, на наш взгляд, предполагать, что двойное отражение **e* после *v-* объясняется артикуляционными причинами того же типа, что и после палатализов: в данном случае албанский проводил упрощение сочетания двух слоговых сонантов **ui-*.
- ⁴³ Через стадию **gialm-*.
- ⁴⁴ Ввиду сказанного ниже, быть может, целесообразно предположить < **tōrsō*.
- ⁴⁵ См.: *Сергиевский М.В.* Введение в романское языкознание. М., 1952, с. 231–232.
- ⁴⁶ См.: *Гиндин Л.А., Калужская И.А., Орел В.Э.* Указ. соч.
- ⁴⁷ См.: *Дечев Д.* Характеристика на тракийският език. София, 1952, с. 29–30.
- ⁴⁸ *Detschew D.* Die thrakischen Sprachreste. 2 Aufl. Wien, 1976.
- ⁴⁹ *Дечев Д.* Указ. соч.; *Георгиев В.* Българска етимология и ономастика. София, 1960, с. 109 (с некоторыми дополнениями).

Л.А. ГИНДИН
ГОМ. КΗΤΕΙΟΙ
В КОНКРЕТНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Проблема этнического состава и исторической достоверности союзников троянцев, упоминаемых в В 816–877 и К 428–441, как балканского происхождения, так и позднехеттских, разработана достаточно удовлетворительно: большая часть из них, обитавшая на западном побережье Малой Азии, видимо, входила в вассальную хеттам конфедерацию Ассува (греч. Ἀσσύα), ср. список стран Ассувы в Анналах Тудхалияса IV (ок. 1250–1220), где перечислена с юга на север: 1-ая *Lukka* ≈ греч. Λυκία, 8-ая *Karakısa* ≈ греч. Κάρια, 21-ая *Wilusija* (=Wiliša) ≈ гом. Μίλιος/εον (< *Filios*), 22-ая *Taruiša* ≈ гом. Τρούη (< *Τρωϊή < * ΤρωΓοῦ).¹

Однако до сих пор оставался открытым вопрос об участии собственно хеттов в троянской войне на стороне троянцев, наряду с более общим вопросом, имеются ли вообще прямые свидетельства письменной греческой традиции о контактах греков метрополии (не Аххиявы) с хеттами.

Цепь непосредственных и более косвенных фактов, склоняющих нас к положительному ответу, во всяком случае на вопрос, сформулированный в общей форме, имеет исходный пункт в филологическом и реально-историческом комментарии трех стихов Одиссеи из *Nekuia* (λ 519–521): δλλ'οἴοντος Τηλεφίδην κατενήρατο χαλκῷ /ῆρω' Εύρύπυλον, πο λλοὶ δ' ἀμφ' αὐτὸν ἑταῖροι //Κῆτειοι κτεώντι γυναιῶν ἔνεκα δώρων букв. "и какого (могучего) героя Эврипила, сына Телефа, умертвил медью; многие вокруг него дружины кетейцы были убиты из-за женских даров", как будет видно из последующего, точнее 'из-за даров женщине'. Это место привело в недоумение еще Страбона, заметившего в XIII, 615–616: Οδὲ ποιητὴς ἐπὶ τοσοῦτον μέμηται, μόνον τῆς ἴδιορίας ταῦτης ... αἴγυμα τιθεῖς ή μή μᾶλλον ἡ λέγωντι σαφές οὖτε γὰρ τοὺς Κῆτείους ἴδμεν οὕτως δέξασθαι δεῖτ. οὖτε τὸ "γυναιῶν ἔνεκα δώρων" "но поэт только до определенной степени помнит следующую историю..., ставя нам скорее загадку, чем говоря нечто ясное. Ведь мы не знаем ни что должно понимать под какими-то кетейцами, ни что (под выражением) "из-за женских даров".

Развернутая этимологическая интерпретация *Κῆτειοι* принадлежит Кречмеру, отождествившему вполне корректным образом вслед за Эд. Майером и другими данный этоним с дохетт. основой, содержащейся в названии страны хеттов *Hatti* и далее с топонимами: *Κῆτις* – местность в Киликии, *Κίτιον*, *Κέτιον*, *Κῆτιον* – город на Кипре,озвученный библейскому названию этого острова – *kittim* и т.п.²; в дополнение к примерам Кречмера

¹ Garstang J., Gurney O.R. The Geography of the Hittite Empire. London, 1959, p. 107; ср. Page D.L. History and the Homeric Iliad. Berkley – Los Angeles, 1963, p. 106; Гиндин Л.А. Древнейшая ономастика Восточных Балкан (Фрако-хетто-лавийские и фрако-малоазийские изоглоссы). София, 1981, с. 146. Gindin L.A. Tharace et Troie d'après les données linguistiques. – Linguistique balkanique. 1978, XXI, p. 27.

² Kretschmer P. Der Name der Lykier und andere kleinasiatische Völkernamen. – Kleinasiatische Forschungen, 1927, Bd. I, H. 1, S. 27 ff.

относительно регулярности отражения хетт. *H*-начального в ономастике посредством *K*-греческих фиксаций можно добавить *Hilakkai* : Кίλικες **has-tali-* "герой" → килик.-догреч.-анат. *Κασταλά*, возможно, *Hazzi* : *Κάσιον* (*δρος*).

Справедливость идентификации гом. *Κήτειοι* с хеттами подтверждается генеалогией предводителя кетайцев Эврипила (в греч. традиции мисийского царя, одного из главных героев Малой Илиады), который в цитированных стихах назван сыном мифического героя *Τήλεφος*, восходящего к хетт. (из хатт.) богу растительности ^D*Telepinus*, *Talipinu*, *Telipi* и пр.³ Братом Эврипила был лидийский герой *Τάρχων* (St.B. s.v. и др.), являющийся точным рефлексом хетто-лувиjsкого бога грозы *Tarju-*, на что также обратил внимание еще Кречмер (*Ibidem*).

Попутно отметим, что повторение созвучных слогов этнонима *Κήτειοι* в комментируемых стихах: (Τηλεφίδην) κατενήρατο... κτεώντο... – возможно, сознательный поэтический прием анаграммы, подчеркивающий содержательную наполненность данного отрезка текста.

Неожиданный ресурс достоверности наших доводов открывается в явно неслучайном совпадении *Εὐρύπιλος* с именем царицы амазонок *Εὐρυπύλη*, сражавшейся с ассирийцами в Месопотамии, согласно Арриану у Евстафия (Eustath. Comm. in Dionys. Perieg. 774). Как установлено, основным толчком и частично реальной основой мифологических сказаний и представлений об амazonках послужили контакты, главным образом, вероятно, военные, с хеттами⁴, поэтому совершенно правомерно построение некоего круга взаимно поддерживающих друг друга отождествлений, замыкающих вывод об идентичности кетайцев с хеттами: Эврипил – царь кетайцев = хеттам = амazonкам ↔ Эврипила – царица амазонок = хеттам = кетайцам. Обе цепочки представляются записью однозначных отношений разными способами: первая – эпическим, вторая – мифо-литературным. Уместно напомнить, что одна из жен Телефа *Ίέρα* (по Кречмеру из хетт. *İshara*⁵), сражалась с греками, по Филострату (Нег. 18, 160, и др.), на колеснице как а м а з о н к а; показательно также, что ряд имен амазонок объясняется на хеттоязычной resp. малоазийской почве, см., например: *Ιππολύτη* – царица амазонок, убитая Гераклом, *Ππω* – мифическая основатель-

³ Впервые, кажется, предложено Кречмером (Op.cit., S. 13 f.); в новое время (без ссылки на предшественников): *Barnett R.D. Ancient Oriental Influences on Archaic Greece. – In: The Aegean and Near East. Studies Presented to H. Goldman on the Occasion of her Seventy-Fifth Birthday. New York, 1956*, p. 218 f.; см. *Топоров В.Н. К объяснению некоторых славянских слов мифологического характера в связи с возможными древними близневосточными параллелями. – В кн.: Славянское и балканское языкознание. Проблемы интерференции и языковых контактов. М., 1975, с. 37 сл.*

⁴ *Leonhard W. Hettiter und Amazonen, Die griechische Tradition über die "Chatti" und ein Versuch zu ihrer historischen Verwertung. Leipzig – Berlin, 1911; Garstang J. The Hittite Empire. London, 1929, p. 86 f.; Gurney O.R. The Hittites. London, 1954, p. 199 f.; Cavaignac E. Hépat de Comana et les Amazones. – Jahrbuch für kleinasiatische Forschung, Bd. 1, H. 1, 1950, S. 48 ff.; Иванов Вяч.Вс. Древние культурные и языковые связи южнобалканского, эгейского и малоазийского (анатолийского) ареалов. – В кн.: Балканский лингвистический сборник. М., 1977, с. 15 сл., см.: Дьяконов И.М. Предыстория армянского народа. Ереван, 1968, с. 114.*

⁵ *Kretschmer P. Op. cit., S. 9, ff.; против данного отождествления (без аргументов): Laroche E. Recherches sur les noms des dieux hittites. Paris, 1947, p. 51.*

ница Эфеса⁶, Σύρια по некоторым источникам, вскормленная Ипполитой, эпоним малоаз. города Σύρια, согласно Страбону (XIV, 633) и др., некогда название Эфеса⁷, Μύρινа – дочь Тевкра, жена Дардана, засвидетельствованная еще Гомером (В 814), эпоним малоаз. города Μύρη (μῆρα ναί) ⁸.

Остается расшифровать загадочное формульное выражение "γυναιῶν ἑώκεα δώρων". Та же формула в о 246–247 при напоминании о судьбе другого греческого участника троянской войны Амфиараия, героя и предсказателя, который: οὐδ' ὅκεο γέραος οὐδόν, //ἄλλ οὐδετ' ἐν θήβῃσι γυναιῶν ἑώκεα δώρων "не достиг порога старости, но погиб в Фивах из-за женских даров". Смысл этой формулы раскрывается в Малой Илиаде, где формула развернута (либо ей соответствует) отдельный мотив: Приам, чтобы склонить свою сестру Астиоху – мать Эврипила к отправлению сына на войну, послал ей в дар золотую ветвь. Во втором случае это устойчивое выражение воскрешает в памяти слушателей (позже читателей) целый миф, во многом изоморфный Орестею. Исходной точкой развития событий и здесь является подарок женщине, жене Амфиараия, Эрифиле (*'Εριφύλη*), получившей от Полиника ("Фиванский цикл") ожерелье (*τὸν δῆρμος* – Apd. III, 6, 2), согласно Павсанию (IX, 41, 2, 3), золотое, в чем он ссылается на λ 327 (см. ниже), некогда принадлежавшее Гармонии (*'Αρμονίᾳ*), кстати матери амазонок, ср. еще содержательную омофонию *δῆρμος* *'Αρμονίας* (отличие лишь в тембре начального гласного). В результате Амфиарий, зная о предстоящей гибели, против своей воли вынужден был идти на Фиванскую войну и погибнуть. Не сохраненный в деталях литературной традицией, этот сюжет был одним из излюбленных в скульптуре и вазовой живописи (см. Павсаний). Включая душу Эрифилы в *Νέκια*, являющуюся на всех уровнях текста кульминационным центром поэмы, поэт, видимо, стремился обычным дублированием (или шире – повторением) в виде глухого и темно выраженного напоминания о трагедии Амфиараия и подлости его жены ввести в развернутое изложенную ниже, через 50 стихов (λ 385–434), трагедию Агамемнона, вероломно убитого своей женой. Так Одиссей воскликает в λ 326–327: ἴδον στυγερήν τ ' *'Εριφύλην*, //χρυσὸν φύλου ἀνδρὸς ἐδέξατο τιτῆντα "я увидел ненавистную Эрифилу, которая приняла золото как драгоценные дары за милого мужа"; здесь *akk.* *pl.* *τιτῆντα* увязывается с *pl.* *δώρων* в цитированных стихах из XV песни о судьбе Амфиараия, которые как бы поясняют эпизод с Эрифилой, семантизируя анализируемую постоянную формулу. Знаменатель-

⁶ О связи этих имен с именем и, возможно, культом великой хетто-лавийской богини *Hepat* (из хурритского), женой бога грома *Tessup*, изображаемой часто на коне (печати и пр.) см. специально: *Cavaignac E.* Op. cit., особенно р. 54 s., ср.: *Leonhard W.* Op. cit., S. 239 ff.

⁷ Относительно культа амазонок в Эфесе и их связи с культом Артемиды Эфесской см.: *Picard Ch.* L'Ephesia, les Amazones et les abeilles. Revue des études anciennes. 1940, XLII, p. 274 s., затем: *Barnett R.D.* Op. cit., p. 217 s.; *Топоров В.Н.* Указ. соч., с. 36 сл.

⁸ Об исконно малоазийском происхождении данного названия см.: *Sundwall J.* Die einheimischen Namen der Lykier nebst einem Verzeichnisse kleinasiatischer Namenstämme. – *Klio*, 1913, B. II, S. 156; всю прочую источниковедческую спецификацию по всем приведенным именам см.: *Pape W.* – *Benseller G.* Wörterbuch der griechischen Eigennamen, Bd. I–II. Graz. 1959, s.v.

но, что и сына своего Алкмеона Эрифилы заставила возглавить поход эпигонов против Фив, приняв от сына Полиника пеплос Гармонии (!) (Apd. III, 7, 2 и др.).

Фактически почти полная омофония звукового комплекса 'Еріфұлұп с именами хеттских (в реконструкции) правителей 'Еұрұпұлос /'Еұрұпұлұп вновь уводит нас в хеттоязычную среду, где имя 'Еріфұлұп, особенно ее первая часть находит четкое истолкование, ср. продуктивное в позднехетт. ономастике наречие: лик. *er(i)* = хетт.-луч. *arha* "hinaus, weg, fort", в частности, в лик. *Erwaos* = хетт. *Arhuwası*⁹ при редкости в исконно греческом ономастических сложений с неясной этимологически частицей *er-*¹⁰. В свете обрисованного анатолийского контекста имени *Еұрұпұлос/Еұрұпұлұп* "широковратный/ая" также могут оказаться греческой адаптацией некоего хеттского прототипа; не исключено в данном случае воздействие впечатления от мощных ворот крепостных сооружений хеттов, например, Хаттусаса, на которых к тому же было изображение или женоподобного воина с округлой грудью, или женщины-царицы в полном вооружении (скорее первое)¹¹.

Наконец, последнее отождествление реального порядка, в случае правдоподобия возводящее гомеровскую формулу в ранг исторического факта.

В Хеттских законах сохранился § 42, весьма нечетко сформулированный и касающийся правовых отношений между наемником-воином (его семьей?) и нанимателем. Преамбула закона гласит: (48) *ták-ku an-tu-iħ-ša-an ku-iš-ki ku-uš-ša-ni-i-e-iz-zi na-aš la-aħ-ħa* [вар. *la-aħ-ħi*] *pa-i/z-z/-i* (49) *na-aš a-ki ták-ku ku-uš-ša-an pi-ja-an nu Ú.UL šar-ni-ik-zi* "если мужчину кто-нибудь нанимает и тот в поход идет, и тот гибнет, если плата дана, то он [наниматель] и не возмещает", но (50) *ták-ku ku-uš-ša-an-se-it Ú.UL'* [вар. *na-at-ta*] *pi-ja-a-an I SAG.DU pa-a-i* (51) *ku-uš-ša-an-na 12 GIN KÙ.BABBAR -p-a-i Ú ŠA SAL* [вар. *SAL-aš*] *ku-uš-ša-an 6 GIN K(Ù.BAB)] BAR pa-a-i* "если его плата не дана, [то наниматель] одну голову [раба] дает, плату 12 сиклей серебра дает и женщины плату"¹² (ср. вар. *SAL-aš*) "дает"¹³". Не углубляясь в толкование, укажем следующее. Речь идет, видимо, о полном возмещении (долей?) наемной платы плюс штраф¹⁴, и, что важно для нашего рассуждения — определенную сумму получала женщина, ср. перевод Фридриха: "und als Lohn einer Frau gibt er 6 Sekel Silber"¹⁵, то же у Импарати: "e come salario di una donna sei sicli d'argento dia"¹⁶. Весь контекст закона и последовательность узаконенных выплат свидетельствует, что здесь имеется в виду не участие женщины в военном по-

⁹ Houwink ten Cate Ph.H.J. The Luwian Population Groups of Lycia and Cilicia Aspera during the Hellenistic Period. Leiden, 1961, p. 174; cp.: Sindwall J. Op. cit., p. 71.

¹⁰ Fick A. Die Griechischen Personennamen, 2. Aufl. Göttingen, 1894, S. 67; Frisk Hj. Griechisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1960, S. 557 f.

¹¹ Cp.: Gurney J. Op. cit., p. 200.

¹² ŠA — аккадское определительное местоимение, чаще перед идеограммами и аккадскими формами, для обозначения генитива, в данном случае в смысле genetivus possessivus.

¹³ Транслитерация хеттского текста дана по: Friedrich J. Die hethitischen Gesetze. Leiden, 1959, S. 30.

¹⁴ Cp.: Neufeld E. The Hittite laws. London, 1951, p. 157.

¹⁵ Friedrich J. Op. cit., S. 98.

¹⁶ Imparati F. Le leggi ittite. Roma, 1964, p. 59.

ходе (*laῆja* – как думает без уверенности Фридрих, ср. Импарати¹⁷), а о единовременном вознаграждении женщине (SAL), находящейся в семейных отношениях с погибшим мужчиной (*antuhšaš*), в первую очередь, видимо, его жене, обычно в Законах обозначаемой идеограммой DAM-ŠU "жена его" (§ 31 и др.). Вероятно, законодатель стремился в этом параграфе выразить более общие отношения: мужчина (не обязательно муж LU-*as*) – женщина его семьи (жена, мать, сестра и пр.) (ср. И. Дунаевская. – ВДИ, 1952, 4, 41).

В связи с этим допустимо предположение, что именно этот экстравагантный закон, при крайней патриархальности греков с их развитым институтом наемничества, узаконивавший известную "материальную заинтересованность" жен и вообще женщин-домочадцев в гибели своих мужчин, ставших наемниками, мог трансформироваться в "коллективном" сознании греков, как дар (кстати у Гомера просто золото) со стороны заинтересованного лица жене, матери, побуждающий их принуждать соответственно мужа, сыновей идти на войну и гибнуть "из-за даров женщине" (окончательный вариант перевода), согласно рассмотренному формульному выражению. Предложенная интерпретация данной формулы в свою очередь может пролить свет и на смысл заключительного положения § 42 Хеттских законов.

В то же время рассмотренные стихи Одиссеи λ 519–521 являются пока единственным прямым свидетельством контактов греков с хеттами и вообще единственным упоминанием о хеттах в письменной греческой традиции, выраженным специфическими средствами эпической поэзии, основанной на устно-поэтическом каноне, поскольку мифология в до- и раннеисторический период была не только религиозно-философским мировоззрением, но, наряду с эпосом, и единственным возможным способом описания (фиксации в коллективной памяти) конкретно-исторических событий.

О.Н. ТРУБАЧЕВ RASPARAGANUS REX ROXOLANORUM

Это имя фигурирует в двух латинских надписях*: Publio Aelio Rasparagano regi Roxolanorum vivus vivo fecit¹; Publius Aelius Peregrinus, regis Sarmatarum Rasparagani filius, vivus fecit sibi et Attiae Quinti filiae Procillae, libertis libertabusque posterisque eorum². Речь идет о надгробиях, найденных в городе Поля, в римской провинции Истрии, и датируемых первой четвертью II в. н.э., временем императора Адриана. Увековеченный этими надписями, роксоланский царь Распарган в силу каких-то обстоятельств,

¹⁷ Friedrich J. Op. cit., S. 98; Imparati F. Op. cit., p. 59.

* Автор глубоко признателен профессорам Й. Заимову, Б. Герову (София) и Ф.В. Марешу (Вена), приславших необходимые справки и копии по V тому CIL.

¹ Corpus inscriptionum latinarum, v. V, pars prior, ed. Th. Mommsen. Berlini. MDCCCLXXII, N 32, p. 10.

² Там же, № 33.

³ C. Patsch. Der Kampf um den Donauraum unter Domitian und Trajan. SBWA, Philos.-hist. Kl., Bd., 217, 1, 1937, S. 162.

очевидно, принял римское гражданство и поселился с семьей на римской территории³.

Роксоланы, тревожившие римские границы, начиная с I в. н.э., упоминаются рядом с сарматами и принадлежат, как и эти последние, к иранским племенам. В этих условиях законно было ожидать иранской этимологии имени *Rasparaganus*, и такая этимология была предложена⁴: от ир. **spa-spara-ka-na-*, префиксально-суффиксального образования от корня *spara-* 'наступать', ср. ос. *ra-fsaeraeg* "тот, кто наступает". Эта правдоподобная этимология оперирует гипотетическими утратами и наращениями и поэтому не исключает поисков иного объяснения.

Начнем с того, что имя *Rasparaganus* оба раза как бы дублируется латинским титулом *rex* 'царь', что позволяет нам, по известным типологическим аналогиям, предположить, что имя царя-варвара тоже включает титул. Короче говоря, мы предпринимаем членение *Ras-paraganus* и в словосочетании *R a s-paraganus r e x* усматриваем гlossenу ('царь' = 'царь'). По-ирански, в том числе по-скифски и по-сарматски царь обозначался производным от глагола *хъду-* 'властвовать', ср. *Лιπβξας*, '*Αρπβξας*, *Κολάξας* в скифском рассказе Геродота, сарматское племя *Σαῖοι* близ Ольвии. То, что зафиксировано в латинской надписи как *Ras-* может отражать лишь индоарийское **rāj-*, ср. др.-инд. *rāj-* 'царь', не получившее терминологического соответствия в иранском. Сходным образом греки восприняли фракийский апеллатив *rēzas/rēsaz* 'царь' (продолжение и.е. **rēg-*) как личное имя *Ῥῆσος* (Илиада).

Собственно именем роксоланского вождя оказывается **Paragan-* или **Paragana-* (оставшееся после отделения титула), которое мы рассматриваем как сложение со вторым компонентом *-ghan-/hāna-*: **para-g(h)anā-* 'врагов убивающий'⁵. В имени **Paragan-* в роли термина 'враг' выступает не основа *ari-*, неудобная своей двусмыслинностью⁶, а др.-инд. *para-* 'чужой, враг', ср. однотипные сложения др.-инд. *param-tara-* 'истязающий врага', также имя государя Магадхи, *parapirat-jaya-* 'покоряющий город врага', также имя князя, *para-bhedana-* 'пронзающий врага'⁷.

Иранский не обнаруживает *para-* в значении 'враг', и ир. эквивалент др.-инд. *-han-/ghan-* имеет вид *-jan-*, т.е. ожидалось бы *-zanus* в лат. записи. Роксоланы обитали какое-то время в районе, отчасти совпадающем с "Древней Скифией" Геродота (IV, 99: *ἀρχαὶ Σκυθῶν*) и Синдской Скифией Плиния — в низовьях Ю. Буга и Днепра, где продолжают выявляться следы неиранского, индоарийского населения. В этих условиях возможно было появление индоар. **raj-para-g(h)anā-* 'царь Врагов-убивающий' -- как обозначения одного предводителя иранцев-роксоланов.

⁴ См.: В.И. Абаев, ОЯФ I, с. 182.

⁵ О др.-инд. сложениях с этим компонентом см.: J. Wackernagel, Altindische Grammatik II, 2 (Göttingen, 1954), S. 4 и сл., ср. *ari-han-* 'убивающий врагов'.

⁶ Cp.: Thieme P. Der Fremdling im Rgveda. — Abhandlungen für die Kunde des Morgenlandes XXIII, 2. Leipzig, 1938, passim.

⁷ Böhstlingk O. Sanskrit-Wörterbuch, 4. St-Pb., 1883, S. 30.

ЕЩЕ РАЗ О *GOLTHESCYTHA* У ИОРДАНА (*Getica*, 116):
 К ВОПРОСУ СЕВЕРО-ЗАПАДНЫХ ГРАНИЦ
 ДРЕВНЕИРАНСКОГО АРЕАЛА

По крайней мере в двух ситуациях возникает вопрос о северо-западных пределах распространения иранского (практически – скифского) элемента в Восточной Европе: первая из них связана со временем Геродота или даже (точнее) со второй половиной VI в., к которой относятся описываемые им события (фракийско-скифский поход Дария I в 512 г. до н.э.); вторая – с периодом на 1000 лет позже, т.е. с VI в. н.э., для которого мы располагаем последним из античных письменных источников – "Гетикой" Иордана, законченной в 551 г. н.э. Начало и конец этого тысячелетия (независимо от того случайного факта, что именно они нашли свое отражение в исторических источниках) не случайно являются диагностически очень важными для этно-лингвистической ситуации на территории, осью которой является течение Припяти и Сейма (т.е. примерно 51° сев. широты). Дело в том, что начало указанного периода приходится на то время, когда севернее скифов, несомненно, уже находились балтийские племена, которые, естественно, могли привлечь внимание Геродота, интересовавшегося и территорией к северу от Скифии. Конец же рассматриваемого периода приходится на время, когда непосредственно к югу от обозначенной оси уже присутствовал славянский элемент, который и был отмечен Иорданом (*Antes, Anti, Sclaveni, Venethi, Venethae*). Не менее важно и то, что Иордан является, по сути дела, последним по времени писателем, который мог бы еще застать более древний иранский и балтийский элемент в указанном ареале и отразить их в своем сочинении перед тем, как они растворятся в славянской этнолингвистической и культурной стихии.

В данном случае нас интересует конец описываемого периода, т.е. середина первого тысячелетия нашей эры, применительно к которому понятие северо-западных границ иранского элемента также нуждается в уточнениях. Прежде всего речь идет не о традиционном представлении о границах между Скифией и Германией (проводимых обычно по Висле), идущем еще с античных времен, сохранявшем в полном виде у Иордана¹ и с некоторыми ва-

¹ Scythia si quidem Germaniae terre confines eo tenus, ubi Ister. oritur amnis vel stagnus dilatatur Morsianus tendens usque ad flumina Tyram, Danastrum et Vagosolam, magnumque ille Danaprum Taurumque montem ... haec, inquam, patria, id est Scythia, longe se tendens lateque aperiens, habet ... ab occidente Germanos et flumen Vistulae; ab auctu, id est septentrionali, circumdatur oceano ... in qua Scythia prima ab occidente gens residet Gepidarum, que magnis opinatisque ambitur fluminibus. nam Tisia per aquilonem eius chorumque discurrat ... (*Get.* 30–33). Цитируется по кн.: Иордан. О происхождении и действиях гетов. *Getica*. Вступ. ст., пер. и комм. Е.Ч. Скржинской. М. 1960 (латинский текст; далее – Гетика). – *Tisia* объясняется обычно как Тисса. *Vagosola*, известная только из Иордана, вероятно, соответствует Южному Бугу (во всяком случае она помещена между Днестром и Днепром). Явно ошибочна идентификация с Вислой (кстати, названной уже своим именем), предлагаемая в статье: Вестберг Ф. О передвижении лангобардов. – Записки Академии наук, сер. VIII. Ист.-филол. отд., т. VI, 1904, № 5, с. 15. При толковании *Vagosola* как Южный Буг получает, видимо, свое объяснение элемент *Vag-*: сп. др.-русск. *Богъ*, польск. *Boh* (ср. частую мену *b* и *v* в иордановской латыни).

риантами и трансформациями в средневековой европейской анналистике. Тем более не могут быть здесь объектом исследования скифские следы за пределами таким образом описанной Скифии (например, на Балканах, в юго-западной Польше, Венгрии, Австрии, Баварии и далее к западу вплоть до Южной Франции)². Здесь в центре внимания описанный выше ареал в поздний период скифской истории, во всяком случае в IV–V вв. н.э., когда после столкновения с готами и несколько позже с гуннами скифы окончательно сходят с исторической сцены. Сев.-зап. пределы иранского элемента определяются именно для этой пространственно-временной ситуации³.

Говоря о готском короле Германахе (351–376 гг. н.э.), который "многие и воинственные северные племена покорил и подчинил своим законам"⁴, Иордан приводит список покоренных народов, соответственно – стран в форме Acc. Plur.: *habebat si quidem domuerat G o l t h e s c u t h a, Thiudos, Inaunxis, Vasinabroncas, Merens, Mordens, Immiscaris, Rogas, Tadzans, Athaul, Navego, Bubegenas, Goldas* (Get. 116–117). При всех хорошо известных неясностях ряда названий (об этом, как и об многочисленных контрверзах, связанных с толкованием этих названий, здесь, естественно, говорить не придется) следует отметить, так сказать, "пontoцентричность" этого описания, связанную как с биографией самого Иордана⁵, так и с тра-

² См., например: *Jahn M.* Die Skythen in Schlesien. 1928; *Beninger E.* Der westgotisch-alanische Zug nach Mitteleuropa. 1931; *Preidel H.* Der Skytheneinfall in Ostdeutschland. – Altschlesien, 1934, Bd. 5; *Skutil J.* Skythische Funde aus Mähren. – Przegląd Archeologiczny, 1933–1936, 5; *Sulimirski T.* Scytowie na Zachodniem Podolu. Lwów, 1936; *Idem.* Kultura łużycka a Scytowie. – Wiadomości Archeologiczne, 1939, 16, c. 76–100; *Idem.* Die Skythen in Mittel- und Westeuropa. – In: Berichte über den V. Internationalen Kongress für Vor- und Frühgeschichte. Hamburg, 1961, S. 793–799; *Párducz M.* Denkmäler der Sarmatenzeit Ungarns, I–III. Budapest, 1941–1950; *Bukowski Z.* Nowe znaleziska "scytyjskie" z Polski. – Archeologia Polski, 1960, 4, c. 257–283; *Idem.* Scytowie. – In: *Słownik Starożytności Słowiańskich*, t. 5. Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk, 1975, c. 119–122; *Harmatta J.* Studies in the History and Language of the Sarmatians. Szeged, 1970 (II. The Sarmatians in Hungary, p. 41–57) и др. Относительно юго-западных границ см.: *Párvan V.* Getica. O protoistoria a Daciei. Bucureşti, 1926; *Popescu D.* Problema scitilor din Transilvania în opera lui Vasil Párvan. – Studii și Cercetări de Istorie Veche, 1958, IX; *Berciu D.* O descoperire traco-scitică din Dobrogea și problema scitică la Dunarea de Jos. – Там же, 1959, X, c. 7–46; *Pippidi D.M., Berciu D.* Din istoria Dobrogei, V. 1. Bucureşti, 1965, c. 99 и след.; *Мелюкова А.И.* К вопросу о границе между скифами и гетами. – В кн.: Древние фракийцы в Северном Причерноморье. М., 1969, с. 61–80; *Она же.* Скифия и фракийский мир. М., 1979, с. 238 и след.; *Милчев А.* Фрако-скифские отношения и образование одрисской державы. – Thracia, 1974, 2; *Iliescu V.* The Scythians in Dobrudja and their relations with the native population. – In: Relations between the Autochthonous Population and the Migratory Populations. Bucureşti, 1975, и др.

³ Понятие северных пределов распространения иранцев также нуждается в уточнении. Уместно напомнить, что для Иордана северные границы Скифии целиком мифологичны (*ab arctu ... circumdatur oceanus*). Вместе с тем несколько гидронимов иранского происхождения, отмеченных в Смоленской и Калужской областях (см. *Топоров В.Н., Трубачев О.Н.* Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М. 1962), также, конечно, не могут считаться надежным основанием для предположения о наличии в этих местах устойчивых и значительных иранских анклавов (к тому же, лишенных археологической поддержки).

⁴ "Multas at bellicissimas a g c t o i gentes perdomuit suisque parere legibus fecit" (Get. 116).

⁵ Традиционно считается, что Иордан родился в Малой Скифии или в Нижней Мезии и провел здесь свою молодость, служа нотарием у Гунтигиса. С этими местами семья

дишией, идущей от Аблавия (*descriptor Gothorum gentis*), сообщающего, что готовы пришли с севера на юг в крайние пределы Скифии, соседствующие с Понтом, и осели "super limbum Ponti"⁶. Именно здесь они приобщились к культуре: стали, по словам Иордана, "более человечными и более просвещенными"⁷. Ориентация на Причерноморье у Иордана сугубо идеологична: здесь находилась держава Германариха, "благороднейшего из Амалов"⁸, с которым связывались воспоминания о золотом веке готов и представления о могущественной империи от Балтийского моря (эсты) до Черного.

Уже те названия из приведенного списка, которые отождествляются с уверенностью (чудь – *Thiudos*, весь – *Vasi...*, меря – *Merens*, мордва – *Mordens*) или с известным вероятно (мещера – *Inniscari*⁹), позволяют сделать вывод, что последовательность перечисления этнонимов предполагает движение по дуге с запада на восток и далее с севера на юг (ср. далее – вне списка – о герулах вблизи Меотиды). Несомненная упорядоченность списка при не менее несомненной дефектной форме ряда этнонимов, которые, видимо, и самому Иордану мало о чем говорили, делает правдоподобным уже не раз высказывавшееся мнение, согласно которому в основе этой организованной серии названий лежали источники типа итinerариев по Восточной Европе. Нужно думать, что они были сильно мифологизированы как в общем смысле, так и в специально лингвистическом. Создает-

Иордана была связана и раньше: здесь же служил нотарием у Кандака и дед Иордана Пария. Писалась же "Getica" в Равенне. Из многочисленных работ, посвященных жизни и труду Иордана, см. последнюю по времени: *Wagner N. Getica. Untersuchungen zum Leben des Jordanes und zur frühen Geschichte der Goten*. Berlin, 1967.

⁶ Ср.: ... exindeque iam velut victores [scil. готовы] ad extreemam Scythiae partem que Propto magi vicina est, properant. quemadmodum et in prisci eorum carminibus pene storicu ritu in commune recolitur: quod et Ablavius descriptor Gothorum gentis egregius verissima adtestatur historia (Get. 28); – Ablavius enim storicus refert, quia ibi super limbum Ponti, ubi eos diximus in Scythia commanere ... (Get. 82); – ср. также Get. 117, где Иордан снова ссылается на Аблавия в связи с местожительством герулов около Меотиды (*iuxta Meotida palude inhabitans in locis stagnantibus...*).

⁷ Tertia vero sede super mare Ponticum iam humaniores et, ut superius diximus, prudentiores effecti, divisi per familias populi ... (Get. 42).

⁸ Ср.: nobilissimus Amalorum и далее сравнение Германариха с Александром Македонским: quem merito nonnulli Alexandro Magno comparavere maiores (Get. 116). Ср. далее: ... idem ipse prudentia et virtute subegit omnibusque Scythiae et Germaniae nationibus ac si propriis lavoribus imperavit (120). Другой род (ему служили везеготы) носил имя Балтов: Vesegothae familiae Baltorum, Ostrogothae praeclaris Amalis servieban (Get. 42); ... ordinata super se rege Halarico, cui erat post Amalos secunda nobilitas Baltorum que ex genere origo mirifica, qui dudum ob audacia virtutis Baltica, id est audax, nomen inter suos accepere (Get. 146). Как видно из последнего фрагмента, имя *Balt* – германского происхождения (ср. готск. *balpei* 'смелость', 'дерзость', а-сакс. *bald, beald*, др.-в.-нем. *bald*, англ. *bold* и т.п.).

⁹ Ср. Moravcsik G. Byzantinoturcica, II. Berlin, 1958; Boba I. Nomads, Northmen and Slavs. – In: Eastern Europe in the ninth century. The Hague, 1967, p. 95. Впрочем, эта идентификация высказывалась и раньше. Ср.: Mikkola J.J. Die Namen der Völker Hermanarichs. – FUF 1915, Bd. 15, S. 62; Wiklund K.B. Finno-Ugrier. – In: Ebert M. Reallexikon der Vorgeschichte, Bd. III. Berlin, 1924, S. 373; Stender-Petersen A. Slavisch-Germanische Lehnwortkunde. Göteborg, 1927, S. 162. Обзор других точек зрения см. в кн.: Korkkanen I. The Peoples of Hermanaric. Jordanes, *Getica* 116. Helsinki, 1975, p. 40–42. Сама финская исследовательница на основании рукописи А "Гетики" предлагает чтение *Inniscans*, которое сразу же отсылает как к источнику к готск. **Ibniskans*, т.е. "Ebene (ср. готск. *ibns*) bewohnenden", предполагавшемуся уже ранее. См.: Grienberger Th. von. Ermnariks Völker. – Zeitschrift für deutsches Altertum und deutsche Literatur, 1895, Bd. 39, S. 172.

ся впечатление, что для составителей таких пособий важнее всего было указание на состав перечисляемых территорий (т.е. в данном случае стремление к исчерпывающему списку этнонимов) и на порядок их следования¹⁰. Вопрос же точного наименования поневоле отодвигался на задний план.

В иордановском списке народов, находившихся под властью Германариха, есть три названия, которые кажутся бесспорными и поэтому могут быть основой для дальнейших рассуждений — *scytha*, *Merens*, *Mordens*, отождествляемые соответственно со скифами, мерей и мордвой. Эти три названия фиксируют наличие двух бесспорных этно-лингвистических элементов на Восточно-Европейской равнине — иранского и финского¹¹ и задают общее направление перечисления с запада на восток (см. выше) и, что не менее важно, — от более известного Иордану к менее известному и далее к все более неизвестному. Во всяком случае скифский (точнее скифо-сарматский) элемент отчетливо прослеживается для эпохи Иордана и предшествующей ей (ср. данные, относящиеся к черняховской культуре) на территории к северу от нижнего Дуная и далее на северо-восток вплоть до Сейма, Сулы, Ворсклы¹². Впрочем, собственно скифы (если не говорить о некоторых особых толкованиях этнонимов из списка Иордана) не отмечены среди подвластных Германарику племен. Объясняется ли это очевидностью самого факта и особой близостью Иордана к иранской стихии (о чем см. ниже) или же тем, что к середине VI в. иранский (скифо-сарматский) элемент на указанной территории уже был перекрыт славянским этнокультурным комплексом¹³, соответствие которому сейчас видят в археологической культуре пражского типа, — решить с определенностью трудно. Существенно в данном случае то, что "скифское" инкорпорировано в сложное название *Golthescytha*.

В указанном контексте это название, открывающее весь ряд, и должно привлечь особое внимание. Логика самого принципа, лежащего в основе списка, делает весьма вероятным, что *Golthescytha* находились за пределами

¹⁰ В известном отношении сходная картина обнаруживается и в связи с перечислением Иорданом племен, населявших Скандинавию, в соответствии с двумя торговыми путями — восточным (Висла — Готланд — юго-восток Скандинавии) и западным (Рейн — Каттегат — западное побережье Скандинавии). См.: *Friesen O. Sopra un passo della descrizione della Scandinavia di Jordanes. — In: Strena filologica Uppsaliensis. Festkchrift tillägnad prof. Per Persson. Uppsala, 1922; Weibull L. Skandza und ihre Völker in der Darstellung des Jordanes. — Arkiv för Nordisk filologi, 1925, Bd. 41, S. 232—233; Гетика, с. 266.*

¹¹ Некоторые исследователи считают, что названия финских племен в списке позволяют наметить и линию торгового пути от Балтийского моря на восток — ответвление "янтарного" пути в бассейнах Волги и Оки. См.: *Скржинская Е. Ч. Гетика, с. 266.*

¹² Ср. карту распространения скифо-сарматских элементов в черняховской культуре в кн.: *Седов В. В. Происхождение и ранняя история славян. М., 1979, с. 88* (рис. 15).

¹³ Ср. славянскую "панораму" у Иордана: *introrsus illis Dacia est, ad coronae speciem arduis Alpibus emunita, iuxta quorum sinistrum latus, qui in aquilone vergit, ab ortu Vistulae fluminis per immensa spatia Venetharum natio populosa consedit. quorum nomina licet nunc per varias familias et loca mutentur, principaliter tamen Sclaveni et Antes nominantur. Sclaveni a civitate Novietunense et laco qui appellatur Mursiano usque ad Danastrum et in boream Viscla tenus commorantur: hi paludes silvasque pro civitatibus habent. Antes vero, qui sunt eorum fortissimi, qua Ponticum mare curvatur, a Danastro extenduntur usque ad Danaprum ... (Get. 34—35).*

и с и ю ж н е е названных далее финских племен. Поскольку границы распространения этих племен для середины I тыс. н.э. могут быть восстановлены с достаточным для преследуемых здесь целей вероятием¹⁴, *Golthescytha* должны были бы занимать пространство в восточной части Верхнего Поднепровья и/или в бассейне Верхней Оки (включая Упу и Угру), где, кстати, отмечены наиболее северные из иранских гидронимов. Тот факт, что список открывается "гольтескифами" не может быть, конечно, объяснен последовательностью покорения племен Германарихом. Совершенно очевидно, что большая часть перечисленных племен не только не была покорена им, но даже не могла быть и его данниками. Можно выдвинуть предположение, что открытие списка сложным (по-видимому) этонимом *Golthescytha* объясняется не просто их ближайшим положением среди мнимо покоренных народов по отношению к припонтийским готам, но и тем, что *Golthescytha* были первым, так сказать, гибридным племенем (соответственно – ареалом), сочетающим "свое" и "чужое", переходом от первого (*scyth-*) ко второму (*golth-*). Хотя, как показывают исследования последнего времени, старая контроверза, был ли Иордан готов или алланом (иранцем), решается скорее в пользу готского происхождения историка¹⁵, она, во-первых, все-таки не может считаться окончательно решенной и, во-вторых, она не опровергает очень правдоподобных иранских связей Иордана¹⁶. Наконец, в данном случае, пожалуй, более существен-

¹⁴ Помимо археологических данных см. данные гидронимии: *Топоров В.Н., Трубачев О.Н.* Указ. соч., карта 2.

¹⁵ Во всяком случае таково заключение Н. Вагнера: "Es gibt keinen Grund und man hat daher keine Möglichkeit, die eigene Aussage des Jordanes, derzu folge er sich als Gote betrachtete, anzuzweifeln und zu korrigieren" (Wagner N. Op. cit., S. 17). Речь идет о заключительном фрагменте "Гетики", содержащем свидетельство Иордана: Haec hucusque Getarum origo ac Amalorum nobilitas et virorum fortium facta ... nec me quis in favorem gentis praedictae, quasi ex ipsa trahenti originem, aliqua addidisse credit, quam quae legi et comperi (Get. 315–316). Правда, это же самое место не мешало ряду ученых думать о неменьшей вероятности алланского происхождения Иордана. См.: Mommsen T.R. Jordanis Romana et Getica. Prooemium. Berlin, 1882, p. VI–VII (In: Monumenta Germaniae historica, t. V, pars I); Wattenbach W. Deutschlands Geschichtsquellen im Mittelalter, bis zur Mitte des dreizehnten Jhs. Bd. 1. Stuttgart – Berlin, 1904, S. 48; Kappelmacher A. Zur Lebensgeschichte des Jordanis. – Wiener Studien 1914, Bd. 36: *Idem*. Jordanis. – In: Ebert M. Op. cit., Bd. IX. Stuttgart. 1916, S. 1909' и др. Как бы то ни было, остаются не вполне решенными и текстологические проблемы (ключевое *quasi* в Get. 316), и мотивы, которые могли взять верх у Иордана в конце его жизни (готская Равенна и положение *post conversionem*;ср. возможное противопоставление: гот-христианин: аллан-язычник при том, что Иордан особенно тесно был связан с иранской средой, когда он служил нотарием, что имело место, по его собственным словам, *ante conversionem meam*. Get. 266).

¹⁶ Иранские связи Иордана очевидны, как следует из известного фрагмента Get. 265–266 при любой его интерпретации: Sauromatae vero quois Sarmatas dicimus ... parte Illyrici ad Castramartenam urbem sedes sibi datas coluerunt ... Scyri vero et Sadagarii et certi Alanorum cum duce suo nomine Candac Scythiam minorem inferioremque Moesiam acceperunt, cuius Candacis Alanoviam ut his patris mei genitor Paria, id est meus avus, notarius quoisque Candac ipse viveret, fuit, eliusque germanae filio Gunthicis, qui et Baza dicebatur ..., ego item quamvis agramatus Iordanis ante conversionem meam notarius fui. Имя Кандака, по всей вероятности, иранского происхождения; то же, скорее всего, можно сказать и об имени деда Иордана *Paria* (ср. авест. *paryā* 'юноша', *pairikā* < **paryakā*, см. Altheim F. Geschichte der Hunnen, Bd. 1. Berlin, 1959, S. 27 и др.), несмотря на сомнения, высказанные М. Майрхофером (о них см.: Wagner N. Op. cit., S. 11). Второе имя Гунти-

ным было то, что Иордан считал более престижным и, следовательно, "своим", каким было его национальное самосознание. Нет сомнений, что именно иранское и готское население южнорусских степей рассматривалось Иорданом как "свое", как некая н о р м а в отличие от чужих покоренных племен к северу и востоку (возможно, что отсутствие собственно скифов среди подвластных и покоренных Германарихом народов нужно понимать как теневое указание на то, что скифы, наряду с готами, принадлежали к господствующим этносам двуединой готско-скифской державы Германариха). Иранская тема была неизменно и по-особому близка Иордану.

Соответственно двоякой ориентации автора "Гетики" и название *Golthescytha* чаще всего трактовали как "двойной" этноним. Во всяком случае уже самая первая попытка истолкования этого слова предполагала указание на г о т о в и на с к и ф о в¹⁷. Впрочем, был предложен ряд других конкретных толкований, из которых заслуживают упоминания два: понимание *Golthescytha* как "гото-чуди" (*Scytha* есть то же, что *Scuti* у Адама Бременского и обозначает чудь –ср. слав. **Čudъ*, русск. чудь)¹⁸ и как "галиндо-скифов"¹⁹. Существуют и некоторые другие объяснения, из которых особого внимания заслуживают две недавние гипотезы. Одна из них принадлежит Ф. Альтгейму, трактующему это слово как "watschelnde" или "wacklende Skythen" (принятие мены *k'*: *g*, т.е. *golthe* : *k'oltä*, отсылает

гиса *Baza* также скорее отсылает к иранским источникам (ср. скифские Nom. *propri*. типа *Σωχού – βαξος*, *Οὐργα – βαξος* или осет. *Bazuk*, *Am-bazuk*, см.: Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор, I. М.-Л., 1949, с. 160). Имя отца Иордана, если оно скрыто в неясном *Alanoviamuthis*, отсылает к аланской теме (*Alan-*) и готскому именослову (*Viamuthis*, сп. его различные толкования в готском ключе). Если же принять концептуру: *Cuius Candacis, Alan [orum ducis], Viamuthis* (см. Grienberger Th. Die Vorfahren des Jordanes. – Germania, 1889, Bd. 34, S. 406), то прибавляется еще один – прямой – аргумент в пользу алланского происхождения Кандака. Но в Get. 265–266 интереснее, пожалуй, даже не иранские мотивы, а тот перепад в соотношении иранского и готского, который обозначен двумя полюсами: у алана Кандака нотарий с иранским (?) именем; через поколение у гота Гунтигиса (имеющего, возможно, и иранское имя) нотарий гот Иордан.

17 См.: Suhm P.Fr. Historie om de fra Norden Udvandrede Folk.I. København, 1772, c. 114–115, а также: Porthan H.G. Skrifter i urval. – In: Utgfnaf af Finska Literatur-Sällskapet. Helsinki, 1870, c. 201; Koskinen Y. Tiedot Suomen-suun muinaisuudesta. Helsinki, 1862, c. 129; Snellman A.H. Itämeren suomalaiset itsenäisyysitensä aikana. Helsinki, 1894, S. 4, отчасти Grienberger Th. von. Op. cit., S. 160–161 (вторая часть имени связывается воедино с последующим называнием) и т.п.

18 См.: Müllenhoff K. Deutsche Altertumskunde, Bd. 2. Berlin, 1887, S. 74.

19 Ср.: Thunmann J. Untersuchungen über die Geschichte der östlichen europäischen Völker, I. Leipzig, 1774, 370 (*Golthes*, *Golthe* – голядь, *Galindes*); Schafarik P.J. Slawische Altertümer. Bd. I. Leipzig, 1843, S. 304, 465 (*Golthes*, *Lythas* "die Goljaden und Letta", голядь и литовцы). С голядью связывал это название (до Шафарика) еще Богуш-Сестренцевич в прошлом, а в последние годы – без дополнительных аргументов – еще ряд ученых, см.: Вилинбахов В.Б., Энголоватов Н.В. Предварительные замечания о западных галиндах и восточной голяди. – Slavia Occidentalis, 1963, t. 23, с. 234; Седов В.В. Гидронимия голяди. – В кн.: Пітання гідроніміки. Київ, 1971, с. 136–137. Более подробно см. статьи автора: *Colthescytha* Иордана: к вопросу о северо-западных границах распространения древних иранцев. – VIII Конференция по Древнему Востоку, посвященная памяти академика В.В. Струве. Москва, 6–9 февраля 1979 г. Тезисы докладов. М., 1979, с. 91–96; Галльбаи – *Galindite* – Голядь. Балт. **Galind-* в этно-лингвистической и ареальной перспективе. – В кн.: Этногенез балтов. Рига, 1980, с. 124–136.

к осетинскому источнику)²⁰, что все-таки выглядит как типичное объяснение *ad hoc*. Другая гипотеза исходит из основательной конъектуры всего списка народов Германариха, опирающейся на изучение рукописного текста, и принадлежит И. Коркканен. Предлагаемая ею текстологическая реконструкция выглядит следующим образом: *quos domuerant Gothi Scythia t h a t h i u d o s inaxungis *vasinabrocans merens mordens imniscans rogans *iadzans athal naue *goc *peucenas *celtas*, что интерпретируется как *quos domuerant Gothi Scytharum populos *inahsuggeis (ἀμάξοικοι) vasinabrocans (νομάδες) merens (βασιλικό?) mordens (Μοδόκαι?) *imniskans (campestres) rogans (Rugi) *iadzans (*iaz-ans > iazyges) athal naue *goc (prosapia Noe Gog) *peucenas (Peucini) *celtas (Celtae)*²¹. В связи с *Golthescytha* самым существенным являются следующие исправления: а) слово *Golthescytha* членится на две части, б) первая из них понимается как *Gothi*, Nom. Plur.²², с) вторая часть относится к следующему слову *thiudos*, которое трактуется как оставшееся без перевода готск. *þiuda* 'народ'. В результате *Scythathiudos* переводится как "народы Скифии", что находит себе соответствие (среди ряда других) в "Historia Augusta" Требеллиуса Поллиона – *Scytharum diversi populi* (Claud. 6, 1, 2). Не имея возможности оценить здесь всю эту столь радикальную реконструкцию, уместно все-таки сделать несколько замечаний (в частности, ограничивающих доказательную силу всей серии конъектур), которые, кажется, позволяют вернуться к форме *Golthescytha* при том, что она, конечно, неточна и лишь приблизительна. Дело в том, что при всем остроумии нового прочтения текста существуют серьезные трудности чисто грамматического порядка (форма слова, в которой выступает имя готов, характер связи его с предыдущими словами, аграмматичность сочетания *Scythathiudos* и т.п.), не говоря уж о сложностях более общего характера, которые в данном случае выглядят особенно существенными. Прежде всего реконструкция Get. 116 не является чисто текстологической, и, следовательно, ее нельзя считать независимой. Более того, она все время направляется и корректируется возможным общим смыслом и конкретно сходными в той или иной степени отрывками из "Historia Augusta". Кроме того, возникает серьезное сомнение относительно того, каким образом слово, влекущее за собой несомненно важнейшую для всего сочленения тему готов, могло оказаться столь испорченным, что оно стало непонятным вообще (при этом слово стояло в ключевой начальной позиции). Наконец, важнейший аргумент состоит в следующем: чтение *Golthescytha* в Моммсеновском издании имеет с точки зрения критики текста то неоспоримое преимущество, что оно – *lectio difficilior*. Поэтому, исходя по-прежнему из чтения *Golthescytha*, можно попытаться понять, что же в конце концов могло крыться за этим названием.

В настоящее время существуют, кажется, серьезные аргументы в пользу реальности *Golthescytha*, во-первых, и трактовки этого этнонима как "го-

²⁰ 'Watschelnde' oder 'wackelnde' Skythen – denn so wäre zu übersetzen – bezeichnet eine Gangart, die irgendwelche Besonderheiten aufweist". См.: Altheim F. Op. cit., Bd. 1, S. 220–221.

²¹ См.: Korkkanen I. Op. cit., p. 73.

²² Другое возможное объяснение: *Gothis* как Dat. Plur., т.е. "which had been subdued by him under the domination of the Goths" (вместо "which had been subdued by the Goths"). – Там же, с. 68–69.

лядо (галиндо)-скифов", во-вторых. Но для этого необходимо поместить решение этого вопроса в общегалиндский контекст, который в результате последних исследований, посвященных судьбам балтийского племени галиндров, принял совсем новые, несравненно более конкретные и детализированные формы. Здесь целесообразно самым кратким образом напомнить некоторые основные результаты, относящиеся к проблеме галиндоголяди. Они сводятся к следующему: 1) страна *Golanda*, упоминаемая Павлом Диаконом в "Historia Langobardorum" (VIII в.), которая включает в себя утраченное лангобардское сказание о переселении этого племени ("Origo gentis Langobardorum", середина VII в.), находилась непосредственно к югу от страны *Maurunga*, где-то в районе польско-чешского пограничья; это название *Golanda* связывается с именем балтийских галиндров, часть которых (видимо, вместе с германцами) двинулась на юг; к галиндскому слою в этих местахср. *Golensizi* Географа Баварского (ср. *gradice Golensiczeshe* Вроцлавской Буллы 1155 г.), польск. *Goleudzin*, чеш. *Holedec* и т.п. – из **Gol-~~d~~²³*; – 2) следы галиндров обнаруживаются к югу от Припяти, непосредственно перед северной границей Волыни (ср. Голядин, Любомльский р-н Волынской обл.; Голяда, Сарненский р-н Ровенской обл.)²⁴; – 3) голядский слой к югу от Москвы (Протва и южнее) несравненно более мощен, чем предполагалось и обнаруживает целый ряд точных параллелей с названиями в балтийской Галиндии; – 4) носителями зарубинецкой археологической культуры в Припятском Полесье и смежных районах Поднепровья (II в. до н.э. – II в. н.э.) были, видимо, западнобалтийские племена (осторожнее говорить о западнобалтийском компоненте зарубинецкой культуры), которые позже продвинулись в левобережье Верхнего Днепра и в бассейн Верхней Оки, где и сложились почепская и мощинская культуры, совпадающие с ареалом западнобалтийской гидронимии в этих местах и трактуемые как голядские²⁵; – 5) во всех этих ареалах этонимы с элементом *-d-* чередуются с названиями с *-t-* (ср.: прусск. *Galteynen*, 1405, *Galtengrab*, 1515; лит. *Galtų km.*, лтш. *Galtene*, *Galtes-pfava*; куршск.: *a quodam rivo dicto Galtenbeke*, 1390; ср. также Nom. propr. прусск. *Golte*, 1289, *Golthe*, 1347, *Golte*, 1348, в точности совпадающие с первым элементом в *Golthescytha*; *Goltenne*; лит. *Galtys* и др.²⁶); – 6) по-

²³ В свете новых исследований в значительной степени лишаются почвы критические замечания Антоновича в адрес Вилинбахова и Энгватова по поводу связи "польской" и подмосковной голяди. Ср.: *Antoniewicz J. Bałtowie zachodni w V w. p. n.e. – V w. n.e. Terytorium, podstawy gospodarcze i społeczne plemion prusko-jaćwieskich i leutto-litewskich. Pojezierze – Olsztyn – Białystok*, 1979, с. 15, 24, 77.

²⁴ См.: *Непокупный А.П. Балто-северославянские языковые связи*. Киев, 1976, с. 103 и др..

²⁵ См.: Седов В.В. Гидронимия голяди, с. 136–137; *Он же. Балтийская гидронимика Волго-Окского междуречья*. – В кн.: *Древние поселения в Подмосковье*. М., 1978, с. 99–113; *Он же. Славяне и балты в древности*. – В кн.: *Этнолингвистические балтославянские контакты в настоящем и прошлом*. М., 1978, с. 119–121; *Он же. Происхождение и ранняя история славян*. М., 1979, с. 74 и след. Ср. также: Митрофанов А.Г. *Древности восточных балтов на территории Белоруссии в эпоху железа* (VII в. до н.э. – VIII в. н.э.). – Этнолингвистические балтославянские контакты в настоящем и прошлом, с. 102–104 и др. и более осторожные (в отношении этнических выводов) работы Ю.В. Кухаренко о зарубинецкой культуре.

²⁶ Разумеется, отношение **Gal-ind-* к формам типа **Gal-d-*, **Gal-t-* не вполне ясно. Характерно упоминание Иорданом города Гальтиса около реки Ауха, где произошла

всюду, где отмечен элемент **Galind-*, рядом с ним выступает этнонимический элемент **Sud(-in-)* – от Птолемея (*Гαλάδαι καὶ Σούδωι*) до днепропокского *Голядин* – *Судинка, Судость* и т.п.²⁷

Учитывая все сказанное, как и наиболее правдоподобное нахождение *Golthescytha* между Сожем и Десной и несколько далее к востоку до верховьев Оки (за нею начинаются уже финноязычные названия), приходится признать, что именно эта зона является тем местом, где при решительном преобладании балтийского гидронимического элемента иранские следы еще несомненны, хотя они и немногочисленны (помимо нескольких днепровских названий, ср. также окские: с корнем *Дун-*, *Донок*, *Хонеговка, Ханиг, Прутенка, Савенка, Вопрат, Недна, Домасловка, Зуша, Кубань*, может быть, *Алановский* и т.п.)²⁸. Эта зона расположена в непосредственном соседстве с бассейном Сейма, где обнаружены бесспорные следы балто-иранских языковых контактов, подтверждаемые, кажется, и археологическими данными²⁹; при этом иранский фон в этом районе выступает уже как преобладающий. Иначе говоря, оба отмеченные ареала (от Сожа до верховьев Оки и по Сейму) объединяются между собой в том отношении, что они и только они фиксируют балтийскую и иранскую гидронимию одновременно, хотя соотношение этих этнолингвистических элементов в разных частях этого объединенного ареала различное. В связи со сказанным напрашивается предположение, что название *Golthescytha*, локализируемое именно в этом ареале на независимых основаниях (к юго-западу от *Mordens, Merens* и т.п. и к северу от скифов южнорусской степи и лесостепи), могло относиться к "балтийским (голядским) иранцам", т.е. к смешанному населению переходной зоны, в которой происходили интенсивные культурно-языковые контакты иранского и балтийского элемента. В таком случае об этой территории можно говорить как о наиболее северном ареале, в котором еще обнаруживаются иранские следы³⁰. Сам этот ареал характеризуется двумя основными признаками: в одних случаях он резко разграничивает зоны, лежащие к северу и к югу от него, и, следовательно, выступает как рубеж (ср. резкий количественный перепад между названиями с начальным *x*- к *ю* гу [иранский

битва готов и гепидов. Ср.: *conveniuntque ad oppidum Galtis, iuxta quod currit fluvius Auha* (Get. 99). *Oppidum Galtis* предположительно связывают с селением *Galt* в Верхнем течении реки Олт (южное Седмиградье). Как бы ни интерпретировать это название (*Galtis*), оно очень показательно, особенно имея в виду указанный балтийский контекст.

²⁷ К этому следует добавить еще одно замечание. На территории, где могли бы находиться *Golthescytha*, как и вообще в южнорусских степях, нет готских следов в топонимике.

²⁸ Ср. примеры в кн.: Смолицкая Г.П. Гидронимия бассейна Оки. М., 1976.

²⁹ См.: Топоров В.Н., Трубачев О.Н. Указ. соч., с. 229–232; Соловьев В.В. Балто-иранский контакт в Днепровском левобережье. – Сов. археология, 1965, № 4, с. 52–62.

³⁰ Проникновению иранцев столь далеко на север не приходится удивляться. Е. Антонович заметил, что иранская топонимия не только переступает границу лесостепи, но распространяется и далее к северу, вторгаясь в область лиственных лесов с преобладанием дуба, см.: Antoniewicz J. Op. cit., с. 70–72. Смешанные славянско-скифские культуры этих мест также тяготели к указанным районам, именно здесь локализуются многие из отмеченных А.И. Соболевским фактов влияния иранской стихии на русский язык (см. Соболевский А.И. Русско-скифские этюды. – ИОРЯС 1922, т. 27, с. 332 и след.).

слой] и к северу или ограничение названий типа *Колодезь* в основном южной частью указанного ареала, непосредственно продолжающейся в бассейне Верхней Оки стущение подобных названий на левобережье Днепра, по Сейму [иранский слой, ср. авест. *χαп-* 'колодец'] и т.п.); в других случаях этот ареал является местом стыка сходных диалектных индоевропейских факторов в иранской (к юго-востоку) и балтийской (к северо-западу) трактовке (ср. *Осъма* в самых верховьях Днепра [балт. **aston-* 'камень'] при *Асмонь* по Сейму [иранск. *astan-*]). Сходная ситуация фиксируется и на фольклорно-мифологическом материале. Ср., например, предания о великанах Голядах, хваставшихся своей силой, занимавшихся бросанием топора (очевидно, каменного) в небо и превращенных в камень³¹, и аналогичный миф о богатыре по имени *Snāvīdka* в "Авесте" (*Yašt* XIX, 43 и след.) с убедительными осетинскими параллелями³². Вместе с тем через Илью Муромца к этим же местам (*Карачев* > *Караачово*, *Брынь* > *Брынские леса*, река *Смородинка* и т.п.³³) приурочен и *Святогор*, наказанный за гордость тем, что он был превращен в камень или ушел в землю. Уместно напомнить, что само имя – вторичная переделка форм³⁴, сопоставимых в конечном счете с именем *Веретрагны* (ср. и другие варианты, по отношению к которым имя *Святогор* – анаграмма, – *Вострогор*, *Вострогот*, *Веретенник*, ср. *Ворон* Воронович при иранском *vāragna* [> **varayn-* > **varan-*] *Yašt* XIX, 35 и след.), до сих пор не отмеченным русским иранизмом. Таким образом, зона между Сожем и Сеймом обнаруживает несомненные иранизмы культурно-языкового характера, которые устанавливались сначала балтами, а позже и восточными славянами в тех же самых местах. К тому же эта зона с севера и северо-востока граничит с финноязычными территориями, и в этом смысле она также отвечает положению *Golthescytha* в сочинении Иордана. Вообще нужно подчеркнуть, что сам факт двойного совпадения балто-иранских границ, как по гидронимическим, так и по археологическим данным, – при том, что сами границы между этими ареалами точны и во всяком случае рельефно выражены, – относится к числу наиболее убедительных и диагностически важных аргументов в пользу описываемой здесь ситуации балто-иранского, конкретнее, голядско-скифского симбиоза. Без учета этой картины едва ли можно принять и объяснить появление здесь несколько позже славянского населения, которому в этом ареале во времена, описываемые Иорданом (конец IV в.), не оказывается места. Локализация культурно-языкового комплекса, связываемого с именем *Golthescytha*, получает дополнительные аргументы в свою пользу и при учете исторической перспективы: *Golthescytha*

³¹ Эти предания были известны в Мещовском уезде (бассейн Угры) еще в начале этого века, см.: Кацкаров В.М. К вопросу о древнейшем населении Калужской губернии. – Калужская старина, т. 1, кн. 2. Калуга. 1901, с. 12. – По одному из вариантов предания Голяда жил на *Мордасовой горе*.

³² Ср. в этом ареале названия рек *Сновит*, *Сновитка* (но: *Снов*).

³³ В XI в. из Сузdalской земли в Киев ездили не по кратчайшему пути – через землю вятичей, а кружным путем, через верхнюю Волгу и Смоленск. Иное дело – Илья Муромец: *А проехал я дорогой п р я м о е з ж е ю, | Из столного города из Мурома, | Из того села Караачова.*

³⁴ Ср., например: Rudnickiy J. *Svjatogor* – the name of the hero of byline. – Names, 1962, v. 10, p. 229–272; Idem, Zur Name *Svjatogor*. – Wissenschaftlicher Zeitschrift der Ernst – Moritz – Arndt – Universität XIII Greifswald. 1964, S. 475–476.

в своей, так сказать, "голядской" части есть то последнее звено, которого недоставало для того, чтобы был прослежен весь путь миграции голяди из Полесья на Протву и далее в Подмосковье. И, действительно, разрыв между волынско-полесскими названиями с элементом *Голяд-* и таковыми в Подмосковье заполняется топонимами орловско-брянской полосы (ср. *Голяжье*, Ливенск. у. Орловск. губ., *Взголяжье*, Брянск. у., и др.)³⁵, которые раньше как слишком удаленные от голяди на Протве скорее рассматривались на уровне исключений, нуждающихся в особом истолковании.

Сама возможность таких культурно-языковых конгломератов, как голядско-скифский, обозначаемый у Иордана этнонимом *Golthescytha*, не должна вызывать сомнения. Правдоподобно, что несколько позже (если говорить о заключительной стадии) уже в Подмосковье, в частности, на юго-восток от нее, в углу, образуемом впадением Москвы в Оку, существовала переходная голядско-финская зона³⁶, с некоторыми общими чертами культуры и языка. Другой этнический компонент "голядо-скифов", т.е. скифы, также не раз на протяжении своей истории вступали в отношения симбиоза с другими народами. Из ярких примеров можно упомянуть скифо-фракийскую культуру Малой Скифии и Нижней Мезии. В ряде случаев такие этнические объединения складывались в связи с общим миграционным потоком. Таковы были "гото-аланы", устремившиеся из южнорусских степей в юго-западный угол Европы, в Испанию, где они, видимо, и оставили по себе память в названии Каталонии (*Gatalonia*). На основе этого этнографического по происхождению топонима реконструируется и сам этноним, построенный по той же модели, что и *Golthe-scythia*, а именно *got- & *alan-

Последнее, на что следует обратить внимание в связи с кругом вопросов, вызванных толкованием иордановского *Golthescytha*, — проблема устойчивости некоторых этнокультурных схем, реализующихся в одном и том же ареале. Картина, описываемая применительно к территории от Припяти до Сейма и относимая к середине I тыс. н.э., с необыкновенной точностью совпадает с тем, что реконструируется для времен Геродота или немного позже³⁷: невры на Припяти, их миграция (вероятно, частичная) в середине VI в. до н.э. к востоку в землю их ближайших соседей будинов (Десна, верховья Оки), наличие к юго-востоку на Сейме и в верховьях Псла и Ворсклы гибридных будино-гелонов, причем принадлежность гелонов к скифским племенам, видимо, бесспорна³⁸. Правдоподобная точка зрения о балтийском происхождении невров и будинов³⁹ восстанавливает сходство

³⁵ Это хорошо можно видеть на карте гидронимов западнобалтийского типа в связи с археологическими данными в статье: Седов В.В. Гидронимия голяди, с. 136. рис. 2.

³⁶ "Tyrpowa strefa przejściowa bałtofińska" — называет ее Е. Антонович (Op. cit., с. 76).

³⁷ Ср., в частности: Sulimirski T. Ancient Southern Neighbours of the Baltic Tribes. — Acta Baltico-Slavica, 1967, 5, p. 1–17.

³⁸ Невро-будино-гелонскую схему, как она восстанавливается, по данным Геродота, см. в кн.: Рыбаков Б.А. Геродотова Скифия. Историко-географический анализ. М., 1979, с. 161. К соотношению балтийского и иранского элемента по археологическим данным около 400 г до н.э. ср.: Седов В.В. Происхождение и ранняя история славян, с. 50, рис. 7.

³⁹ Об этом будет говориться специально в другой работе. В вопросе этноязыковой принадлежности невров и будинов мы не можем согласиться ни с О.Н. Мельниковой (см. Мельникова О.Н. Племена Южной Белоруссии в раннем железном веке. М., 1967), ни с Б.А. Рыбаковым (см.: Рыбаков Б.А. Указ. соч.).

ситуации практически до тождества. Речь идет о явлении "ситуационной рифмы" как результате аранжирующей деятельности ландшафтных схем в сфере истории. В более широком контексте и в более глубоком смысле оказывается, что ирано-балтийские контакты "разыгрывались" в указанном ареале все тысячелетие – от Геродота до Иордана.

О.Н. ТРУБАЧЕВ

ILLYRICA

Объем понятия "иллирийский" претерпевал в индоевропейском языкоzнании большие изменения. Слишком расширительная ("паниллирийская") трактовка всего сходного материала (Ю. Покорный) вызвала заслуженную критику, но вместе с ней, как нередко бывает, – и другую нежелательную крайность – тенденцию слишком буквально держаться границ "Illygi proprie dicti" близ Адриатики. А между тем критика паниллиризма отнюдь не отменила факта древнего наличия (северных) иллирийцев на юг от Балтийского моря и на запад от низовьев Вислы, их вероятного тождества с тамошними венетами, а равно их лингвоэтнического единства с балканскими иллирийцами (ср. иллир. *Delmatae* на Балканском полуострове и *Dalmatii* в Германии, собственно "овечий")¹.

Проблема критики иллирийских источников и материала по-прежнему стоит остро. Так, слово **iser* 'святой, священный' в якобы иллирийской надписи ANA OHN ICEP с "собственно иллирийской" территории оказалась лишь плодом неправильного прочтения христианской греческой надписи. Есть и другие примеры ложного зачисления слов и имен в иллирийские.

Однако обозримость и скудость иллирийских языковых остатков не умаляют их значения в общей картине индоевропейского и его частей. В своем опыте реконструкции следов индоарийцев в Северном Причерноморье мы обратили внимание на соответствие некоторых местных субстратных корней и их сочетаний иллирийским. Ср. **sibi*- 'болото'? (*civitas Sibensis* близ Таматархи, на Таманском полуострове): иллир. **sib-* (Σιβεντος); **sur-uba* 'кислая вода' (Σουρούφα на реке Вардан-Кубани, Птолемей): иллир. *Syrap-illi*, племя на реке Драве². С иллирийским вкладом постоянно нужно считаться в греческом языкоzнании (заимствования и влияния в καλύβη, κράββατος, ἔπτος). Иллирийская тема не безразлична и для внешней истории праславянского, для исследования славянского этногенеза. Некоторые элементарные понятия носят в славянских языках иллирийские названия, например болг. *колиба* 'хижина' (praslaw. dial. **kolyba*) и даже русск. *кровать* (через греческое посредство). У первого русского летописца, между

¹ Ср. довольно обстоятельно: *Vasmer M. Beiträge zur alten Geographie der Gebiete zwischen Elbe und Weichsel.* – In: *Vasmer M. Schriften zur slavischen Altertumskunde*, Bd. II. Berlin, 1971, S. 540 и сл.; *Idem. Alte geographische Namen zwischen Elbe und Weichsel.* – *Ibidem*, S. 552–553; *Krahe H. Sprache und Vorzeit*. Heidelberg, 1954, S. 102, 116–117. От более подробного обзора здесь приходится отказаться.

² См.: *Трубачев О.Н. Лингвистическая периферия древнейшего славянства. Индоарийцы в Северном Причерноморье.* – ВЯ 1977, № 6, с. 22, 23. Иллирийские примеры почерпнуты из: *Mayer A. Die Sprache der alten Illyrier*, Bd. I. Wien, 1957; Bd. II, 1959 (далее – Mayer I, II).

прочим, сказано о Паннонии следующее: ту бо е Илурикъ... ту бо бАша Словѣни пѣрвѣ (Ипатьевск. летоп. л. 11 об.). Древние славяне безусловно общались с иллирийцами, в своей экспансии они осваивали области, в которых еще сохранялось иллирийское население, — в Чехии, Паннонии, Прикарпатье. Только так можно объяснить абсолютное тождество *Дукля*, наэвание перевала в Карпатах, и *Дукла* в Черногории, *Доблес* (Птолемей); равным образом по-прежнему наиболее вероятной этимологией оронима *Бескиды*, а такжепольск. *Bieszczady* мы считаем свое объяснение из иллир. **biz-kit-/biz-ket-* 'буковый лес'³. Искреннее удивление вызывает одна попытка во что бы то ни стало оспорить эти наши объяснения⁴. При этом Удольф в одном случае отвергает очевидное тождество (*Дукля* = *Дукла*), а в другом случае прибегает к сомнительной реконструкции слав. **bez-kyd-*, которая не может объяснить вариантов. Еще один след иллирийско-славянских контактов мы предположили в свое время в названии реки польск. *Osobłoga*, чеш. *Osobaha* (Силезия), калька иллир. **voso-*, **veso-* 'хороший' с помощью слав. **bolgъ* то же⁵. С возможными оговорками кажется заслуживающим внимания сопоставление иллиромессап. *tabara* 'жрец, жрица' и арм. *figavor* 'царь', др.-перс. *takabara* 'носящий заплетенные волосы'⁶, что относится уже к возможностям индоевропейской этимологии в области иллирийского. С некоторыми новыми такими возможностями мы кратко познакомим ниже.

1. ILLYRII

Как сказал Краэ, "убедительная этимология этнонима *Illygi* не найдена до сих пор"⁷. Не имеет особых перспектив разделяемая некоторыми этимологией от названия незначительной речки *Mer* на Юге Германии⁸. Ниже предлагается объяснение, вполне укладывающееся в рамки эволюции звуков и форм, а также согласующееся с реконструируемыми историческими судьбами этноса. *Иллирий* (Герод. и др.), *Illyrii*⁹ можно реконструировать как **uisluri-*, производное с суф. *-ur-* от **uislā* 'Висла'¹⁰. Отпадение начального *ū*- вероятно, как и ассимиляция *-sl- > -ll-* албанского типа¹¹. Кажется вероятным, что название **uisluri-* 'в и с л я н е' (откуда затем *Иллирий*, *Illyrii*) усвоили себе северные венеты лишь в процессе их миграции на юг — в Паннонию, Далмацию. В бытность свою на левобережье нижней Вислы они звались просто венеты. Таким образом, название **uisluri- Illyrii* 'висляне' оказывается мемориальным в отличие от аналогичного слав. **visl'anе*,

³ См.: Трубачев О.Н. Названия рек Правобережной Украины. М., 1968, с. 281–282 (там же другой материал).

⁴ См.: Udolph J. Studien zu slavischen Gewässernamen und Gewässerbezeichnungen. Heidelberg, 1979, S. 600 и сл.

⁵ Трубачев О.Н. Заметки по лехитской этимологии. — В кн.: Исследования по польскому языку. М., 1969, с. 306.

⁶ Трубачев О.Н. — ВЯ, 1980, № 1, с. 144.

⁷ Krahe H. Die Sprache der Illyrier. I. Teil: Die Quellen. Wiesbaden, 1955, S. 3, Anm. 1 (далее — Krahe).

⁸ См.: Mayer II 54, с литер.

⁹ Подробная сводка — Mayer I, 164.

¹⁰ Дальнейшую и-е. этимологию гидронима см. Rozwadowski J. Studia nad nazwami wód słowiańskich. Kraków, 1948, с. 264 и сл., 271, 282–286, 291.

¹¹ См.: Mayer II, 175; о примерах с суф. *-ur-jo-* см. там же, с. 232.

обозначавшего славянское (лехитское) племя по месту обитания на верхней Висле. Остается добавить, что именно низовья Вислы считаются прародиной иллировенетов¹².

2. LICICA VIKI

Licicaviki – знаменитый гапакс ранней польской истории, название племени, подвластного польскому князю Мешко I, в саксонской хронике Видукинда (X в.). Саксонский хронист называет племя славянским (*Sclavi qui dicuntur Licicaviki*), позднейшие исследователи считали их польским племенем, даже распространяли название *Licicaviki* на весь тогдашний польский край. Однако попытки истолковать и само название как славянское, польское (*Łęczykanie, Licikowicze, Lucice, Liczkawki, Lechowicy* и т.п.) одинаково безнадежны, откуда пессимистические констатации полонистов: "zagadkowa nazwa", "nie wiadomo, jak ja poprawnie odczytać i objaśnić"¹³. Но в данном случае, как нередко бывает, славянское или польское племя носило неславянское название. Трудности отступают, как только мы привлечем иллирийские личные имена собственые из Паннонии и других мест к югу – *Liccavus, Liccavius*, производные от названия местности, до сих пор сохранившегося в Югославии – *Lika*, этимологически – 'влажная, текучая'¹⁴. "Загадочное" *Licicaviki* у Видукинда, которое, очевидно, надо читать как **Liccaviki*/
**Liccavici*, объясняется как первоначальное иллирийское имя.

3. ИЛЛИР. *δάξα* (И ЕГО ПРОИЗВОДНЫЕ)

Иллир. *δάξα* (и его производные) по примеру предыдущих названий связывает северных и балканских иллирийцев. Глосса Гесихия *δάξα·Θάλασσα*. 'Нπειρῶται, т.е. 'море' у эпиротов, производные *Δέξαροι, Δόξαρες*, название племени ('приморские жители'), '*Αρ-δάξανος*, гидроним 'приморский (ручей)', а также современное название одного из Элафитских островов в Адриатическом море – *Daksa* – гарантируют иллирийскую принадлежность этого слова¹⁵. Нам осталось неясным, почему Майер реконструирует иллир. **dāzā* 'море', тогда как можно восстанавливать только форму **dāksā*, и именно эта последняя, а также производные от нее прослеживаются на севере, что как будто ускользнуло от внимания исследователей. В Чехии известен городок *Doksy* (1264 г.: *circa aquam dictam Dogs*; в лат. грамотах часто: *In Doxa*) и деревня *Doksy* (1383 г.: *de Dokzie*). Профоус, у которого мы взяли эти сведения, называет еще деревню *Doksany* на берегу реки Огрже (A. 1142 *fundatur monasterium in Doxan*). Как особое отличие Профоус указывает, что и те и другие *Doksy* расположены над медленными потоками с разливами. Автор весьма проницательно заключает, что названия эти нельзя объяснить ни из славянских языков, ни из немецкого, но что речь может идти о дославянском слове **dokz-*, обозначавшем медленно текущие, разливающиеся воды¹⁶. Очевидно, что здесь отразилось иллир.

¹² Krahe 1955, 8.

¹³ См.: Labuda G., Urbańczyk S. *Licicaviki. – Słownik starożytności słowiańskich*, t. III. Wrocław-Warszawa-Kraków, 1967, c. 56.

¹⁴ Mayer I, 210–211; II, 71.

¹⁵ Krahe 1955, 44; Mayer I, 109; II, 36.

¹⁶ Profous A. *Místní jména v Čechách, díl I*. Praha, 1947, c. 370.

*daksā и его производное *daksan- (выше). Теперь можно обратиться еще дальше на север, где Адам Бременский упоминает племя *Doxani Slavi*. Современные исследователи понимают это так, что не только племя, но и название его – славянское, производное с суф. -ane от названия реки *Dosse*¹⁷. Т. Витковский реконструирует запись *Doxani* 1074 г. как слав. *Dok-sane/*Došane* (носр. выше чеш. *Doksany!*), а форму *Desseri* считает немецким производным от того же *Dosse*¹⁸. Думаем, однако, что это не славянские и не германские производные, но отражения североиллир. (венет.) *daksan- и *daksar-, производных от иллирийского же *daksā 'широкая вода, море' (кстати, *Dosse* впадает в *Havel*, явно производное от северогерманского названия моря, морского залива, нем. *Haff*, в чем следует усматривать наличие иллирийско-германской кальки *Dosse* < *daksā 'море': *Havel*).

4. ИЛЛИРОМЕССАП. *ATĀBULUS*

Atābulus – название ветра, дующего в Апулии, одной из областей Южной Италии, где селились иллирийцы-мессапы. Туземный и очевидно мессапский характер слова вероятен, хотя далеко не все авторы включают его в иллирийские остатки. Для понимания его важно место из Сенеки (цит. по: Krahe 1955, 41): quidam sunt (sc. venti) quorundam locorum proprii, qui non transmit-tunt sed in proximum ferunt; non est illis a latere universi mundi impetus: Atabulus Apuliam infestat, Calabriam Iapyx, Athenas Sciron, Pamphyliam Crageus etc. 'есть ветры, свойственные для некоторых мест, которые не проносятся насквозь, а распространяются поблизости; у них нет натиска со стороны внешнего мира: Апулию беспокоит Atabulus, Калабрию – япигиц (япод), Афины – Скирон, Памфилию – Крагей'. Почему, презрев свидетельство цитаты о том, что *Atabulus* – местный, а не "транзитный" ветер, считают возможным анализировать *āt-ābulus* 'через воду (море) веющий', сближая с и.-е. *ati 'через', *ab- 'вода' или алб. *avull*, *avëll* 'пар'¹⁹, мы так и не смогли понять. Опираясь на драгоценное показание древних, мы предлагаем членить *atā-bulus* или **atā-bulas*, сложение иллирийского appellativa *bul- 'город, жилище'²⁰ с предлогом-приставкой *atā* 'от, из'. Почти тождественное и генетически тоже иллирийское сложение мы находим в древнем названии Родоса – 'Атабирία' и самой большой горы там же – 'Атабирίος' откуда – Ζεὺς 'Атабирίος' Зевс Атабирийский'. Еще древним была известна связь 'Атабирίον' с иллирийским названием жилья – βύριον 'οἴκημα'²¹. Родос был охвачен дорийской экспансией, в которой допускается участие иллирийцев. Таким образом, мы можем реконструировать иллир. **ata-bulas*, **ata-buria*. Важно, что это позволяет получить сведения об иллирийском предлоге-приставке **ata*-, но еще важнее констатация, что перед нами не

¹⁷ См. *Vasmer M. Schriften zur slavischen Altertumskunde und Namenkunde*. Bd. II, S. 608, где *Dosse* возводится к нем. *Dachs* 'барсук'.

¹⁸ Witkowski T. Über die Sammlung der altpolabischen Stammesnamen. – Четврто заседание на Меѓународната комисија за словенска ономастика. Скопје, 1971, с. 71, 72.

¹⁹ См.: Krahe, там же, с литер.

²⁰ Βουλλίς, Βούλλις, см. Mayer I, 100–101; II, 29;ср. еще *Tri-bulum*, вар. *Triburium* у Плиния – III, 142.

²¹ См.: Pape W. – Benseler G. Wörterbuch der griechischen Eigennamen, Bd. 1, Graz, 1959, S. 167.

слово, а падежная форма, аналитически выраженный ablativ 'о т/и з д о м а', образованный с помощью проклитики *ata*. Иллир. *ata*- родственно слав. *otъ* в близком значении, особенно балт. *ata*- (есть и балт. полная форма *atā-*,ср. долготу в *Atābulus*). Здесь уместно вспомнить теорию образования и.-е. ablativa -o- основ от сложения с послелогом-энклитикой типа **uk̥-o-at*²². Задатки такого аналитического ablativa мы видим и в др.-русск.: мы *о роде* Русского (Ипатьевск. летоп. л. 13). Если учсть, что иллирийская именная флексия нам практически неизвестна²³, обнаружение следов аналитического ablativa в иллир. **atā-bula* 'от дома' может представить интерес, как и параллельность его славянским конструкциям.

5. ИЛЛИРИ. *IAPODES*

Iapodes – название иллирийского племени (*Ιάποδες* – Страбон, *Ιάπιδες* – Птол., вторично также *Ιάπιγες*²⁴), наиболее выдвинутого на запад, включая Южную Италию. Мне неизвестна этимология этого имени, между тем как обращает на себя внимание его близость к праслав. диал. **apadъ*, собственно – сербохорв. *jānād* ж.р. 'тенистое место', сложение префикса *a-* (и.-е. **ē-/ō-*) и основы глагола **padq*, **pasti*²⁵. Иллир. *Iāpōdes* могло бы в соответствии с этим продолжать и.-е. **ē-pād-* с семантикой 'з а п а д, з а п а д н ы е' (отдельные случаи иллир. *a* < и.-е. *ē* известны, *iā* < *ē* тем более вероятно). Констатация иллирийской приставки *ia-* (может быть, она представлена еще в *Ιαδερ*, *Iadora*, город в Либурнии, соврем. сербохорв. *Zadar*²⁶) весьма существенна, как и аналогии со славянским.

В я ч. В с. И В А Н О В

К ПРОБЛЕМЕ СООТНОШЕНИЯ ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОЙ И ХАТТСКОЙ ТРАДИЦИЙ

После того как исследование хаттского языка и хатских текстов вступило в новый этап благодаря установлению места хаттского языка среди родственных ему северо(-западно-)кавказских, начинает проясняться и целый ряд вопросов, связанных с влиянием хаттской традиции на раннюю греческую.

1. Хатты – греч. χάλυβες. В отчетливой форме отождествление хаттов как кавказского по своим языковым связям народа с древнегреческими "халибами" – железоделателями впервые предположил еще в 1915 г. Mapp¹

²² Эндзелин Я. Избранные труды, II. Рига, 1974, с. 287, с литер.; *Stang Chr.S. Vergleichende Grammatik der baltischen Sprachen*. Oslo-Bergen-Tromsø, 1966, S. 44, 181.

²³ *Russu I.I. Illirii. Bucureşti*, 1969, с. 106.

²⁴ См. подробно: *Mayer I*, 160–161.

²⁵ См.: Этимологический словарь славянских языков I, 71.

²⁶ См.: *Mayer I*, 159.

¹ Mapp H.J. О религиозных верованиях абхазов. – в кн.: Христианский Восток, т. IV. СПб., 1915, с. 113–140; перепечатано в кн.: Mapp H.J. О языке и истории абхазов. М.–Л., 1938, с. 98–125. Из объяснений Марпа (подтвержденных в настоящее время хатским материалом), содержащихся в этой статье (см. вторую из названных публикаций, с. 120–125), стоит выделить этимологию сванского названия 'дуба, дубовой

(единственной существенной, но по тем временам – до дешифровки Грозного – простительной его ошибкой было называние и неиндоевропейцев – хаттов, позднее так же неверно долго называвшихся "протохаттами", и индоевропейцев хеттов одним термином "хетты"). Этот же вывод оказалось возможным удостоверить благодаря сопоставлению металлографических данных о неметеоритном происхождении железа кинжалов из погребений Аладжа-Хююк (начало III тыс. до н.э. по Мелаарту²), обычно соотносимых со временем хатского владычества, и лингвистических сведений о хатском названии железа *ja-wa-lki* 'из железа'. Проникновение и распространение этого последнего в различные языки Евразии относится примерно к тому же времени (конец II – начало I тыс. до н.э., иногда и раньше), которым датируется и распространение знаний о плавке и ковке железа (и стали) у соответствующих народов, постепенно перенимавших это новое достижение у хаттов, и потом и хеттов – наследников их духовной и материальной культуры³. Из числа недавно полученных особенно наглядных подтверждений синхронности диффузии технологии изготовления железа (и стали) и его названия следует обратить особое внимание на восточноазиатский ареал, где отражение и в тибето-китайском (др.-кит. **thiet* < < **dek*, тибет. *lcags*, диалект. *r(ç)tçak*⁴, яо *lhak*, мяо *lh'eu*), так и в неродственном ему тайском (*lek*) форм типа **khlek* 'железо'⁵ свидетельствует о раннем распространении миграционного термина типа хат. (*ja-wa-)lki*, которое может датироваться достаточно ранним периодом. С этим соглашаются новейшие археологические данные, по которым железный век в

роши' с суф. -*ra* (абхазского типа) из западно-кавказской формы, родственной адыйск. *жиг-ей* 'дуб', *жиг* 'дерево', что согласуется с хат. *ziler* 'дерево для строительства, лес'.

² Mellaart J. Egyptian and Near Eastern chronology: a dilemma? – Antiquity, 1979, v. 53, N 207, p. 12–14, 18.

³ Иванов В.В. Проблемы истории металлов на Древнем Востоке в свете данных лингвистики. – Историко-филологический журнал АН Арм. ССР, 1976, 4 (75), с. 74–75; Он же. К истории древних названий металлов в южнобалканском, малоазийском и средиземноморском ареалах. – В кн.: Славянское и балканское языкознание. Античная балканстика и сравнительная грамматика. М., 1977, с. 23–24; Он же. Древние культурные и языковые связи южнобалканского, эгейского и малоазийского (анатолийского) ареалов. – В кн.: Балканский лингвистический сборник, М., 1977, с. 26–29; Он же. О происхождении некоторых балтийских названий металлов. – Baltistica, 1977, XIII (1), с. 223–231; Он же. О некоторых переднеазиатских параллелях к картвельским лексемам. – В кн.: Лингвистический сборник АН Груз. ССР, Тбилиси, 1979, с. 111–117; Он же. Славянские названия металлов и проблемы восстановления ранних этапов истории металлургии у славян. – Сов. славяновед., 1979, № 5, с. 82–95; Он же. Железо. – В кн.: Всеобщая история химии. Возникновение и развитие химии с древнейших времен до XVII века. М., 1980, с. 61–71.

⁴ Spriag R.K. The Golor dialect and written Tibetan past tense verb forms. – Bulletin of the school of Oriental and African research, 1979, v. XLII, pt. 1, p. 58.

⁵ Kun Chang. Sino-Tibetan 'Iron': **qʰleks*. – Journal of the American Oriental Society, 1972, v. XVII, p. 430–446. Хотя некоторые из названных языков (в частности, тибето-бирманские, мяо-яо и др.) могут быть в конечном счете родственны северо-кавказским, тем не менее не только в тайском (куда слово могло попасть из тибето-китайского), но и во всех других этих языках скорее вероятно древнее общее заимствование по семантическим причинам (допустить, что слово обозначало в древности метеоритное железо, нет оснований). Относительно слов со вторым элементом -*l*- типа тибет. *klun*, тай *khl'wɔj* 'канал', заимствованных из австро-азиатского, см.: Norman J., Tsu-lin Mei. The austro-asiatics in Ancient South China. – Monumenta Serica, November 1978, v. XXXII (1976), p. 282.

Восточной Азии сильно отодвигается назад: плавка железа осуществлялась еще около 1400 г. до н.э.⁶ (дата, близкая к той, на которую указывают и собственно лингвистические данные).

Другим примером, показывающим, насколько хорошо данные металлографического и археологического анализа согласуются со сведениями, почерпнутыми из древнемалоазиатских письменных источников, может быть связь железноделательного производства с получением железных шлаков при выплавке меди. Этот последний факт, известный в археологии древней Малой Азии⁷ и Закавказья⁸, не был учтен историками. Поэтому, например, исследователь староассирийских торговых колоний рубежа III и II тыс. до н.э. (времени конца хаттско-хеттского симбиоза) удивлялся пожеланию автора письма получить "меди, которая не содержит гематит" (*URUDU ŠA ŠA-AD-WA-NA-AM LA Ú-KA-LÚ*), что "указывает на удивительный факт: железо было шлаком при изготовлении меди"⁹. Но для тех, кто знает указанные выводы археологов, ничего удивительного в этом нет.

Хотя хатты и были изобретателями сознательно направленной (а не случайной) выплавки железа и стали, тем не менее почти до конца Хеттского царства железо оставалось предметом роскоши. Из многочисленных топоров, найденных в Центральной Анатолии, только один, относящийся уже к 13 в. до н.э., сделан из железа (найден в нижней части столицы хеттов – Хаттусаса и принадлежит к широко распространенному типу IV¹⁰, что подтверждает неуникальность этого изделия).

Примерно к тому же времени относятся и первые свидетельства выплавки стали и ее закалки (с целью получения твердого металла) в Эгейском мире (на Кипре, в области, за обладание которой боролись последние хеттские цари), где наиболее ранние свидетельства появления железа датируются концом 13–12 в. до н.э.¹¹ След знакомства с подобными приемами специалисты по истории металлургии усматривают в гомеровском тексте, относящемся к ослеплению Полифема¹².

Греки, к этому периоду уже познакомившиеся с малоазиатской техникой изготовления железа и стали, еще долгое время сохраняли память

⁶ Early South East Asia, Essays in archaeology, history and historical geography. Ed. by R.B. Smith, W. Watson, N.Y. – Kuala Lumpur, Oxford University Press, 1979.

⁷ Mellink M.J. Archaeology in Asia Minor. – American Journal of Archaeology, 1974, v. 42, N 2, p. 115.

⁸ Кушнарева К.Х., Чубинишвили Т.Н. Древние культуры Южного Кавказа (V–III тыс. до н.э.), Л., 1970, с. 132, табл. 11, строка 27.

⁹ Larsen M.T. The Old-Assyrian city-states and its colonies, Copenhagen, 1976, p. 91–92.

¹⁰ Boehmer R.M. Die Kleinfunde vom Boğazköy. Berlin, 1972, S. 138, N 1255, Taf. 14; Erkanal H. Die Axt und Beile des 2. Jahrtausends in Zentralanatolien (Prähistorische Bronzefunde, Abteilung IX, Bd. 8), München, 1977, S. 6. Taf. 3–27. Из свидетельств хеттских письменных источников, описывающих (как и хаттские ритуалы) изделия из железа, стоит отметить текст KUB II 2 II 9, где говорится о железном ярме на паре быков из железа.

¹¹ Tholander E. Evidence of the use of carburized steel and quench-hardening in the late Bronze age Cyprus. Opuscula Atheniensia, 1971, v. 10, 3, p. 18–22; Pleiner R. Technology of three Assyrian iron artifacts from Khorsabad. – Journal of Near Eastern Studies, 1979, v. 38, p. 97, n. 12; Buchholz H.-G. Vassos Karageorghüs. Excavations at Kition. – Gnomon, 1979, Bd. 51, H. 7, S. 675.

¹² Curtis J.E., Wheeler T.S., Muhly J.D., Maddin K. Neo-Assyrian iron working technology. Proceedings of the American Philosophical Society, 1979, v. 123, N 6, p. 381.

не только о восточном происхождении этой техники, но и о народе — халибах (*χάλυβες*, "железоделателях", самое имя которых, говорящее о характере их металлургических открытий¹³, отражается в названиях мест вплоть до византийского времени и даже возможно в современной топонимике Малой Азии¹⁴).

2. Хат. *ha-p-rass'* 'леопард, барс'; греч. *πάρδαλις*, *παρδαλέη*, *πόρδαλις*. Если сравнение греч. *χάλυβες* : хат. *ha-wa-lki* может быть соотнесено с археологическими данными, касающимися III и II тыс. до н.э., то при сопоставлении хат. *ha-p-rass-un* 'леопарда, леопардово' (ср. хет. *paršana-*) и заимствованного (как и фонетически сходные др.-инд. *pr̥d-aku*, афг. *pr̥āng*, согд. *r̥wdr̥ik* 'леопард, пантера', перс. *palang* при зап.-ир. *pārs-* ~ *fārs-*, сарыкол. *pis*) либо из хаттского, либо из языка, близкого к хаттскому, греч. гомер. *πόρδαλις* (*πάρδαλις*), *πάρδος* 'леопард, барс' оказывается возможным сближение лингвистических фактов с гораздо более древними археологическими, восходящими к традиции Чатал-Хююка и Хаджилара (VII–VI тыс. до н.э.)¹⁵. У Гомера это слово используется в перечислениях, где речь идет либо о божестве, в качестве одного из грозных воплощений принимающего образ леопарда вслед за образом льва (δ 457), либо о хищниках — δῶων *παρδαλίων* ρε λύκων (N 103) — 'шакалах, пантерах и волках', которые угрожают лесным травоядным животным. Но наибольший интерес представляют два тождественных по функции употребления греч. *παρδαλέη* 'барсовая шкура' в "Илиаде" как обозначения атрибута сражающегося героя-тroyянца (Александра) в начале 3 песни (Г 17) и ахейца-Менелая в начале 10 песни (К 29). Это использование названия 'барсовой шкуры' заставляет обратиться, с одной стороны, к изображениям мужчин в таких шкурах на фреске начала VI тыс. до н.э. из Чатал-Хююка, с другой, к кавказским традициям, прежде всего к той, которая представлена в поэтической обработке Руставели. О.М. Фрейденберг писала о герое грузинского эпоса, как бы предвосхищая недавние выводы Р.А. Якобсона и К. Леви-Стросса о двойственности роли мифологического гонимого гонителя: "за ним гонятся и его ищут, но сам он, в барсовой шкуре, одновременно и барс, как лев-Геракл в львиной шкуре"¹⁶. Груз. *ტავ* 'шкура, кожа', выступающее в названии поэмы: "Verxis tqaosani", и родственные ему мегрело-чанские слова имеют соответствия в качестве ареального термина как в общесиндоевропейском **twek-* (что может объясняться очень древними контактами¹⁷), так и специально в греческом (куда слово в другой форме **kowo-s* было заимство-

¹³ Planhol X. de. Geographica pontica. II. Les Khalybes: nom du peuple ou qualificatif professionnel? — Journal asiatique, 1963, t. CCLI, N 3–4, pp. 298–309.

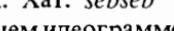
¹⁴ Carmody T.Y. Remarques sur la toponymie anatolienne actuelle. — Orbis, t. XXVII, 1978, N 1, p. 109, n. 1.

¹⁵ Иванов В.В. Разыскания в области анатолийского языкознания. — В кн.: Этимология 1976, М., 1978, с. 153–158; Он же: Чатал-Гююк и Балканы. Проблемы этнических связей и культурных контактов. — В кн.: Balcanica. Лингвистические исследования, М., 1979, с. 21–22; Он же: Анатолийские языки. — В кн.: Древние языки. М. Азии. М., 1980, с. 135; Антонова Е.В. О характере религиозных представлений неолитических обитателей Анатолии. — В кн.: Культура и искусство народов Средней Азии в древности и средневековье. М., 1979, с. 22, 23, 26, 31.

¹⁶ Фрейденберг О.М. Поэтика сюжета и жанра. Л., 1936, с. 261. Ср. так же: Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В. Индоевропейский язык и индоевропейцы, т. II. Тбилиси, 1982.

¹⁷ Иванов В.В. О некоторых переднеазиатских параллелях к картельским лексемам, с. 121–122.

вано, очевидно, из западно-картвельского¹⁸). Но не исключено, что наиболее ранняя форма того же слова (позднее проникшего как в индоевропейские диалекты, так и в картвельские, откуда потом в греческий) представлена в таких северо-(восточно-)кавказских языках, как нахские: чечен. *цюка* 'шкура' при *цюкъан* *цюка* 'барсова шкура', где, возможно, древняя этимологическая фигура или анаграмма: *цюкъ* (иначе *цюкъберг*) 'барс', *цюкъберган* (*цюкъан*) 'барсовый'. Для северо-западно-кавказских языков характерно общее слово в значении 'шкура', 'кожа, кора': адыгейск. *шъо* (старо-адыгейск. *сюэ*¹⁹), кабард. *фэ*, убых. *с'о* (*tät-c'о* 'внешний вид человека'), абхаз. *а-цәа* (*ауас-цәа* 'овечья шкура', *абжас-цәа* 'тигровая или барсовая²⁰ шкура'), абхаз.чва. Фонетический облик западно-кавказского слова позволяет сближать его с восточно-кавказским и вместе с тем предположить, что если и.е. **twek-* могло быть заимствовано из формы с конечным *-k- типа чечен. *цюк-*, то анлаут индоевропейского (но не картвельского, существенно преобразовавшегося по сравнению с исходным) слова близок к общезападно-кавказскому. Адыгские языки позднее заменили древнее название тигра, родственное абхаз. *абжъас* (и возможно хат. *ha-prass'*) тюркским заимствованием: старо-адыгейск. *канлан* 'тигр'²¹, кабард. *къапъэнъфэ* 'тигровая шкура'. Но исходное сочетание с семантикой группин. *verhix* *!qaosani*, чечен. *цюкъан* *цюка*, абхаз. *абжъасцәа*, по-видимому, можно считать характерным для всего кавказского ареала. В отличие от большинства живых кавказских языков греческий гомеровский сохраняет в этом значении производное (на -l,ср. хат. -el?) от имени барса, заимствованного из хеттского, а не соответствующее наименование 'шкура', в греческом имеющее две разные по хронологии формы — общеиндоевропейскую **twek-* > греч. *σάκος* 'щит' < 'кожаный щит' (ср. хет. *twekk-* 'тело', др.-инд. *tvac-* 'кожа, шкура') и более позднюю, заимствованную в Колхиде (микенск. греч. *ko-wo* 'руно' = **kowos* < **ḱow-*), но в обоих случаях достаточно далекую от исходного значения.

3. Хат. *šebsəb* 'обувь': греч. *σύχοι*. Хат. *šebsəb* 'обувь' (в сочетании *li-e-še-ib-še-ib* 'его обувь', соответствуяющем идеограмме 'обувь' в билингве Bo2030²²) представляет собой редупликацию, структурно напоминающую не только абхаз. *a-qanqan* 'род обуви'²³, но и убых. *bz'ałabz'a* 'зимняя обувь' от *bz'a* 'зима'²⁴. Исходный корень, лежащий в основе этой редупликации, тождествен первой морфеме, предположительно выделяемой (в соответствии с гипотезой Н.Ф. Яковлева об однослож-

¹⁸ Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В. Картвело-“догреческие” заимствования и проблема мифа об аргонавтах. – В кн.: Balcano-balto-slavica. Симпозиум по структуре текста. М. Институт славяноведения и balkanistiki. М., 1979, с. 21–22.

¹⁹ Люлье Л. Словарь русско-черкесский или адыгский. Одесса, 1846, с. 240.

²⁰ На последнее значение (делающее возможным хотя бы весьма гипотетическое сближение с абхаз. *абжъас* 'тигр, барс' и хат. *ha-prass'*) автору любезно указал Ш.Д. Инал-ипа, чья помощь была очень важной и при разборе значений других абхазских слов.

²¹ Люлье Л. Указ. соч., с. 213.

²² Schuster H.-S. Die hattisch-hethitischen Bilinguem. 1. Einleitung. Texte und Kommentar, t. 1. (Documenta et monumenta Orientis Antiqui, vol. septimum decimum). Leiden, 1974. S. 70–71, 115.

²³ Аргизина В.Г. Некоторые сходные структурные признаки хаттского и абхазо-адыгского языков. – В кн.: Переднеазиатский сборник, III. М., 1979, с. 34.

²⁴ Vogt H. Dictionnaire de la langue oubykh. Oslo, 1963, p. 93 (морфема № 180).

ности на определенном хронологическом уровне исходных черкесских корней) в адыгейск. (зап.-черкес.) *цуакъэ* <^č*wa-qe* 'чувяки, обувь' (старо-адыгейск. *ціәкъє* 'башмак'²⁵), кабард. *вакъэ* <*va-qe*.

В таком случае фонетическое и графическое соответствие хат. *šeib(-šeib)*: адыгейск. *č^O(a)-*, кабард. *ua-* полностью аналогично соотношению хат. (*i*)*zzibina* 'кислый' (в той же билингве *i-e-iž-iž-z-i-bi-i-na* соответствует аккад. *IM-ZU* 'кислый'²⁶) и адыгейск. (*gəzə-*)*шIуэшIуэн* 'квасить', кабард. *фIэшIу* 'кислый', абхаз. *a цэ цы* 'кислый' (с возможной албанской параллелью), арцаха 'квасить' (к фонетическому соответствию ср. также хатт. *izzi* 'хороший, благой': адыгейск. *фIы* 'добрый', кабард. *шIу* 'благой'); хат. (*ka-*)*štib* 'дверь': абхаз. *a-иш*; хат. *kaška-štipa* 'порог двери' (к первой части ср. хет. *askā* 'ворота', заимствованное из хаттского и удостоверяющее префиксальный характер *k*): абхаз. *бзыб. асхá-мвш* 'порог двери'. Следовательно, в клинописи, служившей для передачи хаттского языка, написание *-i/b* могло передавать либо отдельную губную фонему, либо признак огублленности, как в хат. *šeib* согласно предлагаемой адыгской его этимологии.

Греч. *σύκχοι* · *ὑπόδηματα* Φρύγια 'башмаки фригийские' (иногда переводится 'сандалии'²⁷) содержит указание на Фригию, т.е. на область древнего распространения хаттского, а позднее хеттского (только потом, после падения Хеттского царства, фригийского) языка. В этой области имелась особая обувь, по-хеттски называвшаяся KUS E.SIR *hattiliēs* 'хаттская обувь'²⁸, где идеограмма совпадает с той, которой по-хеттски переводится хат. *šeibšeib*, а прилагательное *hattili-* (в форме мн.ч.) – с хет. *hattili* 'по-хаттски, на хаттском языке'²⁹. Этот необычный вид обуви (сохранившийся в адыгской традиции, откуда и рус. *чувяки, чевяки*) в греческом назывался либо *σύκχοι* мн.ч. *σύκχος*, либо переиначенными формами *συκχάς*, *συγχίς*, объясняемыми позднейшим влиянием народной этимологии; отсюда и лат. *soccus* 'мягкая обувь' (уже у Плавта). Само же изначальное греческое название обоснованно признается связанным с приведенными адыгскими словами, в частности, с пракабардин. **z^Oeqe-*, имеющим и восточно-кавказские соответствия³⁰, ср. каратин. *ЦIЦункla* 'носок обуви'³¹, с аффрикатой того же типа, что и в восточно-кавказских соответствиях приведенного выше хатт. *-zzibina* 'кислый': авар. *չեկավ* 'кислый'³², хат. *b-iž-iž* 'хороший'; авар. *baç-iné* 'чистый': гунз. *в-aⁿcəka* 'очистить' с таким же классным показателем *v-*³³, как в хат. *b-iži*; хат. *ka-štib* 'дверь': авар. *ni-cəd³⁴*. Данный факт показывает, что такие более поздние обозначения,

²⁵ Лольс Л. Указ. соч., с. 3.

²⁶ Schuster H.-S. op. cit., S. 70–71, 115.

²⁷ Нерознак В.П. Палеобалканские языки. М., 1978, с. 153.

²⁸ Otten H. Fußbekleidung bei den Hethitern. – Reallexikon der Assyriologie, Lief. 3, Berlin, 1959, S. 125.

²⁹ Иванов В.В. Заметки по сравнительно-исторической индоевропейской поэтике. – В кн.: То Нопор R. Jacobson. The Hague-Paris, 1967, с. 979.

³⁰ Knobloch J. Ein kaukasisches Lehnwort in den klassischen Sprachen. – Die Sprache, 1958, Bd. IV, S. 198–200.

³¹ Сравнительно-историческая лексика дагестанских языков. М., 1971, с. 214.

³² Гудава Т.Е. Историко-сравнительный анализ консонантизма дидойских языков. Тбилиси, 1979, с. 159–160.

³³ Там же, с. 162.

³⁴ Там же, с. 161–162.

как "фригийский", могли скрывать в себе в действительности ссылки не только на хеттскую традицию (ср. предысторию Кибелы-Кубабы), но и на ей предшествовавшую хаттскую, в лексическом отношении обнаруживающую значительную близость к адыгской. Этим же объясняется и отмеченный еще А. Тромбетти³⁵ факт отдельных лексических совпадений у хаттского и лидийского языка (наиболее непосредственно из всех позднеанатолийских продолжающего собственно хеттскую традицию).

4. Обозначения Страха и Ужаса. В некоторых случаях хаттские термины, имеющие соответствия в северо-западно-кавказских языках, не заимствовались, а переводились греками. В таких случаях, где непосредственный источник заимствования менее очевиден, вероятнее и хеттский язык как промежуточный (как это возможно и по отношению к перенятию в греческом эпосе различия "языка богов" и "языка людей", известного по хаттско-хеттским билингвам, а также и применительно к возможному заимствованию имени хаттского и хеттского бога Телепину — греческого Телефа; в сванский обряд имя *Telepia* могло проникнуть и из северо-западно-кавказского). Так давно уже замеченное³⁶ сходство пары божеств Δεῖσος τε Φόβος τε ('Страх и Ужас') у Гомера в "Иллиаде" (где они упомянуты и в описании щита Агамемнона, Λ 36–37, и как слуги и возницы бога, связываемого с малоазиатским кругом Ареса, Δ 440, Ο 119) с хаттскими аналогичными божествами *Nahsaratēš* (мн.ч.) 'Страхи' и *Weritemaš* (мн. ч.) 'Ужасы' объясняется воздействием хаттской традиции, где в той же функции выступают *tawwa₄ tup/wi₄* 'страх и ужас'³⁷. Различие между конструкцией (*uduwa₄*) *tawwa₄ tupi ta-ḥ-kuwa-t* 'хватил его Страх, охватил его Ужас' в повествовательной начальной части мифа о Луне, упавшей с неба, и *sa-ḥ-kuwa-t* (с теми же существительными) в части, где о тех же событиях рассказывает богиня Каттах-Цифури (хат. Kattaḥ-Zifuri 'Царица Ц.') , объясняется, очевидно, тем, что глагол *-kuwa-* (тождественный убых. *q⁰ a-* 'хватить, брать') во втором случае употреблен в прямой речи богини, которая (как следует из продолжения мифа) ведает Страхом и Ужасом (подобно Афродите, плюносящей соответствующие греческие мифологические символы Аресу в "Теогонии" Гесиода, 933–934; малоазиатское происхождение эпизода не вызывает сомнений). В таком случае хат. *sa-ḥ-kuwa-t* имеет ту же префиксальную структуру, что и убых. *a-s-q⁰ a-n* 'я его беру', *asa-a-q⁰ a-n* 'я его держу'³⁸. Предлагаемое истолкование, позволяющее прибавить к ранее выявленным хатским префиксам (2 л.

³⁵ См.: Knobloch J. Op. cit., S. 199, Anm. 2 (с дальнейшей литературой). Должен заметить, что существенная роль Тромбетти как первооткрывателя и в других областях подчеркивалась В.М. Иллич-Свитищем.

³⁶ Friedrich J. "Angst" und "Schrecken" als niedrige Gottheiten bei Griechen und Hethitern. — Archiv für Orients. forschung, 1944, Bd. 14.

³⁷ Иванов Вяч.Вс. Гомер. греч. Δεῖσος τε Φόβος τε : хатт. *tawwa₄ tup/wi₄*, хетт. *nahsaratēš-čeritema*. — В кн.: Античная балканстика 3. Языковые данные и этнокультурный контекст Средиземноморья. М., 1978, с. 23–25; Он же. Чатал-Гююк и Балканы, с. 15–18; Puhvel J. Devatā-dvandva in Hittite, Greek, and Latin. — American Journal of Philology, 1978, p. 396–405 (ссылка на более раннюю работу Фридриха здесь отсутствует); там же, с. 397 см. об использовании в "Теогонии" Гесиода также в связи с Аресом и в "Шите Геракла", сопоставимом с гомеровским щитом Агамемнона.

³⁸ Vogt H. Op. cit., p. 170, N 1503 (-t соответствует абхазскому финитному -t).

³⁹ Там же, с. 176, N 1606.

ед.ч. *и-*, 1 л. мн.ч. *т-*), которые совпадают с адыгскими (и в целом северо-кавказскими), еще и префикс 1 л.ед.ч. *s*- (**d-*), в отношении семантики описывается на тождество описания лунного затмения посредством хат. *-kuwa* в этом мифе и солнечного затмения посредством убых. *q^oa*- в сочетании *ándya q^oaq'á* 'он схватил солнце' = 'произошло затмение солнца'⁴⁰, где и первое слово – название 'солнца' *ndyá*, как и его адыгские (старо-адыгейск. *ттого⁴¹*, *тыгъэ*, кабард. *дыгъэ*) и восточно-кавказские (и дальнейшие енисейские) соответствия со значениями 'день, солнце', находят точное соответствие в хат. *jał* 'солнечный блеск'. Иногда встречающееся использование формы с классным показателем хат. *wa_g-tu-u-bi* в значении обоих хеттских и хаттских слов⁴² объясняется тем, что префикс *wa-* обозначает и сородичность, и именной класс персонифицируемого отвлеченного понятия, как в хат. *DWa-sul* 'Изобилие'. Хат. *tawwa turi* точно соответствует кабард. *щтэлэ-щтаблагъэ* 'робость', *щтэлэ-щтаблэ* 'робкий', старо-адыгейск. *щтауд*, *щтанхе* 'боязливый', *щтэ* 'испуг'⁴³.

5. Хат. *tuł-*: греч. *θεός* 'бог'. Многократно предлагавшееся и вновь отвергавшееся (как и некоторые другие сближения, теперь оправдываемые в свете открывшейся исторической перспективы) сопоставление греч. *θεός* 'бог', не имеющего удовлетворительной индоевропейской этимологии, с адыг. *txъэ* 'бог' подтверждается двумя группами фактов. Во-первых, внутри самого адыгского рядом ученых (по-видимому, независимо друг от друга)⁴⁴ выявлена связь с адыг. *txъэ* 'бог' таких производных от него, как кабард. *txъэ-мадэ* 'старейший' (с дальнейшими переосмыслениями). Во-вторых, в хат. *wa-tuł-kante-n* 'царевич' удастся выявить точно такое же древнее словосложение, где за классным показателем *wa-* (напоминающим принадлежность родственного второму элементу словосложения чеченск. *къант* 'парень' к *в-* : *къант вахара* 'Парень пошел') следует наименование 'царя – бога – старейшего' *tuł-* и обще-северо-кавказское название 'парня, маленького' (кабард. *къантIз* 'маленький', абзах. *къантапыр* 'мальчишка'). Особенно характерно чечен. *нацчахъан-къант* 'царевич' с более поздней заменой первого элемента заимствованием, но ср. кабард. *нац-тыхъ* 'король, царь', первый элемент которого иногда возводится к древнему обозначению 'феодального князя'. Из хат. *wa-tuł-kante-n* следует, что хат. *tuł-* имело значения, достаточно близкие как к адыг. *txъэ*, так и к греч. *θεός*. Существенно и то, что данное сближение ставится в ряд других аналогичных сближений типа греч. *ψυχή*, адыг. *псы*, греческого названия Ахеронта и адыг. *Ахэрэта* (реки мертвых) и т.п.

В настоящей статье ввиду ее предельной краткости оставлены в стороне

⁴⁰ Там же, с. 170.

⁴¹ Люлье Л. Указ. соч., с. 199.

⁴² Schuster H.-S. Op. cit., S. 99.

⁴³ Люлье Л. Указ. соч., с. 10, 84 и др.

⁴⁴ Шакрыл К.С. Очерки по абхазско-адыгским языкам. Сухуми, 1971, с. 84; Knobloch J. Probleme der Nordkaukaschen Etymologie. – Zeitschrift für Mundartforschung, Beihefte, Neue Folge, N 4 (Verhandlungen des Zweiten Internationalen Dialektologenkongresses), hrsg. von K.E. Schmitt, Bd. 2, Wiesbaden, Steiner, 1968, S. 466 (там же дальнейшая литература). В последней статье Кноблоха отчетливо сформулирован подтверждаемый хаттским материалом принцип сведения всего исконного слова-ря к сочетаниям примерно 80 исходных односложных морфем, продолжающий идеи Яковлева (к которым близок и Кейперс).

много раз обсуждавшиеся темы (Телепинус – Телеф, язык богов) и рассмотрены лишь некоторые вопросы, показывающие, как много нового для исследования предыстории греческого языка и культуры, а также и для уточнения того, что греки имели в виду под терминами типа "фригийский", может дать дальнейшее сравнительное исследование хаттского языка.

Ю.В. О Т К У П Щ И К О В

ДОГРЕЧЕСКИЕ -SS-ТОПОНИМЫ И АНТРОПОНИМЫ (словообразовательный и этимологический анализ)

Длящиеся на протяжении более ста лет споры о происхождении балканской и малоазийской топономастики типа *Καβαλόος*, *Λάρισσα*¹ показали как бесплодность простого коллекционирования имен с "одинаковыми" суффиксами, так и неубедительность этимологизации корней, принадлежность которых к тому или иному языку никем не была доказана. Собранные воедино имена на *-οος*, дошедшие до нас в греческой транскрипции, могут оказаться именами гетерогенного происхождения, отражающими элементы разных ономастических систем. Шаткость же попыток "корнеотсылочной" этимологизации имен, засвидетельствованных в Иллирии, Фракии, Фригии, Карии и других областях, определяется уже тем, что мы не знаем по существу ни иллирийского, ни фракийского, ни фригийского, ни карийского языка. Отсутствие какой-либо гарантии в том, что мы при этимологизации имени ориентируемся на нужный язык, привело к тому, что часто один и тот же топоним объявляется² то иллирийским (Г. Краэ), то фракийским (В. Георгиев), то греческим (О. Массон), то малоазийским (Л. Згуста) и т.д. – в зависимости от общей концепции автора.

Путь к объективизации этимологического анализа догреческих *-οο-* образований должен лежать, как мне кажется, в области анализа словообразовательного. Причем в словообразовании нужно учитывать такую ее важную особенность, как чередование суффиксов, наиболее подробно в индоевропеистике проанализированное в работах Э. Бенвениста и Ф. Шпехта³ (ср. греч. δῶρον: лат. *dō-n-um*, ст.-слав. ДА-РЬ и т.п.). Если среди многочисленных догреческих имен с суф. *-οο-* выделить только те, которые систематически чередуются с именами, образованными с помощью других догреческих суф. (-λ-, -ρ-, -υ-, -κ- и др.), то ареал подобных образований окажется в основном очерченным границами Балкан, Эгейды и западной Малой Азии⁴. Именно здесь засвидетельствованы многочисленные суффиксальные чередования типа:

¹ Краткую сводку различных точек зрения по этому вопросу см. в статье: *Lopez Eire A. Los Topónimos en "-ssos" y "-nthos" y el Indo-europeo.* – Zephyrus, v. 18 (1967), c. 129–135. См. также: *Katičić R. Ancient Languages of the Balkans. Part I.* Mouton. The Hague-Paris, 1976, c. 42.

² И соотвествующим образом истолковывается.

³ *Benveniste E. Origines de la formation des noms en indo-européen.* Paris, 1935. Русский перевод: *Бенвенист Э. Индоевропейское именное словообразование.* М., 1955.

⁴ *Specht F. Der Ursprung der indogermanischen Deklination.* Göttingen, 1944 (1947).

Важно отметить, что по данным археологии именно этот ареал – от Македонии до Крита и от Троады до Левкады – в период раннего и среднего бронзового

а) -κ-: -οσ-. **Αρπα-κ-ος* (ЛИ⁵, Фасос): **Αρπ-ησσ-ός* (р. во Фракии), **Αρπα-σ-ος* (р. в Карии).

б) -λ-: -σσ-. **Αργυ-λ-ος* – (гг. во Фракии и в Карии): **Αργυ-σσ-α* (г. в Фессалии).

в) -μ-: -οσ-. *Αρδα-μ-οας* (фригийско-ликийск. ЛИ): **Αρδησσ-ός* (р. во Фракии).

г) -ν-: -οσ-. *Αγη-ν-ος* (ЛИ, Вифиния): **Αγη-σσ-ός* (г. во Фракии).

д) -ρ-: -οσ-. **Ασσα-ρ-α* (г. во Фракии): **Ασση-σσ-ός* (г. в Карии).

Каждый из отмеченных типов чередований насчитывает более 100 примеров (кроме -μ-: -οσ-, где имеется свыше 70 чередований). Приведенные примеры ареально все связаны с Фракией (в трех случаях из пяти – также с Кариею), а их обилие подчеркивается тем фактом, что все они взяты из самого начала картотеки (с начальной альфой). То, что перед нами – не какие-то случайные совпадения, а проявление закономерностей ономастической системы, подтверждается, во-первых, массовым характером этих чередований (сотни примеров при сравнительно ограниченном материале). Во-вторых, в целом ряде случаев один и тот же ономастический объект имеет два названия с разными чередующимися суффиксами: **Αργου-ρ-α* = **Αργυ-σσ-α* г. в Фессалии, г. *Τέλμι-ν-α* = г. *Τέλμη-σσ-α*, Suida, **Ιμβρα-μ-ος* = **Ιμβρα-σσ-ος* эпитет Гермеса у карийцев, **Ινν-κ-ος* = **Ινν-σσ-ος* г. на северном побережье Египта и др. Наконец, отмеченные чередования проявляются не только попарно, но охватывают образования с четырьмя, пятью и более суффиксами: *Καιύκα-λ-ος* (ЛИ, Хиос), *Καιύκα-ρ-α* (МН, Хиос), *Καιύκα-σ-α* (МН, Хиос), *Καιύκα-ν-α* (МН, Сицилия), *Καιύκω-ν-ες* (догреч. этноним); **Ιμβρα-λ-ος* (ликийск. ЛИ), **Ιμβρα-μ-ος* (см. выше), **Ιμβρα-ν-ος* (ликийск. ЛИ), **Ιμβρα-σσ-ος* (р. на Самосе).

Среди многих сотен и тысяч подобных чередований особое место занимает чередование -κ-: -οσ-, ибо для весьма значительного числа случаев можно довольно уверенно утверждать, что форма с суффиксальным -κ- представляет собой производящую, а с -σσ- – производную основу. Так, **Ιακός* "ионийский" дает с помощью суф. -ι- * **Ιακ-ι-ος* > **Ια-σσ-ός* (г. в Карии); **Καράκ-χ-ος* (ср. *Καράκιος* ЛИ, Афины) > *Καρησσός* (г. и р. в Троаде); *Náρακον* (МН, Фракия), **Ναρακ-χ-α* (ср. *Ναράκιον* отόма во Фракии) > *Ναραλα* (МН, Кария); *Σώδαξ* (ЛИ из Сев. Причерноморья; его фракийский вариант – там же: *Σώδοκος*), **Σωδακ-χ-ος* > *Σωδησσός* (г. в Карии); **Δορικ-χ-α* (ср. *Δορικ-ανός* фригийск. ЛИ) > *Δόρισσα* древнее название о-ва Самос и мн. др. Эта словообразовательная модель хорошо известна в греческом языке, в первую очередь – по негреческим (resp. догреческим) топонимам и этнонимам: *Θράξ* 'фракиец', **Θραικ-χ-α* > *Θράσσα* 'фракиянка', также *Κίλισσα*, *Βέρρυσσα*, *Φόβισσα*.

Широкое распространение модели **-κ-χ-ος* > *-σσ-* в топонимике и антропонимике заставляет в поисках производящей основы обратиться к сохранившейся в греческом языке архаической лексике. И здесь словообразовательный анализ естественно переходит в этимологический. Когда-то А. Неринг предложил реконструкцию: *λάρναξ* 'ящик,

века представлял собой "a broad cultural continuum". Branigan K. Aegean Metalwork of the Early and Middle Bronze Age. Oxford, 1974, с. 1.

⁵ Принятые сокращения: ЛИ – личное имя, МН – местное название, ЭН – этническое название, р. – река, г. – город.

гроб, ковчег', *Λαρυακ-ι-ος > Λαρυασσός⁶. В. Георгиев отметил случаи *σφῆξ* 'оса' → Σφῆττος⁷, πῦδαξ 'источник' → Πύδασα⁸, ἕρμαξ 'скала' → *Ερματτός⁹. Однако все это — лишь единичные примеры. На самом деле, подобных образований гораздо больше. Ниже дается перечень наиболее простых примеров, не требующих дополнительных реконструкций¹⁰.

A

1) ἕρμαξ 'скалы' — Ερματτός г. в Этолии (В. Георгиев).

2) λύμακες 'скалы' — Λυμπασσός МН в Ликии.

3) μύρμηξ 'скала' (также: 'муравей') — Μυρμισσός (Μαρμησσός и другие варианты данного топонима) г. в Троаде.

4) μύλαξ 'скала' — Μύλασσα г. в Карии¹¹.

B

5) ἄμάμιξ 'виноградная лоза' (для данной основы засвидетельствована также форма ἄμαμακ) — Αμαμασσός г. на Кипре.

6) основа *борик-* из *борук-ν-ιον* 'ядовитое растение' (Diosc.) — Δόρυσσα прежнее название о-ва Самос.

7) δρύακες 'дубравы' — Δρύσσος фракийск. ЛИ.

8) κάμαξ 'тростник, камыш' — Καμασσούρος ЭН (Suida).

9) λαριξ 'лиственница' — Λάρισσα, Λάρισσος распространенное догреческое МН.

10) μυρίξ = μυρίκη 'тамариск' — Μυρίσσης ликийск. ЛИ¹².

11) σύαξ 'вид бобов' — Συασσός МН во Фригии.

C

12) ἄρνακίς 'баранья шкура' (к ἄρνος 'баран'), ср. писидийск. ЛИ *Ἄρναξ*, — *Ἄρνωσσος* мифический царь Мисии.

13) γύλαξ 'моллюск' — Γαλήσσαιος ЛИ (о-в Сирос).

14) ιέραξ 'ястреб' — Ιερασσός МН в Карии.

15) ώνυξ 'название птицы' — Ιννοσσός г. в Египте.

16) κάβαξ = κάβηξ 'чайка' — Καβασσός = Καβησσός г. в Ликии (Гелланик) или во Фракии (Гекатей).

17) κῆξ 'чайка' — Κηττοί аттический дем¹³.

⁶ Nehring A. Griechisch τίταξ, τιτήνη und ein vorgriechisches *k*-Suffix. — Glotta, Bd. XIV (1925), S. 170 сл.

⁷ Georgiev VI. La stratification principale des toponymes en Grèce ancienne. — Onoma, v. XIII (1968), S. 396.

⁸ Georgiev VI. La toponymie ancienne de la péninsule Balkanique et la thèse méditerranéenne. — БЕ III, 1, 1961, с. 42.

⁹ Georgiev VI. La stratification..., с. 396.

¹⁰ А — "скалистые" топонимы, В — имена, данные по названиям растений, С — по названиям животных, Д — прочие имена.

¹¹ Подробнее см.: Откупщиков Ю.В. Балкано-малоазийские топонимические изогlossen. — Балканское языкознание. М., 1973, с. 25–26.

¹² Л. Згуста считает греческим: Zgusta L. Kleinasiatische Personennamen. Prag, 1964, с. 337, примеч. 319а).

¹³ Относится к данной модели лишь в фонетическом плане, ибо второе к в κῆξ, κηκός, видимо, не суффиксального происхождения.

- 18) κόραξ 'ворон' – Κορη(σ) σός МН в Лидии.
- 19) μέμβραξ 'вид цикады' – Μέμβρασσа. Membressa г. в северной Африке¹⁴.
- 20) μύαξ 'мышь' – Μύησσος МН в Карии.
- 21) νέφραξ 'молодой олень' – Νεφρασι LИ из Египта, Nebrissa г. в Испании.
- 22) ὥστακος 'краб' – ^χΟστασος сын Урана и Геи.
- 23) σφῆξ 'оса' – Σφηττός аттический дем (В. Георгиев).

D

- 24) βαθύκα 'мост' (лакон.) – Βαθύττης LИ (Памфилия).
- 25) Ἐλίξ 'извилина' – ^{ε'}Ελισσа р. в Элиде¹⁵.
- 26) κέραξ 'отрог' – Κεράσσαи г. в Лидии, Κερησσός МН в Беотии¹⁶.
- 27) κύλιξ 'чаша' – Κύλισσος МН на Крите. *
- 28) λάρναξ 'ящик, гроб, ковчег' – Λαρνασσος старое название Парнаса (А. Неринг).
- 29) λάλαξ 'шум' – Λαλασσός МН в Киликии (первоначально, видимо, название реки).
- 30) μαϊδάκης 'привязь, ремень' (фракийск.)¹⁷ – Μάιδασος LИ из Танаиса, Μαιδασις LИ из Ликии.
- 31) πῖδαξ 'источник' – Πίδασа МН в Карии, Πιδοσσός о-в у Галикарната (В. Георгиев).
- 32) σάλαξ 'решето' – Σάλασσος LИ, засвидетельствованное в Риме (App. b. civ. 4, 24); ср. название пеонской трибы Σαλήσιοι¹⁸.
- 33) σάμαξ 'циновка' – Σαμασσис карийск. LИ.
- 34) σώρακος 'ящик, корзина' – Σωράσσа МН на Крите.
- 35) τρύάξ 'трезубые вилы' – Τρύησσа МН во Фригии.

Более половины приведенных -σσ-топонимов и антропонимов образованы от названий, связанных с фауной и флорой. Сравнительно велико для такой частной словообразовательной модели также и количество "скалистых" топонимов. Если учесть, что основная масса этимологически "прозрачных" топонимов на -όσσα, -ούσσа, которые явились результатом эллинизации добреческой топонимики¹⁹, также образована от названий животных (*ἐχῖος* 'еж' – Εχιοῦσσа, *λαγώς* 'заяц' – Λαγοῦσσа и др.) и растений (*δόναξ* 'тростник, камыш' – Δονοῦσσа, *κιοσσός* 'плющ' – Κιοσσοῦσσа и мн. др.), то семантическая сторона приведенных реконструкций найдет на-

¹⁴ Ср. сообщение Геродота о насамонах, которые сушат саранчу, перемалывают ее и пьют с молоком (Her. IV, 172).

¹⁵ Ср.: Ἐλίσσω < *Ἐλίκ-ж-ω 'кружу, поворачиваю' – с тем же фонетическим изменением к *ж* > *σσ*.

¹⁶ Georgiev VI. La toropumie..., с. 44 – к κέρασος 'вишня'.

¹⁷ Ряд исследователей сомневаются во фракийской принадлежности данной гlosсы. См., например: Дуриданов И. Езикъ на траките. София, 1976, с. 20. Но в данном случае вопрос о происхождении слова μαϊδάκης не является существенным, ибо в значительном числе случаев мы вообще ничего не знаем о происхождении и языковой принадлежности апеллятивов, лежащих в основе приведенных -σσ-образований.

¹⁸ Detschev D. Die thrakischen Sprachreste. Wien, 1957, S. 413.

¹⁹ Откупщиков Ю.В. О происхождении древнегреческих топонимов на -(δ)εσσа/-ούσσа. – Проблемы античной культуры. Тбилиси, 1975. с. 271–281.

дежную поддержку среди ономастики с бесспорной этимологией. Образцовым случаем, где семантический аспект этимологии топонима полностью подтверждается реалиями, может служить, например, Мұлаға \leftarrow *Мұлак-ж-а, к мұлаξ 'скала': над городом, по свидетельству Страбона (XIV, 658), нависала огромная скала, что и послужило основой при номинации топонима.

Сравнительно небольшое количество сохранившихся в греческом языке названий растений и животных с суф. -(α)κ-, -(ι)κ- и безусловно ограниченное (хотя и значительное) количество -σσ-топонимов и антропонимов должны были бы дать число случайных совпадений, практически близкое к нулю. Наличие весьма значительного количества примеров, объяснимых в рамках приведенной словообразовательной модели, свидетельствует о том, что перед нами — не случайные совпадения, особенно — если учесть, что здесь мы имеем дело не с вычлененными краткими "корнями" (в кавычках или без них) типа **Ar-* или **Tab-* с попыткой их истолкования на базе какого-либо конкретного языка, а с реальными словами достаточно сложной структуры (ср., например, *'Амақак-ж-ос > 'Амақаοός, г. на Кипре и др.).

Если принять во внимание, что слова на -άξ очень часто засвидетельствованы как параллельные (исторически нередко — диминутивные) формы к простым существительным на -ος (resp. на -α, -η для женского рода), от которых они были образованы (μῆλαξ = μῆλος 'тиск', οἴλαξ = οἴλος 'ива' и мн. др.), естественно считать, что в модели μύρμος — μύρμηξ \rightarrow Μυρμησός одна из апеллятивных синонимичных форм утрачивалась в языке. Однако именно утраченная форма с суффиксальным -κ- послужила производящей основой -σσ-топонима в случаях типа πρώος 'каменный дуб' — *πρίαξ \rightarrow *Πρωάκ-ж-ос > Πρωασσός МН в Карии. К числу образований подобного типа следует отнести:

Καρυασσός МН в Карии (к καρύα 'ореховое дерево'),
Κέέριος МН на Крите (к κέέρος 'кедр'),
Πήδαος МН в Мессении (к πῆδος 'вид дерева'),
Πύραος МН в Фессалии (к πυρός 'пшеница'),
Πύργησσα г. в Этрурии (к πύργος 'башня'),
Τύλησσα гора в Италии (к τύλος 'шишка, возвышение') и др.

Поскольку исторически образования с суффиксальным -κ- нередко представляют собой диминутивы, к реконструкции могут быть привлечены синонимичные производные на -ικος, -ιον и др. Например, в случае κυλίσκη — κύλιξ, *Κυλικ-ж-ос > Κύλισσος реконструкция опирается на реально засвидетельствованное слово κύλιξ. А вот в паре 'Εργίσκη г. во Фракии — 'Εργισσός МН во Фракии производящая основа с суф. -κ- для последнего топонима не сохранилась. То же самое можно сказать о κολύβριον 'поросенок дикой свиньи' — *κολυβραξ (ср. ακύλιον — ακύλαξ), *Κολυβρακ-ж-ос > Κολυβρασσός г. в Памфилии; κηκίς 'вид растения' — *κηκιξ (ср. σταλίς — στάλιξ), *Κηκικ-ж-ос > Κηκισσός ЛИ (Исаврия) и т.п.

В общей сложности рассмотренная словообразовательная модель охватывает свыше ста названий с суффиксальным -σσ- (включая как ономастические, так и апеллятивные производящие основы с суффиксальным -κ-). Анализ ареала этих образований свидетельствует не об анатолийском (наиболее распространенная точка зрения), а о балкано-эгейском их "эпицентре".

Имена, входящие в рассмотренную словообразовательную модель (включая производящие и производные основы), ареально распределены следующим образом:

Пелопоннес — 26 имен (равномерно),

Центральная Греция — 32 (из них 11 — в Аттике),

Фессалия — 14, фрако-македонская область — 33, Крит и Киклады — 23.

Всего, таким образом, на Балканах и на западных островах Эгейды насчитывается 128 имен. Более четверти из них падает на фрако-македонскую область, данные которой обычно вообще не привлекались при анализе балкано-малоазийских ономастических изоглосс (если не говорить об отдельных изолированных случаях).

В Малой Азии (включая прилегающие острова) эти же имена распределены следующим образом:

Кария — 60, Лидия — 14, Ликия — 11, Писидия — 10, Троада, Фригия и Мисия — 25. Всего в Малой Азии (до 32°, т.е. значительно западнее р. Галис) засвидетельствовано 132 имени, а на всю остальную Малую Азию приходится примерно 20 имен. Характерно, что на одну маленькую Карию падает 60 случаев, а на Ликаонию и Каппадокию вместе взятые (причем каждая из них значительно обширнее Карии) приходится менее 10 имен.

Таким образом, на Балканы, Эгейду и западную Малую Азию, в древности в значительной степени заселенную карийцами и фрако-фригийскими племенами, приходится 260 имен, связанных с рассмотренной словообразовательной моделью. Апеллятивы, лежащие в основе этих топонимов и антропонимов, в значительном количестве сохранились в греческом языке (часто в виде глосс и редких негреческих слов). Важно отметить, что эти апеллятивы, значение которых нам известно, не имеют ничего общего с хетто-ливийской лексикой.

В заключение следует подчеркнуть, что тип *κάβαξ* → *Καβακ-*j*-ος > *Καβασσός* не был единственным источником додревеских *-ος*-топонимов и антропонимов. Наряду с ним, весьма существенную (хотя и менее значительную) роль сыграли типы *Πάριηθος* (родит. падеж) → *Παριηθ-*j*-ος (ср. *Παριηθίος* 'Парнетский') > *Παριηθος* и *Ταζατ-ι-ος* (ср. *Ταζατίς* ЛИ из Лидии) > *Ταζασσός* г. на Кипре. Но анализ примеров, относящихся к этим типам, требует особого рассмотрения.

В.П. ЯЛЕНКО

*ΙΣΣΑ — "ЛЕСИСТЫЙ" ОСТРОВ: К ЭТИМОЛОГИИ НАЗВАНИЯ

В литературе прочно укрепилось мнение о додревеском и даже "средиземноморском" происхождении названия *Ισσα¹. Признавая додревеский характер этого названия, следует констатировать, однако, что оно надежно может быть объяснено на индоевропейской почве. На мой взгляд, этот

¹ Bürchner, **Ισσα*, — Realencyklopädie der Klassischen Altertumswissenschaft. Halbbd., 18, 1916, S. 2234; Smoldaka J. Imena mesta i městana na tlu Jugoslavije. Split, 1946, s. 10, Skok P. Slavenstvo i romanstvo na Jadranskim otocima. Zagreb, 1950, s. 192, 196. Novak G. Issa i isejska država. — Vjesnik za arheologiju i historiju Dalmacije (VAHD), 1952, 1954, s. 5; Idem. Vis. Zagreb, 1961; s. 15. Mayer A. Die Sprache der alten Illyrier, I. Wien, 1957, S. 175.

топоним связан с кругом производных от индоевропейской основы **uidhu*- 'дерево', 'лес': др. ирл. *fid*, 'Baum', 'Holz', 'Wald', валлийск. *gwedd*, др. корн. *guiden*, бретонск. *gwez*, англосакс. *widu*, *wudu*, то же, др. верх. нем. *witu*, *wito* 'Holz' etc.²

Относящееся сюда греч. *īdη*, судя по отражению и.е. *dh*, было заимствовано из субстратного индоевропейского языка, где *dh* > *d*. В догреческом данном языке индоевропейский согласный сонант в начальной позиции давал *spiritus lenis* или дигамму, т.е. индоевропейское **uidhu*- > (до) греч. *īd-ā* (через **ūidu-a*³) со значениями 'дерево', 'лес', 'лесистая гора' и т.д. (по поводу долгого *i* в греческом слове при кратком в осталъных и ндоевропейских параллелях см. ниже). Сохранение начально-го сонанта (как в микенском *Wi-da-jo* или греческом диалектном *Wīau*)⁴ или его отсутствие (как в многочисленных оронимах с основой 'īd-) отражает как диалектную разноплановость догреческого индоевропейского языка, так и диахронию распространения данной основы в ономастической номенклатуре.

С другой стороны, название "Исса входит в круг широко распространенных в Средиземноморье (в том числе и Иллирии) топонимов с суф. *-s/s/a*⁵. Таким образом, *Issa* < *id + sa*, где зубной закономерно подвергся ассимиляции по крайней мере в греческой передаче (как, например, в гомер. *ποσσλ* < *ποδσι*). Отсюда значение топонима — 'покрытый лесом', 'лесистый' остров. Семантическая сторона вопроса, подтверждая предложенную этимологию, находится в полном соответствии с физическими свойствами острова: холмистая Иесса (Вис) и поныне покрыта густым лесом⁶.

Согласно Мирсилю из Мефимны (IV–III в. до н.э., автор сочинения *Леопрака*), прежде Лесбос также назывался "Исса" (ар. Strab. I, 3, 19). По-видимому, уже в древности название "Исса" ставили в связь с "Іδ-η, горным массивом в Троаде, как можно предполагать на основании указанного текста Страбона. Приведя слова Мирсила о том, что Антисса (во времена Страбона — город на Лесбосе) некогда была островом, прилегавшим к Лесбосу (Иссе) и потому получила название "Антисса", географ добавляет: "а некоторые полагают, что и Лесбос оторвался от Иды". Если древние полагали, что в физическом отношении Лесбос с его покрывающими лесом холмами и возвышенностями (гора Олимп высотой до 967 м) является продолжением материковой горной гряды Иды, то отсюда можно было бы предположить и связь названий в этой разорванной морем горной цепи — и то, и другое было "Іδη, но название острова для отличия было дополнительно суффигировано: *id + -s/s/a* > *Issa*. Впрочем, в данном случае такой связи названий могло и не быть. Наше предположение о том, что уже древние усматривали основу "Іδ- в названии "Исса", под-

² Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch, 1. Bern, 1959, S. 1177.

³ Ссылки на соответствующую литературу см. в книге: Гиндин Л.А. Язык древнейшего населения юга Балканского полуострова. М., 1967, с. 133. Пользуюсь случаем сердечно поблагодарить Л.А. Гиндина за ряд полезных замечаний.

⁴ Гиндин Л.А. Указ. соч., с. 134.

⁵ Об индоевропейском пеласгическом населении в Иллирии см. Budimir M. Iliri i prailiri. — VAHD. 1950–1951, 1953, s. 11–12.

⁶ "Лесную" этимологию имеет название и другого острова — Керкиры Меляйны, расположенного неподалеку от Иссы: из иллир. **ke/orku-* 'дуб' (Mayer A. Die Sprache der alten Illyrier, 2. Wien, 1959, S. 62–64).

держивается более прозрачным примером с пониманием ими названия "Амфисса".

Предварительно отметим, что неоднократное употребление названия "Ібη применительно к горным массивам обнаруживает, что до- и раннегреческое *id-ā*, как это свойственно соответствующей лексике и в других индоевропейских языках, наряду со значением 'лес' имело и другое — 'покрытая лесом гора'⁷. Именно через это второе значение может быть понято толкование названия "Амфисса в Политии опунтиан Аристотеля (ар. Нагроср. Lex., s.v. "Амфисса): "Αμφίσσαν δ' ὡριμάσσαν δὰ το περιέχεσθαι τὸν τόπον ὄρεως" "Амфиссой назвали по окружающим эту местность горам", в чем опять-таки можно усмотреть правильно понимавшуюся уже в древности связь названия "Іоса с "Ібη — в значении 'покрытая лесом гора'. Ср. у Гесихия: "ібη" (—) ὄρος Τροίας ἡ ὑλη (—). δῆλοι δὲ καὶ τὸν ὑψηλὸν τόπον. (—) "Ιωνες δὲ δρυμῶν ὄρος" "Ида... горная цепь Троады, или лес... Обозначает также и высокое место... Ионийцы же называют так поросшую лесом гору". Амфисса лежит на краю горной долины между подошвой поросшего лесом горного кряжа, с одной стороны, и кромкой огромного лесного массива — с другой⁸. Таким образом, название города было образовано по господствующей над местностью поросшей лесом горе.

К группе названий от основы "ібη" — "Іоса, "Амфисса, "Антисса — примыкают также "Іосос, город на границе Киликии и Сирии (Strab. XIV, 5, 19)⁹, и, вероятно, "Іос (Іос), название города со святилищем в Беотии (Strab. IX, 2, 14). Последнее название особенно интересно. По Страбону, в стихе 508 "Каталога кораблей" Илиады некоторые полагали нужным писать вместо "Нисы священной" "Іоν τε ζαθέην" "Исос священный"; поскольку, продолжает географ, в Беотии никакой Нисы нет, то Ниса — неправильное чтение, если только Гомер не подразумевал под нею Исос (IX, 2, 14). При этом Страбон особо отметил, что в названии "Іос" иота краткая, т.е. циркумфлекс ставился над нею в целях просодии, ради размера, обозначая долготу слога¹⁰.

Следует отметить попутно, что некоторые рукописи дают в указанном месте форму женского, а не мужского рода — "Іоаū τε ζαθέην, т.е. первоначально топоним мог иметь форму "Іо(о)а, "выровненную" впоследствии по имени эпонима, ср. "Іо(о)ос, имя бастарда Приама (Il. XI, 101). Топоним мог иметь первоначальную форму и с гемминатой — "Іоса: по условиям метра в указанном стихе Илиады, как отмечалось, необходима долгая иота, что может быть достигнуто не только условной постановкой циркумфлекса, но и удвоением сигмы. Таким образом, не исключено, что первоначально в поэме присутствовала форма с удвоенной сигмой, утраченная в процессе бытования рукописной традиции и замененная условным циркумфлексом. Такой путь объяснения долготы иоты в данном названии представляется более оптимальным, нежели элиминация свидетельства Страбона о краткости иоты и возвведение его про-

⁷ Гиндин Л.А. Указ. соч., с. 133–135.

⁸ Lerat L. Les Locriens de l'Ouest, Paris., 1952, 1, p. 174, pl. LIX, 3.

⁹ Сближение Ю.В. Откупчикова (*Откупчиков Ю.В. Балкано-малоазийские топонимические изоглоссы. – Балканское языкознание. М., 1973, с. 8.*)

¹⁰ То же и у Eusthatii Comm. Il. 271, 1–20, ad Il, 508.

исхождения к довольно позднему времени — на основе собственно греческого уже *Ἰδη* с долгой иотой. Аналогичным образом Э. Масс, прия к выводу, что имя бастарда Приама *Ἴος* (Il. XI, 101) не может быть краткой формой полного имени (вроде *Ιοανδρος*), и предполагая в нем имя эпонима города Иесса на Лесбосе (тут иота краткая), реконструировал правильную первоначальную форму имени — *Ἴοος*¹¹.

Если исходить из указанной Страбоном краткости иоты и предполагаемой здесь связи названия *Ιος* с основой *id-*, то можно заключить, что в догреческом или раннем греческом в слове *idā i* было кратким, как и во всех остальных индоевропейских параллелях, т.е. имело форму **idu-ā*.

Это обстоятельство заставляет склоняться не к гипотезе Ю. Покорного о возможной связи и.е. **uidhu-* в значении 'пограничное дерево, разделяющий пограничный лес между поселениями' с и.е. **u(e)idh-* 'разделять', возводящей это удлинение к индоевропейскому уровню¹², а к объяснению Л.А. Гиндина, указывающему на его раннегреческий уровень: удлинение краткого *i* могло быть компенсаторным результатом выпадения лабиального в группе *-du-* (греч. *-δF-*)¹³. Таким образом, долгота *i* в *Ἴδη* обязана вторичному удлинению, и этот процесс произошел в древнегреческом, а именно в тех его диалектах, которые обнаруживали склонность к заменительному удлинению гласной в результате элидирования постконсонантной дигаммы — в восточноионийском и частично центральноионийском, либо в дорийских диалектах Арголиды, Крита, Феры, Коса, Родоса и их колоний¹⁴.

В Адриатику название *Ἴοα* было привнесено греками: отсутствие начального сонанта указывает, что этот топоним не является местным, иллирийским по происхождению, поскольку в иллирийском языке индоевропейское **u* сохранялось¹⁵. В частности, к и.е. **uidhu-* восходит имя иллирийского лесного божества *Vidasus*¹⁶, т.е. если бы название *Ἴοα* было иллирийским по происхождению, то применительно к данному региону ожидалась бы форма с начальным лабиальным. Таким образом, включение этого названия в лексиконы А. Майера и И. Руссу по иллирийской ономастике не оправдывает себя¹⁷. Греки занесли сюда это название либо в процессе сношений с Адриатикой, в частности, Иссой еще в архаическую пору¹⁸, либо с основанием сиракузской колонии на острове Дионисием Старшим в 380-х годах до н.э.¹⁹.

¹¹ Maass E. ΘΟΩΣΣΑ (α 69), ΙΣΟΣ (Δ 101). Hermes, 1889, 24, S. 645–646.

¹² Pokorny J. Op. cit., 1, S. 1177.

¹³ Гиндин Л.А. Указ. соч., с. 133.

¹⁴ Buck C.D. The Greek Dialects. Chicago, 1968, p. 49–50, §. 54.

¹⁵ Mayer A. Op. cit., 2, S. 157.

¹⁶ Krahe H. Die Sprache der Illyrier. Wiesbaden, 1955, 1, S. 86.

¹⁷ Mayer A. Op. cit., 1, S. 175. Russu I.I. Illyrii. Bucureşti, 1969, p. 218. Сомнительна и связь (до)греч. *Ἴδη* с албанским *hide*, *ide*, предложенная В.П. Нерознаком (Нерознак В.П. Палеобалканские элементы в словаре Гесихия. — Балканская филология. Учен. зап. Ленингр. ун-та, 1970, № 343, с. 91).

¹⁸ Контакты начались здесь с VII в. до н.э., см.: Novak G. Kolonizacija grka na istočnoj obali Jadranskog mora. — VAHD, 1966, 1968, s. 120 sq. Так же с. 89. сл. там же.

¹⁹ Курьезным образом название правого притока реки Мокши в Мордовии *Исса* также имеет "лесную" этимологию: оно объясняется из диалектного мокшанского слова *иса* 'ветла' (Воронин И.Д. Очерки и статьи. Саранск, 1957, с. 169).

ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ

В я ч. В с. И В А Н О В

К ВОССТАНОВЛЕНИЮ ОБЩЕБАЛГИЙСКИХ ФРАГМЕНТОВ ПРИГЛАГОЛЬНЫХ СОЧЕТАНИЙ

1. ФУНКЦИИ ПЕРФЕКТИВИРУЮЩИХ ЧАСТИЦ ТИПА *SOM- И *KOM-

Новейшие исследования синтаксиса древних индоевропейских языков заставляют вернуться к давно высказывавшейся гипотезе о наличии уже в общеиндоевропейском синтаксических конструкций, которые (при переходе синтаксических служебных элементов в морфологические) послужили основой для возникновений видовых противопоставлений в таких диалектах, как славянские, и различий, близких к видовым, в истории таких отдельных диалектов, как балтийские.

Разница между общеиндоевропейским (и общеанатолийским, в этом отношении отражающим общеиндоевропейское состояние), общеславянским и общебалтийским заключается не в характере самих категорий (таких, как перфективность и терминальность), которые могли налицествовать в этих языках в разные периоды их истории в глубинной структуре предложения. Разница заключается в уровнях, на которых эти категории выражались: на синтаксическом уровне (в соотношениях поверхностных синтаксических структур) в более архаических случаях (в древненхеттском и средненхеттском), на морфологическом уровне (в оппозициях морфем в составе слов) в более поздних примерах. Недавно предложенное в лингвистике текста и аспектологии истолкование видовых противопоставлений как средства организации целого текстового единства в этом плане особенно существенно. Соотношение вида с "локативными" частицами при этом выдвигается на первый план (Mitchell 1979, с. 168).

Развитие от синтаксического элемента, передающего видовое значение в составе приглагольного комплекса частиц (относящихся ко всему предложению), к морфеме – части приставочного глагола можно предположить по отношению к служебным словам **som* > хет. -šan, о.-слав. **sъ(n)*-, прус. *san*, *sen*, **kom* > хет. -kan, о.-слав. **kъ(n)*. Славянская приставка **sъ*, **sq* имеет как видовое значение, так и пространственное (движение вниз, соединение). Сравнение целых индоевропейских синтаксических сочетаний позволяет обнаружить, что существенную роль уже на раннем этапе могли играть конструкции с синтаксическими частицами и превербами, с помощью которых, как в древненхеттском (Josephson 1972; Иванов 1974, 1977а, с. 363), передавались видовые значения глагола, ср. др.-хет. *-kan + dai*- и лат. *con-dit* (Иванов 1981, гл. 3, § 2), др.-хет. *-kan + ed*- и лат. *com-edō* (см. о перфективности формы у Платта Meile 1935; Сафаревич 1962, с. 332), хет. *šan+ed-* и ст.-слав. СЫНЬСТИ, СЫНЬДЬ 'ёдёма, ёдёсъ', др.-рус. СНЬДАТИ, СНЬДАЕМУ; ст.-чеш. *sniesiti* (к древнему употреблению см. Zubatý 1945, I, 1, с. 296, 302), *snídati* (Zubatý 1949, I, 2, с. 321, 325), ко второй половине **sъn-ēdь*, ср. лит. *ēdis* 'пища' (Skardžius 1943, с. 53, 62), прус. *īdis* (Endzelīns 1948, с. 16, § 11в, с. 71, § 98а; Топоров 1980,

с. 28). Общеиндоевропейский характер сочетания **som* и **ed-* делается вероятным ввиду наличия его продолжений как в анатол. и слав., так и в др.-инд.: вед. *sam+ad-* 'пожрать полностью'. Во всех трех диалектах видовые функции этой частицы в таких сочетаниях достаточно близки; для них можно предположить сходное перфективирующее значение.

Аналогичное по структуре и.е. **som+e/i-(d^h)* = отражено в ст.-сл. СЪНИТИ 'катафабеу', катерхеоуда', др.-рус. С(Ь)НИТИ, СЪТИ, древнегетских сочетаниях перфективирующей частицы *šan* (Josephson 1972) с приставочными глаголами *pai-*, *iwa-* (и превербами), греч. гом. οὐν-εψι 'сходиться, сталкиваться, вступать в бой' ($\tau\omega \delta\alpha\pi\tau\iota\sigma \sigma\mu\pi\tau\eta\mu\epsilon\rho\delta\sigma \pi\epsilon\rho\iota\mu$ 'они оба снова сошлись в бою' П 476), вед. *sam+i-* 'сходиться'. Общеиндоевропейский характер этих синтаксических сочетаний, восходящих к **som+ei-/i-*, удостоверяется точным совпадением хеттских сочетаний, в которых *šan* выступает в перфективирующем значении при сочетаниях превербов (преимущественно пространственных) с глаголом **ei-*, и аналогичных ведийских сочетаний *sam* с превербом и глаголом: *abhi sám i-* (*abhi sám yantu*, RV, I, 125, 7 и др.,ср. о сочетаниях типа *abhi samcaranti* Kuryłowicz 1975, с. 177). Частица **som* в славянском отражается и как предлог **sъ(n)*,ср. прус. *sen*, лит. *su*. Выдающимся достижением Зубатого было открытие того, что славянские конструкции типа **iti sъ(n)* находят соответствие в древнеиндийских сочетаниях *sam+e- < i.-e. *som ei-* (Zubatý 1954, II, с. 326–327, ср. с. 23, прим. 1 о лит. *su*). Аналогичное объяснение может быть дано для лит. конструкций типа *eiti su tēvu* (ср. Fraenkel 1929).

Древнейшее значение и.е. **som* представляется возможным продемонстрировать на примере древнеиндийского ведийского гимна, построенного на обыгрывании др.-инд. вед. *sam* < **som-* в таких архаических обрядовых контекстах, для которых можно найти древнегетское соответствие, позволяющее возвести их к общеиндоевропейскому.

Последний гимн "Ригведы" (RV X, 191), обращенный к богу огня Агни и в самом метре сохраняющий отзвук индоевропейских схем (ср. Иванов 1977б; Nagy 1974; ср. Vigorita 1977), весь построен на обыгрывании др.-инд. *sam* и родственных анаграмматических (см. Соссюр 1977) связываемых с ним слов (Иванов 1979; Елизаренкова – Топоров 1979):

1. *sám-sam id yuvase vṛṣann ágne viśvāny aryá / ilás padé sam idhyase sá no vásuny á bhara//*
2. *sám gachadhvam sám vadadhvam sám vo mánānsi jānatam // devá bhágam yáthā púrve samjānānā upāasate//*
3. *samānō mántraḥ sámītiḥ saṁnāni samānām mánaḥ sahá cittám eṣām / samānām mántram abhi mantrayre vaḥ samānēna vo havíṣā juhomī //*
4. *saṁnāi va ākūtiḥ samānā hṛdayāni vaḥ / samānām astu vo móno yáthā vaḥ sūsaḥasati.*

1. О Агни, Бык, ты собираешь (*sam+id+yuva-*) все (дары) от чужого! На месте жертвенного возлияния ты являешься возжигаемым (*sam+idhya-*, пассивная основа к *idh-* = 'тебя возжигают') и нам (*sá no* = др.-хет. *sa-nnaš*) принеси сокровища!
2. Соединитесь вместе (*sam+gaccha-*)! Переговаривайтесь вместе (*sam+vada-*)! Будьте едины (*sam+jāna-*) в ваших помыслах, как прежде боги, соединенные воедино (в мыслях) (*saṁjānānā* от *sám+jana*) сидели у (своей) доли!

3. Единое (*samāno*) решение, сходка (*sam-iti*) единая (*samā-nī*), единая (*samānām*) мысль вместе с разумом у них. Я единую (*samānām*) песнь вам говорю, единое (*samānéna*) жертвенное возлияние для вас я совершаю.
4. Единый – (*samānī*) (пусть будет) ваш замысел, едиными – (*samānā*) – сердца у вас! Пусть единой (*samānām*) будет (*astu*) ваша мысль, как у вас будет (*asati*) добрый союз (*su-sa-ha*)!

В первых двух стихах используется *sam-* в качестве преверба, обозначающего одновременно совместное действие (*sam+gaccha-, sam+vada, sam+jāna-*) и перфективность (*sam+yuva-, sam+idhyā-*). К общеиндоевропейскому сочетанию **som+ei-/i-* 'идти' восходит вед. *sam-iti-* (этимологически родственное слав. **sən-iti*, но с другой степенью огласовки корня), употребленное в 3-м стихе.

Ведийский гимн о 'единении' (*samjñānatam*, Елизаренкова 1972, с. 264–65, 409), обращенный к богу огня, может быть в основных своих чертах введен к общеиндоевропейскому, поскольку он точно совпадает с древнехеттской формулой, содержащей одновременно призыв к единству рода как волчьего (Иванов 1975) и к поддержанию огня в очаге (Иванов 1962): /šu/ -*mi-in-za-na iRMEš-am-ma-an UR.BAR.RA-aš ma-a-an pa-angu[r-še-me-it]* 1^{ENe-eš-tu} 'и вас, моих подданных, как у волка род, единым да будет' (2 Во TU 10 β 15–16, вариант в завещании Хаттусилиса: *šu-me-en-za-na ú-e-it-na-aš ma-a-an pa-an-ku-ur-še-me-it 1^{ENe-eš-du}* 'и ваш как волка род единым да будет'), -*sa-an ḥa-aš-ši-i p/a-ah-/ḥu-ur (na-at-ta) pa-ra-is-te-ni* (2 Во TU 10 β 23–24, 25–26) '(если) в очаге огонь (не) раздуется'. Последняя формула целиком восходит к общеиндоевропейскому, так как сочетание *ḥašši pahhur* соответствует оск. *aasai purasai* ('агае igniariae'), *paraišteni* является архаической сигматической формой 2 серии от глагола, родственного др.-инд. *prāṇa*- 'дыхание' (Иванов 1981, 2, § 5). Следовательно, можно реконструировать индоевропейскую формулу **som H₂os-ei poH₂w(e)r p(o)r-o-* 'в очаге огонь раздувать'. Ведийская конструкция *sam idhyase* восходит к индо-иранской со сходной синтаксической структурой: **sam i-dh-ya-sai* < и.-е. **som i-dh-yo-* (глагол 2 серии с медиопассивным суф. *-dh-* и основой на *-yo-* типа других глаголов 2 серии). Сопоставление этих архаических формул в ведийском и древнехеттском позволяет предположить, что исходный общеиндоевропейский текст, связанный с культом огня (который реконструируется и с учетом прусских данных, использованных еще Бугой, ср. Būga 1958, I, с. 154–159; 1959, II, с. 56; Иванов 1962, с. 271–272) и обрядовым сохранением единства социальной группы, начинался со словосочетания, включавшего частицу **som*, между которой и глаголом располагались другие слова, ср. идентичное построение др.-хет. -*san hašši pahhur (natta) paraišteni* и вед. *sám(-sam) id yuvase, sám idhyase, sám gachadhvam, sám vadadhvat, sám vo mánañsi jānatām*. В ведийском уже начинается объединение (в том числе и акцентологическое) *sam* и глагола (безударного в главных предложениях, что с синхронной точки зрения равносильно переносу ударения на глагол в группах типа *sám idhyase*), параллельное развитию сочетаний **som+глагол* в греческом, а также в балтийском и славянском, ср. также сходное со славянскими фактами образование имени *sam-iti* путем словообразовательной трансформации исходного **som *ei-/i-*. Вместе с тем

за *sam* в ведийском еще может следовать грамматически связанное с ним местоимение (*sam id*, повторяющееся в "Ригведе", ср. RV, I, 64, 8; *sām vo* в конструкции *sām vo mānānsi jānatam*). В этих случаях в ведийских конструкциях можно видеть рефлекс тех сочетаний, к которым восходят прусские предложные конструкции типа *senku*, литовские типа *su kūb* (Senn 1961, I, с. 425, § 448, 5) и славянские сочетания предлога *sъ* с местоимением или существительным.

Следует подчеркнуть, что то сочетание значений перфективности и совместности, которое характерно для ведийского, достаточно отчетливо прослеживается и в славянском и балтийском – как в префиксах типа прус. *san-*(*san-day*), *som-*, *sen-*, латыш. *suo-* (Endzelīns 1951, с. 686–686, § 569; 1948, § 451), лит. *san-*, *sa-*, о.-слав. *sq* (ср. Borys 1975, с. 121–129, примеч. 88), так и в предлогах типа прус. *san*, лит. *su*, слав. *sъ*. Как правило, при этом в приставке в большей степени отражены древние видовые значения, в предлоге – значение совместности, но есть и некоторые случаи, позволяющие с достаточной надежностью реконструировать исходную связь обоих значений.

К числу наиболее показательных примеров, удостоверяющих возможность возведения славянских сочетаний к древним общеиндоевропейским **som*, относятся существенное для ранней лексики старославянских текстов СЪПАСТИ и его производные. Исходным следует признать и.-е. **som+ *poH₂-s-*, ср. хет. *raḥš-* в возможной комбинации с перфективирующим *šan*. Значение хет. *raḥš-* чрезвычайно близко к значениям слав. **pasti*, как легко убедиться из многочисленных контекстов (ср. Иванов 1961, с. 107 и след.).

Сопоставление текстов делает весьма вероятной реконструкцию и.-е. **som *poH₂-s-* как исходной конструкции для хет. (*šan*) *raḥš-* и слав. **sъ-pas-ti*.

Для реконструкции архаических сочетаний с **som* существенный материал содержится в славянских сложных словах (Иванов 1979). Архаичность сочетания **sъ* и **dē* в **sъ-dē-slavъ* (рус. *Сдеславъ*, с.-хорв. *Здеслав*, пол. *Zdzieślaw*, **per-dē-slavъ* (с.-хорв. *Предислав*, пол. *Przedsięsław*, *Przedziślaw*, чеш. *Předislav*: Иванов – Топоров 1963, с. 133, 134; Milewski 1969, с. 25), ранее мотивировавшаяся сравнением с др.-инд. *sam-dhā* (Milewski 1969, с. 218), в настоящее время может быть подтверждена сопоставлением с полностью этимологически тождественным сочетанием хеттской видовой частицы *šan* <**som* с глаголом *dai*- 'класть', 'ставить', в том числе и в сочетании со словом семантического поля, близкого к обозначению 'славы'. Хет. *naḥšaratt-* 'священный трепет, боязнь, благоговение' в среднехеттских текстах неоднократно встречается в устойчивом сочетании с *šan...* *dai*; *nam-ma-aš-ša-an DINGIR MEŠ-aš na-ah-šan-na-az ti-ya-an e-eš-du* 'Далее да будет проявлено благоговение по отношению к богам' (KUB XIII 2 11); *nu-uš-ša-an šu-ma-a-š DINGIR MEŠ-aš na-ah-ša-ra-at-ta-an UΡUHa-at-tu-ša-aš-pát KUR-ya zi-ik-ki-u-we-ni* 'И только в стране Хатти мы проявляем благоговение по отношению к вам, о боги' (KUB XVII 21 I 3), *nam-ma-aš-ma-aš-ša-a /n SIj SKUR. SISKUR H1.A-aš par-ku-ya-an-na-aš ud-da-a-ni na-ah-ša-ra-at-t/a-ā/ n ki-is-ša-an U.UL ku-is-ki ti-ya-an har-ta* 'Далее никто так не выказывал благоговения в деле очищения во время ваших молитв, к вам обращенных' (там же, 1, 19), *nu-uš-/ša-aš-šan U.NU.TEM]EŠ -K/U-N/ U na-ah-ša-ra-*

at-t / a-ā] n ki-iš-ša-an U.U [L ku-iš-ki t] i-ya-an ḥar-ta 'и никто так не выказывал благоговейного страха по отношению к (вашей утвари)' (там же). Эти среднехеттские формулы позволяют удостоверить общеиндоевропейский характер использования сочетания **som d̥eH-* 'установить, поставить' (отсюда 'проявить', 'выказать', 'добриться', 'получить'), к которому восходит слав. **sъ-deti*. Вывод о древности употребления этого индоевропейского сочетания в качестве формулы (иногда предправового характера) подтверждается и греч. *συνθεσίη* 'договор, соглашение', 'поручение' (ср. в "Илиаде" В 339 и Е 319), относящимся к той же семантической сфере, что и др.-инд. *samdhā* 'договор, связь, объединение', слав. **sqdъ* 'суд' (возводимое, в конечном счете, к тому же сочетанию, ср. собственные имена, представляющие поэтому позднейший вариант того же исходного сочетания, что и **sъ-deti-slavъ*: пол. *Sedzi-slaw*, чеш. *Sudi-slaw*, др.-рус. *Суди-славъ*), лит. *samtā* 'наем, аренда', *samtýti*, *samtō*, *samtē* 'нанимать'. Вероятно, что сочетание **som d̥eH-* могло использоваться как в подобных предправовых контекстах (Иванов–Топоров 1978), так и в мифологических. Хеттские тексты типа цитированных выше позволяют более точно определить характер жанра, в котором могли объединяться обе эти характеристики.

Синтаксическая двойственность функций **som* отражена как в славянском **sъ(n)*, так и в прусском, где наряду с предлогом *sen* в приименных конструкциях типа *san steimas* 'с ними' засвидетельствована приставка при глаголе в формах типа *san-day* 'иди! – с богом' (Endzelins 1948, с. 249, § 451). Оба вида употребления этого слова, возводимого к **som*, в балтийском и славянском можно объяснить, исходя из более архаичного использования хет. *-šan* как частицы, относящейся ко всему предложению (или хотя бы ко всей предикативной конструкции).

В древнехеттских текстах *-šan* выражает преимущественно терминальное значение, связанное либо с завершением процесса, либо же в особенности с его направленностью на какую-либо цель, что определяет частое использование дательного или дательного-местного падежей в соответствующих конструкциях. Русские переводные эквиваленты конструкций с *-šan* могут при этом иметь глагол в совершенном виде: *man-šan hašsi* /*raḥ/ḥur natta paraisten* 'если (вы) не раздуете (ог)ня в очаге' (2 BoTU 10 β 25); *nu-šmaš-šan* UZU ZU-it *karipten* 'и сожрите (об этимологии см. Иванов 1981, гл. 3, § 5) их своими зубами'. Установленные для древнехеттского пары конструкций одних и тех же глаголов с частицей *-šan* и без нее находят иногда этимологическое, а часто семантическое соответствие в сходных видовых оппозициях приставочного и бесприставочного глаголов в славянском: хет. *-šan...* *dai*: *dai* 'ставить', слав. *sъ-dějati*, лит. *sudéti* 'сложить, уложить, снести', прус. *sen-ditmai* 'сложенными'; хет. *-šan...* *iya-iyā* 'делать', слав. *sъ-dělati*: *dělati*, хет. *-šan...* *išħai* 'привязать' (др.-хет. *ni-mu-ššan ki īgūn išħaisten* 'вы привязали это ярмо ко мне', архаическая сигматическая форма 2 л. мн.ч. на *-š-ten* от *išħai*): *išħai* 'привязывать', слав. **sq-pregq*, ст.-слав. СЬВАЗЬ, СЬ-ЖЗЬ, латыш. *suo-dara*, в языке народных песен, Endzelins 1951, с. 686, § 569, прус. *sen-rists* 'связанный', слав. *sen-rinka* 3 л. и т.п.

На основании сравнения с древнехеттским и другими родственными языками особенно архаическими можно считать такие славянские приста-

вочных сложения с **sən(n)*-, как *sən-iti* (Иванов 1981, гл. 2, § 4), ср. семантически близкие сочетания частицы *-san* с глаголами типа *tiya-* 'выступать' (< **(s)toH*, гл. 3, § 3) в древнехеттском, в частности, в § 190 хеттских законов (где в конструкции, в которой *-san*, имеющее одновременно значение пространственной направленности и цели, относится ко всему предложению, с ним же связан творительный падеж имени, ср. конструкции с предлогом **sъ* в праславянском). В тех текстах, где хеттский глагол *tittanu-* используется с частицей *-san*, при них часто используется существительное *KAS* 'дорога, путь' (в форме дательного или винительного падежей) для обозначения того положения, которое должно быть занято в результате действия. Из того же терминативного (пространственного) значения разъясняется и использование *-san* при *halzai-* в смысле 'созывать', ср., с одной стороны, разъяснение слав. **sqdъ* 'суд', лит. *sam-dà* из сложения преверба **som* с глаголом, с другой стороны, др.-хет. *-san tulia halzai-* 'созывать совет' (в частности, для суда над царем).

При глаголах, обозначающих увеличение степени какого-либо качества, хат. *-šan* обозначает терминативность по отношению к пределу увеличения: ср.-хет. *kupina-mu-ššan inan pittuliassa makkešta* 'теперь у меня болезнь и тоска увеличились', *ni-mu-ššan inan makišta* 'и у меня болезнь выросла'.

Существенный интерес представляет сопоставление развития элемента **som* > хет. *šan*, слав. *sъ(n)*, прус. *san*, *sen* и частично ему семантически близкого **kom* > хет. *kan*, слав. *kъ(n)*, в древнехеттском имеющего перфективирующее значение (точно соответствующее славянскому совершенному виду), а в архаической латыни (и по некоторым исследованиям в готском)¹ имеющего преимущественно значение терминативности (пределности).

В свете этих вновь открытых фактов становится более ясным принцип, согласно которому в приставочных сложениях могут сохраниться синтаксические архаизмы общеиндоевропейской эпохи.

В истории балтийских и славянских видовых противопоставлений важнейшим процессом представляется отождествление значений, выраженных с помощью видовых глагольных суффиксов, и тех значений, которые передавались прёвербами, позднее превратившимися в приставки и утратившими характер синтаксических архаизмов.

Существенно наличие в анатолийском пар, различающихся наличием или отсутствием *-kan*, как в древнехеттском *LUGAL-uš SAL LUGAL-aš-a teššumiuš danzi* 'царь и царица берут чаши': *irma(n)-šmaš-kan dahyun* 'я взяла у вас болезнь'. В позднеанатолийском, в частности, в лидийском, уже происходит слияние приставки, восходящей к **kom*-, с глагольной основой: сочетание **kom* + **tor*- в лидийском *kon-tro-* выступает уже как комбинация двух морфем в пределах слова, а не двух слов. В этом отношении, как и в ряде других, позднеанатолийские языки середины I тыс. до н.э. (и, в частности, лидийский) оказываются типологически близкими к индоевропейским диалектам, известным по еще поздним письменным

¹Фонетическое развитие гот. *ga-* < **kom* объясняется по закону Вернера из предположения низкого тона в безударной позиции в индоевропейском (Иванов 1977а; 1979б).

памятникам. При далеко идущем синтаксическом сходстве глубинных структур древнеанатолийский, более близкий в данном отношении к общеиндоевропейскому, существенно отличается от позднеанатолийского (лидийского и ликийского), как и от славянского и балтийского. Различие заключается в том, что правилам, в древнеанатолийском (в частности, в древнегреческом — XVIII—XVI вв. до н.э.) относящимся к синтаксическому уровню, соответствуют в языках, засвидетельствованных более поздними письменными памятниками — позднеанатолийских, балтийских, славянских, — правила морфологического уровня.

Давно отмеченный архаизм фонетических комплексов, функционирующих на уровне поверхностной структуры как единое слово, состоящих из проклитических предлогов — слав. **kъ(n)*, **sъ(n)*, прус. *sen-* и следующих за ними местоимений (тип. ст.-слав КЪ НКМОУ, СЪНИМЬ, прус. *senku*) позволяет предположить сохранение в данном случае в общеславянском пережитка общеиндоевропейской синтаксической конструкции. С точностью до порядка (обратного) составных частей конструкция с начальным (проклитическим) **kъ(n)*- находит соответствие в конструкции с соответствующими элементами в конечной (энклитической) позиции в латинских изолированных синтаксических архаизмах типа *tesit* при более обычной препозиции в других контекстах. Не только состав элементов (**kom* и местоимения), но и их порядок (в отличие от славянского) одинаков в латинских синтаксических архаизмах типа *tesit*, *tesum* и соответствующих хеттских элементах начальных энклитических комплексов (*nu-*) *ti-kan* (ср. *tesit*), (*nu*) — *tta-kan* (ср. *tesum*). Позднеанатолийские сочетания с *kom-* в качестве одного из превербов в группе превербов находят ближайший аналог в кельтском **kom* как втором элементе группы приставок типа др.-ирл. *for-con-gur* 'я приказываю'. Высокая частота *-kan* как синтаксического элемента в древнегреческом находит соответствие в значительном числе слов с начальным морфологическим элементом *com-/gon-* в архаической латыни и фалискском. На обратной стороне посвятительной надписи коллеги поваров на 21 слог первых четырех слов 3 слова содержат этот префикс (*gon-leguit* 'collegium', *gon-decorant* 'condecorant', *con-vivia* 'convivium').

Употребление хеттского *-kan* достаточно близко к лат. (в указанных синтаксических архаизмах) и слав., так как оно возможно не только в конце начального комплекса, но и после любого другого слова, если им завершается определенный фрагмент актуального членения предложения.

Полный параллелизм в употреблении хеттских частиц *-kan* и *-šan*, с одной стороны, славянских предлогов *kъ(n)-* и *sъ(n)-*, с другой, позволяет выявить закономерное соотношение:

индоевропейский	хеттский	ведийский	славянский
* <i>kom</i>	<i>-kan</i>	<i>kan</i>	* <i>kъ(n)-</i>
* <i>som</i>	<i>-šan</i>	<i>sam</i>	* <i>sъ(n)-</i>

Значительный интерес представляет также и точное соответствие синтаксических архаизмов, в которых сохраняется сочетание **kom*, **som* с древним местоименным элементом в латинском *quo-cum*, *qui-cum*, *quid-cum*, *quibus-cum*, с одной стороны, и прус. *sen-ku* (с обратным порядком составных частей), — с другой.

В древнхеттском ритуальном тексте встречаются случаи, где *san*, при соединяющее к именной словоформе с функцией дательного или местного падежей, имеет значение совместности: *halmašwitti þassiyasšan tianzi* 'и они кладут (чаши) к трону, а также и к очагу'. В некоторых из подобных случаев *þan* оказывается переводным эквивалентом славянского *sz* (рус. с): 'и кладет венок на царя и царицу (вместе) с (хет. *þan*) принцами'. Семантически несомненно сходство и в др.-инд. *sam/am*, а также в германских соответствиях,ср. также возможное этимологическое отождествление хет. *-san* и греч. *ἀν* (Risch 1968, с. 697).

Предположение о древней функции **kot* и **som* как частиц, относящихся ко всему предложению, позволяет наметить исходный пункт для развития, которое в отдельных элементах приводит либо к включению их в состав сложных приставочных глаголов, либо к возникновению из них предлогов, либо к обоим этим процессам вместе (как в балтийском и славянском).

2. ПРОБЛЕМА АРХАИЧНЫХ СОЧЕТАНИЙ ГЛАГОЛОВ С ЧАСТИЦАМИ И ПРЕВЕРБАМИ

В свете обнаружения значительного числа подобных сочетаний с частицами и/или превербами, имевшими "аспектоидную" функцию, представляется необходимым пересмотреть некоторые стороны проблемы индоевропейских истоков видовых оппозиций славянского и балтийского глагола. На протяжении весьма длительного времени такие видовые значения, как перфективность (совершенность) передавались сочетаниями приставки или частицы с глаголом. То, что они не становились единым словом, доказывается подвижностью возвратного местоимения (см. Курлович 1962, с. 259, см. о литовском Казлаускас 1966, с. 166; Иванов 1974). Но эти сочетания, из синтаксических еще не превратившиеся в морфемные (ср. Ivanov 1977), тем не менее выражали те значения, которые позднее стали передаваться приставками в пределах слов, как давно уже предположил Хартмайн (Hartmann 1917, с. 14), чье мнение осталось одноким (ср. Ван-Вейк 1962, с. 243, 256, прим. 18). Проблема происхождения видов ставится в свете этих данных по-новому. Ранее считалось нужным выяснить, как именно могли развиться поздние типы приставочных образований, передававших вид, при наличии унаследованных от индоевропейского морфологических способов передачи видовых значений (ср. Ульянов 1895, II, с. 285). Сейчас же анатолийские и другие вновь выявленные данные в той же мере, в какой они ставят под сомнение общность славянских и балтийских способов выражения видовых соотношений с другими диалектами кроме греческого (ср. Маслов 1962, с. 23; ср. Kølln 1969), удостоверяют древность видовых истоков таких соотношений. Поэтому оправданным оказывается поиск условий, в которых вновь формировавшиеся морфологические соотношения, в частности, оппозиция аориста и имперфекта, отождествлялись с соотношением сочетаний глаголов с частицами и превербами (Кельн 1962, с. 283 и след.; Kølln 1957; 1959, ср. к постановке задачи Milewski 1939). Исследование синтаксических условий развития сочетаний типа **som+ed* оказывается неотъемлемой частью изучения поздних этапов формирования

славянской и балтийской видо-временной системы. При этом наибольший интерес представляют сочетания, возводимые к периоду формирования древнейших изоглосс. Особый архаизм хет. *pai-* 'приходить' предполагается по семантическим причинам (< ностр. *ʔja* 'приходить': сем.-хамит. *'j* 'приходить', драв. *ej-* 'прибывать', алт. *ئ* 'приходить', Иллич-Свитыч 1971, с. 266). Производный характер хет. *pai-* доказывается соотношением с основой *iwa(i)* 'приходить', лув. *awi-* 'приходить',ср. хет. *paizzi* 'он идет (пойдет)'. *uizzi* 'он приходит (придет)' и аналогичные *re-da-* 'отнести': *u-da-* 'принести', *re-pna-* 'погнать': *upna-* 'пригнать', *re-ss̥iua* 'бросить': *u-ss̥iua* 'бросить люда' (ср. также *re-hute-* 'отнести': *uwater-* 'принести'). Особенности семантики этой архаической коррелятивной пары приставок в хеттском языке заключались в том, что они были соотнесены с актом речевой коммуникации (движение по направлению к говорящему противопоставлено движению от него).

Атематический корневой глагол *i-* 'идти', отраженный в хеттском непосредственно лишь в формах императива, но сохранившийся в лувийском (Merigg i 1957, с. 203–204, 207–208, 225; Иванов 1958, с. 145–146, Oettinger 1979), был вытеснен производными глаголами *pai-* 'идти' и *iwa-* 'приходить', где выделяются древние префиксы *p(e)-* и *u(-we)-*. На то, что образование этих производных относится к раннему периоду истории анатолийских языков, указывает тождество хет. *iwa-* и лув. *awi-* 'приходить'. В хеттском глагольная приставка *u-* (в отличие от всех других превербов, кроме *re*) уже не употребляется отдельно от глагола, а родственный ей преверб *awan* (древний им.-вин. п. ед.ч. ср.п., ср. Иванов 1965, с. 222, Neu 1974) употребляется только в сочетании с другими превербами, что свидетельствует о потере им самостоятельности. Сочетание превербов типа *awan arha* 'прочь', *awan katta* 'вниз' представляет интерес для исследования процесса циклического нанизывания приставок друг на друга, общего у хеттского языка с древнеирландским, балтийским, славянским, индоиранским и греческим (Kuryłowicz 1964, с. 174–176; 1975, с. 175–184). Такое нанизывание сопровождалось потерей самостоятельной функции *awan*. В сходных двойных сочетаниях превербов часто встречается и приставка *re*, в качестве самостоятельного элемента засвидетельствованная только с глаголом *hark-* 'иметь, держать' (уже в древнехеттском), где *re* обязательно занимает положение перед глаголом. Использование *re* в качестве первого слова в предложении *re-pat harkanzi* 'они держат' АВоТ 25 I 26 показывает, что первоначально его функция не отличалась от функции родственных ему лув. *ra-*, лид. *fa-* как начальных элементов комплекса энклитик в предложении и начальных приставок в глагольных комплексах (Иванов 1965). Предложенное Бадер объяснение лат. *porceo* < **pe/o* (*H*)*ark-* (Badek 1973) свидетельствует о наличии аналогичных сочетаний в италийском.

Хеттская пара соотносительных глаголов *pai-*: *iwa-*, структурно и генетически совпадающих (при расхождении в конкретном значении приставок, легко выводимом из семантической корреляции) со славянской парой типа ст.-слав. ПОИТИ–ОУИТИ, особенно показательная для иллюстрации сходства данных морфем (Иванов 1957, с. 25; 1965, с. 224; Benveniste 1962, с. 32–33). В качестве третьего члена в данной важной изоглоссе выступают балтийские языки, ср. прус. *au-* (с рядом точных прусско-слав.

вянских соответствий в его использовании: Топоров 1975, I, с. 142), лит. *ai-*, при *ra-*, *rō-*. Параллелизм в употреблении **i* и **ro* считался ранее одной из важных балто-славянских изоглосс. Поэтому значение данного общеанатолийского явления трудно переоценить. Особенно существенным представляется то, что ст.-слав. ПО-, ОУ-, прус. *ai-*, лит. *ai-*, *ra-*, *ro-* находят соответствие именно в тех хеттских превербах, которые к началу письменного периода истории хеттского языка утратили свою самостоятельность. Тем самым подтверждается то, что в данном случае речь идет не о результатах параллельного развития, а об унаследованной диалектной черте, существенной для индоевропейской лингвистической географии.

Представляется, что изолированное положение превербов *re-* и *i-* в хеттском было связано с их отрывом от соответствующих полупарадигматических (первоначально именных) форм. В обоих случаях этому могли способствовать морфологические и семантические процессы, приведшие к отделению хет. *i-* (лув. *ai-*) от *awan*, *re* от *appan* (ср. о литовском Hamp 1968). Архаизм самого типа образования форм с количественным и качественным аблautом (*re* при однотипном **de* > лат. *de* и т.п.) служит порукой их древности.

Помимо того интереса, который описываемое совпадение представляет для оценки диалектных связей между славянским, балтийским и анатолийским, следует обратить внимание на то, что анатолийские факты позволяют восстановить тот период в истории праславянских (и некоторых других диалектных индоевропейских) превербов, которые другими письменными памятниками не документируются. Древность объединения этих префиксов с глаголом **ei-/i-*, которая в анатолийском гарантируется совпадением хет. *iwa-* с лув. *awi-*, представляет исключительный интерес для подтверждения внешним сравнением тех выводов, к которым пришел на основании анализа старославянских текстов Ван-Вейк. По его выводам, в первоначальном тексте Кирилла и Мефодия простой глагол ст.-слав. ИТИ использован там, где в позднейших текстах ожидалось бы ПОИТИ (Van-Wijk 1927, с. 95–96; Ван-Вейк 1962, с. 244; Кузнецов 1959, с. 184–186), ср. о позднейшем видовом значении корреляции ИТИ:ПОИТИ Huntley 1967. Согласно Ван-Вейку, в наиболее древних сочетаниях превербов с глаголом они имеют только пространственное значение. Результаты исследования Ван-Вейка следуют интерпретировать не в том смысле, что сочетание **po-it-i* не было древним, а в том, что оно первоначально не имело того именно видового значения, которое приобрело позднее. Насколько можно судить на основе сравнения с анатолийским, видовые значения выражались не просто приставками, а сочетаниями приставок с частицами.

Сопоставление с древнехеттским видовым использованием *kan* < **kot*, *šan* < **sot* полезно и в том отношении, что оно показывает возможность употребления в таких сочетаниях приставочных глаголов: **kot+po-* + **ei*-; **sot+po-+ei*. Поэтому и для раннего праславянского может быть восстановлено употребление таких сочетаний, как **poiti kъ*, **poiti sъ*, но в них элементы **kъ*, **sъ* достаточно рано начинают терять связь с глаголом, что и должно было способствовать превращению **po-* в пустую приставку с видовым значением, близким к значению древних частиц.

*kom, *som². Если для общебалтийского также восстанавливается аналогичное значение *ro-* (Stang 1966, с. 405, но ср. к поставленной Стангом проблеме видов в литовском Дамбрюнас 1962, Dambrūnas 1960; Галнайтите 1963; 1966; Степанов 1978; 1976; 1977 и др.), то путь его развития мог быть сходным. О древности превращения *ro-* в "пустую" приставку с грамматическим (не обязательно видовым, часто модальным) значением свидетельствуют иранские параллели и общетохарский императив с начальным **p(o)-*, в частности, аномальное (и поэтому древнее) **p(o)+ei-i-* в тох. А *pis*, В *pas* (Van Windekkens 1976, с. 21, § 47, ср. о тохарском и иранском императиве на **p-* в связи с типом **poiti* Топоров 1961, с. 49); тох. А повел. накл. *päštāk*, *päštākäs* < **po-+stoH-* (Иванов 1981, гл. 3, § 3; форма ввиду своей изолированности в парадигме представляет существенный интерес для выяснения древности соединений приставки **pe/o* с формой повелительного наклонения в славянском и иранском); ср. аналогичный архаический императив в тох. В *re-te*, *re-te-s* < **pe/o-doH-*, Иванов 1965, с. 76, примеч. 67, или **pe/o-dheH-*, Watkins 1969, с. 208, § 198 (ср. Krause-Thomas 1960, с. 234, § 422. 2). Архаизм соединения "пустой" приставки **pe/o-* с глаголом **stoH-* подтверждается прус. *postat*, где приставка имеет только значение перфективности (Endzelīns 1948, с. 243, § 445). При этом существенно то, что в прусском глагол в личных формах всегда употребляется только с приставкой и имеет перфективное значение (не связанное с носовым суффиксом, см. Stang 1966, с. 349). Согласие двух форм – тохарской и прусской, восходящих к **pe/o-stoH-* и представляющих в каждом из языков архаизм, имеет существенное значение для выявления дославянских истоков видового значения **ro* в сложении со **stoati*.

В одном случае приставку, соотносительную с хет. *u-*, представляется возможным выявить в прусском. Речь идет о прус. *audāt sien* 'случаться, совершаясь, осуществляться'.

Поскольку вся парадигма изменения хеттских глаголов *uda-* и *pada-* в точности воспроизводит парадигму *da-* 'брать' (ср. *udaš*, 3 л. ед.ч. прош. вр., *utitmeni*, 2л. мн.ч. наст.вр.), не подлежит сомнению, что они образованы от последнего (а не от *dai-* 'класть', вопреки Friedrich 1952, с. 237). Поэтому этимологически хет. *uda-* можно считать тождественным прус. *audat sien* 'geschehen' (Топоров 1975, с. 145, с библиографией), ср. чеш. *uddti se*, рус. *удаваться, удача, удалой*. К развитию значений особенно интересно хет. *uda-* в значении 'прининить' (например, страдание). В древнехеттских текстах (в частности, в надписи Анитты, где глагол встречается 3 раза) он имеет всегда конкретное значение 'принести'.

Контекст, в котором значение прус. *audat* достаточно близко к др.-хет. *uda-*, встречается в случае, где прусский глагол употребляется в архаической сигматической форме, формально соответствующей хет. 3 л. ед.ч. пр. вр. *udaš*: *Kaigi tou druweise tit udasei tebbei* 'Wie du gleubest so geschehe dir' (K. III, 47, 16). В подобных контекстах для прус. *au-* можно предположить

² В этом (синтаксическом, а не традиционном морфологическом) смысле можно принять предположение Ульянова и Фортунатова о связи основ со значением "перфективного вида" с тем употреблением глагольных основ, какое существовало еще в общем индоевропейском языке (Фортунатов 1897, с. 152, ср. Ульянов 1895, с. 305 и сл.).

центростремительное, а не центробежное (обычное в других прусских сложениях с *au*-) значение, как и у хет. *u*- Сопоставление оправдывается тем, что и в хеттском, и в прусском слияние преверба с глаголом произошло еще в дописьменный период, что удостоверяет древность образования, в хеттском непродуктивного.

Вероятность предлагаемого сопоставления увеличивается потому, что в восточнобалтийском в том же значении представлено сочетание **n(u)*- (с парадигматическими алломорфами **n-o*- и др.) с **doH-* (и местоимением), для которого также можно указать хеттское соответствие. Ст.-лит. *nusidúoti* встречается в точно тех же контекстах, в которых в прусском встречается *audāt sien* (Mažiulis 1966), ср. прус. *Diewas labbīngs etniwings quāits audāst sien*, ст.-лит. *Giera Moloningu Diewa walia nūssidūst* (Vilentas Enchir. 20, 7), ср. латыш. *nuoduōt* (Mülenbachs-Endzelīns, II, с. 779). В древнехеттском представлены обычные для этого языка синтаксические конструкции, где за начальным *ni*-, *n*-, вводящим предложение, могут следовать энклитические местоимения (-*ši*, 'ему', -*ti* 'мне, меня' и т.п.), а затем глагол *da*- 'брать', ср., в частности, в надписи Анитты: *ni... daš* 'и он взял' (Vs 6). Глагол *da*- в качестве субъекта в древнехеттских текстах может иметь богов (в том числе и в смысле их воли, пожелания): *DINGIRDIDLI...ša-ra-a da-a-ir* 'Боги... взяли (вверх)' (Повесть о Цальпе, А 5). Представляется возможным поставить вопрос, не отражается ли в подобных словоупотреблениях древнее значение глагола **doH-* при богах как его субъектах, ср. греч. γέωκε Πατήρ 'дал Отец' (о Зевсе, II 250), ср. др.-инд. вед. *dátre vísā adhitthā indra kṛṣṇih* 'О Индра, ты поставил все племена под власть дара' (RV IV, 176), ср. об этих значениях корня **doH-* Benveniste 1966, с. 318–319; 1969, I, с. 66–70; Иванов 1975а, с. 52 и след. Представление о богах как дарителях, реконструируемое на основании анализа всего семантического поля **doH-* и других с ним связанных слов, объясняет и употребление **doH-* в специальных приставочных образованиях со значением 'дать (долю)' (о богах) – 'получить (долю)' (о людях). В позднейшей лексике переводов христианских текстов могли быть использованы подобные древние сочетания, восходящие к общеиндоевропейскому словоупотреблению. Поэтому сопоставление ст.-лит. *nusidúoti* с хет. *ni...* хет. *da*- позволяет допустить реконструкцию и.-е. **nu/sei-doH-*.

Можно предположить, что архаические особенности подобных комплексов еще сохранились в их преимущественно начальном положении в предложении в старолитовских текстах, где начальное положение возвратной приставочной глагольной формы оказывается значительно более частым, чем в последующих литовских текстах. В особенности показательно сравнение старолитовских текстов с начальным *Nu-si-dave* и последующих текстов с неначальным положением того же глагольного комплекса: *Nūssidawe auosa dienosfa* 'Случилось в тот день' (Еванг. от Луки, пер. Барт. Виллента-са, II), *Nusidawe to czesu* (Bretkunas, "Postilla", Еванг. от Луки, II, 1) при позднейшем варианте того же текста *Bēt nusidave* (из текста "Нового завета", пересмотренного в XIX в. Курштатом). Впрочем, следует иметь ввиду специфику переводных текстов, ср. в литовских сказках, записанных Шлейхером, преимущественное помещение начального слова перед глаголом (как в варианте Куршата): *Dabāt nusidave sýki* 'Теперь случилось

как-то раз'; *alē taī nenusidave sūkī* 'но тогда не оказалось' ('Apie prakčikta pilj', цит. по: Leskien 1919), ср. Иванов 1965, с. 234; 1974.

Реконструированная конструкция *n-(o/u)-+doH-* имеет параллель в аналогичных сочетаниях с **dheH-*.

Литовские приставочные формы от **dheH->de-* представляют исключительный интерес потому, что в них можно выявить окаменевшие следы древних индоевропейских сочетаний с этим глаголом. В частности, в возвратных глагольных формах *nusidemi*, *nudestis*, *nusidesatis*, *nusideme* устанавливается след глагольного сочетания **nu+местоимение+dheH-*, отраженного уже в древнейших индоевропейских текстах в сочетаниях типа др.-хет. *ni-iz-ta-az... ka-ra-a-ta-an da-i-ir* 'и (*nu*) им сердцевину (внутренность) вложили', Повесть о Цальпе, A Vs 16 (Иванов 1981, 3, § 2). Приведенное древнехеттское сочетание является древней индоевропейской формулой. И.е. **nu(s/e)i (s/m)-ei* *kre/od dheH-* можно с достоверностью восстановить в качестве фрагмента общеиндоевропейского текста. В литовском возвратном глаголе в морфологически связанный комбинации отразилась часть этого текста. Аналогичные сочетания с начальным *n-(i/o)* удается восстановить и для некоторых других глаголов, рассмотренных выше.

В древнехеттской Повести о Цальпе (A Vs 8) итеративная форма *taršk-* встречается в сочетании с предшествующим *ni:* *nu tar-ši-kan-zi* 'и они говорят'³ (Otten 1973, с. 6, 27, 43 о *taršk-* в древних текстах: ср. Иванов 1965,

³ Хеттские глаголы звучания и говорения с итеративным суффиксом *-šk-*. (Bechtel 1936, с. 198; Dressler 1968, с. 198–199; Ivanov 1970, с. 206)нередко используются в архаичных конструкциях, где (в отличие от цитированного предложения) субъект вообще не выражен. Безличная конструкция *ni-iz-za iš-[h]a-ma-i-iš-ki-iž-zi* 'поется' (КВО III 40 = 2Во TU 14 α I 13), принадлежит к числу архаичных конструкций, в которых древний глагол второй серии (на *-sk-*, ср. Иванов 1965, Wader 1975), уже перейдя к типу изменения по первой серии, тем не менее употреблялся в центральностремительных конструкциях медиального значения (но активной формы), ср. Иванов 1981, гл. 2, § 5.

Для исследования морфологических (деривационных и флексивных) особенностей балтийских, славянских и анатолийских глаголов звучания значительный интерес могут представить типологические данные. В енисейском кетском (енисейско-остяцком) языке глаголы, обозначающие звуки, обособлены от других глаголов, потому что в них имеется конечная основа на *-ta*, находящаяся в дополнительном распределении с суффиксом мгновенного действия [*r'x̚c'*]. Эти глаголы используются в безличных конструкциях с именными притяжательными префиксами (Крейнович 1968, с. 114–121; Дульзон 1968, с. 345–350, Ivanov 1978a, с. 8, 12). Описанный тип спряжения глаголов в кетском (и югском). А.П. Дульзон определяет как посессивный: "шум рассматривается как принадлежность предмета и получает свое выражение по модели 'он + его шум', 'они + их шум'". В этом случае субъект действия по существу не указан. Глагольное слово можно было бы рассматривать как имя действия, которое содержит в себе указание на время, вид, залог и число, а также на объект, являющийся фактически субъектом действия" (Дульзон 1968, с. 345). Как отмечает Е.А. Крейнович, такой способ обозначения носителя глагольного признака при помощи именной категории принадлежности представляет большой интерес и для выяснения истории енисейских личных показателей, "которые в генезисе, повидимому, указывали не на субъект действия, а на принадлежность действия его производителю" (Крейнович 1968, с. 121).

Если при сравнительно-историческом анализе балтийских и славянских глаголов удается установить некоторое формальное сходство древних глаголов звучания и глаголов, использовавшихся в безличных конструкциях, то сравнение с си-

с. 151). Подобные сочетания можно считать отражением древней синтагмы *nu-(o/u) tor-, к которой восходит и ст.-лит. *nuotartis* 'хула, порицание, укор',ср. *Gyvendami be nuotarties, turejo didę visuosemp malonę* (Daukša "Postilla" 464), *Byskupas tur būti be nutarties* (Vilentas 39), 'недостаток' (...*abudu be nutarties*, Бреткунас, 3 кн. Моис., 9, 2), 'оговорка' (*Ar, už nieka yra ta maldą, kuri nusiduostis su nuokalbėjimu, alba nuotarčia?*, Margar. Theol. 193), см. Skardžius 1943, с. 326; LKŽ VIII, 1970, с. 965. Древняя синтагма того же типа отражена в латыш. *nuoziegtiēs* 'согрешать, преступать', *nuoziegt* 'совершать преступление' (ср. у Глюка: *gribu es pie mana tēva savu tūžu nuoziedzis būt*, 1 кн. Моис., 44, 3; *tev gribu nuoziedzis būt*, 1 кн. Моис. 43, 9), *nuoziegums* 'преступление, прегрешение' (Кн. прор. Иерем. 50, 20: *tanīs dienās taps... nuoziegums mēklēts, mani nuoziegumi ir man[i] sagrābuši* Глюк, Псалмы, 40, 13); ср. лит. *nusizēngti* 'совершить проступок, провиниться' (при отражении конкретного значения в *nužēnsnuoti* 'идти шагом, маршировать' и т.п.), *nužengimas* 'проступок', *nusizengēlis* (Mülenbachs-Endzelīns II, с. 891–892; IV, с. 741; Skardžius 1943, с. 464; LKŽ 1970, VIII, с. 979). Согласно предлагаемой синтаксической схеме, на основании этих слов может быть восстановлена более ранняя восточно-балтийская синтагма, отражающая и.-е. *n-(o/u) *sei *gʰengh-ti 'и (или: теперь) по направлению к нему идет, направляется'. След такого древнего индоевропейского сочетания можно было бы видеть в древнегерманских конструкциях типа др.-исл. *ní er hūfðen gekk inn* (щит. по Heusler 1913, с. 219, строка 30, сага XIII в. об. Auþon'e и его ледяных медведях).

Приведенные реконструкции с начальным *n-* (ср. к его функциям Иванов 1965; 1979а) представляют особый интерес потому, что в некоторых западно-индоевропейских диалектах, не знавших аугмента, этот элемент *no- сыграл роль префикса прошедшего времени (Watkins 1962), типологически сходную с ролью аугмента во всем аугментном ареале (греческо-армяно-арийском, к которому примыкает также фригийский, Дьяконов–Нерознак 1977; Иванов 1981, а также албанский и тохарский, может быть, и германский). Тем самым лишний раз доказывается значимость рассматриваемого типа морфем для становления временных отношений, осуществлявшегося в отдельных диалектах в относительно поздний период их истории.

Поскольку префикс др.-ирл. *ro-* < *pro- в кельтском грамматикализован, представляет интерес и выявление конкретных синтагм с этим превербом, общих у кельтского с балтийским.

Архаизм старолитовской (и общебалтийской) систем глагольных префиксов особенно наглядно обнаруживается при ее сравнении с кельтской. Сочетанию, отраженному в ст.-лит. *prades(is)*, соответствует устойчивое идиоматическое сочетание *pro+*d̥he- > *ro+d̥he-*, заменившее в древне-

сейским позволяет расширить это сопоставление. Выясняется, что в енисейском possessivные безличные конструкции в равной мере характерные для обозначения желания (абво 'мое желание' = 'я хочу', ср. Иванов 1981, гл. 2, § 5) и для обозначения глаголов звучания.

Поэтому характерным оказывается и использование др.-хет. *išhamat-išk-* (древний индоевропейский глагол, ср. вед. *sāman* 'песня', *sāmanī* 'любящий песню') в безличной конструкции *ni-zza išhamat-iškizzi* 'и поется' (соответствует типологически енисейскому 'звук песня раздается'). Ср. о возможности истолкования и.-е. 1 серии как possessivной Иванов 1981, гл. 1, § 11.

ирландском глагол 'дать': *tarti* 'даст' < **to-ro-ad-dhēt* (форма с вторичным окончанием в значении настоящего, см. Thurheysen 1946, с. 35, § 50, с. 469; Watkins 1963; 1969, с. 46, § 24); *dorat* 'дан' (3 л. ед.ч. перф.) и т.п. (к начальному *to-* ср. хет. *ta* в начале предложения, подтверждающее, что весь древнеирландский глагольный комплекс, как и приведенный старолитовский, можно рассматривать как окаменевшее синтаксическое сочетание). В некоторых случаях семантика подобных сочетаний позволяет возвести их к общесиндоевропейскому. Глагол *ȝai-* имел значения 'сеять, вдавливать, помещать внутрь, отпечатывать' (Laroche 1963, с. 75–76; Иванов 1965, с. 87–88). Точное совпадение хет. *ewan* (идеограмма *SE*) para *ȝiyappaš* 'ячмень, приготовленный для посева' и др.-рус. ПРО-СЪЮГИ 'высеять', рус. *просев* 'засев или высев полного сетева, всех семян, что были в сеялке', лат. *prōserō*, *prōsēvī*, *prōsatum* 'сеять' позволяет реконструировать общесиндоевропейское сочетание **pro seH₁*- 'сеять', 'высеять', 'засеять' (в частности, о **yewo-* 'ячмень' – хет. *ewa-* 'ячмень', лит. *javaī*, др.-инд. *yāvaḥ*, авест. *yava-*, греч. *ȝe(i)ā*, др.-иран. *eorna*, Fraenkel 1955, с. 192; Pokorný 1959, с. 512; Sabaliauskas 1959; 1967, с. 25; Абаев 1958, с. 564; Иванов 1956; с. 118; 1963, с. 210; 1965, с. 88, Напр, 1972). Но именно глубинная индоевропейская реконструкция показывает, что превербы типа **prō-* (древний локатив со степенью растяжения < хет. директив: Иванов 1963; Laroche 1970; Ivanov 1979) представляют собой остатки древней именной парадигмы (ср. хет. *piran* < **peron*, Иванов 1981, гл. 3, § 2). Поэтому реконструируемое в качестве общеславянского значение сочетания глагола 'давать' с превербом **pro-*: **prodati* 'продать', находит соответствие не только в др.-инд. *pra-dā-* 'отдавать, выдавать замуж' (Трубачев 1963, с. 74), в "Ригведе" 'передавать или отдавать кому-нибудь', но и в вед. *pára-dā-* 'кого-нибудь отдавать за определенную цену' (Grassmann 1873, с. 587) и также в *pari-dā-* с близким значением (Иванов 1975a, с. 59; что же касается прус. *perdauns* 'проданный' (прич.), то, как и по отношению к существительному *perdāsai*, остается не вполне исключенной возможность славянского влияния, ср. Stang 1966, с. 41; о других подобных общеславянских сочетаниях, восстанавливаемых на основании собственных имен, ср. Иванов 1979). Общеслав., как и балт. (особенно прусский) сохраняет некоторые реликтовые формы, в которых отчетливо видно именное происхождение превербов и предлогов (Иванов 1973; 1975), но в целом оба эти диалекта далеко прошли еще в дописменный период по пути превращения древних пространственных служебных имен в приставки.

Целостный подход к языковой структуре предполагает исследование преобразования исходной индоевропейской системы, не знавшей временных противопоставлений в глаголе, на основе изучения как системы флексий и основ, их принимающих, так и тех сочетаний с частицами (позднее и превербами), с помощью которых выражались видовые и аспектоидные отношения. Пересмотр традиционных взглядов оказывается вдвойне полезным: выясняется не только, что морфология глагола существенно отличалась от реконструированной ранее, но также и то, что в исходной синтаксической структуре видовые (и близкие к ним) отношения выражались сочетаниями слов. В обоих отношения и балтийские, и славянские языки сохранили архаизмы, которые важны и для общесиндоевропейской реконструкции.

ЛИТЕРАТУРА

- Абаев 1958 – *Абаев В.И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка, т. I. М.-Л., 1958.
- Ван-Вейк 1962 – *Ван-Вейк Н.* О происхождении видов славянского глагола. – В кн.: Вопросы глагольного вида. М., 1962, с. 238–258.
- Галнайтите 1963 – *Галнайтите Э.* Особенности категории вида глаголов в литовском языке (в сопоставлении с русским языком). – Kalbotyra, VII. Vilnius, 1963.
- Галнайтите 1966 – *Галнайтите Э.* К вопросу об имперфективации глаголов в литовском языке. – Baltistica, 1966, II(2), с. 147–158.
- Дамбрюнас 1962 – *Дамбрюнас Л.* Глагольные виды в литовском языке. – В кн.: Вопросы глагольного вида, с. 365–381.
- Дульзон 1968 – *Дульзон А.П.* Кетский язык. Томск, 1968.
- Дьяконов-Нерознак 1977: *Дьяконов И.М., Нерознак В.П.* Очерк фригийской морфологии. – В кн.: Baltistica, II. Priedas, Vilnius, с. 169–198.
- Елизаренкова 1972 – "Ригведа". Избранные гимны. Коммен. и вступ. ст. Т.Я. Елизаренковой. М., 1972.
- Елизаренкова-Топоров 1979 – *Елизаренкова Т.Я., Топоров В.Н.* Древнесиндиjsкая поэтика и ее индоевропейские источники. – В кн.: Культура и литература Индии. М., 1979, с. 36–70.
- Иванов 1956 – *Иванов В.В.* Новая литература о диалектном членении общеиндоевропейского языка. – Вопросы языкоznания, 1956, № 2.
- Иванов 1957 – *Иванов В.В.* О методах изучения истории индоевропейского языка и его диалектов. – Тезисы докладов на расширенном заседании Учен. совета Ин-та языкоznания АН СССР. М., 1957.
- Иванов 1958 – *Иванов В.В.* К изучению лексики лувийского языка. – В кн.: Исследования в чест на акад. Д. Дечев. София, 1958, с. 141–150.
- Иванов 1961 – *Иванов В.В.* К этимологии русского *насти*. – Сборник статей по языкоznанию памяти М.В. Сергиевского. М., 1961.
- Иванов 1962 – *Иванов В.В.* О культе огня у хеттов. – В кн.: Древний мир. Сборник статей в честь акад. В.В. Струве. М., 1962, с. 266–272.
- Иванов 1963 – *Иванов В.В.* Хеттский язык. М., 1963.
- Иванов 1965 – *Иванов В.В.* Общеиндоевропейская, праславянская и анатолийская языковые системы. М., 1965.
- Иванов 1973 – *Иванов В.В.* К типологии развития славянских и индоевропейских предлогов и послелогов. – В кн.: Структурно-типологические исследования в области грамматики славянских языков. М., 1973.
- Иванов 1974 – *Иванов В.В.* Реконструкция общебалтийских синтаксических структур. – Балто-славянский сборник, М., 1974.
- Иванов 1975 – *Иванов В.В.* Реконструкция индоевропейских слов и текстов, отражающими культ волка. – Изв. АН СССР. Сер. лит-ры и яз., 1975, № 5.
- Иванов 1975a – *Иванов В.В.* Происхождение семантического поля славянских слов, обозначающих дар и обмен. – В кн.: Славянское и балканское языкоznание. Проблемы интерференции и языковых контактов. М., 1975, с. 50–79.
- Иванов 1977 – *Иванов В.В.* Древняя литература Малой Азии. – В кн.: Луна, управляемая с неба. Пер. с древнемалоазиатских языков, вступит. ст. и коммент. В.В. Иванова. М., 1977, с. 5–32.
- Иванов 1977a – *Иванов В.В.* Рец. на: W.P. Lehmann. *Proto-Indo-European Syntax*. – Изв. АН СССР. Сер. лит-ры и яз., 1977, № 7.
- Иванов 1977b – *Иванов В.В.* Из семиотических комментариев к клинописным хеттским текстам. – В кн.: Philologia Orientalis. Тбилиси, 1977.
- Иванов 1979 – *Иванов В.В.* Эстетическое наследие древней и средневековой Индии. – В кн.: Культура и литература Индии. М., 1979, с. 6–35.
- Иванов 1979a – *Иванов В.В.* Отражение правил индоевропейской акцентуации в микенском греческом. – В кн.: Balkanica. Лингвистические исследования. М., 1979, с. 39–55.
- Иванов 1981 – *Иванов В.В.* Славянский, балтийский и раннебалканский глагол. Индоевропейские источники. М., 1981.
- Иванов – Топоров 1963: *Иванов В.В., Топоров В.Н.* К реконструкции праславянского текста. – В кн.: Славянское языкоznание. Доклады советской делегации. М., 1963.

Иванов – Топоров 1978: *Иванов В.В., Топоров В.Н.* О языке древнего славянского права (К анализу некоторых ключевых терминов). – В кн.: Славянское языкознание. VII Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1978, с. 221–240.

Иллич-Свитыч 1971 – *Иллич-Свитыч В.М.* Опыт сравнения ностратических языков (семито-хамитский, картвельский, индоевропейский, уральский, дравидийский, алтайский). Введение. Сравнительный словарь (в –К). М., 1971.

Казлаускас 1966 – *Казлаускас Й.* О месте глагольной морфемы и ее ударения в литовском языке. – *Baltistica* 1966, I(2).

Кёльн 1967: *Кёльн Г.* Происхождение славянского глагольного вида. – В кн.: Вопросы глагольного вида, с. 280–286.

Крейнович 1968 – *Крейнович Е.А.* Глагол кетского языка. Л., 1968.

Кузнецов 1959 – *Кузнецов П.С.* Очерки исторической морфологии русского языка. М., 1959.

Курилович 1962 – *Курилович Е.* Очерки по лингвистике. М., 1962.

Маслов 1962: *Маслов Ю.С.* Вопросы глагольного вида в современном зарубежном языкознании. – В кн.: Вопросы глагольного вида, с. 7–34.

Сафаревич 1962: *Сафаревич Я.* О выражении совершенности и несовершенности в латинском языке. – Там же, с. 323–334.

Соссюр 1977 – *Соссюр Ф.Д.* Труды по языкознанию. М., 1977.

Степанов 1976 – *Степанов Ю.С.* Вид, залог, переходность (Балто-славянская проблема. I.). – Изв. АН СССР. Сер. лит-ры и яз., 1976, т. 35, вып. 5.

Степанов 1977 – *Степанов Ю.С.* Вид, залог, переходность (Балто-славянская проблема. II.). – Изв. АН СССР. Сер. лит-ры и яз., 1977, т. 36, вып. 2.

Степанов 1978 – *Степанов Ю.С.* Славянский глагольный вид и балтийская диатеза (проблема общего генезиса и реконструкции). – Славянское языкознание. VIII Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1978, с. 335–363.

Топоров 1961 – *Топоров В.Н.* К вопросу об эволюции славянского и балтийского глагола. – В кн.: Вопросы славянского языкознания, вып. 5, М., 1961.

Топоров 1975 – *Топоров В.Н.* Прусский язык. Словарь А–Д, М., 1975.

Топоров 1980 – *Топоров В.Н.* Прусский язык. Словарь. I–К, М., 1980.

Трубачев 1963 – *Трубачев О.Н.* Этимологический словарь славянских языков (праславянский лексический фонд). Проспект. Ввводные статьи. М., 1963.

Ульянов 1895 – *Ульянов Г.К.* Значение глагольных основ в литовско-славянском языке, т. II. Варшава, 1895.

Фортунатов 1897 – *Фортунатов Ф.Ф.* Разбор сочинения Г.К. Ульянова "Значение глагольных основ в литовском славянском языке". – Отчет о присуждении Ломоносовской премии в 1895 году. Сб. ОРЯС 1897, т. XIV, № 11, с. 1–158.

Bader 1973 – *Bader F.* – Lat. *nempe, porceō* et les fonctions des particules pronominales. – BSL, 1973, vol. 68, fasc. 1, p. 25–75.

Bader 1975 – *Bader F.* – La structure thématique aux présents hittites. – Revue hittite et asianique, 1975, t. 33, p. 5–29.

Bechtel 1936 – *Bechtel G.* Hittite verbs in -šk-. A study of verbal aspect. Ann Arbor, 1936.

Benveniste 1962 – *Benveniste E.* Hittite et indo-européen. – In: Bibliothèque archéologique et historique de l'archéologie d'Istanbul. Paris, 1962.

Benveniste 1966 – *Benveniste E.* Problèmes de linguistique générale. Paris, 1966.

Benveniste 1969, I–II – *Benveniste E.* Vocabulaire des institutions indo-européennes. I–II, Paris, 1969.

Borys 1975 – *Borys W.* Prefiksacja imienna w językach słowiańskich (Monografie słowistyczne, 32). Wrocław – Warszawa – Kraków – Gdańsk, 1975.

Būga 1958, 1959 – *Būga K.* Rinktiniai rastai. t. I. Vilnius, 1958; t. II. Vilnius, 1959.

Dambriunas 1960 – *Dambriunas L.* Lietuvių kalbos veiksmažodžiu aspectai. Bostonas, 1960.

Dressler 1968 – *Dressler W.* Studien zur verbalen Pluralität. Iterativum, Distributivum, Durativum, Intensivum in der allgemeinen Grammatik, im Lateinischen und Hethitischen. – In: Österreichische Akademie der Wissenschaften, Philosophisch-historische Klasse, Sitzungsberichte. DB, 259, 1 Abhandlung. Wien, 1968.

Endzelīns 1948 – *Endzelīns J.* Baltu valoda skaņas un formas. Riga, 1948.

Endzelīns 1951 – *Endzelīns J.* Latviešu valodas gramatika. Riga, 1951.

- Fraenkel 1929 – *Fraenkel E.* Syntax der litauischen Postpositionen und Präpositionen. Heidelberg, 1929.
- Fraenkel 1955 – *Fraenkel E.* Litauisches etymologisches Wörterbuch, I-II. Heidelberg – Göttingen, 1955–1965.
- Friedrich 1952 – *Friedrich J.* Hethitisches Wörterbuch. Heidelberg, 1952.
- Grassmann 1973 – *Grassmann H.* Das Wörterbuch des Rg-Veda. Leipzig, 1873.
- Hamp 1968 – *Hamp E.P.* Lithuanian *pa-* and *pō-* again. – *Baltistica*, IV (2), 1968, p. 255–258.
- Hartmann 1917 – *Hartmann F.* Aorist und Imperfektum. – In: Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen, Bd. 48, 1917.
- Heusler 1913 – *Heusler A.* Altisländisches Elementarbuch. Heidelberg, 1913.
- Huntley 1967 – *Huntley D.G.* L'aspect du *iti* en vieux slave. – Revue des études slaves, 1967, t. 46.
- Ivanov 1970 – *Ivanov Vyač.* Suffix *-sk- > Baltic -sk- and the problem of verbs denoting sounds. – In: *Donum Balticum. To Professor Ch.S. Stang on the occasion of his seventieth birthday 15. March 1970*, Stockholm, 1970.
- Ivanov 1977 – *Ivanov V.V.* The relation between different grammatical level in the linguistic evolution. – *Die Sprache*, 1977, Bd. 23, H. 1, S. 20–24.
- Ivanov 1978 – *Ivanov V.V.* Zur Herkunft einiger baltischer Verbalformen. – *Zeitschrift für Slawistik*, Bd. XXIII, 1978, H. 5, S. 610–616.
- Ivanov 1978a – *Ivanov V.V.* The structure of the Ket myth of the "denicheur des aiglons" and its American Indian parallels. – In: *Centro Internazionale di Semiotica e di linguistica, Working Papers, serie D*, 78–79, Università di Urbino, 1978.
- Ivanov 1979 – *Ivanov V.V.* Syntactical archaisms of Old Hittite. – In: *Hethitisch und Indogermanisch*. Innsbruck, 1979.
- Josephson 1972 – *Josephson F.* The function of the sentence particles in Old and Middle Hittite. – In: *Acta Universitatis Upsaliensis, Studia Indoeuropaea Upsaliensis*, 2. Uppsala, 1972.
- Kølln 1957 – *Kølln H.* Vidoveé problémy v staroslověnštině. – In: *Universitas Carolina, Philologica*, v. 3, N 1, 1957, p. 67–100.
- Kølln 1959 – *Kølln H.* Zum Aorist im Altrussischen. – In: *Scando-Slavica*, 5, 1959, c. 64–77.
- Kølln 1969 – *Kølln H.* Oppositions of voice in Greek, Slavic and Baltic. – In: *Det Kongelige Danske Videnskabernes Selskab Historisk-filosofiske Meddelelser*, 43, 4. København, 1969.
- Krause-Thomas, 1960 – *Krause W., Thomas W.* Tocharisches Elementarbuch. Bd. 1. Grammatik. Heidelberg, 1960.
- Kuryłowicz 1964 – *Kuryłowicz J.* The inflectional categories of Indo-European. Heidelberg, 1964.
- Kuryłowicz 1975 – *Kuryłowicz J.* Esquisses linguistiques. II. – In: *(Internationale Bibliothek für allgemeine Linguistik*, Bd. 37), München, 1975.
- Laroche 1963 – *Laroche E.* Études lexicales et étymologiques sur le hittite. – *Bulletin de la Société de linguistique*, 1963, t. 58, f. 1, p. 58–80.
- Laroche 1970 – *Laroche E.* Études linguistique anatolienne. – *Revue hittite et asiatique*, t. XXV, 1970.
- Leskien 1919 – *Leskien A.* Litauisches Lesebuch mit Grammatik und Wörterbuch. Heidelberg, 1919.
- ŁKŽ 1970, VIII – Leituvių kalbos žodynas, t. VIII, Vilnius, 1970.
- Mažiulis 1966 – *Mažiulis V.* Prūsų kalbos paminklai. Vilnius, 1966.
- Meile 1935 – *Meile P.* Interférence du temps et de l'aspect chez Plaute et chez Terence. – *Revues des Études Latines*, 13, 1935, p. 66–73.
- Meriggi 1957 – *Meriggi P.* Zum Luwischen. – *Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes*, Bd. 53, H. 3–4, 1957.
- Milewski 1939 – *Milewski T.* O genezie aspektów słowiańskich. – *Rocznik slawistyczny*, t. XV, 1939.
- Milewski 1969 – *Milewski T.* Indoewropejskie imiona osobowe. – In: *Polska Akademia Nauk, Prace Komisji językoznawstwa*, N 18, Wrocław – Warszawa – Kraków, 1969.
- Mitchell 1979 – *Mitchell T.F.* The English appearance of aspect. – In: *Function and context in linguistic analysis*, ed. by D.J. Allerton, E. Garney, D. Holdercroft. Cambridge, 1979, p. 158–184.

- Mühlenbachs—Endzelīns 1923–1932 — *K. Mühlenbacha Latviešu valodas vārdnica*. Re-digejis, papildinājis, turpinājis J. Endzelīns, I–IV, Rīga, 1923–1932.
- Nagy 1974 — Nagy G. Greek and Indian meter. 1974.
- Neu 1974 — Neu E. Der Anita-Text (Studien zu den Bogazkoy-Texten, Heft 18). Wiesbaden, 1974.
- Oettinger 1979 — Oettinger N. Die hethitischen Verben. Nürnberg, 1979.
- Otten 1973 — Otten H. Eine althethitische Erzählung um die Stadt Zalpa. — In: Studien zu den Bogazkoy-Texte, H. 17. Wiesbaden, 1973.
- Pokorny 1959 — Pokorny J. Indogermanisches Etymologisches Wörterbuch, Bd. I. Bern, 1959.
- Risch 1968 — Risch E. Die mykenischen Einleitungsformen. — In: Atti e memoria del 1^e Congresso internazionale di micenologia, 2. Roma, 1968.
- Sabaliauskas 1959 — Sabaliauskas A. Dėl lietuvių kalbos žodžio *javas* kilmės. — Lietuvos TSR Mokslo Akademijos darbai, Serija A, 1959, 1(6).
- Sabaliauskas 1967 — Sabaliauskas A. Lietuvių kalbos leksikos raida. — In: Lietuvos TSR Mokslo Akademijos darbai. Vilnius, 1967.
- Senn 1966 — Senn A. Handbuch der Litauischen Sprache. Bd. I: Grammatik. Heidelberg, 1966.
- Skardžius 1943 — Skardžius P. Lietuvių kalbos žodžių daryba. Vilnius, 1943.
- Stang 1966 — Stang Chr.S. Vergleichende Grammatik der Baltischen Sprachen. Oslo — Bergen — Tromsø, 1966.
- Thurneysen 1946 — Thurneysen R. A grammar of Old Irish. Dublin, 1946.
- Van-Wijk 1927 — Van-Wijk N. Die sogenannten Verbe iterativa und die Bezeichnung der wiederholten Handlung im Altkirchenslawischen. — Indogermanische Forschungen, Bd. XLV, 1927.
- Van Windekkens 1976 — Van Windekkens A.J. Le tokharien confronté avec les autres langues indo-européennes, v. 1. La phonétique et le vocabulaire. — In: Travaux publiés par le Centre International de Dialectologie Générale de l'Université catholique néerlandaise de Louvain, fasc. XI. Louvain, 1976.
- Vigorita 1977 — Vigorita J.F. The Indo-European 12-syllable line. — Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung. Bd. 90, 1976, H. 1–2.
- Watkins 1962 — Watkins C. Indo-European origins of the Celtic verb. 1. The sigmatic aorist. Dublin, 1962.
- Watkins 1963 — Watkins C. Preliminaries to a historical and comparative analysis of the syntax of the Old Irish verb. — *Celtica*, v. VI, 1963, p. 1–49.
- Watkins 1969 — Watkins C. Geschichte der indogermanischen Verbalflexion. Indogermanische Grammatik, Bd. 3, T. 1. Heidelberg, 1969.
- Zubatý 1945, 1949, 1954 — Zubatý J. Studie a články. Sv. I. Vyklady etymologické a lexikální c. 1, Praha, 1945, č. 2, 1949, Sv. II — 1954.

РУССК. СВЯТОГОР: СВОЕ И ЧУЖОЕ
 (к проблеме культурно-языковых контактов)

Памяти
 Всеволода Федоровича
 МИЛЛЕРА

Особое положение Святогора в русском былевом эпосе не вызывает сомнения¹, и этот факт не раз отмечался исследователями. Речь идет о глубокой и золированности Святогора, проявляющейся в двух отношениях. Во-первых, он разъединен с другими русскими богатырями (исключение, о котором см. ниже, — Илья Муромец), не участвует в общих деяниях, не появляется в одних и тех же сюжетах². Во-вторых, он не свой, чу-

¹ Ср. список сокращений цитируемых ниже собраний былин:

Аст. — Астахова А.М. Былины Севера. Т. I. Мезень и Печоры. М.-Л., 1938; т. 2. Прионежье, Пинега и Поморье. М.-Л., 1951.

Был. Печ. З. Бер. — Былины Печоры и Зимнего Берега (новые записи). М.-Л., 1961.

Гильф. — Гильфердинг А.Ф. Онежские былины, записанные летом 1871 года. Изд. 4-ое, т. I—III. М.-Л., 1949—1950.

Григ. — Григорьев А.Д. Архангельские былины и исторические песни, собранные в 1899—1901 гг., т. I, М., 1904; т. III, СПб., 1910.

Кир. — Песни, собранные П.В. Киреевским, вып. I—Х. М., 1860—1874.

Кириша Д. — Древние российские стихотворения, собранные Киришью Даниловым. М., 1938.

Крюк. — Былины М.С. Крюковой. Записали и комментировали Э. Бородина и Р. Липец. — Летописи Гос. Лит. Музея, кн. VI. М., 1939; кн. VIII. М., 1941.

Леон. — Леонтьев Н.П. Печорский фольклор. Архангельск, 1939.

Марк. — Марков А.В. Беломорские былины. М., 1901.

Онч. — Ончуков Н.Е. Печорские былины. — Записки РГО по отд. этнографии, т. XXX. СПб., 1904.

Пар.—Сойм. — Былины Пудожского края. Подгот. текстов, статьи и примеч. Г.Н. Париловой и А.Д. Соймонова. Петрозаводск., 1941.

Пес. Мез. — Песенный фольклор Мезени. Л., 1967.

Рыбн. — Песни, собранные П.Н. Рыбниковым. Изд. 2-е, т. I—III. М., 1909—1910.

Сок. — Онежские былины. Подбор былин и научная редакция текстов Ю.М. Соколова. — Летописи Гос. Лит. Музея, кн. 13. М., 1948.

² Разумеется, ситуация может меняться в поздних (обычно контаминированных) вариантах. Ср. мотив богатырской заставы — 12 богатырей и Святогор (видимо, как их предводитель, главный из богатырей): *Да на славной на заставы на московских | Там стояло двенадцать богатырей; | Да проговорил Святогор богатырь, | Он старше всех богатырей* (Гильф. II, № 118; эпитет московских сам по себе характерен при определении степени сохранности былины); — *Во славном во городе во Чернигове | Да у ласкова-ле у князя-ле у Олеховича | Собиралисс фсе его боатыри, | И славный боатырь Святогор его ...* (Григ. III, № 46/350/) или же мотив пребывания Святогора у Садка (Гильф. II, № 119): *Святогор-то был богатырь | И жил-то у Садка купца богатого. . ("Святогор и Садко")*. Ср. также мотив женитьбы Святогора в сказке — Сок. № 159. См.: Астахова А.М. Народные сказки о богатырях русского эпоса. М.-Л., 1962, с. 28. Существенный интерес с точки зрения "богатырского" контекста представляет былина о Камском побоище (см.: Марков А.В. Беломорская былина о походе новгородцев на Югру в XIV веке. — В кн.: Юбилейный сборник. М., 1900, с. 150—163; Миллер В.Ф. К былине о Камском побоище. — В кн.: Миллер В.Ф. Очерки русской народной словесности. Былины. т. II. М., 1910, с. 32—59). Ср. перечень богатырей: Самсон, сын Колубаёв, Дунай, сын Иванов, "во третьих то пиши С в я т о г о р а Гурьева, | С в я т о г о р а то пиши да со племянником"

ж о й, его исходный локус не *святая Русь* (т.е. поле, Киев, Чернигов и т.п.), а *Святые горы*³, описываемые как антитеза *святой Руси*. Доминантная характеристика *святой Руси* – горизонтальная открытость (широта, ср.: *Съезжали-то они да со Святых ведь гор! На те ли на площа́дьширокие*. Гильф. III, № 273; ... Что по тем по полям по широким!... Что на те на расстани на широкие...

Аст. 1, № 5 и т.п. или как формула – *Широко раздолье по всей земли*. Кирша Д. № 1), символизируемая беспрепятственным путем в поле (лес выступает как еще не освещенная часть *святой Руси*; отсюда и образ темного, дремучего, непроезжего леса, полного опасностей, в частности, существ враждебного по отношению к *святой Руси* типа, ср. Соловья-разбойника). В описании *Святых гор*, напротив, доминируют вертикальность и закрытость⁴: только богатырь, да и то не всякий, может держать путь в этих условиях, ср.: *А иши ехал Илеюшка по кругуым горам!... А наехал тут богатыря пресильного!... А-й его именем зовут да Святогор же тут. А они ехали по щелейки кругой же тут*. Григ. III, № 50. В интересной (хотя и контаминированной) былине "Илья Муромец" (Пар.-Сойм. № 40) рассказывается, что после неудачного сражения русских богатырей с Чурилушкой, когда они были обращены в камни, Илья Муромец устыдился возвращаться в Киев (*Как страм ити ему да во Киев-град*) и отправился к своему брату Святогору-Горыничу: *А пойду я еще к брату Горыничу, Который по горам да похаживает. Как отправился он к брату Горыничу, Как которого-то было по горам вечно хожено. Как пришел-то ён на горы високих, Как нашол-то Святого гора да великого*⁵.

В одной из самых авторитетных былин о Святогоре обнаруживаются три важных связанных между собой темы – *Святая гора, святая Русь* и чужесть – чуждость Святогора: *На тых горах високих, На той на Святой горы, Был богатырь чудныий*⁶ | Чтоль во весь же мир

и т.д. В другом варианте – *Перью голову – Самсона-то Колыбanova, Ай пиши-тко-се Святое гората Первославьева...* и т.д. *Самсон Колыбанович*, естественно, заставляет вспомнить о Святогоре Колыбановиче (ср. последовательность: *Самсон, Святогор...*), как и о *Самсон-Святогоре* и об отождествлении *Святогор-Колыбан*, о чем подробнее см.: *Миллер В.Ф. Указ. соч.*, т. III. М.-Пг., 1924, с. 159 и след.

³ Вызывает крайнее удивление утверждение проф. Рудницкого, согласно которому в былинах о Святогоре *Святые горы* вовсе не упоминаются ("The bylina about Svyatogor contains no mention of the Holy Mountains; on the contrary, it emphasizes the open field as the place of action"). См.: *Rudnyskyj J.B. Svyatogor – the name of the hero of bylina. – Names*, 1962, v. 10, N 4, p. 230. Можно показать, что и вторая часть утверждения верна лишь в меньшей части, см. ниже.

⁴ Ср. "закрытость" зрения отца Святогора: он описывается как темный, т.е. слепой.

⁵ И далее: *Да будем по горам мы похаживать, Как будем по лесам мы по-сматривать!... Как заходили во леса да во дремучие, Во тых ли тропиночки воузкие!... Как пошли назад дороженькой пущистую... – К Горынич-горы* ср. мотив бабы *Горынинки* на "горах высоких". Кирша Д., № 50 ("Илья ездил с Добринею").

⁶ Именно в этом звене былины актуализируется связь чуда (или дива), воплощенного в Святогоре, с мотивом его чужести: чудо нечто столь необычное, выходящее за рамки привычного, своего, что оно не может не быть чуждым данной ("своей") модели мира (см.: *Неклюдов С.Ю. Чудо в былине, – Σπηαιστική*. Труды по знаковым системам, 4. Тарту, 1969, с. 148–158). Уже было отмечено притяжение мотивов чуди, чудовища и чужого в сюжете гибели великанов, во многом аналогичном разбираемому здесь. См.: *Левинтон Г.А. К мотиву гибели великанов*. – В кн.:

он д и в н ы й... Не ездил он на с вя т у ю Р у с ь | ... Приезжает тут ка-
зак да Илья Муромец | А на тыи было г о р у ш к и в ы с о к и и | Ко тому
же Святогору да богатырю | ... Отвечает богатырь было порны: | ... Мне не
придано тут ездить на с вя т у ю Р у с ь, | Мне позволено тут ездить по г о-
р а м да по в ы с о к и и м, | Да по щ е л е й к а м по толстым | ... Мы
съездим же ко нунечу по щ е л е й к а м, | А паездим-ко со мной да по
С вя ты м г о р а м. | Ездили они было по щ е л е й к а м, | Разъезжали тут
они да по С вя ты м г о р а м... Гильф. I, № 1⁷. Мотив Святых гор, с
которыми связан Святогор, вопреки приведенному выше высказыванию,
постоянен в былинах, ср.: Святогор богатырь позвал Илью Муромца к се-
бе в гости на Святые горы. Рыбн. I, № 2 (в пересказе); — Проснулся
Святогор богатырь, ... сел на добра коня и поехал ко Святым горам.
Рыбн. I, № 51 (в пересказе; ср. здесь же, но позже: ... и поехали они к Си-
верным горам); — И назвались Илья да Святогор братьями назван-
ными, и поехали ко Святым горам. Рыбн. II, № 138 (в переска-
зе); — Да поехали с Ильей да по Святым горам. Гильф. III, № 270; —
... Но ездили гуляли по Святым горам, | Съезжали-то они до со Свя-
тых ведь г о р | На те ли на площади широкие, | На те ли лужка они зеле-
ные. Гильф. III, № 273; — А пойду я еще к брату Горыничу, | Который по
г о р а м да похаживает | ... Как пришол-то ён на г о ры высокие, | Как

Материалы симпозиума по вторичным моделирующим системам 1(5). Тарту, 1974,
с. 64–68. — К мотиву чуда (© чудо × чужое, чуждое), связываемому или с самим
Святогором, или с каменным гробом, в котором было суждено Святогору найти
своей конец, ср.: А богатырь едет на конь да дремлет он. | — Что это за ч у д о
есть? | ... Богатырь еде всё вперед. | — Что это за ч у д о есть?... | Как увидели-то
они ч у д о ч у д н о ё, | Ч у д о ч у д н о ё да диво дивноё, | Как состроен стоит
да весь белой гроб. Гильф. III, № 273; — Да наехали тут диво да нонь предивное, | А
наехали они ч у д о п р е ц и о н о е. Григ., III, № 50; — Увидел Святогора он бога-
тыря: | Что за ч у д о вижу во чистом поле... | Как увидели оне да ч у д о ч у д н о е, | Ч у д о ч у д н о е, да диво дивное: | На горы на Елеонская | Как стоит тута
да дубовый гроб. Пар.—Сойм. № 4; — Вдруг он услышал ч у д о - ч у д н о е. Марк.
№ 61 и др. — Чужесть — чуждость Святогора не мешает тому, что в ряде былин под-
черкивается и его р у с с к о е происхождение. Ср.: Оказался во поле добрый молод-
ец, | Р у с с к и й могучий Святогор-богатырь. Пар.—Сойм. № 4 (но ср. здесь же
в обращении Святогора к Илье Муромцу: Ты коеи земли да ты какой орды? | Если
ты — богатырь с вя т о р у с с к и й, | Дак поедем мы да во чисто поле...); — Ишше
тот-ли р у с ь с к о й от могучой от богатырь-эт, | Что по имени да Святогор бога-
тырь-этот. Марк. № 61. Ср. в былине "Самсон-богатырь", где Самсон заменяет Свя-
тогора: Славный Самсон, богатырь с вя т о - р у с с к и й. Рыбн. I, 1 (трижды).
Мотив высокой горы и толстой щелейки любопытным образом появляется в этой
былине и далее. Святогор, будучи не в состоянии выбраться из пещеры, просит
Илью: Ты сломай-ко эти щ е л ь щ а да в ы с о к и и... и позже: Старый казак да Илья
Муромец | Как ударил своей палицей | Да по щ е л е й к и по толстым, | А по той
г о р и да по в ы с о к и и, | — Ставился тут обруч да железны | Через тот да гроб
еще великий. И отец Святогора живет в горах: после гибели богатыря Илья Муро-
мец, выполняя его просьбу едет на ту гору на Пала в он скую | А к тому же
старичку да было древнему, | Хоть бы древнему да темному, т.е. к отцу Святогора.
В.Ф. Миллер предположил в этом названии горы метатезу и, исходя из формы "Па-
ланская гора, сопоставил ее с финск. Päivölä (ср. упоминаемую в Калевале родину
богатырей, солнечную страну Paivola и ее хозяина — Päivölänsäätä), см.: Миллер В.Ф.
Очерки русской народной словесности, т. III. М.—Пг., 1924, с. 162. — К стиху А иш-
селят ночь они как по щ е л е й к а м (Григ. III, № 50, стих 80) сделано примечание
публикователя: "Щель, по объяснению певца, — высокий берег с камнями под поч-
вой".

нашол-то Святогора да великого. Пар.-Сойм. № 40 (ср. еще о Святогоре: *А сын-то еще твой на горах топерь, | На горах топерь да уже убрался в гроб! ... Ну не возьму-ко я на гору туда тебя, | Поеду-то я на гору на высокую! ... Как приходил-то ён на гору на высокую...); — *Ехал Святогор на Светы х горах. Онч. № 61;* — *Всё здесь, по горам Светы м разъежживат! ... "Что пора нам ехать, опять по Светым горам разгуливать"! ... Как поехали они да по Светым горам. Марк. № 61;* — *Да поехал старой да на Светы горы! Да наехал старой да как богатыря! | Ище ездил где он да по Светым горам! ... Ище едет Святогор да по Светым горам! ... "Ище многоя я ежджу да по Светым горам...".* Григ. III, № 114 (№418); — Правая дорога пошла на Светые горы. Наехал старый на боатыря ... Потом конь Егора-Святогора прискакал на Светые горы. "Поедем Илья ко своему отцу на Светые горы. Живет у меня отец на Светых горах слепой... Спустились со Светых гор, а она [паленица. — В.Т.] уже ездит, рыскует в поле... Аст. 1, № 5 (в пересказе); — *И поехал он на Светые горы! ... Наезжает стар казак на богатыря.* Аст. 1, Прилож. № 2. К.С. Аксаков вспоминал слышанный им в детстве рассказ о том, как Илья Муромец набрел на гору, "а на ней лежит огромный богатырь, сам как гора", и там спит (ср. Кир. I, с. XXX—XXXI)⁸.*

В ряде поздних случаев выступают горы с другим названием ("чужим").

Теряя архаичное наименование (*Святые*), былины заменяют его более поздними⁹ (ср.: *И поехал он да по светым горам, | По светым горам да Арагатским! ... Прискакали на гору Елеонскую! ... На горы на Елеонская! | Как стоит тута да дубовый гроб. | Как склонил он Святогора да богатыря! | На той горы на Елеонская. Пар.-Сойм. № 4*), тем самым восстанавливая идею чуждости-чужести тех гор, где жил и/или погиб Святогор. Тот же механизм стабилизации (инновация во имя консервации архаичного смысла) проявляется и в других характеристиках Святогора как чудного, например, у такого великого мастера контаминаций и подключения к былинным мотивам "новых" географических характеристик, как В.П. Щеголенок. Ср. в былине о Святогоре: *Да посыпать ли нам Добрынюшка Никитича! | Да во землю во тальянскую! ... Напроси-тко, Добрыня, благословенница! | Да поехать ли во землю во тальянскую! ... А съехал ли Добрынюшко во землю талианскую! ... А третье расстояние играет да и до земли сорочинской! | От сорочинской да гальянской! | От гальянской до Еросолима...* Гильф. II, № 118 (следуя былинной логике, в эти чужие страны должен был ехать сам Святогор, если бы он не должен был стоять на своей, "московской" заставе)¹⁰; — *По той дороге по латыни*

⁸ К теме горы и Святогора ср. также: Пропп В.Я. Русский героический эпос. Л., 1955, с. 73–74, и др. Мотив Святых гор известен и сказочным переделкам былин, см.: Астахова А.М. Указ. соч., с. 22.

⁹ Тем не менее, и они могут характеризоваться как святые.

¹⁰ "Чужое" обнаруживает себя в образе Святогора и иначе: ... *Написал-то в землю сорочинскую! | Выспали-то шляпу сорочинскую! | А тому ли Святогору-то богатырю! ... Надевас на коня уздцу гремяную! | ... Розных шелков да*

с к и е¹¹ | Стоит семь застав да богатырских | ... И стал Илья да єво спрашивать: | – Ты коей земли, да ты коей орды | ... – Я есть-то ведь из Зорлотовой орды | ... Сам поехал Илья да по чисту полю, | Застал богатыря он во чистом поле | И думал: "богатырь-от не в ерны е". Гильф. III, № 265 (о Святогоре).

Мотив русских комариков или мух, с укусами которых Святогор сравнивает удары русского богатыря Ильи Муромца, также отсылает к идеи непрекосности Святогора: Да проговорил ли Святогор да ведь богатырь | ... – Как кусают мухи русские да дё-больня. Гильф. II, № 119; – Назад богатырь отоглянется: | – Я думал, кусают русские комарики. Гильф. III, № 265; – Говорит богатырь такового слова: | – Ох, как больно руськи мухи кусаются. Пар.-Сойм. № 4; – Илья Муромец его нагнал, выдернул сырой дуб и хватил по голове. "Ах, комар укусил!" сказал Светогор... Онч. № 61 (в пересказе); – Выдернул он палицу буевую, ошил его, огленулся Егор-Святогор. Сказал ему: "Ах, русские комары больно же кусают". Аст. I, № 5 (в пересказе); – Третий раз ударил, он огленулся: "Фу, русские комары кусают!" Аст. I, № 25; – "Ох, Егор-Святогор кого послал, комара какого!" Аст. I, Прилож. № 2 (как трансформация мотива укуса русского комара). Наконец, в ряде былин принадлежность Святогора к сфере чужого, не-своего вытекает из прямых указаний его несовместимости с Святой Русью, как в Гильф. I, № 1 (*Мне не придано тут ездить на святую Русь*), Марк. № 61 (*Он не ездит-то ведь на святую Русь. | Потому что не подынет матушка сыра земля*), Григ. III, № 114 (*Ище тут Святогору да не бывать на Руси, | Не видать Святогору да свету белого*) или же из некоторых топографических характеристик более или менее косвенного типа: "Ай же ты, мое чадо милое! Далеча лъ был? – "А был я, батюшка, на святой Руси!" – Что же видел и что слышал, сын мой возлюбленный, на святой Руси?" – "Я что не видел, что не слышал, а столько привез богатыря со святой Руси". Рыбн. I, № 2 (в пересказе; поездка Святогора на святую Русь была временной, однократной; его основной локус и место основного действия – не на святой Руси; на святой Руси он ничего

шелков шемаханских; | Кладывае на коня да исподнички | ... А седлышико он черкальское. Гильф. II, 119 (записано также от В.П. Щеголенка). Ср. в рассказе о женитьбе Святогора: "А что ты куешь, кузнец?". Отвечает кузнец: – Я кую судьбину, кому на ком жениться. – "А мне на ком жениться?" – А твоя невеста в царстве Поморском ... Стоит богатырь, пораздумывался: "Дай-ка я поеду в твое царство Поморское и убью твою невесту" ... Рыбн. I, № 51, сн. 3. Ср. отчасти мотив *Невы* в былине об Илье Муромце и Святогоре (Аст. I, № 25).

¹¹ В былине о Камском побоище, уже упоминавшейся в связи с Святогором, фигурирует и баба Латынгорка, имплицирующая условно Латынские горы (: латынская дорога; ср. также земля латинская, горы латинские, король латинский, Рыбн. II, № 142) и отношение – Латынские горы: Латынгорка = Святые горы: Святогор, откуда намек на известное сходство Латынгорки и Святогора (как и последний, Латынгорка гибнет, но род гибели совсем иной: ее убивает Добрыня). Однако такая реконструкция не более чем теоретическая фикция (ср. другие имена того же персонажа – Латынгорка: Латырь камсьи или даже Латынь камсьи. Гильф. III, № 271 [вар. – латынская надпись. Рыбн.], Латырь город. Григ. I, № 40/, Златынгорка, Салынгорка, Семигорка, Пятигорка и даже Святогорка, ср. Григ. I, № 93/№ 129/). О Латынской дороге см.: Миллер В.Ф. Указ. соч., т. II, с. 171 и след.

не видит и не слышит: она для него как царство мертвых, инвертированный вариант – Святогор мертв, и поэтому он лишен способности видеть и слышать живущее, образом которого выступает *святая Русь*; иначе говоря, Святогор “темен”, т.е. слеп, как и его отец); – *Росказал ему да Илья Муромец*: | – *Как приехал я ведь со съ в е г о й Ру с и* и далее в словах умирающего Святогора, обращенных к Илье Муромцу: *А сам ты поежай да на съ в е т ю Ру с ь*. Марк. № 61 и др.¹²; ср. инвертированные случаи, которые, тем не менее, связывают основной мотив, относящийся к Святогору с периферией: *Он родившись же был да во городе в Чернигове*; | *По судьбе же Бога он помер во ч и с т о м п о л е*. Григ. III, № 46 (№ 350); так или иначе, но судьба Святогора решается вовне, обычно в чужой земле.

Из приведенного выше материала вытекает не только чужесть-чуждость Святогора среди других героев русского былинного эпоса, но и связь этой особенности именно с горами. Несомненная соотнесенность Святогора со Святыми горами объясняет без остатка этимологию имени этого былинного героя¹³, по крайней мере, для определенного круга контекстов и, следовательно, для соответствующей культурно-исторической общности, характеризующейся некими заданными пространственно-временными условиями. Разумеется, это утверждение не обозначает признания неправомерности поисков других этимологий и самих этих этимологий. Как всякое ключевое слово (и особенно, конечно, имя) в мифопоэтическом контексте, русск. *Святогор* и его предшественники в диахроническом ряду не могли не стать объектом многократной этимологизации, каждая из которых по идеи должна была соотноситься с соответствующим нарративным мотивом, связанным с Святогором, если речь идет об унифицированной культурно-языковой традиции, или с обозначениями некоторых реалий других традиций, если предполагается интенсивный контакт двух или нескольких этноязыковых комплексов (см. ниже). Вместе с тем заслуживают самого строгого анализа и критической оценки те этимологические предложения, которые не учитывают кратко обозначенных здесь условий¹⁴.

¹² Ср. теневые указания на принадлежность Святогора к нерусской периферии через обозначения “русского” центра: *И проговорил ли Святогор это богатырь...: | – И я поеду-то ко столичному ко граду ко К и с в у*. Гильф. II, № 119 (но иногда фиксируется “статауарная” позиция Святогора: *Застал богатыря-то во чистом поле. | Не доеху до К и с в а-то двадцать в'ёрст. | Сидит богатырь-от на добром кони*. Гильф. III, № 265); – *А Илья Муромец поехал по святой Руси | Ко тому ко городу ко К и с в у | А ко ласковому князю ко Владимиру ... Пар.-Сойм. № 4* (цель возвращения – рассказ князю Владимиру о том, как Святогор был похоронен на горе Елеонской, т.е. в не святой Руси). Ср. также Пар.-Сойм. № 40 (Илья Муромец бежит дальше от Киева и встречает Святогора в предельной удаленности от центра – в горах), Аст. I, Прилож. № 2 (Илья Муромец встречает Егора-Святогора “по-за Киевом”; похоронив его, он возвращается в Киев).

¹³ Ср. характерную трижды повторяющуюся наряду с *Святогор* форму имени героя – *богатырь Святогорский* (Гильф. I, № 1), как бы уточняющую отношение Святогора к Святым горам.

¹⁴ К числу таких формально удовлетворительных, но по сути дела некорректных этимологий принадлежит предложение видеть в имени Святогор сложное имя **Svjato- & *gor-*, в котором различаются **svjato-* ‘сильный’, ‘могучий’, и **gor-*, связанное с **gorēii* и которое в целом обозначает ‘one burning with power, one who is superfluously strong’. См.: *Rudnyčku J.B.* Op. cit., p. 232; *Idem. Zur Name Svatogor.* –

Установление связи имени Святогора с названием Святой горы или Святых гор не решает, однако, столь сильно занимавшего исследователей вопроса о топографических реалиях. В.Ф. Миллер полагал, что в имени Святогора отразилось воспоминание о *Святых горах*, на которых расположен знаменитый Псковско-печерский Успенский монастырь, основанный в XVв. (первая пещерная церковь была построена в горе монахом Иоанном из Пскова в 1473 г.) и не раз прославленный в русской истории¹⁵. Любопытно, что память о "сидении пещерском" во время осады Стефана Батория в 1581 г. сохранилась в переработанном виде и в былинном образе Батуры¹⁶. Во всяком случае вокруг Святых гор и Печерского монастыря складывалась своя особая мифология, в центре которой находилось предание (известное в разных версиях) о событиях прошлого — реальных или сверхреальных, — как они отразились в актуальном настоящем. Некоторые дополнительные особенности (например, суровый общий ландшафт Святой горы, поросшей древними дубами, среди которых разбросаны огромные камни, или пограничное положение Святой горы между двумя этнокультурными, в частности, и конфессиональными, зонами, между "своим" и "чужим" и т.п.¹⁷) объясняли бы эту концентрацию мифопозитивических смыслов вокруг этого места и, между прочим, притяжение к нему уже готовых эпических схем. И здесь еще раз вслед за В.Ф. Миллером стоит напомнить о том, что практически в том же ареале, продолжающемся и к северо-западу на территории Эстонии, существует сходная схема, но приуроченная к сыну Калева — *Kalevi poeg*¹⁸. Исследователи не раз уделяли внимание исключительному сходству между Святогором и Калеви-пэром¹⁹, и повторять здесь соответствующие аргументы нет смысла ввиду их самоочевидности. Тем не менее, существенно еще раз подчеркнуть случаи

Wissenschaftliche Zeitschrift der Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 1964, Bd. XIII, S. 475–476. С таким образом понимаемым *Svjatogor* сопоставляются польск. *Gorzystaw*, *Cieszygor*, *Dalegor*, *Dziwigor*, чеш. *Horivoj*, болг. *Горислава*, др.-русск. *Горислав* (ищ.). но особенно праслав. **Boljegor* (ср. польск. *Bolegor*). Следует, впрочем, заметить, что автор этой этимологии, исходя из мнения М. Грушевского, отказавшегося связывать имя *Святогор* с *Святыми горами*, предлагает рассматривать свою этимологию как "a folk-poetical interpretation", с одной стороны, и "an opomastic neologism in the field of namelore", — с другой. Уместно подчеркнуть, что этимология, связывающая это имя с сочетанием *Святая гора*, относится к числу само собой разумеющихся (ср.: *Mazon A. Svjatogor ou Saint-Mont le géant.* — RESI, 1932, t. 12, p. 196 и сл.). Однако известны и другие объяснения, например, из **святы Егоръ* («*святъ Георгъ*»), ср. *Егоръ-Святогор* в былинах. См.: *Фасмер III*, с. 585.

¹⁵ См.: Миллер В.Ф. Указ. соч., т. III, с. 166–167.

¹⁶ С историей сооружения монастырских стен игуменом Корнилием при Иване Грозном связывалась сказка о коровой коже (см.: Миллер В.Ф. Указ. соч. т. III, с. 166; *Он же. Всемирная сказка в культурно-историческом освещении.* — Русская Мысль, 1893, ноябрь), с Ливонской войной — легенда о Св. Корнилии.

¹⁷ Ср.: Толстой М.М. Святыни и древности Пскова. М., 1861; Шереметев С.Д. Псково-печерский монастырь. СПб., 1895 и. др.

¹⁸ Ср. обычный эпитет главных богатырей Калсвалы — *Kalevan pojat*, т.е. 'сыны Калевы' или упоминаемые в рунах *Kalevan kansa*, *Kalevan väki*, о роде-народе Калева.

¹⁹ См.: Миллер В.Ф. Отголоски финского эпоса в русском. — ЖМНП, 1876, XII; *Он же. О некоторых местных отголосках в былинах. I. Колыван — Святогор.* — В кн.: Миллер В.Ф. Очерки..., т. III, с. 159–167; *Comparetti D. Il Calevala o la poesia tradizionale dei Finni.* Roma, 1891; Вессловский А.Н. Мелкие заметки к былинам. — ЖМНП, 1896, август, с. 268; Шамбинаго С.К. Старины о Святогоре и поэма о Калсви-поэзе. — ЖМНП, 1902, ч. CCCXXXIX, отд. 2, с. 49–73 и др.

несомненного вторжения в русский былинный эпос тех элементов, исходный локус которых находится в цикле сюжетов о сыне Калева. К ним прежде всего относятся имя и образ *Колывана-богатыря*²⁰, выступающего в эпизоде с сумой, в которой находилась вся земная тяга (т.е. как раз в той позиции, где обычно фигурирует Святогор), *Колывана Ивановича* из былины, записанной в Томской губ. (Кир. I, с. 7) и посвященной теме богатырской заставы, *Ивана Колывановича* (т.е. сына Колывана, Ср. *Kalevi poeg*), приезжающего по призыву Ильи Муромца, чтобы защитить Киев от приступа Мамая (Кир. I, с. 58, 60, 61), *Самсона Колывановича*, возглавляющего богатырскую дружину²¹ (ср. "неклесенный" вариант – Гильф. II, № 185: *Колыван, Самсон*), и особенно, конечно, Святогора *Колывановича*, имплицитирующего образ Святогора как сына Колывана (ср. *Kalevi poeg*).

На основании этих фактов В.Ф. Миллер выдвинул охарактеризованное им самим как "достаточно убедительное" предположение, что "наш былинный Святогор является только в незначительной степени обруслым финским, точнее эстонским, богатырем, сказания о котором могли перейти к русскому населению сопредельному с финским, скорее всего от обруслых эстов"²². При такой несколько неосторожной формулировке ускользают от внимания два важных аспекта культурно-языковых контактов – ди ф е р е н ц и р о в а н ы й характер результатов этих контактов (*Колыван и Святогор* как воплощения одной и той же personae dramatis) и а к т и в н а я р о л ь (естественно, в отведенных пределах) стороны, подвергающейся культурно-языковому влиянию. Совокупное же действие этих двух факторов и объясняет два, казалось бы, противоположных свойства воспринимающей традиции – ее податливость (гибкость) и ее упорство (стойкость). Первое из них хорошо увязывается с довольно легким проникновением финноязычного имени в русскую былинную традицию (*Колыван* и его варианты, в частности, гибридные), хотя носители этого имени довольно последовательно отсекаются как от своих исконных (в данном случае – финских или эстонских), так и от новых для них (в данном случае – русских) сюжетов, становясь своего рода орнамен-

²⁰ Ср.: *Во чистом поле съезжалася | Три сильных могучих богатырь. | По имени | н с р в о й Колыван богатырь, | Другой Муромлян богатырь, | Третий Самсон бо- | гатырь... Гильф. II, № 185 ("Колыван богатырь"). Ср. старое русское название Таллина *Колывань*.*

²¹ Ср.: ... *Да стояла заставушка 'семь богатырей: | Атаманом государь наш Илья Му- | ромець, | Втору голову Добрынюшка Микитиць-от, | В третью голову С а м с о н | да Ко лы в а н о в и ць... Марк. № 98* (ср. там же *Самсона, сына Колубаёва* – № 81; "Камское побоище", здесь же – *Говорит С а м с о н-то*, сын *Иванов, Ко- | лы б а ё в и ч*), а также: – *А пиши-тко-се дружинушку да хоробрую: | Первуго- | голову – С а м с о на-то Ко лы в а н о в а, | Ай пиши-тко С в е т о г о р а Первово- | славьска. Марк. № 94* ("Камское побоище"), № 104 (в том же сюжете); – *Уж как | не было на силу-ту на Самсонову, | Да на сильнего С а м с о на-та Ко лы б а н о- | в а. Марк. № 101 ("Дюк")*. Заслуживает внимания и вариант *Самсон Сильный* (ср. Марк. №№ 2, 3, 42, 46), поскольку Сильный может закономерно рассматриваться как внутриязыковой перевод эпитета *Святой* (ср. последовательность *Самсон, Святогор* при *Самсон Сильный*/**Самсон Святой*/*Свято-гор*); при переходе от языческой эпохи к христианской такой перевод был тем более оправдан, что новая религиозная и вероучительная система включала слово *святой* в число своих ключевых понятий.

²² См.: *Миллер В.Ф. Очерки..., т. III, с. 162–163.*

тальным элементом (десубстанциализация персонажа при сохранении имени). Второе свойство реализуется в творческом ответе на тот посыл, который происходит от соседней традиции: упорство и устойчивость воспринимающей традиции проявляется в том, что она из собственных своих недр извлекает материал, из которого монтируется близкая влияющей конструкции, но "с о я" схема. Цикл Святогора, видимо, относится как раз к такой категории случаев. При этом необходимы некоторые уточнения. Прежде всего речь идет сейчас о весьма ограниченной зоне русско-эстонских контактов (южнее Чудско-Псковского озера), где русский культурно-этнический комплекс отчетливо сознавал чуждость ("не-свое") соседнего элемента²³ и где с несомненностью засвидетельствована эта "чужая" сюжетная схема (хорошо известно, что действия сына Калева связаны, в частности, с районом указанного озера²⁴ и с близлежащими горами). При условии, что русскому населению этих мест была известна былина о Святогоре (точнее говоря, некий прасюжет этого типа)²⁵, она видимо, не могла не "увязаться" со схемой *res gestae* Калеви-поэга, тем более, что русское население эстонских территорий, вероятно, уже располагало, так сказать, "промежуточным" вариантом о Колыване, который, следовательно, мог послужить мостиком, связывающим русский прасюжет о Святогоре с эстонским сюжетом о Калеви-поэге. Из сказанного же вытекает и то весьма важное заключение, что уже до контакта соответствующих сюжетных конструкций о Святогоре и Калеви-поэге в репертуаре русского былевого

²³ Эстонскому названию Чудского озера *Peipsi, Peibes* (из эст. **Peib/o/se/n/ járv*, букв. – "озеро зябликов", см. *Vasmer M.* – *ZfsPh*, 1933, Bd. 10, S. 46; *Фасмер IV*, с. 378), откуда нем. – прибалт. *Peipus*, противопоставлено русское название – Чудское озеро (или Чухонское), отсылающее к Чуди, названию древнего финноязычного населения (в частности, и в Псковской губ.), которое само ассоциировалось в "языковой" мифологии русского населения этих мест с идеей чужести-чуждости, чудности (см. выше о мотиве чудо-чудное в Святогоровом цикле).

²⁴ Калеви-поэг переходит вброд Пейпус (Чудское озеро); около того же озера предание помещает возвышенность, на которой лежал Калеви-поэг (в эпосе он часто изображается отдыхающим, спящим, подобно Святогору, который спит не только в шатре, но и едучи на коне); вблизи указывают речку, на которой пал Калеви-поэг, и возвышенность, ставшую местом его погребения (ее называют ложем сына Калева; правда, в качестве могилы Калеви-поэга указывают и скалистый берег около Таллина); на скалах отмечают следы его ступни или показывают брошенные им огромные камни и т.п. См.: *Миллер В.Ф.* Очерки..., т. III, с. 159–160, 166 и др.

²⁵ Данные о распространении былинных сюжетов о Святогоре и Илье Муромце и Святогоре см. в кн.: *Дмитриева С.И.* Географическое распространение русских былин по материалам конца XIX – начала XX века. М., 1975, с. 55, 64 (карты). Правдоподобно, что раньше (например, в XV–XVII вв.) эти сюжеты могли еще быть известны на Псковщине. Во всяком случае упоминание *Hii Murawlenine i Solowia Budimirovicza* в вестовой отписке оршанского старосты Кмиты Чернобыльского к Троцкому кастеляну Остафию Воловичу (1574 г.), мотив освобождения Ильей Муромцем Себежа (см. *Миллер В.Ф.* Очерки..., т. I, с. 391 и след.), более или менее устойчивое сохранение сказочных версий былинных сюжетов в Белоруссии, Смоленской, Черниговской губ. и отчасти на Псковщине и в Латвии (ср., например, спящего великаны, которого находит Илин-Илья, в сказке из собрания: *Трайланд Ф.Я.* – Сборник материалов по этнографии, вып. 2. М., с. 144–151) и некоторые другие факты позволяют предполагать, что именно этот ареал был предпоследним, где еще сохранились остатки былевого эпоса. Поэтому нет ничего неправдоподобного в предположении, что в русско-эстонском пограничье былина о Святогоре могла быть известной еще в XVI–XVII вв.

эпоса существовала более или менее аналогичная с в о я схема, которая в дальнейшем могла дополняться, трансформироваться, воспринимать и перерабатывать чужие влияния. Поэтому создание потенциального варианта былины о Святогоре, как бы идеально "привязанного" к святогорско-печерскому центру, можно рассматривать как этнокультурную защитную реакцию (на "чужое", даже/а может быть, особенно/тогда; когда оно близко "своему"), сводимую к мобилизации собственных резервов и построению синонимичной "своей" схемы, которая делает как бы ненужной, излишней "чужую" схему, ориентированную на экспансию. В таких условиях рецепция "чужого" и интенсификация творчества "своего" почти сливаются воедино, хотя знак своего – таковым, несомненно, является имя *Святогор* и стоящая за ним идея с в я т о с т и – может быть четко противопоставлен знаку "чужого" в его трактовке на языке "своего". В этом смысле кристаллизация смысла "святой" не только своего рода оберег, но и вызов "чужому", кодируемому элементом чудо²⁶.

При всем этом следует помнить и о других возможностях. С одн о й стороны, схема сюжета о Святогоре могла привязываться и к другим многочисленным *Святым горам*, в частности, в Опочецком уезде Псковской губ., где около 1580 г. был основан Святогорский Успенский монастырь, ставший усыпальницей Пушкина²⁷; ср. также *Святогоры* (Вологодск. губ.), *Святогор* (Пермск. губ.), *Святогорье* (Костромск. губ.), *Святогорки* (Орловск. губ.) и т.п.²⁸; еще чаще такого рода названия в микротопонимии (с известным основанием можно говорить о бинарной классификации "гор" на *Святые* и *Лысые* [реже *Чортовы*, *Бесовы* и т.п., так как здесь вступала в игру тенденция к табуированию]: в одних случаях горы, бывшие в языческую пору *Святыми*, с введением христианства стали называться *Лысыми* и т.п. [переоценка], в других случаях *Лысые* горы подвергались деноминации и становились *Святыми*, например, в случае сооружения на них храма, водружения креста и т.п.; разумеется, приходится считаться с тем, что во многих случаях [как, кстати, и в тех изданиях былинных текстов, где *святые горы* печатают со строчной буквы] граница между именем собственным и апеллятивом с эпитетом крайне зыбка и неопределенна)²⁹. С д р у г о й стороны, сюжетная конструкция, в которой участвовал Свя-

²⁶ Когда каждая из двух традиций говорит на "своем" языке и от "своего" имени, они могут оказаться в сфере сплошной тавтологии, ср. *Святая гора* – *Riіha-mägi*; *Святое озеро* – *Rüha-järvi* (при эст. *rüha* 'святой', 'священный').

²⁷ Следует помнить, что *Святыми горами* это место стало называться лишь после явления чудотворных икон. До тех пор оно называлось *Синичными горами* (ср. выше о Зябликовом озере – *Peipsi*).

²⁸ См.: Соболевский А.И. – Живая Старина, 1891, 1, вып. 2, с. 103.

²⁹ Уже указывался мотивный параллелизм между погребением Ильи Муромца и Святогора (по некоторым вариантам оба они погребены в п е щ е р а х на Святых горах: первый – в Киеве, второй – в реконструкции – в Печоре, и оба эти места тем самым сакрально отмечены – вдвойне с в я т ы и отмечены крестом). Ср.: *Присехали оне да на Святы горы, | Стал Святогор-от преставлятися | ... Святогорово было преставление, | Ильи Муромца было погребение, | Над верхом воздвиг-то он чуден к р е с т . Гильф. III, № 265. Еще точнее указываются места погребения Самсона-богатыря и Аники-воина, двух эпических персонажей, близких Святогору. См.: Жданов И.М. К литературной истории русской былевой поэзии. – В кн.: Жданов И.М. Собр. соч., т. 1. СПб., 1904, с. 566 и след.; Миллер В.Ф. Очерки..., т. III, с. 167.*

тогор, надежно сохранялась и в тех местах, где не отмечено Святой горы или Святых гор и, — более того, где ландшафтные условия не соответствовали мотиву горы. В этом последнем случае мифопоэтическая этимология или становится очень абстрактной, или вовсе отказывается поставлять мотивировки имени главного героя. Такие ситуации ставят под сомнение, — по крайней мере, в сугубо теоретическом плане, — идею истинности или во всяком случае единственности этимологии имени Святогор (:Святые горы), о чём см. далее, тем более, что словообразовательная модель Святые горы (*nomen loci*) → Святогор (помт. *progr.*) выглядит скорее как вторичная и более или менее искусственная (ср. Черное море → Черномор), хотя и совпадающая по составу элементов с соответствующей индоевропейской моделью.

Если имя Святогор действительно произведено от местного названия Святые горы ("нулевое" или даже "отрицательное" словообразование), то перед нами архаический пример почти полного совпадения (точнее — неразличения) имени мифологического персонажа и названия места (кстати, и в нем просвечивает неразличение "собственности" и нарицательности), к которому этот персонаж приурочен. Подобное неразличение деятеля и его локуса находит многочисленные параллели в разных архаичных традициях, включая и индоевропейскую (ср. хеттск. *rišqa-* 'скала' и помт. *progr.* божества, др.-инд. *duáy-* 'небо' и помт. *progr.* божества, др.-греч. *γῆ* 'земля' и помт. *progr.* божества и т.п.). Из этого обстоятельства могли бы быть сделаны и некоторые выводы относительно характера самого персонажа, обозначаемого как Святогор. Типологическиprotoобраз этого персонажа (при условии связи его имени с обозначением горы) мог быть чем-то вроде человека-горы или горы-человека³⁰, где оба эти аспекта (человеческий и природно-ландшафтный) дифференцируются довольно слабо, но акцент ставится все-таки, как правило, на идее хтонической косности. Характерно, что в ряде былинных текстов (см. выше) Святогор лежит или спит на горе (на Святых горах), как бы сливаются, совпадает с нею. Вообще гора, с которой связан Святогор, должна, очевидно, пониматься не как самое высокое святое место (или: не только как таковое), откуда видно во все четыре стороны (Святогору как сыну своего "темного" отца видеть вовсе и не нужно), а как нечто чуждое человеку, которому, как и былинному герою обычного типа³¹, свойственно двигаться (быть в пути и достигать цели), как некое препятствие, преграда на пути, как та гора, которую, по пословице, ни обойти, ни объехать, как несвойственное (следовательно, чужое), дикое, враждебное пространство или — точнее — некая "топическая" общность (ср. щелейки). В этом смысле Святогор соприроден другим хтоническим персонажам, которые как бы не в состоянии вырваться за пределы сугубой природности, несмотря на огромную силу. Некоторые из этих персонажей, как например, "бесполезные" хтонические богатыри русских сказок, носят имена, в которых появляется элемент *гор-*, ср. Горыню (часто выступающего со своими спут-

³⁰ Ср.: *Гора-богатырь* русской сказки или прозвище свифтовского Гулливера на языке блефускианцев — Кунинбус Флестрин 'Человек-Гора'.

³¹ Существенно, что Илья Муромец, согласно целому ряду версий, сначала был привязан к одному месту, т.е., как и Святогор в некоторых текстах, отличался неподвижностью, неспособностью к пути.

никами или братьями Дубыней и Усыней), *Гору-богатыря* и т.п. Сам Святогор не случайно в одной из былин назван *Горынычем*, что, естественно, делает необходимым его соотнесение с *Горыней* как врагом героя русской сказки, а далее и с противником былинных богатырей Змеем-*Горынычем*, вторая часть имени которого равно апеллирует и к смыслу 'гора' (ср. известный фольклорный мотив Змей на горе), и к смыслу 'огонь' (: гореть; ср. Змей *Огненный* и соответствующую мотивную связь Змея и огня).

Ряд других деталей также дает основание для реконструкции Святогора как образа хтонического существа, которое вначале могло быть открыто враждебным человеку как носителю идеи динамической организации жизни.

Известные версии былины о Святогоре, строго говоря, уже не имели выбора и должны были изображать своего героя как человека (к чему обязывало, кстати, и наличие элемента *Свят-* при многочисленных именах типа *Святослав*, *Святополк* и т.п., не говоря об инославянских примерах). Отсюда – несомненные следы смягчения образа, его "улучшения", развития в нем "человеческих" качеств³², включение его в мотивы, где наряду с ним выступают и другие положительные персонажи. И, тем не менее, Святогор в большинстве былин все-таки описывается как малоочеловеченное порождение природы, как бы лишенное благого разумения и целенаправленной организующей природу деятельности. Со Святогором соотносится идея потенциального бунта ча с ти природы (сам Святогор) против своего ц е л о г о, против самой себя. Сила Святогора никогда не находит разумного и полезного применения – ни в героически-воинской сфере (как у Ильи Муромца и других русских богатырей, охраняющих границу /ср. мотив богатырской заставы/), ни в хозяйственно-производительной сфере (как у Микулы Селяниновича). Будучи слепой, необузданной, не знающей цели, эта сила превращается в своего антипода – в ту с в е р х с и л у, от которой неотъемлема собственная гибель и которая неприменима в условиях земной человеческой жизни (отсюда – неслучайность отказа Ильи Муромца от избытка силы; ср.: "Припади ко мне другой раз, названный брат, еще силы придам". Илья Муромец отвечает на это: – Если еще припасть, то не понесет мать сыра земля: силы у меня довольно. – "Когда бы ты припал, дунул бы я мертвым духом и ты бы подле меня лег спать". Рыбн. II, № 138; – тяжело от этой силы и самому Святогору: Грузно от силушки, как от тяжелого бремени. Рыбн. I, № 86 /в пересказе/). В самом деле, единственное, что Святогор хочет и мог бы сделать при наличии соответствующих условий (которых, кстати, на земле никогда не оказывается), – это нарушить природный порядок, перевернуть землю (прообраз мотива кощунственного обращения сына Земли, так сказать, идеи "сверхземли" /гора как своего рода "пузырь земли",

³² Так он щадит Илью Муромца, поначалу недружелюбно и воинственно относящегося к нему; братается с ним; передает Илье Муромцу свою силу (хотя иногда с этим актом связан мотив коварства Святогора: он предлагает русскому герою в третий раз вдохнуть его дух или лизнуть кровавую пену, что, будучи исполненным, привело бы Илью Муромца к гибели); сознает свою собственную обреченность и проявляет своего рода покорность судьбе, что сильно отличает Святогора от Горыни, Змея Горыныча и т.п.

се преизбыточность/, по отношению к Земле-Матери³³, насилия над нею; ср. аналогичное извращение отношения Эдипа к своей матери Иокасте, за образом которой угадывается Мать-Земля /ср. этимологию имени Иокасты/; в обоих случаях – гипертрофия сыновнего чувства, возвращающая к с м е ш е н и ю крови и – соответственно – элементов космологической организации).

Именно это и составляет основную тему похвальбы Святогора, столь отличной от традиционной похвальбы русских былинных богатырей. Ср. несколько примеров: – *Как бы было кольцо в небе в божьем, | Да друго кольцо во сырой земле во матушки, | Поворотил бы я землю-то матушку, | Поворотил бы я краем кверху.* Гильф. II, № 119³⁴; – *Да ведь во мне-то сила да такая есть, | Кабы в земною-то обширности был столб, | Да как был бы-то в небесной вышине, | Да кабы было в столби в этом кольце, | Поворотил бы я всю землю подселенную.* Гильф. III, № 270; – *Аще в небеси было бы кольцо, | И притянута оттуда цепь железная, | При тянул бы я небо ко сырой земли | И своей бы силой богатырскою | Смешал бы земных со небесных; | Есть бы было кольцо во матушки сырой земли, | Мог бы я повернуть матушку сырой земли, | Повернул бы краем кверху | И опять перемешал бы земных с небесных.* Рыбн. I, № 1; – Вот и говорит Святогор: "Как бы я тяги нашел, так я бы всю землю поднял!" Рыбн. I, № 86 (в пересказе); – *А да утвержено бы кольцо да во сырой землю, – | Поворотил бы я третью матерь сырой земли.* Григ. III, № 114 (№ 418)³⁵. Как бы предчувствия намерения Святогора, Земля враждебна ему, отказывается носить его: – *Не носила его да мать сырой земли | ... – Я бы ездил тут на матушку сырой земли, – | Не носит меня мать сырой земли ...* Гильф. I, № 1; – *Потемнело небо синее, | Задрожала матушка сырой земли.* Марк. № 61 (при выезде Святогора); – *А ише тех богатырей нонь земля не несет.* Григ. III, № 50 (№ 354). Впрочем, похвальба отвергается и непосредственно – словами былинного сказителя: *Впередки не похвалитесь | Всёю землёю владе́ти, | На-*

³³ Если все-таки мифopoэтическим сознанием в имени Святогора когда-либо выхватывалась идея жара (горения, "выжжености"), суши, сухости (ср. *Свято-гор: горсть*) как символ бесплодия, то, конечно, Святогор непосредственно противопоставлялся *Матери-Сырой Земле* (сырость как символ плодородия).

³⁴ Этот фрагмент дает некоторые основания предполагать, что Святогор относится к числу тех героев, которые совершают некий насильственный акт по отношению к своим родителям – Матери-Земле и Отцу-Небу. Ср., например, характерный мотив отрыва их друг от друга, совершаемого творцом Вселенной; обращает на себя внимание то обстоятельство, что намерение Святогора не только не имеет никакого космологического задания, но, напротив, грозило бы Вселенной гибелью, распадом в хаосе (см. мотив "перемешал бы земных со небесными"). Рыбн. I, № 1).

³⁵ С оригинальным продолжением: *На небеса была нонь да бы как лисвица, – | Да с небесною силой да бы сведалсе, | Ище сведалсэ с сей да переведалсэ.* – Впрочем, известны и другие виды похвальбы Святогора. Ср.: *Говорыл Святогор да таково слово: | "Ростяну веть я нонь да ногу правую, – | Да улятят веть ваши нонь укрыты фесс; | Да роскину веть я ноны руку правую, – | Росшибу я домовицо блодубово!"* Григ. III, № 114 (№ 418) или традиционную похвальбу действием – бросание палицы в небо и ловля ее налету (о чем см. ниже), а также кидание камней (*Он поднялся на эту-то на щельгу на великую, | Камень с ним кидать своима руками богатырскими...* Гильф. II, № 119). О мотиве богатырской похвальбы ср. также: *Миллер В.Ф. Очерки ..., т. I, с. 164* и след.

блудайте своё добро, | Ездите по Руси, | Делайте защиту, | Сохраняйте Русью от неприятеля, | А х в а с т а г ь п о п у с т о м у в н о г о н е з н а и т е. Гильф. II, № 185. Похвальба может повлечь за собой и наказание (Тяги-то земли он нашел, ... а Бог его и попутал за похвальбу. Рыбн. I, № 86). Иногда введение темы сумы переметной мотивируется Божиим наказанием, ср.: *Господь всевышния творец | За ихнее похваленье | Дал им приведениe: | Куда у их было норчено в путь ехать, | Лежит на дороги сумка, | В таковой сумке сложен весь земный груз*. Гильф. II, № 185³⁶. В других случаях явная мотивировка отсутствует, но, по сути дела, эпизод с сумой переметной аккумулирует в себе оба мотива — похвальба действием и наказание. Ср.: *Соходил-де ведь Самсон да со добра коня, | Еще сам-то за сумы да принимается, | Еще те ли-де сумы да с места не здымаятся, | А все жилы и суставы у Самсона растягиваются, | И по колену-то в землю Самсон убирается*. | (Тут Илья его и похоронил.). Гильф. III, № 270; — Слезает Святогор с добра коня, ухватил он сумочку обема руки, поднял сумочку повыше колен: и по колена Святогор в землю угряз, а по белу лицу не слезы, а кровь течет. Где Святогор увяз, тут и встать не мог, тут ему было и кончение... Рыбн. I, № 86 (в пересказе). Наконец, в третьей группе текстов мотив неудачной попытки поднятия сумы не влечет за собой мотив гибели (эпизод с сумой выглядит в этом случае как некая острастка, предупреждение). Ср.: *И он захватил-то сумочку одним перстом. | Другой раз захватил да ведь одной рукой, | Да третий раз-то Святогор да ведь богатырь | Потребил он свою силу всю великую, | Не мог приздануть он сумочки-то старцевой, | Он угрязнул во сырь землю по коленочку... | Да тут сел ли Святогор да ведь богатырь, | Да он сел ли на своего коня да богатырского, | ... Да поехал ли Святогор да богатырь... Гильф. II, № 119; — ...Хватает таковую сумку. | По грудям в землю сел, | Сумка с места не ворохнется. | С небеси им глас прогласило: | — Сильнии могучии богатыри, | Отстаньте прочь от таковыя сумки...* Гильф. II, № 185; — Принатужился он силой богатырской, | По-колен ушол да в матерь сырь землю — | Эта сумочка да не сшевелится, | Не сшевелится да не поднимется | ... — Верно тут мне Святогору, да и смерть пришла. | И взмолился он да своему коню | ... Богатырский конь да принатужился. | А повайдернул он Святогора из сырой земли ... Пар.—Сойм. № 4³⁷.

Противоприродность Святогора особенно отчетливо проявляется в его отношении к Земле. Для него она только сила в чистом виде³⁸, огром-

³⁶ В былине "Самсон-богатырь" (Рыбн. I, № 1) сначала возникает тема сумы, которую не может вытащить герой (*Принимался он со всей своей силой богатырскою, | И приспал своею грудью белою | Ко этим ко сумочкам ко маленьким, | И схватил всей силой великою, | По колену он угрязнул во злен камень...*), а лишь потом следует "похвальба", оформленная как объяснение причины неудачи с сумой (отсутствие кольца в небе и железной цепи). Мотив же наказания полностью взят из библейской истории Самсона.

³⁷ Мотив переметной сумы ср. также Рыбн. I, № 1, № 51; Сок. № 159, 269; Кир. I, с. XXX—XXXI; Был. Печ. и З. Бер., № 79.

³⁸ Сила самого Святогора — его дух. Ср.: *Ише дунул он в него своим духом богатырским-то | ... Мне довольно тепре сила, сколько у меня-то есть теперь, | Как взять-то твою сила у силы и ю*. Марк. № 61 или: Вот он захрапел, спустил в озух, густой пошел (сила, значит, пошла). Аст. 1. Прилож. № 2. Эта ситуация хорошо объясняется через соотношение этимологически связанных друг с другом слов: русск. *сила*, но лит. *siela* 'душа', прусск. *noseilis* 'дух'.

ная инертная масса, которая его носит, тяга земная. Для Святогора оказывается закрытой материнская природа Земли — родить, кормить, нести на себе то, что является результатом длинной череды рождений, — род человеческий. Не понимая, что чудо земной силы именно в этом ("А человек без честного рода и потомства, что хлебное семя, кинутое в землю, и пропавшее даром в земле" — "Страшная месть"), Святогор изолирует себя от родовой силы: он — один, сам по себе, у него нет потомства (хотя иногда упоминается "темный" отец); жена, о которой сообщает ряд былин, не нужна ему (пока Святогор спит, жена изменяет ему с Ильей Муромцем, он ее убивает и братается со своим соперником). Поэтому у Святогора одна судьба — уйти, умереть, стать землей, камнем (он умирает в каменной гробнице³⁹). Вообще же факт смерти героя для русского былевого эпоса весьма необычен. Из ста с лишним былинных сюжетов, известных русской традиции, о гибели героя, строго говоря, лишь в одном говорится о сходной по типу гибели (ср. былину о Василии Буслаеве, также, между прочим, наказанном за хвастовство и кощунственное поведение). В двух случаях речь идет о самоубийстве — Сухмана и Дуная⁴⁰. Былина о том, как перевелись богатыри на русской земли, по мнению В.Я. Проппа, относится к духовным стихам, а не к эпосу⁴¹, и поэтому в известной степени здесь может не учитываться. На этом фоне наличие двух сюжетов, в которых Святогор неизбежно погибает, не может быть случайностью⁴². Неотвратимость смерти Святогора производит тем большее впечатление, что даже попытки предотвратить гибель, предпринимаемые Ильей Муромцем, оказываются бесподобными. Более того, они-то и приближают и без того неминуемую гибель: *Говорит же тут богатырь Святогорский: | — Ты сломай-ко эти щелья да высокии | А повызыдь-ко с гроба меня глубокого. | Старый казак да*

³⁹ Камень как символ бесплодной земли, своего рода *the waste land*, лишенной дара цветти и родить.

⁴⁰ Характерно, что в обоих случаях говорится о "речных" героях. Ср. о Сухмани: *Он отдернул-то листки от ран кровавых все. | Говорил-то ведь сам да таковы слова: | "Уж ты гой еси, мои раны кровавыя! | Протеки-то-се из ран да все Сухман-река..." | Протекала тут ведь Сухман, да речка быстрая, | Выбегала у его все кровь горячая...* Марк. № 11; — о Дуне: *Поворачивал Дунай копьё гупым концём, | Навалился он ведь грудью на востро копьё, | Упал Дунашко мёртвой. | Не две струочки расходились, | В одно место сходились | Есть Дунай река и речка Настасья.* Аст. 1, № 34 (ср. 1, № 3, где кончается тем, что Дунай бросается на копье). Эти два сюжета противопоставлены обаим сюжетам о гибели Святогора в одном важном отношении: и Сухман и Дунай, погибая от раны, как бы отдают свою кровь земле, орошают ее, становятся реками, своего рода "живой водой". Святогор, погибая, ничего не дает земле, не делает ее обильной, не приносит ей процветания.

⁴¹ См.: Пропп В.Я. Указ. соч., с. 73.

⁴² Кроме этих двух основных сюжетов Святогор выступает еще в пяти сюжетах (см.: Пропп В.Я. Указ. соч., с. 522—523), которые, как правило, частичны и входят в состав основных сюжетов или — точнее — некоторых контаминированных суперсюжетов. Ср.: "отец Святогора и Илья Муромец" (как заключительная часть сюжета о гибели Святогора), "Святогор и поленица", "Женитьба Святогора", "Святогор и неверная жена" (все три сюжета обычно предшествуют мотиву гибели Святогора); наконец, сюжет "Святогор лишается сил" (вариант истории Самсона и Далилы) сам по себе завершается мотивом гибели героя. Иначе говоря, можно сказать (при исключении принципиально не законченных былинных текстов), что в русских былинах Святогора в сего ожидает смерть; он обречен на гибель (мотив женитьбы Святогора в целом не меняет картины).

*Илья Муромец | Как удари, своей палицей | Да по щелейки по толстый, |
А по той горы да по высокий, | – Ставился тут обруч да же-
л е з н и и | Через тот да гроб еще великии... | Бьет тут Илья Муромец
да другой раз, | – Что ударит, тут же обруч было ставит-
с я. | Отвечает тут богатырь Святогорский: | – Видно тут же есть богатырь
да кончается! Гильф. I, № 1.*

Несмотря на отмечавшуюся выше изолированность Святогора в кругу русских былинных богатырей, в обоих основных сюжетах он практически всегда связан с Ильей Муромцем: в сюжете гибели в каменном гробу эта связь не только постоянна, но в известной степени предполагаема структурными особенностями самого сюжета⁴³; в сюжете сумы переметной Илья Муромец отсутствует только в заведомо вырожденных вариантах⁴⁴. И эта сочетаемость Ильи Муромца и Святогора также не может быть случайной. Но еще важнее в этом случае то обстоятельство, что через образ Ильи Муромца раскрываются некоторые очень существенные особенности образца Святогора — в н у т р е н н и е, помогающие понять и оценить контекст, в котором возник этот образ, и в н е ш н и е, связанные с топографической локализацией этого образа и соответствующих сюжетов (разумеется, в самом общем виде).

Мотив братания Святогора и Ильи Муромца и их "полевого" товарищества, возникшего как дань взаимного уважения и признания силы, никак не может зачеркнуть впечатления некоей исконной противопоставленности, даже враждебности обоих богатырей. Следы этого первоначального отношения более или менее полно сохраняются в былине, особенно при некотором, даже довольно поверхностном, аранжировании мотивов. Так, уже в экспозиции Илья Муромец, по сути дела, противопоставлен Святогору: он враждебно встречает его на границе поля, которую он, видимо, охраняет, бьет со всего размаха Святогора булавой по голове. Далее Святогор фактически пленяет Илью Муромца, подвергнув его насмешке-поруганию (мотив засовывания Ильи Муромца вместе с его конем в карман Святогору). Наконец, в finale Святогор уговаривает (в ряде былинных вариантов) своего названного брата лизнуть ту из трех пен, которая привела бы его к гибели. Илья Муромец отказывается это сделать, потому что с самого начала он, по меньшей мере, не доверяет (или не вполне доверяет) Святогору. Аура двусмысленности, подозрительности (ср. также мотив неудачного соблазнения Ильи Муромца женой Святогора) все время окружает отношения двух богатырей. Их противопоставленность усугубляется и тем, что

⁴³ Ср. такие варианты, как Рыбн. I, № 51; II, № 138; Гильф. I, № 1, II, № 119, III, № 265, 273; Марк. № 61; Онч. № 61; Григ. I, № 129; III, № 46, № 50, 114; Пар.-Сойм. № 4, 40; Аст. 1, № 5, 25; Прилож. № 2; Крюк. I, № 8; Сок. I, 57, 75, 178, 269.

⁴⁴ Илья Муромец отсутствует в былине "Самсон-богатырь" (Рыбн. I, № 1), где удивляться приходится не отсутствию Ильи Муромца, а тому, как в эту былину попал мотив переметной сумы; в былине "Святогор" (Рыбн. I, № 86), представляющей собой очень краткий (типа резюме), притом прозаический, пересказ сюжета с большими лакунаами (впрочем, в столь же коротком и тоже прозаическом пересказе [см. Песенный фольклор Мезени. Л., 1967, № 218, с. 281] Илья Муромец все-таки присутствует); в контаминированной былине "Святогор и Садко" (Гильф. II, № 119), где в качестве названного брата Святогора выступает Самсон Самоилович.

оба они реализуют разные члены основных семантических оппозиций: Святогор — чужой, далекий, связанный с горами, в принципе неподвижный, пассивный, косный; Илья Муромец, наоборот, — свой, близкий, связанный с полем, в принципе подвижный, динамичный, активный⁴⁵. Поэтому, если существовал протосюжет, объединявший Святогора и Илью Муромца, он — в соответствии с былинной логикой — не мог связывать обоих персонажей иными отношениями нежели а н т а г о н и с т и ч е с к и м и.

Генеалогическая история Ильи Муромца, как она рисуется в свете реконструкции, и типологический круг, к которому относится образ Святогора, позволяют сделать и некоторые другие наблюдения относительно исходной схемы, идущие значительно дальше. В свое время в общих чертах было показано, что Илья Муромец генетически может быть понят как результат трансформации образа Громовержца в схеме основного мифа (*И паступив у свят-святый Ильюшка. — Вот, гавора, — буду я грамова и тучай заведуваць!* — "Праз Ильюшку" [Белор. сборн. III, № 44, с. 259—262 и др.])⁴⁶, сохраняющий, впрочем, и некоторые черты противника Громовержца (ср. безногость, первоначальная неподвижность и др.)⁴⁷ В сюжетике былин о Святогоре и Илье Муромце эти отзвуки так называемого о с н о в н о г о мифа о Громовержце, его жене и его противнике (из-за жены и развертывается спор-поединок), несомненно, присутствуют (ср. хотя бы ту же схему в мотиве соблазнения Ильи Муромца женой Святогора и в мотиве ее убийства за попытку измены). При этом топика основного мифа привязана не только к образу Ильи Муромца, но и к Святогору как слегка очеловеченному хтоническому существу (частый тип противника Громовержца). В этом отношении весьма показателен мотив г о ры в основном мифе (о неподвижном лежании Святогора на горе было сказано ра-

⁴⁵ Можно добавить, что Илья Муромец связан с определенным временем и через него с "историей". Святогор же вневременен (он вечен, подобно камню) и соотнесен с природой как ее часть.

⁴⁶ См.: Иванов В.В., Топоров В.Н. Исследования в области славянских древностей. М., 1974, с. 164 и след.; Топоров В.Н. К проблеме жанров в фольклоре, — Σημειώσεις. Материалы симпозиума по вторичным моделирующим системам I(5). Тарту, 1974, с. 14—16 и др. — Идея связи Ильи Муромца с небом отчетлива и в былине, где он выступает вместе со Святогором. Ср.: — Садись-ко ты, Илья, Илья Муромец, | Садись-ко на караты на этии, | Как идь-ко отправляйся этой ради го ѹ. | Ну как к варуху тут Илья подымается, | А этот старицёк да след даётся, | — Возьми-ко ты, возьми меня, пожалуйста, | На тыи на караты на огненины... | И говорят ён старику во всю голову: | — Не войдешь ты топерику сюдькова, | Оставайся на земле, Моисей-то, ты... (правда или неправда не знаю, а уехал на небо живым, поди знай). Пар.—Сойм. № 40 — при характерном мотиве огненной небесной колесницы Громовержца (например, Перкунаса).

⁴⁷ В белорусской сказке об Илье герой обращается к "дзядуле-гасподзю": *А во, дзядуля, маюся так, что мауг ад зэмлі неба дастаць, а ад неба зэмлі!* (ср. в другом варианте: Як ты цепер чуствуиш Илья Муромец, у сібе силу? — Господзі, еслі бы гасподзъ утвардзіў стойб у неба і землю, то б я мох мац сыру землю пувярнуць уверх ногамі, см. Беларускі эпас. Мінск, 1959, с. 62); ср. также: *калі б у неба і ў зямлю стойб і штоб было ў ім калисо, дык бы ўвесы свет перакруціў рукою.* — Иначе говоря, Илья Муромцу приписывается совершенно то же высказывание-пожелание, что и былинному Святогору, см. выше. Можно напомнить, что иногда оказывается слепым и отец Ильи (ср. темного отца Святогора, во-первых, и мотив встречи Ильи Муромца с отцом Святогора, во-вторых). О встрече Ильи Муромца с отцом Святогора ср. Рыбын. I, № 2; Гильф. I, 1; Григор. 166; Леон. № 5; Аст. I, № 5; Сок. № 44; Пар.—Сойм. № 40; Был. Печ. и З. Бер. № 70.

неё). Сославшись на подробное изложение этой темы в другом месте⁴⁸, здесь можно ограничиться указанием нескольких важных деталей. К их числу относятся следующие: нахождение на горе Громовержца (иногда его имя этимологизируется через обозначение горы, ср. русск. *Перынь*: готск. *fairguni* 'гора' или точку зрения, этимологически связывающую имя Перуна с др.-инд. *parvata* 'гора'; ср. также хетск. *Pirqa-* *pirqa-*, *peruna* 'скала' и т.п.) и его противника (например, Змея); связь горы и камня (ср. мотив каменной горы⁴⁹, каменной молнии Громовержца, каменных жерновов, производящих огонь-молнию, которая поражает Змея); бесплодие горы самой по себе (отсюда – мотив горы, желающей дождя, ср. КУВ III.7: о священной горе /ср. Святая гора/ Цалияну в ритуальном тексте, включающем и миф о Боге Грозы; призывание во время засухи, т.е. бесплодия, на холме Перконса, согласно латиноязычному документу от 1610 г., относящемуся к латышам⁵⁰, и т.п. при каменистых Святых горах, исключающих плодородие). Следовательно, и колорит Святогорова локуса вполне соответствует ландшафтным условиям, в которых развертывается действие основного мифа (ср. в "Ригведе" об Индре, который змея */áhim/* убил */jaghána/* на горах */párvateṣu/*). Между прочим, обращение к ведийскому мифу о поединке Громовержца Индры со змеем (*dhi-*) Врите́й, чье имя – *Vṛtra-* обозначает затор, препятствие (таковы, собственно, и особенности гор, на которых находился Святогор), поучительно в том смысле, что в ведийской версии можно выделить тот особый аспект образа противника Громовержца, который как раз и характеризует Святогора. В самом деле, Врите́й не только и не столько активно враждебен, воинствен и вредоносен, сколько пассивно мертвящ. Суть его действий (точнее – бездействия) в том, что он сковывает силы плодородия, удерживает их в косном состоянии и не реализуемой фактически потенциальности. Индра как одна из многочисленных ипостастей героя основного мифа занят не тем, чтобы защитить живое и плодоносящее, а тем, чтобы вырвать из-под власти Врите́я эту чистую потенцию (в образе коров, дождя, оплодотворяющих вод) и реализовать ее, введя в новую динамическую Вселенную. Для ведийских ариев таким реальным носителем плодородия был скот, для русского крестьянства – земля. Поэтому земля и выступает как ведущая идея обоих сюжетов, связываемых со Святогором, что уже отмечалось и в более ранних исследованиях⁵¹. Соответственно модифицируется общая идея основного мифа. В схеме цикла Святогора обнаруживается не просто инвертиро-

⁴⁸ См.: В.В. Иванов, В.Н. Топоров. Указ. соч., с. 8–12.

⁴⁹ Ср. обозначение камня тем же элементом, который используется при обозначении горы: язгул. *yar* 'камень', 'скала' при хотан-сакск. *ggara*, *ggara*, -i, пушту *yar* 'холм', 'гора' и т.п.

⁵⁰ Ср.: ... quando magna est siccitas terrae, in defectu pluviae, solent in collibus inter densissimas sylvas tonitrua adorare ... invocando Percunum. См.: Šmits P. Latviešu tautas ticējumi. Rīga, 1940, с. 1400, № 23119.

⁵¹ Ср., например: "Понятием земли определяется весь основной смысл былины. Как уже указывалось, земля в ней отчетливо противопоставляется горам ... Но Святогору противопоставляется не только Илья, но и Микула Селянинович. Земля требует освоения, а это освоение требует таких сил, перед которыми ничтожной представляется грубая физическая сила Святогора. Для этого требуется сила труда. В крестьянском сознании – это почти исключительно труд земледельческий... для этого требуются иные силы – силы, носителем которых изображается крестьянство..." (Пропп В.Я. Указ. соч., с. 77).

ванный и вырожденный вариант основного мифа, но некая часть национальной истории, лишь в одном определенном аспекте дублирующая главное событие (поединок героя с его противником). Суть этой версии в осуждении и отвержении исходного природного бесплодия в образе своего рода "анти-земли", непригодной для пахоты и сеяния (горы, ущелья, камни; впрочем, и о Микуле Селяниновиче говорится: *А у ратоя-то сошка поскрываёт, | Да по каменикам омешки прочиркавают...* | То коренья, каменья вывертываёт, | Да великие они каменья в борозду валит... Гильф. II, № 73) и незнакомой с даром плодородия. Чтобы землю быть плодоносящей, нужно некое активное динамическое начало. Святогор им не является: он не знает Землю как супругу или матери-корамилицу, скорее он знаком с ее подземным тектоническим складом. В этом он схож с другими представителями поколения титанов или гигантов (как, например, в древнегреческой мифологии), которые оказались оттесненными на задний план (строго говоря, в Тартар, в подземное царство) мифологическими персонажами новой формации. Показательно, что внутри разных мифопоэтических традиций такая версия первоначального бесплодия носителя огромной силы обычно помещается во времени до событий, отличающихся большим динанизмом и напряженностью и "разыгрываемых" в главных версиях основного мифа, где всегда присутствует и новая тема шанса, риска, жертвы ради будущего успеха (все эти категории чужды былинам о Святогоре). Поэтому и оба основных сюжета, посвященных Святогору, в оценке русской быловой традиции (насколько эту оценку можно восстановить и эксплицировать) представляются весьма архаичными и безусловно предшествующими как более обычным трансформациям основного мифа (ср. сюжеты типа "*Илья Муромец и Соловей-разбойник*", "*Илья Муромец и Идолище*", "*Добрыня Никитич и Змей*", "*Алеша и Тугарин*" и т.п.), так и дальнейшим разработкам темы земли (ср. сюжет, объединяющий Илью Муромца с Микулой Селяниновичем⁵²).

Внешние связи образа Ильи Муромца, отсылающие к тому пространству, где он совершал свои подвиги, также небезразличны для тех былин, в которых наряду с Ильей Муромцем выступает и Святогор. Дело в том, что после исследований В.Ф. Миллера и ряда соображений, высказанных позже, довольно точно устанавливается ареал, к которому привязываются основные действия Ильи Муромца. Оставляя детали для последующих разысканий, здесь достаточно назвать основные и, видимо, бесспорные ориентиры этого "центра" — Брянск и леса вокруг (*Брынские леса*), Каравчев (ср. *Каравчово*), Моровицк или Моровск (ср. *Муром*, *Муров* и т.п.⁵³), Чернигов, возможно Смородинку (хотя рек с таким развлением немало в несравненно более широком ареале), село *Девятидубье* (ср.: *А сидит-то Соловьюшко да на девяти дубах*. Марк. № 68), а также некоторые

⁵² Ср. вольное и невольное подчеркивание русского характера Микулы Селяниновича, чье имя само соотносится с именем покровителя русского народа св. Николы.

⁵³ Учитывая наиболее старые свидетельства (письмо Кмыты Чернобыльского, древнейший пересказ повести об Илье краткой редакции и др.), можно предполагать, что еще в XVI в. были распространены такие формы имени, как *Моровлин*, *Муравленин* и под. (по крайней мере, в киевско-белорусском ареале). См.: *Мильтер В.Ф. Очерки...*, т. I, с. 398—399 и др.

"свои" локусы к северу и к югу (соответственно Смоленск и Киев) от указанного центра. Иначе говоря, в былинах об Илье Муромце актуализируется прежде всего пространство на границе леса и степи, в значительной удаленности от горных местностей, хотя бы отдаленно напоминающих ландшафт Святых гор, выступающих в Святогоровом цикле. Ближайшими "горами", которые в разные периоды были известны в названном центре, нужно считать Карпаты на западе, Кавказские горы на юго-востоке⁵⁴ и, если говорить о вырожденных вариантах, возвышенности и холмы типа Вильнюсской и Судувской гряд, подъем местности в Латгалии и юго-восточной Эстонии. Все эти "горы" характеризуются — под углом зрения исследуемой здесь темы — двумя особенностями: они так или иначе освоены русским былевым эпосом (или сказочным, но восходящим к былевому), имеют в нем некий отклик или хотя бы попытку "привязки" каких-либо мотивов к этим "горам" (во-п е р в ы х), и они же знают особый персонажей, непосредственно и очевидно не связанных со Святогором, но более или менее близких ему по типу и по мотивным характеристикам и приуроченных к этим горным местностям (во-в т о р ы х). Следовательно, в широком ареальном плане образ Святогора как раз не является изолированным. Он включен в цепь более или менее сходных персонажей разных традиций, располагающихся на пространстве от юго-восточной Прибалтики до Кавказа. Указание этих параллелей к образу Святогора имеет тем большее значение, что отдельные сходства, видимо, не могут быть поняты вне контекста взаимовлияний и заимствований в зоне активного культурно-языкового контакта. Балтийские и особенно иранские факты привлекут особое внимание в заключительной части этой работы⁵⁵ — тем более, что они имеют непосредственное отношение к ареальному аспекту проблемы.

К северо-западу от названного локуса Ильи Муромца находится балтийский и белорусский ареал. Многочисленные материалы с этих территорий сохраняют в очень рельефной форме ту схему основного мифа, которая к югу-востоку представлена значительно менее ярко (ср. противопоставление Илья Муромец — Святогор и гибель последнего в *к а м е н н о м* или *д у б о в о м*⁵⁶ гробу после безуспешной попытки уложить в него Илью Му-

⁵⁴ Теоретически можно было бы говорить и о Крымских горах, но ландшафт Святых гор не имеет с ними ничего общего. Кроме того, ряд историко-культурных обстоятельств препятствует попыткам учесть эти горы в контексте былин, связанных со Святогором.

⁵⁵ О роли финноязычной культурной традиции вкратце говорилось выше.

⁵⁶ Ср.: *Как стоит тута да ду б о в ы й гроб.* Пар.—Сойм. № 4 (и далее: *Он ложился Илья да в тот ду б о в ы й гроб.* | ... Ты покрой-ка крыщечку ду б о в у ю... | *Илья Святогора послушался,* | Берет он саблю вострую, | Ударяет по гробу ду б о в о м у... | *Наклонись-ко ты ко гробу ко ду б о в о м у...;* — *Ище строят домовище да б е л о д у б о в о...* | *Про его [Святогора. — В.Т.] де роботам домовище б е л о д у б о в о...* | *Да ложылся в домовище да б е л о д у б о в о* | *И закрывали дощочки б е л о д у б о в ы* | ... *Росшибу я домовище бело ду б о в о...* | *Заковал домовище да б е л о д у б о в о.* Григ. III, № 114 (№ 418); — *Увалился в домовище на нонь превечное.* | *А наложили они кровлю ду б о в у ю.* Григ. III, № 50 (№ 354); — *Как состроен стоит да ведь белый гроб!* | ... *Да закрой меня дощечками ду б о в ы м и* | ... *Открой-то дощечки ду б о в ы е...* | *Не могу я открыть ни какой доски.* Гильф. III, № 273; — *"Покрой меня сверху досками, брат названный".* Как покрыл его досками, доски Божьим изволом приросли... Стал рубить доски саблей... Рыбы. II, № 138 (в пересказе);

ромца /ср. мотив "мёрения"⁵⁷/, а также варианты, в которых не участвует Святогор: Илья Муромец и Соловей-разбойник и др.). Впрочем развернутый вариант основного мифа бросает свет и на некоторые детали схемы цикла о Святогоре, которые вне сравнения не привлекли бы внимания. Среди них мотив *дуба и камня* (ср. гроб Святогора, иногда его оружие), сопоставимый — ср. ниже — с аналогичной темой основного мифа. Не менее показательно, что иногда Святогор находит смерть не только в каменном или дубовом гробу, но и на Святой горе: *Да поедем Илья, да на Святый горы, | Я буду там да преставлятися.* Гильф. III, № 265 (ср. Гильф. I, № 1 или: *А сын-то еще твой на горах топерь, | На горах топерь да уж убрался в гроб.* Пар.-Сойм. № 40; — Два старца гроб делают на горах. Аст. Прилож. № 2; — *Как склонил он Святогора да богатыря, | На той горы на Елеонский.* Пар.-Сойм. № 4 и т.п.)⁵⁸ и особенно — в связи с мотивом основного мифа "убийство на горе" — *Как ударил своей палицы | Да пощелейки по толсты, | А по той горы да по высокии — | Ставился тут обруч да железныи.* Гильф. I, № 1 (каждый из трех ударов — шаг к гибели, ср. три удара героя основного мифа, которыми он ссекает головы трехглавого Змея; характерно, что имя противника в основном мифе нередко кодируется элементом со значением 'труп'). При этом смерть приносят удары палицей (ср. оружие Громовержца), наносимые Ильей Муромцем по гробу (каменному или деревянному),

интересно, что и Илья Муромец связан с дубом, на котором он сидит (подобно Соловью-разбойнику), ср. Рыбн. I, № 51; II, № 138 (сыр дуб); Марк. № 61 и др. — Но и: — *Лежит-то ведь о путь о дороженьку | Да гробница тут да каменина, | Она обнята обручами да железными | ... Ен и лег-то во гробницу во каменину.* Гильф. II, № 119; — *Лежит пот тем камнем ... боатырь Святогор Романович.* Григ. III, № 46 (№ 350); — *А Святогор богатырь улегся в гроб и говорит Илье: | — Окутай меня камениной накрышечкой.* Рыбн. I, № 2; ср. камень в соседстве с гробом: *Они завидели ф поле к камень великий же, | Они подъехали к малу ко серу камню. | У того же у камня гроп велик стоял.* Григ. III, № 46 (350). Впрочем, есть и исключения, ср.: — *Увидали-то оне до гроб желе зиной-эт.* Марк. № 61; — *Наехали гробницу великану, выложену гробница красным золотом.* Рыбн. II, № 138 (в пересказе).

⁵⁷ Ср.: *Ты послушай, мой меньший брат, | Ты ложись-ко во гроб да померяй се.* Пар.-Сойм. № 4; — *Ты лёжись-ко, брат крестовой, по сибе помереи-ко!* Марк. № 61; — *Я сидуй и померяюсь во белом гробе.* Григ. III, № 46 (№ 350); — *Помир ий-ко, Илья да Илья Муромец.* Которому-то гроб нам теперь-ку тут. Пар.-Сойм. № 40. К мотиву Прокрустова ложа относятся и такие формульные ходы былин о Святогоре, как: *А этот гроб-то Ильи Муромца да долог есть.* Гильф. I, № 1; *Как еще этот да гроб большой, широкой — | Не годится тут Ильи-шеньке да Муромцу.* Пар.-Сойм. № 40; — *Этот гроб Ильи да не поладился, | Оны длину длинней и в ширину широк...* Пар.-Сойм. № 4; — *Лег Илья Муромец: для него домовище и велико и широко.* Рыбн. I, № 51 (в пересказе); — *Повалился Илья в гроб ведь Муромец;* — *Он малой по ёмь лежит, как маленький ребенок-от...* Марк. № 61 — при: *Святогору гроб да поладился.* Пар.-Сойм. № 4; — *Заходил-то скоро всё ведь Святогор-богатырь-эт. | Как ведь тот-то гроб будто по нём-то был.* Марк. № 61; — *Ложился Святогор богатырь: гроб пришелся по нем.* Рыбн. I, № 51 (в пересказе).

⁵⁸ Стандартное описание "каменной" гробницы как большой, огромной и т.п. (*Находили площадицу да о громну ю | ... А ложился было в гроб в этот о громныи.* Гильф. I, № 1; — и наехали путем-дорогою на великий гроб... Рыбн. I, № 51 (в пересказе); — *Как на дороженьке да попался большииский гроб.* Пар.-Сойм. № 40 и др.), как бы сближает ее с образом горы как места гибели Святогора (и соответственно — противника Громовержца).

в котором находился Святогор, и в своем описании аналогичные мотивы поражения Громовержцем своего противника. Ср. ходы типа: *Тут взяфши Илья Муромец за палицу, | Он ударай в ши палицей в конец гроба...* Григ. III, № 46 (№ 350); — *Ужь ты ой еси, Илеюшка ты Муромец! | Ухвати-тко-се палицу буйеву, | Развивай домовищо да белодубово.* Григ. III, № 144 (№ 418). Также находит аналогию в основном мифе мотив деструктивной деятельности, прикрепленный в былинах о Святогоре к образу Ильи Муромца, но таким образом, что дух этой деструктивности исходит от Святогора. Ср.: "...а пойдет бела [пена. — В. Т.], возьми на персту, небольно много; тогда сила тибе прибыдет". Илья взял и попало ему в ноговато, и стало его пометывать, побрасывать от силы; и стал Илья темны леса с корнем рвать, и целу реку заметал, ровно мост заставил. Тогда сила в ём приусела. Онч. № 61; — *А зделалась в ем сила необъятна тут, | А да девацьse ёму стало тут веть некуда, | А ище рвал он тут пенья да фсё как дубьё он.* Григ. III, № 50 (№ 354); — Третьего праху хватил. Сила в ем расходилась. Рвал лес, ломал лес, чтобы уничтожить силу... Аст. 1, № 5. Наконец, особенно показательно — в контексте основного мифа — наличие в былинах о Святогоре следов конфликтных отношений с небесным персонажем и смерти, посланной Святогору с неба, из тучи (ср. молнию из тучи или каменную тучу в основном мифе, которые поражают противника Громовержца). Ср., например: *На небеса была нонь да бы как лисица, — | Да с небесною силой да я бы сведалсে, | Ище сведалсэ да переведалсэ.* Григ. III, № 114 (№ 418); — *Верно этот гроб из тучи выпал-то...* Марк. № 61, что дает основание для реконструкции мотива противопоставления благой небесной силы и злой земной, точнее — подземной силы Святогора⁵⁹.

В балтийской и белорусской традиции перечисленные мотивы (как и некоторые другие им соприродные) развернуты в разных версиях основного мифа, и здесь могут быть перечислены только в общем виде и вкратце. Противник Громовержца может находиться на горе (как Вритра в ведийской традиции), о чем свидетельствуют и отдельные балтийские тексты и такие топонимы, как лит. *Velniaiakalnis*, *Velnäikalnis*, букв. 'Чортова гора' (ср. *Perkūno kalnas*, *Perkūnkalnis* и т.п., наряду с развитым мотивом нахождения Перкунаса на горе: *Senovėje Perkūnas gyveno aukštame neprieiname kalne* "В древности Перкунас жил на высокой неприступной горе", *Seniai Perkūnas gyveno žemėje, aukštame kalne*. Balsys, 1937, с. 149, № 4—5 и др.⁶⁰). Противник Перкунаса укрывается за камнем и дубом (или вообще деревом), по которым бьет молния Громовержца: — *Velnias bėga nuo griausmo, slėpiasi... už medžių, už akmenų;* — *Velnias nuo Perkūno trenkimo pasislėpia po dideliu akmeniui...;* — *Velnias, norėdamas pasislėpti*

⁵⁹ Пена Святогора гибельна (белая — черная, желтая — красная — серая и т.п.), и в этом смысле противоположна плодотворящей небесной жидкости — дождю: она — та "анти-вода", которая несет смерть. Ср. также слова Святогора: *Тогда дунул бы я духом мертвый м-то!* Провалилсэ ты бо ко мне вместях мертвый м-то. Марк. № 61.

⁶⁰ См.: Balsys J. Perkūnas lietuvių liaudies tikėjimuose. — Tautosakos darbai, III. Kaunas, 1937. Холмы, связываемые с культом Перкунаса, кодируются как Святые горы, ср., например, *Sventakalnis* (наряду с *Sventiupė*, *Sventežeris*, *Sventrāgis* и т.п.), ср. прусск. *Sventegarben*, 1351, т.е. 'Святая гора'. Такие факты также дают основание для реконструкции мотива Святой горы, с которой связан подвиг Громовержца.

nuo Perkūno, lenda į q̄ ž u o l o skylę, o Perkūnas kai muša, tai ir q̄ ž u o l q̄ sutrupina; – Velnias, norēdamas pasislėpti nuo Perkūno, lenda kur į m e d ž i o drevę...; – Velnias lenda po a k m e n i u, ... lipa į aukštą m e d į (ср. Илью Муромца в былине о Святогоре или его противнике, влезших на дуб) и т.п. (Balys 1937, с. 157–158, № 126–133, 140–147 и др.). То же повторяется и в белорусских текстах с той важной разницей, что в качестве противника нечистого, чорта, Змея и т.п. может выступать не только Бог, но и Илья (генетически связанный с Ильей Муромцем русских былин): – *A я под d z e r a v o s h u v a o s t i : tam t y m j a n e n e z a b y e s h !* – "Я д з е р а в о разобью, и ща́бе забью..." – *Nu, ja pod k a m e n ь s h u v a o s t i !* – "Яй камень разобью, и ща́бе забью!" (Белор. сборн. IV, дополнение, № 3, с. 155); – *Ja ū d r e v o s h o v a o s t i !* – "Я д р е в о на щепки расщаплю, а тябе ёбью" (Белор. сборн. IV, № 1, с. 8) и т.п.⁶¹.

Не меньше сходных элементов в белорусских фольклорных материалах, хотя эти сходства несколько иного рода⁶². Речь идет прежде всего о мотивах, связанных с так называемыми *asilkami* (ср. ст.-слав ОСЛА 'точильный камень' и т.п. – из и.-евр. *ak², отраженного, в частности, и в балтийских языках). Подобно Святогору, *asilki* – богатыри прежних времен, обладавшие чудовищной, но нецеленаправленной силой деструктивного характера. Они вырывают с корнем деревья, запруживают брошенными стволами реки, перебрасываются огромными камнями или каменными палками ради развлечения и/или похвальбы (ср. сходные мотивы, соотносимые со Святогором)⁶³, портят землю, вытаптывая на ней неровности,

⁶¹ Есть и до конца неясные сходства в других мотивах. Ср. прежде всего мотив оружия (например, меч-кладенец Святогора, ср. Рыбн. I № 51; Гильф. II, № 119: тут же лук и стрелочки каленые) и кузнеца. Последний мотив отчетлив в схеме основного мифа (особый кузнец изготавливает Перкунасу оружие; иногда и сам Громовержец называется "каменным кузнецом", ср.: *Perkūnq vadina "A k m e n i n i u k a l v i u"*. Balys, 1937, № 171, с. 160) и менее ясен в связи со Святогором, ср. Рыбн. I, № 1, № 51: Святогор наезжает на кузнеца, кующего его, Святогора, судьбу. Уместно обратить внимание еще на один мотив, отсылающий, по сути дела, к "кузничной" теме (... ты моги нагреть кусок железа, а руки не подавай, – советует умирающий Святогор Илье Муромцу, наказывая ему передать весть о своей гибели отцу. – Илья тым временем на грел же лезо, пошел по рукам ударить и дает старику в руки кусок железа. Рыбн. I, № 2 (в пересказе) и др.); в подобной ситуации Илья Муромец выступает в функции кузнеца, и тем самым его образ еще раз сопрягается с образом Громовержца из основного мифа).

⁶² Здесь не приходится останавливаться на сходствах, объясняемых проще заимствованием из былинных текстов. В одной из белорусских сказок богатырь огромного роста принимает людей за мышей (ср. укусы мушиные); характерно и его обращение к спутнику: *He, брат, тут мы дзевак себе не найдзем па нашей силе, а нада ици, спускаща на тэй свет* (Белор. сборн. III, № 13, с. 99). В одной из сказок (Белор. сборн. VI, № 15, с. 199) такой богатырь назван Горовиком (:Свято-гор).

⁶³ Ср.: *Гудзе у небе, бы гром греміць, лециць тая булава уніз*. См. Серпугоўскі А.К. Казкі і апавяданні беларусаў з Слуцкага павету. Менск, 1926, № 23, с. 49 (ср. палицу Перкунаса или: "палицы Перуна", которые висели в Новгороде на мосту через Волхов и были уничтожены только в середине XVII в. при патриархе Никоне). Один из асилков забавляется тем, что перекидывает *вслізарны камені, баце валы, бы картоплю*. Тем же. № 23, с. 48. Ударами молота асилок разбивает камень величиной в дом. Ср. также: *Улез на белый камень..., як ударыт ў гэтый камень булавою своею, – расскочыўся камень* (Белор. сборн. VI, № 13, с. 123; ср. далее характерные мотивы утки, яйца, свечи). Два богатыря-жениха Марк и Степан состязаются в бросании огромных камней (Там же № 32,

рвы, озера, реки (ср. глубокую *ископоть* Святогора в былинах и "порчу" земли Ильей Муромцем, вдохнувшем Святгорова пару, духа или попробовавшего его пену), вызывают бурю, грозу, которые в мифopoэтическом сознании связывают с "каменной" игрой асилков⁶⁴. Иногда упоминается метание асилками каменных или железных стрел в нечистую силу⁶⁵. Известны случаи, когда такие богатыри соотнесены с горой как их локусом и кузнецами искусством как основным занятием. Ср.: Сышоу з горы да як упёрся плячом, дак толькі земля застагнала, гараздубом пасунулася і шабалтых у воду⁶⁶, с одной стороны, и разные разработки темы кузнеца-богатыря (ср., например, белорусскую сказку "Каваль-богатырь": герой опрокидывает скалы, связанные с бурей, грозой, кует оружие и т.п.⁶⁷; тему волотов-велетов, часто не отличимых от асилков, в контексте индоевропейского мотива [ср. Вельтина и его сына кузнеца Велунда в "Тидрек-саге", XIII в., ср. др.-сов. *Vglundr*, др.-англ., н.-нем. *Weland*, в.-нем. *Wielant* и т.п.⁶⁸]; мифологему о Телявеле, выковавшем Богу солнце и поместившем его на небе [во фрагменте из хронографа Иоанна Малалы в западнорусской редакции] и т.д.), с другой стороны.

Наконец, существует еще одна аналогия, тем более ценная, что она имеет точную и узкую локализацию. Речь идет о голядском мифopoэтическом наследии, отраженном в преданиях о голяди, существовавших еще на рубеже XIX–XX вв. в Мещовском уезде Калужской губ. (т.е. именно там, где помещает голядь Ипатьевская летопись). "Возле деревни Медведовского уезда Чертовой указывают гору, на которой, по преданию, в очень старо-

с. 173; ср. таких персонажей "кутейных" ритуалов, как Зюзю с железной булавой /или деда Мороза/ и его противника Перуна, изображавшегося исполином с булавой/. Особенно показательны контаминированные варианты вырожденных былинных сюжетов об Илье Муромце (ср. сказку "Безногий богатырь"), перекликающиеся с такими типичными схемами, как те, что обнаруживаются в сказках типа "Асилок разбивает булавой каменную стену" или "Игра асилка огромными камнями в лесу" (ср.: *Серпжутоўскі А.К. Указ. соч., № 23, с. 47–52*). Л.Г. Барагом записана сказка о безногом асилке (Пуховичский р-н Минской обл.) и мудром пахарестарике, — сюжет, отсылающий к теме встречи Святогора (или Ильи Муромца) с Микулой Селяниновичем.

⁶⁴ Указывают, что на Могилевщине бурю называли "богатырской игрой".

⁶⁵ В белорусской сказке "Царь Василь" асилок выпускает огромную каменную стрелу в Бабу Ягу.

⁶⁶ В Полоцкой губ. было известно предание о женщине-асилке, жившей на Богатырь-горе (ср. *Святогор : Святая гора*). См.: *Карандэй А. Помнікі старосветчыны і краеведы Вульскага с/с. Рафонскага району Полаччыны. – Наш край. Мінск, 1929. – Об асилках см.: Бараг Л.Г. "Асілкі" белорусских сказок и преданий. – В кн.: Русский фольклор. VIII. М.–Л., 1963, с. 29–40, откуда и заимствуются приведенные выше данные об асилках.*

⁶⁷ *Серпжутовский А.К. Сказки и рассказы белорусов-полешуков. СПб., 1911, № 5.*

⁶⁸ Ср. известные исследования А.Н. Веселовского "Уголок русского эпоса в саге о Тидреке Бернском" и "Русские и вельтины в саге о Тидреке Бернском". В широком контексте некоторых мотивов, так или иначе связываемых со Святогором (ср. слепота /через отца/, бросание камней и т.п.), соприкасаются с одной из всемирно распространенных мифологем о Циклопе, о чём см.: *Calame C. Mythe grec et structures narratives: le mythe des Cyclopes dans l'Odyssée. – Živa Antika 1976, god. XXVI, p. 311–328; Idem. La légende du cyclope dans le folklore européen et extra-européen: un jeu de transformations narratives. – Études de lettres 1977, Série III, t. 10, p. 45–79 и др.*

давние времена жил разбойник Голяга, по другим – Голяда. Обладал этой разбойник силою непомерною, на тридцать верст бросал свой топор. Возле селений того же уезда Свинуховой и Себельниковой указывали две горы Улитову и Мордасову. По преданию, на этих горах также жили два разбойника, два брата Голяди, и на тридцать верст перебрасывали они друг другу топор⁶⁹. Эти данные, заставляющие нас вспомнить о *Galindo*, богатыре из "Хроники" Симона Грунау, 1517, жившем на горе около Нидборка (согласно одному старому польскому преданию этот богатырь, сын Видевута, жил на Галиндской горе – *Góra Galindzka*) и о восточно-балтийских и белорусских богатырях, перебрасывавшихся камнями (в частности, и каменными топорами //) и иногда превращавшимися (превращенными) в камни (таков ряд этнографических легенд, объясняющих каменистый рельеф местности на балто-белорусском пограничье)⁷⁰, опять возвращает нас и к реконструируемому мотиву о каменея Святогора (→Святые горы; ср. также мотив бегства русских богатырей от все время удваивающегося количества противников в горы, где они за хвастовство – *Подавай нам силу не здешнюю, Мы и с тою силою справимся* – были обращены в камни), и к отдельным "каменным" деталям, реально засвидетельствованным в былинах Святогорова цикла. Из них особенно важны две детали – мотив бросания камней (Он поднялся на эту-то на щельгу на великану, | Каменьев кидать своим руками богатырским: | – Если поедет Самсон-то ведь Самойлович, | Я убью его камнями великима. Гильф. II, № 119) и характерный мотив бросания вверх палицы (булавы, в исходном локусе – каменою)⁷¹ иловли ее на лету. Ср.: Он мечет палку ту под облаки, | До земли не допускаючи, | На белы руки подхватываючи. Гильф. III, № 265; – Он едет в поле, спотешается. | Он бросает палицу булатную | Выше лесушку стоячего, | Ниже облаку ходячего, | Улетает эта палица, | Высоко да по поднебесью; | Когда палица да вниз спускается. | Он подхватывает да одной рукой. Пар.–Сойм. № 4⁷². В окаменевающем богатыре подчеркивается его принадлежность к прошлым временам и чужом локусу. Учитывая многочисленные примеры, когда само имя отсылает к теме чужого (иногда этнически конкретизированного), можно высказать предположение, что имя Святогор могло аналогичным образом пониматься балтоязычным населением. Ср. лит. *зве-*

⁶⁹ См.: Кашкаров В.М. К вопросу о древнейшем населении Калужской губ. – В кн.: Калужская Страна, т. 1, кн. 2. Калуга, 1901, с. 13. – К мотиву перебрасывания ср. отмеченный в Архангельской губ рассказ о трех братьях-великанах Кончаке, Колге и Жогже ("чужие"), которые перебрасывались на большом расстоянии котлом, будто легким мячиком – см.: Максимов С.В. Год на севере. 4-е изд. СПб., 1890, с. 97; Миллер В.Ф. О некоторых былинных именах. – Записки РГО по отдел. этнографии, т. 34 (Сб. в честь 70-летия Г.Н. Потанина). СПб., 1909, с. 251–252.

⁷⁰ Гора Голяды или *Góra Galindzka*, вероятно, и должны пониматься как образ оказавшегося Голяда-Галинда (ср. выше о соотношении *Святая гора* : *Святогор*). Это упражнение также входит в арсенал занятий асилков и ряда аналогичных им героев-великанов. Разумеется, речь идет еще об одном виде эпической похвальбы.

⁷² Впрочем, палица знает и более прямое употребление, описываемое стандартной формулой. Ср.: Святогор со своей да сильной палицей | Он начал помахивать в обе стороны: | Если ф правую махнет, так делат улицей; | А в леву, так переулками. Григ. III, № 46 (№ 350). Эта формула применяется к ратным подвигам и других былинных богатырей.

lŷs 'чужак', но и 'гость' (ср. *svēčias*), *svētimas* 'чужой', лтш. *svešs* 'чужой' и 'гость' и т.п. (ср. такие *composita*, как лит. *svetim/a/žalis* 'иноземец', 'чужестранец', *svetimäsalys* 'чужая страна', *svetim/a/tāutis* 'инородец', 'иноплеменник' и т.д.) в связи с возможностью трансформации *Святогор* → **Svet(a)* & **gar-*.

Иранские параллели к отдельным мотивам Святогорова цикла очень показательны, хотя они не всегда могут быть достаточно определенно локализованы в пространстве и во времени. Впрочем, некоторые из иранских параллелей к образу Святогора уже были указаны раньше. Так, М.Е. Халанский сопоставлял Святогора с противником осетинского солнечного героя Созырыко сыном Силы Мук(к)арой⁷³, именуемым "князем скайл". В самом деле, два мотива, относящихся к числу специфических, связывают осетинское предание с былинами о Святогоре. Речь идет о том, что Мук(к)ара сам ложится на дно моря, которое покрывается льдом и становится для великаны гробом (первый мотив), и что, умирая, Мук(к)ара дует на Созырыко, но последний остается в живых (второй мотив), забирает себе меч и жену Мук(к)ары (как известно, Святогор передает перед смертью свой меч Илье Муромцу, а жена Святогора проявляет склонность к его названному брату⁷⁴). Можно добавить, что в осетинском варианте есть также мотив дружбы Мук(к)ары с Созырыко (ср. дружбу Святогора с Ильей) и состязания. С отдельными мотивами Святогорова цикла перекликаются и некоторые другие кавказские версии. Так, к мотиву сумочки с земной тягой, из-за которой погиб Святогор, приводилась параллель, прикрепленная к образу Батраза⁷⁵ (впрочем, А.Н. Веселовский склонен был скептически относиться к этому сопоставлению, предполагая в этом случае книжное влияние, которое могло быть усвоено на Кавказе и на Руси независимым образом⁷⁶), а к мотиву отношений Ильи Муромца с женой Святогора – соответствующие эпизоды из ряда кавказских традиций (характерно имя героя пшавского сказания *Ростом /Ростомела* в имеретинском варианте/, отсылающее как к первоисточнику к образу Рустема /ср. "Шах-намэ"/, близость к которому Ильи Муромца уже давно не вызывает сомнений)⁷⁷; уместно напомнить и такие черты кавказских великанов,

⁷³ См.: Халанский М.Е. Великорусские былины киевского цикла. Варшава, 1886, с. 184–185; ср. также: Миллер В.Ф. Экскурсы в область русского народного эпоса, I–VIII. М., 1892, прилож. I, с. 5–13; Он же. Осетинские этюды. М., 1881, ч. 1, с. 21 и сл.; Дюмезиль Ж. Осетинский эпос и мифология. М., 1976, с. 82–83 (ср. комментарий к былинным стихам о Святогоре – *Не езжал он на Святую Русь, | Не носила его мать сырь-земля. . .*: "Не яснее ли ясного сказано, что Святогор – Не русский герой? И что это могут быть за "Святые горы" по соседству с Россией, если не Кавказ?", с. 82).

⁷⁴ На совести Ж. Дюмезия остается следующее утверждение: "В некоторых вариантах прибавляется, что Илья увел с собой жену великана" (Дюмезиль Ж. Указ. соч., с. 83).

⁷⁵ Характерно, что внутри осетинской мифо-эпической традиции Батраз как трансформация грозового божества соперничает с таким персонажем, как *Уацилла*, букв. – 'Святой Илья', также связанным с грозой (ср. *iacillatx*, название духов, собств. – 'Святые Ильи', собирает.). Как и Святогор (в реконструкции), он погибает в борьбе с небесными силами. См.: Dumézil G. Légendes sur les Nartes. Paris, 1930, p. 179–189.

⁷⁶ См.: Веселовский А.Н. Разыскания в области русского духовного стиха, вып. V. СПб., 1879, с. 42 и др.

⁷⁷ См.: Миллер В.Ф. Экскурсы... Прилож., с. 7–12 и др.; Он же. Очерки..., т. I, с. 382, 401–404.

как их нередкую слепоту (ср. темного отца Святогора) или обычай засовывать людей в карман или в сумку (ср. Святогора, сунувшего Илью Муромца себе в карман). Некоторые важные мотивы осетинских преданий не находят непосредственных соответствий в былинном цикле Святогора, но помогают уточнить общий контекст и в ряде случаев определить детали реконструируемой схемы мифа о Святогоре. В этом отношении показательны мотив рождения из камня героя, связанного с небесным огнем: помимо Митры (Мифры), рожденного из каменной скалы (ср. его эпитеты πετρογενῆς, φέδης ἐκ πέτρας или начало акrostиха Коммодиана *Invictus* /III в. н.э./: *Invictus de petra natus...*)⁷⁸ и породившего свет (ср.: *Mithrae gen/itoris/ lum/inis/*. CIL III, 4414 и обычные изображения Митры с факелом в руках и пламенем, соединяющим его уста со светильником), естественно в этой связи назвать осетинского Созырыко и его двойника Сослана⁷⁹, родившихся из камня (точнее – из семени пастуха, упавшего на камень)⁸⁰, имевших отношение к свету и солнцу и погибших от Небесного Колеса (ср. Колесо Барсага, Колесо Св. Иоанна /Крестителя/, фыд Иуана и т.п.). Наконец, в связи с темой Святогора и восточных параллелей иногда оказываются полезными и некоторые вторичные источники⁸¹. Общий контекст Святогорова цикла становится шире и дифференцированнее при учете иран-

⁷⁸ Ср. сцену рождения Митры, как она изображена на плите из Virinum: Митра выходит непосредственно из земли (рядом с ним лежащий речной бог). См.: *Cumont F. Textes et monuments relatifs aux mystères de Mithra. II. Bruxelles*, 1899, fig. 13, p. 112 и др.; ср. также: *Leroy C. A Mithraic Iconography and Ideology*. Leiden, 1968.

⁷⁹ Имя Сослана связано с обозначением жаркого времени года (ср. дигор. *sos-χn*, ирон. *sus-χn* 'зной'), соответственно – о месяце, совпадающем с июлем, – *sosseni mɛjx* и *susxny tɛj*). См.: *Дюмезиль Ж. Указ. соч.*, с. 114. Попав к черкесам (*Sæwvæsæq'uo*, где *-q'uo* – патронимический суффикс, восходящий к слову со значением 'сын'), это имя вернулось снова к осетинам в виде *Созырыко*, вызвав к жизни героя-дублера *Сослана*. Мотив жара (ср. также костер Батраза на горе) и света (ср. Митру) могли бы быть учтены в том случае, если бы удалось доказать, что *-гор* в русск. Святогор связано с гореть: *жар*. Учитывая формы типа *Святогор* (ср. *Световик* русской сказки и мотив похищения Змеем света), допустимо понимание имени героя былины как ориентирующегося на сочетание *свет & жар (гор)*. Разумеется, все эти соображения сугубо гипотетичны.

⁸⁰ Согласно сообщению Псевдо-Платона, Митра, желавший иметь сына, но ненавидевший женщин, также оставил семя на камне, из которого возник Диорфос, убитый впоследствии на поединке с Аресом и превращенный в гору на берегу Аракса ("De fluviorum et montium nominibus" XXXI, 4). Предполагают, что в данном случае речь может идти об архаической форме сказания о Созырыко.

⁸¹ Так, в одной сильно контаминированной смоленской сказке из сборника Добролюбского (схема, отмеченная в былине об Илье Муромце) Илья идет в Киев, где живет незрячий, но могучий богатырь Алькадим, знающий, что он должен быть убит Ильей и заказавший себе заранее гроб (на пути в Киев Илья видит людей, делающих для Алькадима домовину, ср. соответствующий мотив в связи со Святогором); можно отметить и мотив протягивающейся руки Алькадима, пожимающей (с целью умерщвления) руку Ильи; эта тема отчасти напоминает известный мотив гибели Дон Жуана, а отчасти отсылает к некоторым особенностям Вия (ср. хтонический тип ["Черная земля висела на них клоками... увидел он, что ведут какого-то приземистого, дюжего, косолапого человека. Весь был он в черной земле. Как жилистые, крепкие корни, выдавались его, засыпанные землею, ноги и руки. Тяжело ступал он, поминутно отступаясь" – "Вий"], глаза, закрытые веками, сквозь которые он ничего не видит, "подземный" голос, железное лицо и железный палец, установленный на Хому). К параллели Святогор – Алькадим см.: *Miller B.Ф. Очерки... т. I*, с. 377–378.

ских соответствий образу спутника Святогора Ильи Муромца (Рустем Рослан), которые здесь специально не рассматриваются, хотя они и отсылают к одной из наиболее убедительных эпических трансформаций основного мифа – сказании о Рустеме, рассматриваемом в другом месте.

В связи со Святогором русских былин можно предложить к рассмотрению и другие иранские данные, окончательная оценка которых – дело будущего. Одни из них имеют преимущественное отношение к содержанию былины о Святогоре, другие – к некоторым дополнительным возможностям истолкования формы имени *Святогор*. К первым следует, видимо, отнести образ Кересаспы – Красаспы (авест. *kərəsāspa-*, букв. – ‘тощеконный’; ср. также попытку связать имя с авест. *kəhrp-* ‘тело’), сына Триты (Фриты – авест. *Frīta-*, букв. – ‘Третий’), могучего героя, совершившего ряд подвигов, о которых рассказывается в “Авесте” (Yt. V, 38; XV, 28; XIX, 38–44; ср. Y IX, 11), а позже и в среднеiranских источниках (в частности, в поэме Фирдоуси, ср. *Karšāsp*, ср. *Sām* и н.-п. *gīšāsp*)⁸². Центральный рассказ о Красаспе включен в показательную мифологически-историософскую схему об этапах отпадения от истины, сопровождавшихся отлением *хварны*, благодати (Yt. XIX, 38–44). Характерно, что каждый из трех этапов так или иначе связан с персонажами, участвующими в разных версиях трансформации основного мифа. В первом случае это был Митра, во втором – ”мощный сын Атвии, мощный победитель героев Трайтаона, победоноснейший из людей, который убил змея Даахаку с тремя палями, с тремя головами, сильнейшего дьявольского друджа...” (Yt. XIX, 36–37; змей Даахака – *Aži-Dahāka*, естественно, соотносится со Змеем Огненным, в частности с его былинным вариантом – Змеем Горынычем), в третьем – ”мужественный Красаспа, мощнейший из сильных людей мужественной силой своей”, который убил змея Срвару, Гандарву, девять сыновей Патаны, сыновей Нивики, сыновей Даشتаяни и, наконец, Снайдку (*Snāvīdka*); ср. пехл. *Snāwītak darūč*, т.е. друдж Снавидка, Denkart V, 223, 21), великан с характерной внешностью, наказанного (нужно полагать – превращением в камень)⁸³ за свою похвальбу, чрезвычайно напоминающую Святогорову. Этот богатырь так думал о себе (*avāda vūāx-manyata*): *apārənāyu ah̄ti nōit pərənāyu; yezi bavāni pərənāyu. zqm čaxrəm kə-rənavāne, astanəm ra ðam kərənavāne* (43). – *avānayeni sprəntəm mainyūm hača raoxšānā garō ptmāna, uspatayeni ajrəm mainyūm ērgata hača dužajha. tē mē vā-šəm ðanjāvānte sprəntasča mainyuš ajrasča, yezi tqm nōit janāt naire. manā kərəsāspo* (44) “Мал я, еще не взрослый; если я стану взрослым, землю колесом сделаю (т.е. буду использовать ее в качестве колеса. – В.Т.), небо колесницей сделаю (43). – Добуду Спента Манью из сияющего дома хвалы

⁸² О нем см.: Christensen A. Les Kayanides København, 1932, p. 99 и след.; *Idem. Essai sur la démonologie iranienne*. København, 1941, p. 17 и след.; *Idem. Le premier chapitre du Vendidad et l'histoire primitive des tribus iraniennes*. København, 1943, p. 31 и след.; Nyberg H.S. La légende de Kārəsāspa. – In: Oriental Studies in Honour of Dasturji Saheb C.E. Pavry. Oxford, 1934; *Idem. Die Religionen des Alten Iran*. Leipzig, 1938, S. 307 и след.; Widengren G. Die Religionen Irans. Stuttgart, 1965, S. 23 и след., 330, 340 и след. и друг.

⁸³ Ср.: *uþ janāt snāvīdka m yim srvō. zanəm a s a n g ð. gāum*. Yt. XIX, 43 “который убил Снавидку, из порогатого племени, каменно рукоого” (ср.: “who killed leaden-jawed Snāvīdka, whose hands were of stone”, см.: Gershevitch I. The Avestan Hymn to Mithra with an Introduction. Cambridge. 1959, p. 36).

(т.е. сведу его из рая – *garō pñāna*), вытащу Ангра Манью из отвратительного ада. Оба они будут тащить мою колесницу – Спента Манью и Ангра, если меня не убьет мужественно-мысленный Красаспа (44)⁸⁴. Актуализированные в этом отрывке мотивы, по сути дела, развиваются тот же круг идей, что содержится в похвальбе Святогора и некоторых других ходах былин о нем. Как и Святогор, юный Снавидка одержим идеей нарушения мирового порядка, приспособления его для своей забавы – демонстрации удали и силы⁸⁵. В одном случае землю и небо предполагается использовать как место приложения опоры, рычага, чтобы перевернуть и смешать все, что есть; в другом случае земле и небу угрожает опасность потерять свой самостоятельный характер и стать частями колесницы (т.е. двумя колесами, ср. выше о солнце как Колесе Барсага, убившем Созырыко)⁸⁶, отданной во власть двух начал – доброго и злого, т.е. судьбы в тех двух противоположных ипостасях, которые она может принимать (ср. двух старцев или двух ангелов, работающих над домовиной-гробом для Святогора и выступающих как образы судьбы)⁸⁷. Гибель Снавидки от руки Красаспы, совер-

⁸⁴ Ср. окончание XIX, 44: *təm jāndt naire, tānō kərəsāspō ava apanət gaehe frasānət izfānāh...* "Его убил мужественно-мысленный Красаспа (перед тем, как он достиг) вершины жизни, на подъеме его жизненной силы".

⁸⁵ Существует точка зрения, согласно которой Снавидка – титан, осмелившийся бросить вызов небу, подобный Кай Каусу (*Kay Kāūs*) в среднеиранской легенде из "Денкарта" (IX), резюмирующей утраченную книгу сассанидской Авесты "*Sūd kar nask*", или братьям Оту и Эфайлту, задумавшим взобраться на небо. См.: *Christensen A. Les Kayanides*, p. 78; *Idem. Essai...*, p. 20.

⁸⁶ Эта тема колеса, введенная в космологические рамки, вообще характерна не только для нартовской традиции (ср.: *Албаров Б.А.* Легендарное колесо нартских скандинавий. – Изв. Северо-осетинского научно-исследоват. ин-та, т. 27. 1968, с. 142–180; *Клейн Л.С.* Легенда Геродота об азиатском происхождении скифов. – ВДИ 1974, № 4, и особенно: *Dumézil G. Légendes...*, Р., 190–199) но и для индо-иранской традиции в целом. Ср., например, мотив потери солнечным богом Сурьею во время состязаний колеса от своей колесницы (громовержец Индра похищает это колесо и убивает им демона; далее колесо возвращается к Сурье, и конь Эташа укрепляет его на колеснице). Эти примеры, как и данные о колесе из одной старой словацкой сказки, приведенной в свое время А.Н. Афанасьевым ("Весенний герой сказал: "обернемся лучше колесами и покатимся с горы: чье колесо будет разбито, тот и побежден!" Оборотились оба колесами и покатились с горы; колесо избавится налетело на своего противника и раздробило его". – *Афанасьев А.Н.* Поятические воззрения славян на природу, т. 1. М., 1865, с. 209), недавно были сопоставлены с не вполне ясным упоминанием у Анандавардханы /"Дхванялока"/ Вишну, разбивающего колеса (при этом Вишну, как солнечный бог держит диск-солнце). См.: *Иванов В.В.* Эстетическое наследие древней и Средневековой Индии. В кн.: Литература и культура Древней и Средневековой Индии. М., 1979, с. 34. Ср. роль "солнечного" колеса в русских ритуальных действиях, например, в "купальских", связанных именно с солнцем).

⁸⁷ Ср. дуальность белого–черного в характеристиках Громовержца в основном мифе, например, белые и черные одежды Перкунаса (см. *Balys J. Op. cit.* № 320, с. 167) или белые и черные кони Перконса у латышей; ср. также масть коня (белая – черная) Свентовита, существенная при гадании (т.е. узнавании судьбы), или, наконец, само противопоставление Белобога Чернобогу, реконструируемое для западных славян. Более сложно оформляется это противопоставление в былинах об Илье Муромце; ср. о его коне – *A как пряжочки были да з о л о ч е н ы я, | A как шпёнышки были булатныя, | A того-то белого булата заморского*. Марк. № 68 при том, что в описании пути господствуют отрицательно-темные характеристики – *A как перва-та застава – лёсы т е м н ы я, | A втора-то застава – грези ч е р н ы я...* Марк. № 68. Сам путь ведет к Черни-городу: *A как подъезжает к городу к Ч е р н и й-городу...*

шлющего подвиги, аналогичные тем, которые приписываются в русском былевом эпосе Илье Муромцу, в известном отношении бросает свет и на эпизод гибели Святогора. Хотя Илья Муромец нигде не выступает как непосредственная причина гибели Святогора, более или менее очевидно, что в этом эпизоде Илья Муромец не что иное как соперник Святогора в состязании, где проигравшего ожидает смерть. Поэтому соответствие Святогор – Снавидка выигрывает в доказательности, будучи введенным в более пространную схему: *Илья Муромец & Святогор – Красна & Снавидка*⁸⁸. Не исключено, что в рамках этой схемы обнаружатся и более частные параллели или объяснения отдельным деталям⁸⁹. Между прочим, иранское обозначение Святой горы – *Spənta-* & *garay-* (*gairi-*) в авестийском коде (из и.-евр. **Suent-* & **gor*), и это название стоит вне конкуренции среди аналогичных названий других индоевропейских языков в отношении близости (фактически – тождества) к русск. *Святые горы* (из **Svēt-* & **gor*).

Другие иранские данные могут оказаться интересными в связи с именем Святогора в первую очередь, а опосредованно – и в связи с некоторыми мотивами соответствующих русских былин. Здесь речь идет прежде всего о том вкладе в славянскую культурно-языковую традицию, который исходил от иранского мифологического образа Веретрагны (ср. авест. *Vərəθraγna-*, *vərəθragan*, -*yn*-, *vərəθraγnya*, *vərəθra*, восходящие к общим индо-иранским истокам, ср. вед. *Vṛtrahán-*, *-ghn*, *vṛtra* и т.п.). Два обстоятельства нуждаются в подчеркивании. Во-первых, индо-иранский персонаж, обозначаемый сложным именем, которое может обозначать сокрушителя вражды, устраниеля затора (препятствия), убийцу Вритры и т.п. в зависимости от толкования первого элемента слова⁹⁰, несмотря на известные различия между обеими традициями (вед. *Vṛtrahán-* – имя-эпитет Индры как убийцы демона Вритры, а авест. *Vərəθraγna-/Vṛθraγna-* – обозначение победоносного демона, отличающегося мужской силой, мощью

⁸⁸ Имя *Snāvīdka* обычно сопоставляется с младоавест. *snāvar* 'веревка', 'шнур', 'тетива', ср. *snāvara.hāzura* adj. 'имеющий веревку, шнур, петлю в качестве оружия' (о праше), см. *Bartholomae Chr. Altiranisches Wörterbuch*. Strassburg, 1904, S. 1930 (ср. также *snāuva* "aus einer *Tier/sehne gefertigt*"). Следовательно, *Snāvīdka* может пониматься как "пращевик", "метатель из пращи". В этой связи обращают на себя внимание до сих пор удовлетворительно не разъясненные гидронимы той части бассейна Днепра, где отмечены иранизмы типа *Снова* (*Сновь*), *Сновид*, *Сновит* (и целый ряд других названий на *Сно-*, *Сна-*, *Сне-*) и которая довольно точно совпадает с очерченным выше "локусом" Ильи Муромца (так, *Снова* впадает в Десну вблизи Чернигова). Не исключено отнесение этих названий к тому же элементу, что и имя *Snāvīdka*: ср. частные речные обозначения типа *Веревка*. В этом случае иранские и славянские факты оказываются однородными (ср. русск. *сновать* 'набирать основу ткани', 'мотать' и т.п., *снова* и др.) и едва ли отделимы от обозначения речного (водного) течения, струения как *переплесenia* струй, омывания (ср. др.-инд. *snāti*, авест. *snā* 'мыть', др.-греч. *νέω* из **gneud* и т.п.). Ср. также лтш. *snauia*, *snaujis* 'петля', др.-исл. *snúa* 'вертеть', 'мотать', 'плести' и т.д. Русские имена типа *Сновид*, откуда и фамилия, отмеченная уже в 1610 г., *Сновидов*, проще объясняются иначе.

⁸⁹ Ср. в связи с именем сына Ильи Муромца, связанного со своим отцом в особом сюжете (*Сокольник*, *Подсокольник*), птицу Варган (авест. *vārəgna-*, *vārən-gan-*, букв. – 'с око л'), в облике которой от Имы отлетает хварна (ср. Yt. XIX, 35–36, 38); см. ниже.

⁹⁰ См. подробнее: *Bonvist E., Renou L. Vṛtra et Vṛθragna. Etude de mythologie indo-iranienne*. Paris, 1934.

тела, крепостью рук, остротой зрения, ср. Yt. XIV, 29, где говорится о соответствующем даре, поднесенном Веретрагной Заратушtre), дает бесспорные основания для реконструкции противопоставления двух элементов — *vrtra*- (*vərəvra-*) и *Vrtra-han-* (*Vərəvra-γna-*), из которых первый является пассивным и, видимо (во всяком случае в своих источках), отрицательным началом, выступающим и в неодушевленном виде (препятствие, затор, козни, вражда и т.п.) и в персонифицированной илостаси (ср. ведийского демона Вритру), а второй элемент — активным, положительным (с известными оговорками, связанными с иранским материалом) и безусловно персонифицированным. Эта схема реализуется в древнеиндийской традиции в одном из самых ярких и бесспорных вариантов основного мифа — истории борьбы громовержца Индры с его противником демоном Вритрай, "лежавшим на горах" (иранские данные, хотя и со значительными сложностями и лакунами, также позволяют соотнести эту схему с фрагментами основного мифа). Следовательно, отклики славянской версии основного мифа, содержащиеся в Святогоровом цикле (Илья Муромец и Святогор, смерть последнего "на горах" и т.д.), имеют полное основание быть сопоставленными с более полной и, так сказать, "прямой" индо-иранской версией того же мифа. Во-вторых, славянские данные, так или иначе освещаемые иранским материалом, прежде всего образом Веретрагны, уже были предметом ряда исследований. Их результаты уместно здесь суммировать.

В свое время В. Махек показал, что в ряде славянских языков, образующих достаточно хорошо очерченный ареал, к которому иногда примыкают зоны заимствования, есть любопытные обозначения хищной птицы — сокола или других птиц из этой породы — сарыча, кречета, балабана (причем эти обозначения нередко относятся не просто к соколу, но к самому быстрому, жестокому, дикому), ср.: чеш. *raroš*, слвц. *rároh*, польск. *rarog*, в.-луж. *raroh*, укр. *páříz* (заимствование), словен. *rdrog*, *jdrog* и т.п.⁹¹, правдоподобно выводимые (и с этим согласились наиболее авторитетные из последующих исследователей) из иранского названия сокола — авест. *vārəngan-*, *vārəgan-*, *vāragna-* (ср. согд. *wṛṇ'k'* 'сокол' < **vārag-naka-*)⁹², являющегося одной из десяти инкарнаций Веретрагны (Yt. XIV). Учитывая этимологическую связь авест. *vāra-gna-*: *Vərə-θra-gna-* в обеих сопоставимых частях, естественно соотнести слав. **rarogъ* не только с ближайшим источником (*vāragna*), но и с обозначением демона. Показательно, что в ряде славянских примеров продолжения **rarogъ* также обозначают представи-

⁹¹ См.: Macheck V. Slav. *rarogъ* 'Würgfalke' und sein mythologischer Zusammenhang. — Linguistica Slovaca, III. Bratislava, 1941, S. 84 и след.; Macheck, с. 415; Якобсон Р. О. Роль лингвистических показаний в сравнительной морфологии. — В кн.: VII Международный Конгресс антропологических и этнографических наук, т. V. М., 1970, 615—617; Он же. Др.-арм. Вахагн в свете сравнительной мифологии. — Международный симпозиум по армянскому языкознанию. Тезисы докладов. Ереван, 1982, 126—130, из ранних этнографических работ ср.: Hajný A. Rarásek. — Věstník. Rozhledy historické, topografické, statistické, národopisné po okresním hetmanství Podebradském. 1898, № 2, 20—22.

⁹² Ср.: Stricker B.H. Varəgna, the Falcon. — IJL 1964, v. 7, p. 310—317; Humbach H. Methodologische Variationen zur arischen Religionsgeschichte. — In.: Antiquitates Indogermanicae. Innsbruck, 1974, S. 193 (авест. *vārəjan-*/*vārəγn-* < **vārəγn-*, букв. — 'убийца ягнят'). Ср. также согд. *wṛṇ'y* (= кит. *Yao*), хорезм. *wṛṇyuk*. Миц 5—6,5 (= араб. *zurraq* 'falco albus'), н.-перс. *gurinj* 'сокол' (ср. **wṛṇjan-*, пехл. *gwnc/grnc*).

телей мира злых духов. Ср., например, польск. *raróg* в таких значениях, как 'djabelec', 'dziw', 'dziwak', 'dziwoląg', 'cudak' (то же в укр. *párič*), слвц. *rároh* 'властелин злых духов', чеш. *rarach* 'злой дух', 'чорт', *rarášek*, 'дух, вызывающий ветер', 'домовой, являющийся в разных обличиях', 'метеор', *raráš*⁹³. Уже Коржинек в связи с анализом продолжений слов. **rarogъ* поставил вопрос о происхождении теофорного имени *Svarogъ* (между прочим, и *Stribogъ* [ср. как одну из ряда гипотез: **Vr̥dra-baya* > **Ptri-bogъ* > **Stri-bogъ*]), отраженного в др.-рус. *Сварогъ*, в имени божества балтийских славян **Svarožičъ* (*Zuarasici*, *Zuarasiz* латинских документов); возможно, сюда же относится и топоним *Tvarog*, в котором иногда предполагают табуистическую мену *S>T*. Р.О. Якобсон ранее пользовавшейся признанием этимологии этого имени (др.-сев. *svara* 'отвечать', гор. *swaran* '克莱сться', лат. *sermo*) предпочитает объяснение с помощью заимствования из того же *vāragna*⁹⁴.

К тому же источнику приурочивают и некоторые славянские "птицы" названия. На основании широкого мифологического контекста, в который входит *vāragna* как одно из воплощений Веретрагны (ср. такие мотивы, как: Трита помогает громовержцу Индре /*Vr̥trahán/* убить демона Врите; Трайтаона /*Thetaētaona/*, чье имя, как и имя Триты, соотнесено с понятием третьего, убивает дракона *Aži Dahāka*; т р е т ь и й брат (иногда он называется *Иван Третей* и т.п.), преданный своими братьями, убивает Огненного Змея и т.п.), было сделано предположение о связи имени Ворона Вороновича, который в русской сказке типа № 301 приносит живую воду и/или спасает т р е т ь е г о брата, вынося его из подземного царства на землю, с иранск. *vāragna-* (ср.: *vāragna* > **varayn-* > **varahn-* > **varan-*: **voron-*). Среднеиранские формы этого слова настолько близко стояли к слав. *vōron-*, что народно-поэтическое переосмысление не могло, видимо, не вступить в игру⁹⁵. Другое предположение, сделанное раньше, относилось к

⁹³ См.: *Korínek J.M.* К Čes. *rarach*, – Lfil. 1933, г. 60, с. 28–37. Вслед за П. Булатом (JФ 1925–1926, год. 5, с. 143) он обратил внимание на сокращенные формы типа чеш. *ras* 'злой дух' (ср. *jít, poslat k rasu*), отмеченные уже в XIV в. (ср.: *Duchco ras de Zacz*, 1399, гебаузовск. рукп.) и выводимые им из немецких источников. Чешские личные имена типа *Rach*, *Rase(k)* и т.п. выводятся из гипокористического сокращения *Rad(o)slav* и т.п. Тем не менее, в других случаях связь таких сокращенных форм с слав. **rarogъ* и через него с иранским источником весьма правдоподобна. Это относится, например, к злому иссушающему духу *Страх-Pax* (ср. в заговоре из Владимироской губ.:... на той на колоде, на той на дубовой, сидит *Страх-Pax*...: "Создай мне, *Страх-Pax*, семьдесят семь ветров, семьдесят семь вихорев, ... ветер суходушный, которые леса сушили, крошили темные леса, зеленые травы, быстрые реки; и так бы сушилась, крушилась обо мне..."), название которого подверглось ряду влияний (ср. дополнительную мифопоэтическую этимологизацию удвоенной формы – **rarog-* > *Страх-Pax*, влияние образа восточной сказочной птицы *Pox/Pok* и т.п.). См.: Иванов В.В., Топоров В.Н. Славянские языковые моделирующие системы. М., 1965, с. 140–142. С иранским корнем *vār-*, присутствующим в авест. *vāragna-*, связывают и другие обозначения злых духов, змея, приведений, домовых, страшниц, кошмаров. Ср. польск. *roszwarza* (из иран. **pati-vāra-*) или лит. *aitvaras* (из того же источника). См.: Трубачев О.Н. Из славянско-иранских лексических отношений. – Этимология 1965. М., 1967, с. 67–68.

⁹⁴ Jakobson R. While reading Vasmer's Dictionary. – In: Roman Jakobson. Selected Writings. II. The Hague-Paris, 1971, p. 640–641.

⁹⁵ См.: Toporov V.N. Parallels to the Ancient Indo-Iranian Social and Mythological Concepts. – In: Pratidānam. Indian, Iranian and Indo-European Studies, presented to F.B.J. Kuiper. The Hague-Paris, 1968, p. 108 и след.

объяснению лит. *vānagas* 'ястреб' (ср. лтш. *vanags*, прусск. *gertoanax* из **ger-tō-vanag-*) из того же иран. *vāragna-* (> **vanag-* как результат ассимиляции /r-n/ > n-p/ с последующим исчезновением второго *n*)⁹⁶ и соотнесенного с ним *Vərəðrayna*. И хотя возможности объяснения лит. *vānagas*, лтш. *vanags* из собственно балтийских источников не исчерпаны и в этом отношении еще предстоит работа, эвристическая ценность объяснения этих слов заимствованием из иранского весьма значительна.

В этом контексте могут быть предложены к рассмотрению некоторые другие примеры. Среди них названия двух русских сильно мифологизированных образов птицы (их источник нужно, видимо, искать в духовных стихах), которая, в частности, соотнесена и с горой, ср.: – *В о с т р о г о т птица вострепещется, а Фаор-от гора вся да восколыблеется* (Мезен. Арханг. Григ.); – *В о с т р о г о б р-от птица да всем птицам птица* (Там же)⁹⁷. Обращает на себя внимание нарочито анаграмматический контекст (*В о с т р о г о т пт... востреп... ор-от гор... в о с...*) и апелляция к сходным в звуковом отношении элементам (*Вострогор* → *вострый*, *гора* и т.п.). И то и другое отсылает к наиболее благоприятной ситуации, в которой вступают в игру потенции мифопоэтической этимологизации. Принимая во внимание, что многие другие названия чудесных птиц (в частности, в тех же апокрифических текстах) восходят к восточным (или греческим) источникам – ср. *Намыр-птицу*, *Ногай-птицу*, *Ногу*, *Стратим-птицу*, *Страфиль*, *птицу Pax* и т.п. –, можно предполагать, что и здесь, в случае названий *Вострогор*, *Вострогот*, помимо очевидных исконных элементов, удастся обнаружить, по крайней мере – как некий теневой индуцирующий образ "чужой" источник. В качестве такового могли бы быть предложены к обсуждению разные диалектные и временные варианты имени, соответствующего авест. *Vərəðrayna*, ср. условно: **Vərəðray-* > **Vortrog-* > **Vostrog-* > *Вострогор*, *Вострогот*. Кстати, первый элемент имени (*Востро-*), несомненно соотносимый с русск. *диал. вострый* 'скорый', 'быстрый', *востро* 'скоро', 'быстро', значение которых отсылает к семантической доминанте нередкого обозначения ястреба⁹⁸ как "быстролетающего" (ср. лат. *accipiter* < **aci-peter* /под влиянием *ac-cipere*/, др.-греч. ὄκυ-πέτης, букв. – "быстролетающий", др.-инд. *āśupdtván-* и т.п., ср. др.-инд. *āśi-*, авест. *āśi-* 'быстрый'). Если орел нередко выступает как птица Громовержца (или даже сам воплощенный гром, ср. *Гром-птица*), то ястреб может быть птицей демона бури, ее зооморфным воплощением. В этом отношении связь с образом и именем Веретрагны не только Вострогора-Вострогота (видимо, *г р о м о в о й* птицы: она – главная птица, во-первых, и от нее даже Фаор-гора колеблется), но и ястреба не должна вызывать особого удивления. Учитывая это обстоятельство, как и выведение балтийского названия ястреба *vanag-* из иран. *vāragna-*, стоит обратить внимание (нисколько не вдаваясь

⁹⁶ Macheck V. Op. cit. Это решение получило одобрение в статье: Трубачев О.Н. Указ. соч., с. 65–66.

⁹⁷ См.: Словарь русских народных говоров, вып. 5. Л., 1970, с. 149. Ср. *веретник*, сказочное существо, вампир – там же, вып. 4, с. 140 (: веретено и т.п.).

⁹⁸ В связи с разбиаемыми выше лексемами любопытно русское диалектное название ястреба – *борон* (Калужск.). Это же слово обозначает злого, жадного человека и используется в прозвищах (Курск.). См.: Словарь русских народных говоров. вып. 5, с. 111.

в анализ сложной проблемы о "подлинной" этимологии этого слова) на то, что естественные продолжения имени Веретрагны или довольно точно имитируют название ястреба или – во всяком случае – допускают ряд фонетических переходов, которые позволяют теоретически совместить продолжения исходного имени с русским названием ястреба. Ср. сугубо условные преобразования имени *Vərəðragna-*: *dr* > *sr* > *str*; *gn* > *γn* > *ɥn* > *n̥* > *mb*; *r* > *a*; *va-* > *ja-*, которые должны были бы привести к комплексу **(j)ast-ramb-*; **(j)astremb-*, очень близкому к реконструируемой праславянской форме **jastrebъ* (к анлауту *j* – ср. возможное влияние форм типа *jarog*, *jadšek* и т.п.). Со всей настоятельностью следует подчеркнуть, что излагаемая здесь схема не может и не должна считаться этимологическим объяснением слова для обозначения ястреба. Допускаемое здесь как "чистое исчисление", объяснение никак не опровергает традиционного выведения этимологии слова из двух отдельных элементов, хотя бы уже потому, что и при последнем объяснении остается, кажется, место для предположения о влиянии со стороны иранских названий мифологического персонажа (стоит указать на особую густоту мифопоэтических ассоциаций образа ястреба в славянской традиции). Следовательно, вышеупомянутая схема может претендовать лишь на указание того, каким образом происходит процесс мифопоэтического этимологического моделирования⁹⁹.

Анализ этого аспекта позволяет в заключение снова вернуться к имени Святогора. Попытки реконструировать более архаичные семантико-мифологические структуры образа Святогора привели к такой стадии в эволюции этого образа, которая характеризуется уже совсем другим локусом по сравнению с локусом былинного Святогора. Этот реконструированный "прото-Святогор" характеризуется сложным сочетанием "положительных" и "отрицательных" черт (подобно Веретрагне, соединяющему в себе черты противопоставленных друг другу персонажей основного мифа), и связь его имени с мотивом Святых гор становится в высшей степени гадательной. В этих условиях должно обратить на себя внимание отношение, по сути дела, абсолютной анаграмматичности между (*S/ventogor-* и *Vərəðragna-*, которое также может стать объектом дальнейших истолкований, как и близость этих имен к уже упоминавшимся *Вострогор*, *Вострогот*¹⁰⁰). Органичность взаимосвязанных культурно-языковых традиций способствует выработке столь разнообразных форм-результатов этих контактов, что поиск

⁹⁹ В таком же плане можно высказать предположение, что имя осетинского грозового персонажа *Batraz*, *Batrəz*, *Batyrəz*, объясняемое В.И. Абаевым из монгольского источника как "богатырь асский (аланский)" – **batyr-as* (см. Абаев I, с. 240–241), в какой-то период могло войти в отношение потенциального контакта (индукции) с осетинскими продолжениями иран. *Vərəðragna* (ср. авест. *Vərəðra-γan-* 'опрокидывающий препятствие' и т.п.), напр.: *Vərəðraγan-* > **Vatra(d)z-* и т.п. Ср. *‘Aṛtāγuṇī* в известной надписи Антиоха Коммагенского (I в. до н.э.), где этому персонажу в соединении в некое целое с Гераклом и Аресом возносится хвала (как и Зевсу – Оромаздесу и Аполлону – Митре – Гелиосу – Гермесу), или ОРФАГННС на индо-скифских монетах (см. Konov S. Kharosthi Inscriptions, 1929, р. XLV: Gondopharnes). Ср. *‘Aṛtāγuṇī*: *Batraz* (к рефлексу *vərəðra-* ср. осет. *uart* 'щит'). Уместно отметить, что Батраз связан с ястребом: когда сын Силы Мук(к)ара стал требовать у Нартов выдачи девиц, Сатана посыпает Батразу, восседающему на горе, ястреба с тем, чтобы он передал ему эту весть.

¹⁰⁰ Ср., например: *Vərəðragna-* > **Ventrog-* (*r-r* > *n-r*) > **Sventogor-* (*r-g* > *γ-r*).

единственного решения не только не может, но и не должен быть успешным; при этом сам поиск в данном случае не может развиваться на стандартных путях, где все объяснения так или иначе ориентируются на регулярные соответствия. Не только в силу необходимости, но и принципиально результаты исследований такого рода должны описываться не в виде жестких заключений-тезисов, но как указание некоей флюктуирующей совокупности культурно-языковых вероятностей, причем некоторые из них остаются нереализованными в данной традиции – в данное время и в данном ареале. Именно в этом плане нужно помнить и тот круг соображений, который приведен в этой статье в связи со Святогором¹⁰¹.

П р и м е ч а н и е. – Загадочность образа Святогора продолжает привлекать к себе внимание исследователей и в наше время. Попытка ее объяснить или свести к минимуму нередко приводят к о ш и б о ч н ы м выводам (см. Смолицкий В.Г. Былина о Святогоре. – В кн.: Славянский фольклор. М., 1972, 71–81, где утверждается хронологическая и логическая вторичность Святогора по отношению к Илье Муромцу; зато представляют инте-

¹⁰¹ Если говорить о еще более обширном культурном и ареальном фоне, учет которого небесполезен в связи с темой Святогора и соприродных ему мифологических персонажей, то здесь в первую очередь внимание концентрируется на трех арсалах, охватывающих Восточную Европу с юго-запада – Карпаты, Балканы, Малая Азия. Точки соприкосновения с темой Святогора можно обозначить лишь кратчайшим образом. К а р п а т с к и й ареал существует собственными преданиями о каменных богатырях (ср. гоголевские мотивы – вариации, приуроченные к Карпатам в "Страшной мести": Криван, конный всадник на вершине, наказание: "и доныне стоит на Карпатах на коне дивный рыцарь... и чувствует, как лежащий под землею мертвец растет, гложет в страшных муках свои кости и страшно трясет всю землю...") и реминисценциями Карпат в русском былевом эпосе: *A из города было из Крякова, из того села Карабаева, А выезжал тут удалий добрый молодец, | Петре Петрович королевский сын. Гильф. II, № 182* (см.: Миллер В.Ф. Очерки..., т. I, с. 387, 400–401; т. II, с. 306; в Гильф. III, № 265 Петр – крестный сын Ильи); интересно, что к Крякову приурочены Илья Муромец и Соловей-разбойник, обычные антагонисты основного мифа, который имеет и более глубокую и разработанную привязку к Krakowu в польских легендах о Krakе и в названиях ландшафтных объектов (см. Иванов В.В., Топоров В.Н. Мифологические географические названия как источник для реконструкции этногенеза и древнейшей истории славян. – В сб.: Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев. М., 1976, с. 123–125). На Б а л к а н с к о м ареале в связи с темой Святогора заслуживает особого внимания фракийский мифологизированный герой Залмоксис (ср. его добровольное схождение в подземный покой – каменный гроб, мотив жизненной силы и особенно мотив подбрасывания противника вверх и ловли его на копья; ср. также выпускание стрел в небо при Святогоровом желании "переведаться" с небесной силой; ср. метание стрел в небо с целью убить небожителей в комментарии к рассказу о строительстве Вавилонской башни /"Бытие" XI, 6/ в Талмуде). В М а л о й А з и и с указанной точки зрения наиболее интересен образ хурритского по происхождению мифологического богатыря Улликумми, сына Женщины – Скалы и бога Кумарби. Его эпитет Кункунуцци (собственно, *kunkunuz(z)i*- обозначает вид *к а м н я*), возможно, представляет собой удвоение хеттского корня *çep-* 'убивать' (Каменный убийца?). Ср. также мотив соития Кумарби со скалой в связи со сходным трансформированным мотивом нартовского эпоса (ср. "Песнь об Улликумми", о его зачатии). Все эти схождения тем поучительнее, что Кумарби задумал породить соперника Богу Грозы и, следовательно, сам этот сюжет так или иначе возвращает нас к проблематике основного мифа (ср. Илья Муромец – Святогор : Бог Грозы – Кункунуцци).

рес дополнительные параллели, правда, недостаточно проинтерпретированные, к мотиву встречи богатыря со сверх-богатырем: Тор и Скрюмир из "Младшей Эдды", Амирани и Амбри из грузинского героического эпоса, Медведович и Усач в сказке из сборника Вука Караджича /ср. Усыня русских сказок/ и др.) или к выводам слишком общего характера, которые не могут быть подтверждены имеющимся материалом (ср.: *Dumézil G. Mythe et épope. Paris, 1968, 625–628*, где в духе теории трех социальных функций Святогор трактуется как носитель силы- власти и в этом своем качестве противопоставляется Волху-Вольге, связанному с магической функцией, и Микule Селяниновичу, представляющему хозяйственную функцию).

После того как рукопись настоящей статьи была сдана в издательство, появилась новая интересная работа о Святогоре – статья Д.М. Балашова "Из истории былинного эпоса. Святогор" (Русский фольклор. Л., 1981, т. XX, 10–21, ср. отклик на нее: *Азбелев С.Н. Историзм былин и специфика фольклора* Л., 1982, 14–15). В этой статье особенно существенны три момента: справедливая критика точки зрения В.Г. Смолицкого на "вторичность" Святогора, приурочение этого былинного персонажа в своих источниках к праславянской эпохе в ее карпатско-подунавском локусе и ссылка на известный южнославянский сюжет о Марке Королевиче и земной тяге, который, видимо, следует рассматривать как независимое отражение единого праславянского источника. Соглашаясь в целом с Д.М. Балашовым, уместно, тем не менее, сделать одно замечание, представляющееся немаловажным. Праславянский компонент в образе Святогора несомненен (более того, можно поставить вопрос о поисках более древнего источника – индоевропейского или чужого, ставшего известным благодаря заимствованию). В таком случае и время и место, когда и где бытовала схема сюжета о Святогоре, действительно, определимы с большей или меньшей точностью (в частности, о связях с Карпатами см. в настоящей статье). Но это заключение частично и относительно при всей его ценности. И до этого и особенно после этого, по мере распространения славян из их прадороги, схема мифа о Святогоре не раз актуализировалась – как в связи с соответствующими условиями (контакт своего с чужим, определенные ландшафтные условия и т.д.), так и в связи с усваиваемыми извне влияниями, оживлявшими и трансформировавшими старую схему. Разумеется, что те сверхусилия, которые отмечали основные этапы в развитии славянского этноса (Д.М. Балашов разделяет теорию "пассионарных" взрывов Л.Н. Гумилева), также способствовали преобразованиям структуры схемы мифа о Святогоре и особенно ее интерпретации. Вместе с тем есть смысл говорить о *правах* на мифе о Святогоре не вообще, а с большей конкретностью и строгостью. Но такое право можно обрести лишь при одном условии – *реконструкции* (хотя бы частичной) этого мифа, выполненной по тем правилам, которые общеприняты в сравнительно-историческом языкоизнании (они применимы к восстановлению реальной формы текста о Святогоре) и в той или иной степени утверждаются – с соответствующим ослаблением и размыванием – в широкой сфере реконструкции фактов духовной культуры в гуманитарных науках историко-филологического цикла. Пока такой реконструкции праславянского текста о Святогоре нет, и о нем можно судить лишь очень приблизительно на основании сопоставления

русских былин о Святогоре и уникального южнославянского текста из Македонии о Марке Королевиче, погубившем свою силу; исследованного в свое время М. Дриновым. Оставляя на будущее реконструкцию праславянского мифа о Святогоре, целесообразно указать основные мотивные параллели из текста, полученного от уроженца г. Ресена в южной части Вардарской Македонии (предполагается, что текст подвергся авторской правке) и обычно озаглавливаемого как "Крали Марко загубва силата си" (далее цитаты по изданиям: Българско народно творчество в двадцатом тома, т. 1. София, 1961, 413–420, ср. также Б. Ангелов и М. Арнаудов. История на българската литература, т. 1. Българска народна поэзия. София, 1921, 187–190; Ц. Романска. Българско народно поетично творчество. София, 1964, 88–93 и др.; русский перевод А. Ревича см. в кн.: Песни южных славян. Под ред. Ю.И. Смирнова. М., 1976, 202–208). Ср. лишь некоторые параллели к хорошо известным мотивам русских былин о Святогоре (Марко Королевич в цитируемом тексте изофункционален ему): *п е р и ф е р и я: Шетба шета Марко Прилепчанин, | шетба шета по земя-краина* (8–9); *Шета Марко земя-по краина, | а земя е тъжна пустеля* (47–48); *Ево шетам земя-по краина* (57); *ази шетам земя-по краина* (155); ср. ... да ми ходиш... | по пустата земя-по краина (150); — камни, скалы, горы: *от планина скачана планина... | а зад него дъждой от камъне* (131–133); *планините трещат, се прекършават* (108); *ми прияхнал коня шареного, | ...дебелаго, коня къриши горо* (12) и др.; — сопряжение земли: *Кога гледа кутра черна земя, | кай ми ечи, како лист се тресе* (116–117); — избыток силы, отсутствие достойного соперника: *дур ми спотнал от велика сила, | а не знае от нея що да стори, | защо нема юнак спроти себе* (40–42), ср. 65; като тебе юнак не си видох, | ни е било, нито пак ке биде (71–72); — хвастливый възможен в отношении неба и земли: *Бог да бие Марко Прилепчанец, | що ми рече дума неразумна, | що си стори пуста будалина, | та погуби своя юнацина!* | ... да ми слезе Господ от небето, | и со него на майдан излявам, | край да има майка черна земя, | седна ръка нея не подкренам! (73–83), см. 231–233 (в связи с темой поединка с Богом); — земная тяга, сумма переметная: *Тогай слезе горе от небеси, | се пристори юден стари дедо, | та си зеде торба малечкова, | и со земя торба я напълни | ... и се стори торба по тежина | колко съта майка черна земя* (121–127, ср. выше мотив дзядули-Гасподзя из белорусской сказки, где герой (Илья) хвастается, что может достать с земли до неба и наоборот); *ази шетам... | со оваа траба малечкова | току ми е тежка и преглежка, | та не мога торба да подкренам.* | *Ти си молам, незнани делио, | подкрени ми торба малечкова | да я дигна, на гръб да я носа* (155–161) и далее — с развернутым описанием попытка поднять торбу); — и е удача в поднятии сумы, надрыв, погружение в землю: *а торба то още не мръднува. | ... та ми хвати торба со две ръце, | со все сила креват на угоре, | а со нозе тонит во кремени.* | *Кървав пот му капе от лицето, | пусти очи му се изпулиле, | ке м'изпръснат очи от глобои.* | *От що си е зъби притиснало, | уста му се с кърви напълнила, | тога едвай торба помръднала* (195–205), — *Ой те тебе, Марко, мой стопане, | ми прекърши сите конски кости, | ми изкина моите яки жили, | ми погуби съта*

моя сила (182–185); *Ми потънал коня до колена, | а торбата не се помръднала* (188–189), ср. раньше к мотиву белой пены и алои крови: *бела пена с кръв и размесена*, 138); *Изплюскаха коски юнакови, | му се скриша нещо во сърцето | и се стресе Марко Кралевике, | се изпуши торба на земята. | Кога гляда, с нозе ми потънал | во каменот дори до колена* (209–214). Только эта неудача заставляет Марка отказаться от поединка с Господом – *Сполай Богу за чудо големо! | Що съм било лудо, неразумно! | Коа не можа торба да подкrena, | как ке можа мегдан да излеза | со Господа вишни от небеси?* (229–233).

Уже эти мотивы дают основание судить о ядре прототекста о Святогоре (некоторые отличные от русских текстов блоки все-таки возвращают к знакомым в связи со Святогором мотивам, ср. его женитьбу: *Ta се врати во Прилепа града, | тамо се е младо оженило*, 260–261; охрану границ своей земли: *останало кралство да си държи, | да си варди земя-покраина*, 262–263 и др.) и даже о его связи с основным мифом (сравнение двух изоморфных пар Илья Муромец – Святогор и Господь – Марко Королевич, где вторые члены в реконструкции восходят к единому источнику; приводит на некоем горизонте реконструкции к отождествлению Ильи с Господом, причем оба они помещаются на небе, как и Громовержец, трансформом которого выступает Илья, ср. неслучайную связь Тора с сверх-силачом или сходство в мотиве "дефективности" ног: безногий, собственно одноногий противник Громовержца, повреждение ноги во время поединка Марко /и ми клоща торба малечкава | со все сила со десната нога | Десна нога него го заболе, 192–194, ср. о ноге Марка: Български народни песни, собрани од братя Миладинорци. Загреб, 1861, 528; здесь же о других следах этого же сюжета – *Марков камень, Марково седалище, Марко крале* – в преданиях/, хромота библейского Иакова в результате борьбы с Богом и т.п.). Существенны и некоторые детали из сакральной географии (заиграло оно Чертено море и с него убаво Бело море, 105–106, ср. черна земя, 127, 224 при бели друмове, 140, 253 и т.п.).

•

В.Н. ЧЕКМАН

ОБ ИНТЕРПРЕТАЦИИ МОДЕЛЕЙ РОДСТВА ЯЗЫКОВ В СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ

Общей целью исследований по сравнительно-историческому языкознанию является доказательство родства языков и описание характера взаимоотношений родственных языков. Как и любая другая наука, сравнительно-историческое языкознание представляет собой модель определенных явлений объективной действительности. Познавательная ценность этой модели находится в прямой зависимости от того, насколько понятия, лежащие в ее основе, адекватно отражают свойства реального мира. Овладение методами сравнительно-исторических исследований и практическое их использование не требует обязательного понимания этих фундаментальных вопросов, однако без их осмыслиения невозможно в полной мере понять специфику данной науки, очертиров пределы ее возможностей и определить познавательную ценность сведений, получаемых ее методами.

К сожалению, такого рода вопросы обычно обходятся в работах по теории сравнительно-исторического языкознания. В то же время нельзя утверждать, что они никого не интересуют, поскольку существует достаточно устойчивая традиция их устного обсуждения. Не исключено поэтому, что рассуждения, излагаемые в этой статье, будут восприняты многими специалистами по сравнительно-историческому языкознанию как совершенно банальные, "и так понятные". Раздумывая над ними в течение довольно длительного времени (причем нередко эти раздумья были связаны со скептическими замечаниями языковедов-синхронистов об умозрительном характере многих положений сравнительно-исторического языкознания, связанных с интерпретацией его данных), мы пришли к выводу, что только объективный анализ основных понятий этой науки позволит наметить как границы оправданного скептицизма, так и границы неоправданного оптимизма по отношению к ее возможностям. Кроме того, такой анализ может оказаться полезным для представителей смежных наук (истории, археологии, антропологии, этнографии), занимающихся изучением комплекса аналогичных проблем.

1. Представления о возможности родства языков сформировались, видимо, на основе библейских легенд о родстве определенных групп народов; античному миру эти идеи были чужды. К эпохе Возрождения многие языки были зафиксированы в письменном виде; это облегчало их сопоставление, и идея родства языков начинает свое самостоятельное существование. Отныне языки сравниваются по различным признакам как самостоятельные объекты, без обязательного соотнесения с проблемой родства народов — носителей этих языков. Постановка задачи четко показать, как бы мы сейчас сказали, на уровне модели, чем же близки интуитивно похожие языки (например, германские или романские), привела сначала к поиску и сопоставлению подобных слов, а затем к констатации того замечательного факта, что одни и те же звуки одного языка могут регулярно соответствовать определенным звукам или сочетаниям звуков другого.

На первый взгляд регулярные фонетические соответствия представляются как бы формальным признаком родства языков. Однако невозможность составить алгоритм сопоставления двух языков с целью обнаружить такого рода соответствия между ними наглядно показывает его псевдоформальность. Действительно, регулярные фонетические соответствия возможны только между родственными словами; родственные же слова не характеризуются какими-либо определенными признаками (фонетическими или семантическими), а являются родственными потому, что восходят к какому-то общему источнику (праслову). В конечном итоге и языки являются родственными потому, что они восходят к общему праязыку, и регулярные фонетические соответствия возможны только между языками, имеющими общего предка.

В общем, выражения "родственные языки", "языки, имеющие общего предка", и "наличие регулярных фонетических соответствий между языками" являются практически синонимами и определяются одно через другое; использование любого из них означает введение в неявном виде идеи "распада (пра) языка" или "процесса (результата) образования семьи родственных языков", относящихся к числу наиболее глубоких понятий сравнительно-исторического языкознания.

Теперь легко показать, что оценка познавательных возможностей сравнительно-исторического языкоznания связана с интерпретацией этого понятия, точнее, с отношением к самой идее такой интерпретации.

Прежде всего, возможно замкнуться в кругу перечисленных выше понятий. Ведь модель определенных явлений действительности, называемая "родственными отношениями языков", основана на понятиях, которые так или иначе соотносятся с объективными и наблюдаемыми фактами (интуитивным подобием одних языков и несходством других). Теперь исследователя может интересовать только соблюдение определенных правил "игры" (конкретных исследований), причем сам выбор правил может быть вполне произвольным; цель таких исследований будет иметь внутренний, имманентный по отношению к наблюдаемым языковым фактам характер. Практически это означает, что любое исследование, выполняемое лингвистом, будет принципиально целью этого исследования.

Сразу же следует оговорить, что ни один лингвист-диахронист не формулировал такого отношения к своей науке в явном виде и никто, видимо, последовательно не придерживался его в своей исследовательской практике. Если же их в этом упрекают представители смежных областей языкоznания и других наук, то здесь налицо или недоразумение (любое исследование в любой развитой науке может быть направлено на решение довольно узкой проблемы), или же просто нежелание диахронистов тратить время на указание дальних целей своего исследования.

Вместе с тем следует иметь в виду, что теоретически возможный отказ от внешней, не собственно языковой интерпретации основных понятий сравнительно-исторического языкоznания был бы принципиально ошибочным. Ссылка на математику была бы здесь некорректна. Конечно, "чистые" математики могут с гордостью утверждать, что они "делают математику ради математики", но ведь большинство представителей этой науки прекрасно понимает, что в основе сложных математических представлений лежат наглядные, довольно прозрачно соотносимые с опытными данными истины. Очевидно, математические преобразования достаточно точно отражают количественные и пространственные свойства нашего мира, и превращение математики в объект исследования (т.е. изучение свойств математических моделей) вовсе не означает разрыва с опытом, а представляет собой дальнейшее познание непосредственно не наблюдавших (или еще не открытых) свойств объективной действительности. Вообще говоря, декларативный отказ от интерпретации может позволить себе наука, основные понятия которой адекватно отражают самые существенные свойства объектов реального мира. Сравнительно-историческое языкоznание не относится к числу таких наук, поскольку ее исходные понятия иным образом соотносятся с явлениями, которые они в явном или неявном виде описывают.

Очевидно, "распад (пра) языка" или "образование семьи родственных языков" – это метафоры с весьма расплывчатым содержанием, т.е. это способ обозначения каких-то реальных процессов. Ими могут быть только процессы энтомогенетические, поскольку язык в своей основной, устной, форме не существует вне его носителей. Это несомненный трюизм, но он позволяет с предельной наглядностью показать, что модели родственных отношений языков в сравнительно-историческом языкоznании, говоря в общем, отражают этно-

генетические процессы, т.е. представляют собой один из способов описания этногенетических процессов.

Такая интерпретация этих моделей тем более естественна, что язык считается самым существенным, а при отсутствии иных сведений, единственным признаком отдельного этноса. Все это позволяет с полным основанием утверждать, что практическое приложение (или внешняя интерпретация) данных сравнительно-исторического языкоznания состоит в их использовании в теории этногенеза; что теория этногенеза в принципе представляет собой историю языка—народа, а во многих случаях — просто историю языка (или группы языков).

Если бы образование родственных языков во всех случаях однозначно соотносилось с какой-либо определенной разновидностью этногенетического процесса (или их комплексом), то интерпретация соответствующих моделей сравнительно-исторического языкоznания была бы задачей простой, относилась бы к числу прописных истин этой науки и данная статья была бы написана лет сто тому назад. Но именно возможность неоднозначной интерпретации этих моделей во многом обуславливает специфику проблематики сравнительно-исторического языкоznания и в какой-то мере — историю его развития. Рассмотрим эти вопросы несколько подробней.

2. Чаще всего "распад (пра)языка" обусловлен дроблением этноса и расселением его группировок на больших территориях. В таких случаях модели образования родственных языков интуитивно кажутся параллельными реальным этногенетическим процессам. Эти интуитивные представления и позволяют говорить о родстве древних индоевропейских, финно-угорских, современных тюркских, славянских и др. народов (а не просто языков). Аналогичным образом модели сравнительно-исторического языкоznания трактуются и в тех случаях, когда история формирования этноса восстанавливается только по данным языка.

Представление о дроблении этноса как о реальном процессе, обусловливающем "распад (пра)языка", лучше всего соотносится с лингвистической моделью образования родственных языков, известной под названием родословного древа. Хотя эту модель принято критиковать за излишнюю упрощенность и прямолинейность, ее никто не отбрасывает совершенно, более того, обычно она и составляет неявную основу рассуждений о механизмах образования родственных языков. На наш взгляд, убедительной ее делает кажущаяся естественной согласованность с самым естественным способом образования родственных этносов, хотя об этом и не говорится.

Но об однозначном соответствии явлений, описываемых теорией родословного древа, и реальным процессом дробления этноса говорить нельзя, потому что этнос может распасться, а родственные языки — не возникнуть. Это происходит в тех случаях, когда отколовшаяся часть этноса просто переходит на другой язык (как, например, переселенцы из Европы в Америке). Таким образом, распад этноса создает предпосылки для распада языка, но эти явления не связаны жесткими причинно-следственными отношениями.

Последовательная трактовка понятия "родство языков" как "родство языков—этносов" не является верной еще и потому, что во многих случаях язык распространяется вследствие приобщения к нему населения подвластных или завоеванных народов. Так, жители Рима и его окрестностей состав-

ляли, безусловно, меньшинство среди населения провинций; со временем они растворились в чуждой этнической среде, передав свой язык уцелевшему от истребления автохтонному населению в Иберии, Галлии и на Балканах. Имеет ли смысл в данном случае говорить о распаде латинского этноса? Вряд ли. А простонародная латынь в устах автохтонов неизбежно модифицировалась под влиянием их родных языков, и единый язык распадался, давая зачатки так называемым романским языкам. В качестве хронологически более молодого примера распадения языка без дробления этноса можно привести историю формирования "польщизны крэсовой", или польского периферийного диалекта, распространявшегося в Литве, Белоруссии и на Украине.

По нашему мнению, этот способ образования родственных языков хорошо описывается моделью, известной в сравнительно-историческом языкознании под названием "теории волн". Противопоставлять ее теории родословного древа, видимо, нет смысла, поскольку каждая из названных моделей, обуславливающих образование семьи родственных языков, соотносится с разными реальными процессами. От этого, конечно, отвлекаются, когда сопоставляют их как собственно лингвистические модели. Основания для такого подхода имеются, поскольку по данным языка невозможно установить, каким именно был реальный механизм его возникновения. В общем, лингвистические модели образования родственных языков не могут однозначно интерпретироваться в теории этногенеза, и хотя факт родства языков обязательно свидетельствует об этническом взаимодействии, характер этого взаимодействия невозможно определить по данным языка.

Эти утверждения можно конкретизировать и значительно усилить, если рассмотреть лингвистическую природу терминов "распад (пра)языка" и "образование семьи родственных языков".

Указанные понятия складываются на основе изучения языковых изменений — фонетических переходов, трансформаций морфем, преобразований в семантике слов и строении фраз. Фонетические изменения (пока непонятно, почему) имеют регулярный характер; в результате этого возникают регулярные фонетические соответствия между языками, существование которых свидетельствует об их родстве. Построенная на основе таких данных лингвистическая модель родства языков так или иначе соотносится с реальными процессами этнических взаимодействий. Но отсутствие не только органических, но даже просто непосредственных связей между этногенетическими и культурно-историческими процессами, с одной стороны, и конкретными языковыми изменениями, — с другой, совершенно очевидно. Прежде всего, в рамках сравнительно-исторического языкознания невозможно установить, сколько и каких изменений достаточно, чтобы констатировать факт распада (пра)языка, поскольку само понятие "язык" является не собственно лингвистическим, а социолингвистическим. Зафиксировав те или иные изменения, мы можем говорить только о дроблении этнолингвистического ареала, но определить, насколько далеко оно зашло и связано ли оно с дроблением этноса, у нас возможности нет.

Далее, если языковое родство несомненно свидетельствует об этническом взаимодействии носителей родственных языков, то любое отдельно взятое изменение само по себе уже не может быть свидетельством такого

взаимодействия. В первую очередь это касается фонетических изменений, в чем и состоит парадоксальность ситуации — ведь именно регулярные фонетические изменения считаются пока единственным надежным показателем родства языков.

Как известно, в теории языкоznания существует два противоположных подхода к объяснению причин языковых изменений, особенно четко сформулированные по отношению к фонетическим изменениям. Согласно более распространенному из них, эти причины кроются в особенностях структуры языков, т.е. они обусловлены внутренними, имманентными факторами. Принятие этой точки зрения связано, по нашему мнению, со значительными натяжками и приводит к значительному снижению познавательной ценности сравнительно-исторического языкоznания в целом. Натяжки обусловлены неявным разрешением при доказательстве отдельных положений пользоваться аргументами, доказательная ценность которых неясна или не может быть выяснена вообще, и приданием статуса объяснения описаниям механизмов изменения; это особые вопросы, непосредственно не связанные с темой наших рассуждений.

Снижение же познавательной ценности положений сравнительно-исторического языкоznания обусловлено тем, что идея имманентности причин изменений приводит к замыканию языкоznания на самом себе. Ведь, принимая эту идею, мы, по существу, отказываем моделям родственных взаимоотношений языков быть моделями — пусть даже очень и очень несовершенными и опосредствованными — реальных этногенетических и культурно-исторических процессов. Действительно, если основное явление, на основании которого строится модель родства языков, — языковое (и в первую очередь, фонетическое) изменение — обусловлено только внутренними причинами, то данная модель в принципе не может отражать ничего кроме закономерностей внутренних перестроек (фонетической) структуры языка. Следовательно, у сравнительно-исторического языкоznания нет иного приложения, кроме сферы языка, и иной действительности, кроме языковой, в которой бы могли интерпретироваться его построения.

Вспомним теперь, что такую трактовку моделей сравнительно-исторического языкоznания мы признали необоснованной с общенаучной точки зрения. По этим причинам более перспективной кажется ориентация на объяснение причин изменений внешними факторами. Скорее всего, языку незачем изменяться во всем, что касается формы его выражения; он возник как средство общения, с этой целью и существует, и превращение его в средство разобщения людей вследствие исторических изменений, которым подвержен каждый язык, должно считаться результатом действия помех в каналах его передачи от поколения к поколению. Эти помехи вызываются взаимодействием языков (диалектов, говоров), а само взаимодействие языков обусловлено или этническими, или культурно-политическими влияниями и взаимовлияниями.

Но если бы характер фонетических изменений определялся бы непосредственно особенностями строения взаимодействующих языков, то рано или поздно каждое изменение стало бы неповторимым, а в фонетике каждого языка стало бы больше своеобразного, чем сходного. В действительности же изменения повторяются в совершенно разных языках и на разных территориях, и типологические сходства в фонетике языков мира несомненны.

нсны. Это свидетельствует о том, что фонетические изменения связаны с определенными внутренними факторами – структурными и обусловленными закономерностями строения речевого потока, – которые ограничивают их разнообразие. Можно думать также, что не все системы и состояния в одинаковой степени устойчивы; возникающие в результате языковой интерференции фонетические системы могут некоторое время эволюционировать по направлению к более устойчивым состояниям, и такого рода изменения могут считаться внутренне обусловленными. В иных случаях иноязычное влияние может способствовать реализации изменений, связанных с внутренними тенденциями по достижению более устойчивого состояния.

Хотя понимание причин языковых изменений логически связано с трактовкой моделей языкового родства, по характеру самих изменений невозможно (пока или в принципе?) судить об их причинах. А раз так, то и определенное, высказанное в явном виде отношение к проблеме интерпретации моделей языкового родства, которые строятся, повторяем, на фактах языковых изменений, становится необязательным и стихийно относится к области "дело вкуса"; наоборот, даже принятие той содержательной интерпретации языковых моделей родства, о которой говорилось выше, накладывает довольно слабые ограничения на возможные объяснения причин конкретных изменений, хотя в принципе такой подход уже требует стратификации возможных гипотез по степени их соответствия духу концепции.

Обычно не замечается, что все это накладывает очень своеобразный отпечаток на самую проблему объяснения в сравнительно-историческом языкознании, которая является основной проблемой каждой науки. Свободное отношение к интерпретации моделей, частично обусловленное своеобразием предмета исследования, но еще в большей степени – узаконенное негласной традицией, сложившейся на неявном, интуитивном учете этого своеобразия, неизбежно порождает свободное отношение к проблеме объяснительности (экспланаторности) утверждений в данной науке. При этом забывается, что независимо от формы объяснений внутренний, логический механизм их всегда является дедуктивным по существу, т.е. он предполагает существование определенных посылок, из которых явно или неявно исходят автор рассуждения, и определенные правила вывода из этих посылок. Объяснения в сравнительно-историческом языкознании строятся по тому же принципу, только исходные посылки не обязательно формулируются в явном виде, а правила вывода могут быть не только не сформулированными, но чисто интуитивными и придуманными *ad hoc*. Следствия, которые вытекают из принятых критериев экспланаторности, также обычно не продумываются. Более того, поскольку интерпретация моделей родства языков не обязательна (со всеми вытекающими отсюда последствиями), то не существует сформулированных в явном виде критериев экспланаторности и их обязательной стратификации по степени доказательности, неизбежной в науке, где объяснения имеют вероятностный характер. Все эти "научные вольности" эксплуатируются исследователями в форме ничем не ограниченной свободы выдвижения мнений в сочетании с полной "безответственностью" за их следствия и необязательностью формулировать в явном виде скрытую аксиоматику этих мнений.

3. Самые общие соображения о сущности науки подсказывают, что дальнейшее развитие сравнительно-исторического языкоznания связано с разработкой лингвистических методов интерпретации языковых изменений с целью определения степени их доказательности в теории этно- и лингвогенеза, поскольку это будет означать увеличение степени адекватности лингвистических моделей родства языков описываемой ими действительности и повышение познавательной ценности сравнительно-исторического языкоznания в целом. В нашу задачу не входит формулирование какой-либо положительной программы исследований в этом направлении. Отметим только следующее.

Прогресс в изучении причин языковых изменений может быть достигнут путем последовательного и обязательного использования данных типологии и ареальной лингвистики. Действительно, вне типологии любое фонетическое изменение является уникальным; такой факт объясним только в том случае, если существует возможность опереться на некоторые общие закономерности (аксиоматику P), исходя из которых можно достоверно или с вычисленной степенью вероятности объяснить, почему изменение x произошло именно в ситуации S . При отсутствии аксиоматики P любое объяснение причин уникального изменения x не может быть ни доказано, ни опровергнуто. Правила аксиоматики P могут быть сформулированы или deductивно, или же индуктивно, на основе типологических сведений. В настоящее время реально видны перспективы второго пути; при этом изменение x перестает быть уникальным фактом, что открывает возможность формулировать содержательные утверждения о его внутренних причинах. Учет ареальных данных прямо связан с проверкой гипотез о возможных внешних причинах явления (языковые контакты) и работает непосредственно на теорию этно- и лингвогенеза. Считаем, что объяснение причин изменения x , сделанное без учета типологических и ареальных данных, является в принципе неполным.

Для решения проблем этно- и лингвогенеза важное значение имеют данные гидроними, топонимики, и особенно сведения о лингвогеографии отдельных слов. По традиции эти дисциплины и указанный метод исследования считаются второстепенными в рамках сравнительно-исторического языкоznания, но эффективность их использования в интересующих нас целях убедительно продемонстрирована в многочисленных исследованиях последних лет.

Не может быть никакого сомнения в том, что при этногенетических интерпретациях данных сравнительно-исторического языкоznания необходим учет достижений археологии, этнографии и антропологии. Причем это не благое пожелание, а просто необходимость, поскольку эти науки решают одну и ту же задачу, а их реконструкции являются неточными и имеют вероятностный характер. В идеале взаимные коррекции должны повысить степень надежности выводов каждой из этих наук, но не следует надеяться, что такая коррекция сделает лингвистическую модель полностью адекватной описываемым ею реальным процессам. В лучшем положении может оказаться со временем антропология, если специалистам удастся установить генетически устойчивые признаки человеческого организма, которые позволят не только судить о генетической близости отдельных групп людей, но и проследить также пути их исторических миграций. Но вероятностные

утверждения одной науки, сложенные с такими же по природе утверждениями другой науки, могут дать не только более вероятную, но и более искаженную картину, если комбинируются недостоверные данные нескольких наук, с чем следует считаться.

4. Анализ оснований сравнительно-исторического языкознания, как показывает наш предварительный опыт, помогает не только объективно оценить ее возможности и достижения, но и осветить причины общего своеобразия ее атмосферы. Поскольку выводы, которые делаются при интерпретации фактов этой науки, не проверяются прямым опытом, неизбежно имеют вероятностный характер и ограниченное прикладное значение, научные дискуссии в сравнительно-историческом языкознании не могут не сводиться часто к защите мнений, в одинаковой степени недоказуемых; становится более понятным, почему это наука, в которой факты ценятся превыше всего, но очень часто неизвестно, что с ними делать и как их объяснять; почему это наука, требующая и глубокой специализации, и глубоких знаний в смежных с нею областях, и почему огромное количество труда, вкладываемое в конкретные исследования, чаще всего несоизмеримо с познавательным весом полученных результатов.

М.И. ЛЕКОМЦЕВА

ФОНОЛОГИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ В ЯЗЫКАХ БАЛТО-БАЛКАНСКОГО АРЕАЛА

Лабиальный, дентальный и гуттуральный ряды характеризуют любую фонологическую систему. Палатальный ряд, образующийся средней частью языка, направленной к среднему нёбу, также распространен нередко. Однако, если посмотреть на отдельные составляющие этого ряда, то картина их распространения будет различна. Если *j* встречается почти повсеместно, носовой и латеральный — довольно широко, а сибилинты палатального ряда характеризуют столько фонологических систем, что не могут служить диагностическим признаком, то взрывные средненёбной зоны артикуляции выделяются в немногих системах, ограниченных в своем распространении определенными ареалами¹. Н.С. Трубецкой говорил об особом палатальном ряде, отличая его от палатальной корреляции даже в том случае, если последняя характеризует не всю фонологическую систему².

Если посмотреть на языки балто-балканского ареала и Европы в целом, то окажется, что фонологические системы с палатальным рядом характеризуют лишь определенную группу языков. Сюда относятся: латышский язык (литературный и соответствующий средне-латышский диалект, а также ливонский: в прабалтийском реконструируется ряд *ȝ*, *ȝ̄*, *ȝ̄̄* и "вторичные" фонемы *k̄*, *ḡ*³,ср. в современном латышском: *ȝints* 'род', *ȝinks* 'гинкго (дерево)', *dimdēt* 'гребеть', *k̄ēms* 'призрак', *k̄ēkss* 'кекс', *temps* 'темпер') ; поль-

¹ Cp.: *Bhat D.N.S. A general theory of palatalization.* — *Universals of human language*, II, Stanford University Press, 1978, p. 47–77, особенно 67–68, где предполагается ареальная ограниченность корреляций по мягкости.

² Трубецкой Н.С. Основы фонологии. М., 1960, с. 145, 152–153.

³ Stang C.S. *Vergleichende Grammatik der Baltischen Sprachen*. Oslo, 1966, S. 102–103.

ский язык (диалекты, в которых с XII в. наметилось изменение *t'*, *d'* > *c'*, *z'* с редукцией твердых шипящих и переходом противопоставленных по мягкости губных в синтагматическую оппозицию лабиального – лабиального с *j*, палатальным фрикативным или *n⁴*). В чешском и словацком языках приблизительно в X в. сложилась корреляция по твердости–мягкости, которая в XIV в. во всех чешских диалектах и в диалектах Тренчина и Бановец словацкого языка уступила место палатальному ряду (*t'*, *d'*, *ň*: *děti*, *d'et'i*, *ňic⁵*) – в тех диалектах словацкого языка, где не возникло при разрушении мягкости корреляции палатального ряда, отмечена немецкая и валашско-украинская колонизация⁶. В венг. языке палатальный ряд (*k*, *g*, *l*, *ŋ*) образовался в XIV–XV в. почти на всей территории языка (*gyalog* [d'yalog] 'пешком'; *tükör* [t'ükör] 'зеркало', *keni* [keňi] 'он это пачкает', *nyoszolya* [nosojč] (до XIXв.– [nosolč] из слав. *nosilo* 'кровать')⁷.

Характерны заимствования из венгерского в украинский и наоборот, аналогичные системе пересчета при латышско-русском контакте, ср. укр. *тюзолтов* из венг. *tüzolti* 'пожарник' или венг. *hologyűnik* из укр. *холодильник*⁸.

В румынском языке ряд диалектов и одна из подсистем литературного языка характеризуется палатальным рядом⁹. Распределение палатального ряда в румынских диалектах дано В. Янку¹⁰.

Западные говоры болгарского языка характеризуются палатальным рядом [*l*, *ŋ*, *ķ*, *g̊*]¹¹, палатальные сонанты засвидетельствованы и в старославянском языке.

В македонском, сербохорватском и словенском языках *c'*, *d'* – палатальные взрывные из праславянского *tj*, *dj* (в кайкавском диалекте *c*, *j*) – появились до прихода славян на Балканы, письменные свидетельства дают возможность говорить о завершении перехода *d'* в *j* в чакавском диалекте к XI в., (в штокавском диалекте сохранялось *d*), в XIV в. в новоштокавских диалектах появились "новые" *c'*, *d'* (*poiti* > *po-t'i* 'пойти'); следующая волна образования *c'* и *d'* прошла в XVII–XVIII вв. в позиции *tjy*, *dy* *j*- перед гласными¹².

Палатальный ряд, параллельный сербохорватскому *k*–*g*–*ŋ*–*l*, представлен в албанском языке со всеми его диалектами¹³.

⁴ Dejna K. Dialkety polskie. Wrocław–Warszawa–Kraków–Gdańsk, 1973, s. 103–108, 119–121; см. карты 5, 11, 12 в приложении.

⁵ Lamprecht A. Vývoj fonologického systému českého jazyka. Brno, 1968, s. 34 ff.; Pavliny E. Fonologicky vývin slovenčiny. Bratislava, 1963, s. 234–235.

⁶ Pavliny E. Op. cit., s. 230.

⁷ Kálmán B. Ungarien historical phonogogy. – The Hungarian language. Mouton, 1972, p. 54–57.

⁸ Rózsa A.M. Венгерско-восточнославянские языковые контакты. Budapest, 1973, с. 403.

⁹ Rosetti A. Istoria limbii române. II–III. Bucureşti, 1962, S. 103–106; Ruhlen M. Synchronic palatalization in Romanian. – Revue Romains de Linguistique. 1972, XVII, N 6, p. 565–569.

¹⁰ Jancu V. Palatalizare dentalelor în limba română. Timișoare, 1975, s. 44–67.

¹¹ Стойков С. Българска диалектология. София, 1968, с. 137–138.

¹² Белић А. Основи историје српскохрватског језика. I. Фонетика, Београд, 1960, с. 101–105.

¹³ Десницкая А.В. Албанский язык и его диалекты. Л., 1968; Lambertz M. Zur albanischen Umgangssprache. Lingua Poznaniensis, VII, 1958; Demiraj S. Geshtje te sistemit emeror te gjuhis shqipe. Tirana, 1972.

В турецком языке недавно образовался палатальный ряд из задненебных в "мягких слогах": [erkek] 'мужчина', [genis] 'широкий', [sükün] 'покой', [ulam] 'науки'¹⁴.

Диалекты греческого языка (цаконские, некоторые островные и переселенческие в славянском окружении) дают примеры как образования палатального ряда, так и способов его элиминации¹⁵.

Область распространения языков, фонологические системы которых характеризуются палатальным рядом, окружена с востока языками, где наблюдается корреляция по твердости–мягкости: верхнелатышский диалект¹⁶, как и литовский язык¹⁷, дают примеры охвата рассматриваемой корреляцией всех согласных и сонантов, так например, в литовском: *regiu* 'вижу' – *regus* 'зоркий', *tikiu* 'иду' – *tykus* 'тихий'.

В русском, белорусском и украинском языках, как и в восточно-болгарском диалекте существует противопоставление типа русских пар: *сад* – *сядь*, *вал* – *вяль*.

С запада эта область сейчас граничит с "пространством немецкого языка", где нет ни палатального ряда, ни соответствующей корреляции. Вообще в германских языках существуют островки-диалекты с палатальным рядом. Так, в норвежском и шведском языках *g*, *k*, *sk* перед гласными переднего ряда палatalизовались, дав палатальные щелевые, при этом в шведском *k* > *tc*: норв. *kjenne*, швед. *känna* 'знать'. Это явление отмечается уже в XIII–XIV в.¹⁸

В лужицких и полабском языках представлена корреляция по твердости–мягкости, ср. в нижне-лужицком *tuk* 'сало' – *ćipr* 'струп'¹⁹.

Еще одну цепь островов – языков, в которых наблюдается корреляция по твердости–мягкости, образуют кельтские языки. Палатализация характеризует древнеирландский язык еще до VII в. Палатализованные перед *e*, *i* согласные после падения гласных в конце слова перед ударным слогом стали противопоставляться соответствующим непалатализованным: ср. *cat* [kat] 'кот' < **cattos* и *cait* [kat'] 'коты' < *catti* в ирландском или в диалекте о-ва Бласкет *lámh* [la:v] 'рука' – *laimh* [lã:v'] 'Dat. S. рука'²⁰.

В системах языков, отмеченных корреляцией мягкости–твёрдости, просвечивают островки, где видно особое отношение *k'* и *t'*: ср. в русском языке говоры, в которых отмечаются формы [*t'islyi*] 'кислый', [*d'd'e*] 'где', [*rút'i*], [*nód'i*], [*mán't'a*] 'Манька', с одной стороны, и [*k'etrat*] 'тетрадь', [*k'estyb'*] 'тесто', с другой²¹. В этом контексте обращают на себя

¹⁴ Джевлет-заде Х., Кононов А.Н. Грамматика современного турецкого языка. Л., 1934, с. 19–21.

¹⁵ Allen W.S. Some problems of palatalization in Greek. – Lingua, 1957, VH, N 2, p. 112–123; Newton B.E. Modern Greek post-consonantal yod. – Lingua, 1971, XXVI, N 2, p. 132–170.

¹⁶ Rudzite M. Latviesu dialektologija. Riga, 1964.

¹⁷ Zinkevičius Z. Lietuvių kalbos istorinė gramatika, I. Vilnius, 1980, p. 140.

¹⁸ Стеблин-Каменский М.И. История скандинавских языков. М.–Л. 1953, с. 135–136.

¹⁹ Калнынь Л.Э. Типология звуковых диалектных различий в нижне-лужицком языке. М., 1967, с. 130.

²⁰ Jackson R. Palatalisation of labials in the Gaelic languages. – Beiträge zur Indogermanistik und Keltologie. Innsbruck, 1967, p. 180.

²¹ Захарова К.Ф. Переходное смягчение задненебных согласных к и г. – Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров. М., 1970.

внимание такие примеры из полабского языка, как [k'ostü] 'тесто', [k'ama] 'тъма', [k'edä] 'где', [g'olü] 'дело', [g'öra] 'гора'²².

В литовском языке в ряде диалектов (Пунск, Швяндубрэ, Дубичай и др.) наблюдается "смешение" *t-k*, *g-d*: напр., *tietañ* < *kietañ* 'в гостях', *diedoc* < *giedoti* 'петь', *d(i)elē* < *gèle* 'цветок', *tākau* ~ *tālau* – литер. *tācau* 'видел'; с другой стороны: *köeka* – литер. *teka* 'достается', *bik'e* – литер. *bite* 'пчела' и др.²³.

Это же явление, возможно, было характерно для прусского языка:ср. *birgakarkis* 'черпак' < **birgakartis*, *piwenitis* 'погонщик' < **piwenikis*²⁴.

В ваннском диалекте бретонского языка отмечается тенденция к переходу палатализованных *t* и *d* в *k* и *g*: *kec* = *tiec* 'глава дома'²⁵.

Территория распространения палатального ряда и корреляции по твердости–мягкости схематически представлена на карте 1. Как видно, эти явления разрезают как родственные языки (и даже диалекты одного языка), так и пересекают границы языковых союзов. Встает вопрос: случайно ли распределены на территории от Балтики до Балкан фонологические системы с палатальным рядом, окруженные (непосредственно или на расстоянии) системами с палатальной корреляцией?

Как было замечено, области распространения палатального ряда в Европе соответствуют территории распределения наследственных признаков – генетической информации, связанной с историей расселения человека и особенностями структуры общества (в частности, брачных отношений)²⁶. Одним из древних и устойчивых показателей является здесь концентрация в крови гена *B* (есть более тонкие способы – например, метод полигонов генетической информации, дающей лучшую корреляцию данным лингвистики, но он проведен для других территорий²⁷).

Как показывает карта уровней концентрации гена *B* в Европе, область палатального ряда приходится на зону, соответствующую 10–15% концентрации гена *B* (см. карту 2). Знаменательно, что соответствующий показатель у ирландцев – 10,3%²⁸.

Среди наследственных признаков человека зарегистрированы такие, как небная инвагинация верхнечелюстных боковых резцов и другие особенности строения зубов, прогнатия нижней челюсти, манера "складывать язык трубочкой" и "не складывать" (складывание доминантно), "способность поднимания кверху кончика языка как рецессивный признак", "расщепление языка на 2 доли центральной бороздкой"²⁹). Для сохранения способа

²² Трудецкой Н.С. Указ. соч., с. 153.

²³ Zinkevičius Z. Lietuvių dialektologija. Vilnius, 1963, 140–141; Sarvičiūtė G., Vitkauskas V. Priešbalsių t:k ir d:g maišymas Švendurės ūnkleje. – Baltistica, 1976, XII(2), 146–148.

²⁴ Mažiulis V. Prusiškos etimologijos. – Baltistica, XI, 1975, 84–85.

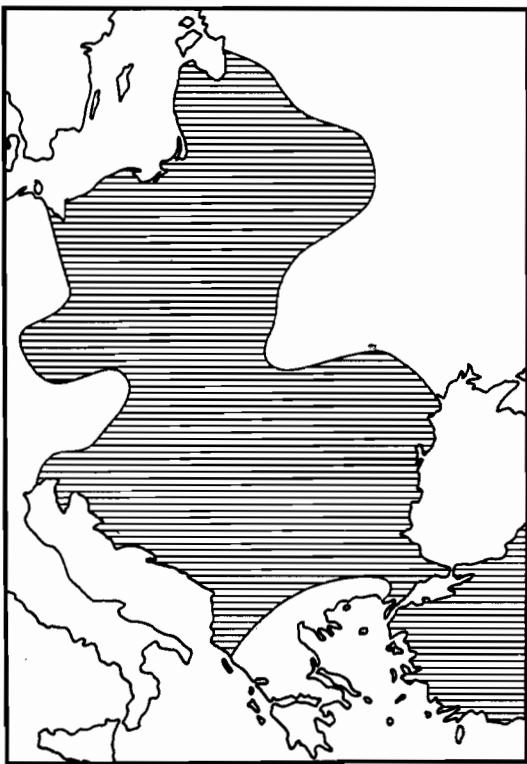
²⁵ Льюис Г., Педерсен Х. Краткая сравнительная грамматика кельтских языков. М., 1954, с. 143.

²⁶ Лекомцева М.И. Некоторые замечания о структуре консонантизма балто-балканского ареала. – Balcanica... М., 1979, с. 102–108.

²⁷ "В генетической близости мы предполагаем свидетельство родства, а в родстве – указания на историю заселения" (Шереметьева В.А., Рычков Ю.Т. Популяционная генетика народов Северо-Восточной Азии. М., 1978, с. 37).

²⁸ Prokop O., Göhler W. Die menschlichen Blutgruppen. Jena, 1976, S. 47.

²⁹ Маккьюсик В.А. Наследственные признаки человека. М., 1976, с. 109, 111, 181, 301, 302.

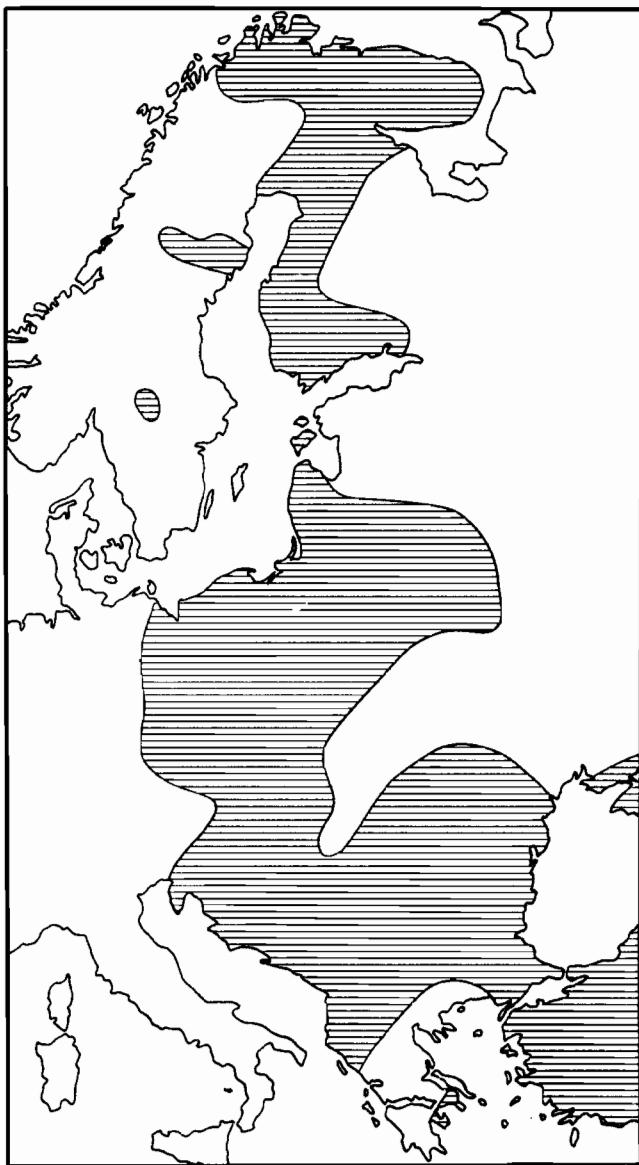

Карта 1. Ареал распространения палатального ряда

артикуляции имеют значение доминантные и рецессивные признаки, вызывающие миотонию — задержку движения и расслабления после сжатия мускулов: когда миотоник закроет глаза, он не может их сразу открыть, при миотонии языка наблюдаются соответствующие нарушения речи³⁰. Таким образом, некоторые наследственные признаки относятся к фактограммам, поддерживающим или изменяющим артикуляционную базу, т.е. влияющим косвенно на направление эволюции фонетической и фонологической системы. Если обратить это утверждение, то надо предположить: сходство эволюции фонологической системы разных языков может (только — может!) свидетельствовать о генетическом родстве соответствующих народов, т.е. соприкосновении их в смысле взаимного обмена генами. Рецессивность генетической трансляции должна вызывать увеличение времени латентного воздействия указанной ситуации, т.е. проявление изменения артикуляционной базы в фонологической динамике будет значительно отставать.

В лингвистике выделено три вида сходства между языками: 1) родство языков, восходящих к одному источнику; 2) ареальное сходство (в том числе отношения в языковом союзе) и 3) типологическое сходство, опре-

³⁰ Becker P.E., Knussmann R., Kuhn E. Myotonia Congenita and Syndromes Associated with Myotonia. Stuttgart, 1977, S. 2, 7–109, 145–147.

К а р т а 2. Область распространения гена В на уровне 10–15%

деляющееся комбинаторными возможностями независимых характеристик языка. Рассмотренный выше пример заставляет ввести еще один вид сходства языков — сходство в направлении эволюции. Предварительно назовем лингвистическим бассейном группу языков, расположенных дистанционно или контактно, эволюционирующих хотя бы частично своими фонетическими системами в одном направлении. По предположению

лингвистический бассейн может быть связан с генетическим бассейном, т.е. с метисацией носителей соответствующих языков.

Лингвистический бассейн палатального ряда приходится на пограничье кентумных—сатэмных языков, принадлежа целиком сатэмным языкам (венгерский и турецкий, как известно, оказались на этой территории в исторический период). В кентумной зоне островки населения с соответствующей концентрацией гена В отмечаются в Швеции и Норвегии и у ирландцев (см. карту 2).

При предположении сатэмно-кентумного контакта можно ожидать следующую систему пересчета фонем: в сатэмную сторону $*k^w > *k$, $*kv > *k$ → $*k$, $*k'$; в кентумную сторону: $*k > *k$, $*k^u$, $*k' > *k$.

Тогда в сатэмных языках рассматриваемого бассейна следует ожидать появления kv как варианта k — при чем как в соответствии с k , так и в соответствии с k^u , ku , во-первых, и вариантов с велярным согласным как месте и.е. k' , во-вторых.

В связи с первым соотношением можно посмотреть на колебания велярного и велярного с лабиальным в начале слова, например, в лит. *geībtī* ~ *~gyeībtī* 'слабеть'³¹, *gairē* 'веха' — *gváirinti* 'глазеть'³² ~ *kvaīktī* 'оглушать'; *kvaīsti* 'дуреть' ~ *kaīsti* 'накаляться'³³. Иногда наблюдается соответствие кентумного $*ku$ сатэмному kv — (русс. [kváičat'], [cváičat']),польск. *kwikać*, лит. *kvūkti*, *kviekti*, латыш. *kvīkt*, *kviekt*, гр. *κοτζεω*, лат. *quirritare* 'жаловаться'; ст.-исл. *hveiti*, гот. *hwaitis* 'пшеница' передается в лит. *kvietys*, латышск. *kviesis* 'пшеница'³⁴; стар.-с.-х. гвозд — словен. *gòzd* 'лес', польск. *gozd* 'лес'; др.-польск. *gwozd* соответствует сп.-в.-н. *questa*, н.-в.-н. *Quasie* 'кисть, пучок', др.-исл. *kuistr* 'ветвь'³⁵.

Показателен гиперизм — сатэмный kv — кентумный k — в лит. *kvieštī* 'приглашать', латышск. (*ie*)*kviest* то же, прусск. *quāits* 'желание', — гр. *κονταῖ·γύναιχῶν ἐπὶ φυῖαι* Hesych. *κισσα* 'приходить беременной'³⁶.

Относительно колебаний в отражении и.е. велярных и палатальных в балтийских и славянских языках³⁷ (которые так многочисленны, что высказывается мнение, согласно которому, в частности, балтийские языки — кентумные в основе, подвергшиеся последующей сатэмизации³⁸) предполагается процесс выравнивания по аналогии закономерных нейтрализаций $*k : *k'$ (перед сонантами и после *s* в балто-славянском и перед согласными в албанском и армянском языках)³⁹ лит. *smūkras* 'подбородок', *smakrà* то же, латыш. *smakrs* то же — др.-инд. *śmaśru* 'борода', арм. *maurik'* *moruk'* то же, алб. *tmekrë* то же, хет. *zamankur* то же⁴⁰. Эта нейтрализация "характерна... для целого диалектного ареала, в который включаются по крайней

³¹ Fraenkel E. Lituisches etymologisches Wörterbuch, I. Göttingen, 1962, S. 143.

³² Там же, с. 129.

³³ Там же, с. 324.

³⁴ Там же, с. 326.

³⁵ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка, I. М., 1964, с. 399.

³⁶ Fraenkel E. Op. cit., s. 326.

³⁷ Galab Z. "Kentum" Elements in Slavic. — Lingua Poznaniensis, 1972, XVI, s. 53–80.

³⁸ Schmid W.P. Baltisch und Indogermanisch. — Baltistica, 1976, XII, (2), S. 115–122.

³⁹ Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч.Вс. Проблема языков centum и satem и отражение "тугтуральных" в исторических индоевропейских диалектах. — ВЯ, 1980, № 6, с. 18–20.

⁴⁰ Там же, с. 18.

мере языки балто-славянские, албанский, армянский, а также фракийский⁴¹.

Очевидно, что такое положение облегчало установление пересчета *k* к при предполагаемом контакте языков кентумной и сатэмной групп. Ср. др.-русск. *котора*, (фрак. Σάτσει) и ст.-исл. *hod* 'ссора', гал. *catu* – в имени *Catu-rix*, др.-ирл. *cath* 'борьба', кимр. *cadr* 'сильный'⁴²; русск. *кося*, *косить* и др. – др.-инд. *sāstra* 'нож', алб. *thadri* 'двухсторонняя секира'⁴³, лат. *castrare* 'резать'. Для объяснения кентумных рефлексов в славянских языках З. Галамб предполагает влияние кельтского субстрата. Действительно, для ряда балтийских и славянских лексем отмечаются кельтские параллели⁴⁴ (вместе с итальянскими, германскими, фракийскими, иллирийскими...). Однако из этих связей еще трудно вывести специфические отношения кельтских языков с языками рассматриваемого ареала.

В кентумных языках, по предположению контактировавших с сатэмными, следует ожидать потери лабиализованных согласных и появления палатализованных задненёбных или корреляции палатализации.

Появление палатализованных задненёбных было отмечено в норвежском и шведском языках, развитие корреляции твердости–мягкости и исчезновение корреляции лабиализации произошло в кельтских языках.

Как указывают огамические надписи, для лабиовелярного существовал особый знак, так что Gen. S. от *tacc* 'сын' писали MAQJ MAQQJ (в римских надписях имеется МАССJ). Лабиовелярные повлияли на изменение *ri* в *ru* и др.⁴⁵, но потом в древнеирландском они совпали с велярными (ср. их рефлексы в *deich* 'десять' и в *sechithir* 'следует' (лат. *sequi*, гр. *επεθαται*, лит. *sekù* 'следую').

Из того, что в древнеирландском, британническом и гэльском языках образовалась корреляция твердости–мягкости и лабиовелярные совпали с велярными, можно предположить, что в тех кельтских языках, которые были в контакте с языками бассейна палатального ряда, могли происходить подобные явления.

С точки зрения фонологических систем описываемого бассейна можно определить контактирующий с ними язык как кентумный, сохраняющий лабиовелярный ряд, возможно, подверженный ленированию (ср. названия в славянских языках *сохи*, *посоха*: лит. *sákù* 'сук, развилина', лтш. *saka* 'разветвление дерева', др.-инд. *çákha* 'сук', арм. *sax* 'ветвь', гот. *hōha* 'плуг'), склонный к изменению *tl*, *kl* > *l* в середине слова и сохраняющий их в начале слова. Всем этим условиям мог бы удовлетворять какой-либо кельтский язык, так как в кельтских языках наблюдаются все указанные явления. Так, *kh* переходит в *ch* в интервокальном положении в ирландском языке: *tucht* 'дым', при др.-англ. *smēcan* то же, гр. *σμέχωμαι* 'гореть на медленном огне'⁴⁶. С леницией можно связать и исчезновение *t*, *k* после гласных перед

⁴¹ Там же, с. 19.

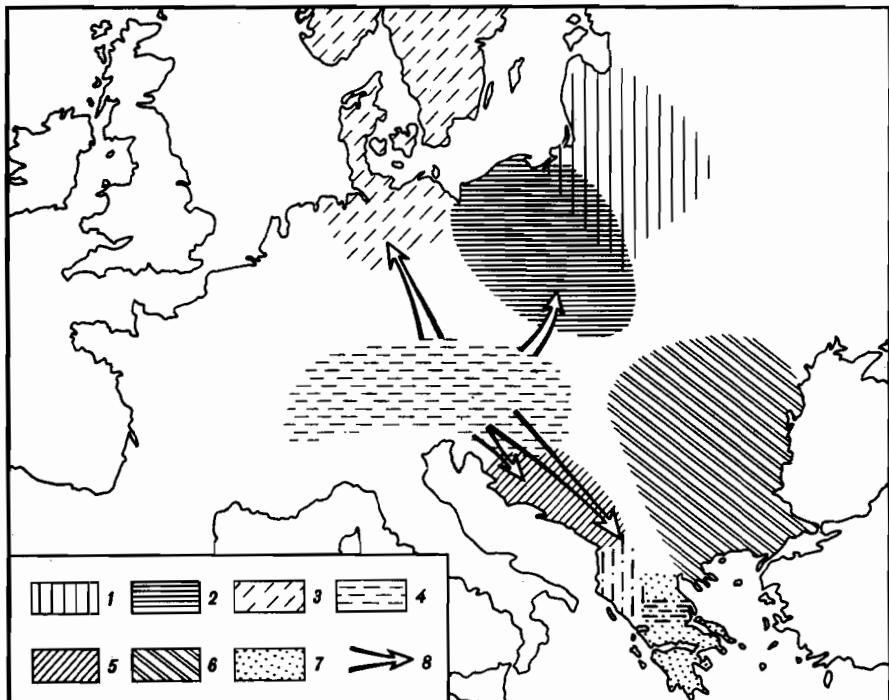
⁴² *Galqb Z.* Op. cit., p. 61.

⁴³ Там же, с. 60.

⁴⁴ Порциг В. Членение индоевропейской языковой области. М., 1964, с. 202–205; Lehr-Spławiński T. Kilka uwag o stosunkach językowych celtyco-prasłowiańskich. – Rocznik slawistyczny, 1956, XVIII; Machek V. Zur Frage der Slawisch–keltischen Beziehungen. – Studia linguistica in honorem Th. Lehr-Spławiński. Kraków, 1963.

⁴⁵ Thurneysen R. A grammar of Old Irish. Dublin, 1975, p. 136.

⁴⁶ Люис Г. и Педерсен Х. Указ. соч., с. 69.

К а р т а 3. Схематическая карта распространения некоторых племен по археологическим данным в I тыс. до н.э.

1 – балтийские племена; 2 – славянские племена; 3 – германские племена; 4 – кельтские племена; 5 – иллирийцы; 6 – фракийские племена; 7 – Ахайава; 8 – направление миграции

сонантами –ср. в ирландском языке группы *tl*, *dl*, *kl*, *gl* (как и с *r*, *n*) сохраняющиеся в начале слова – *tlacht* 'garment', *dlong(a)id* 'cleaves' *cland* 'дети'⁴⁷, *glith* 'grazes' Acc. S.⁴⁸) и изменяющиеся в *l* после гласных: *gabál* 'taking' < **gabagla*, *sclé* 'tidings', уэльск. *chwedl*⁴⁹. Особенно много схождений в синтагматической фонологии (выпадение *j* между гласными, переглавовка и стяжение гласных и т.п.) с кельтскими языками дают чешский и (несколько менее) словацкий языки.

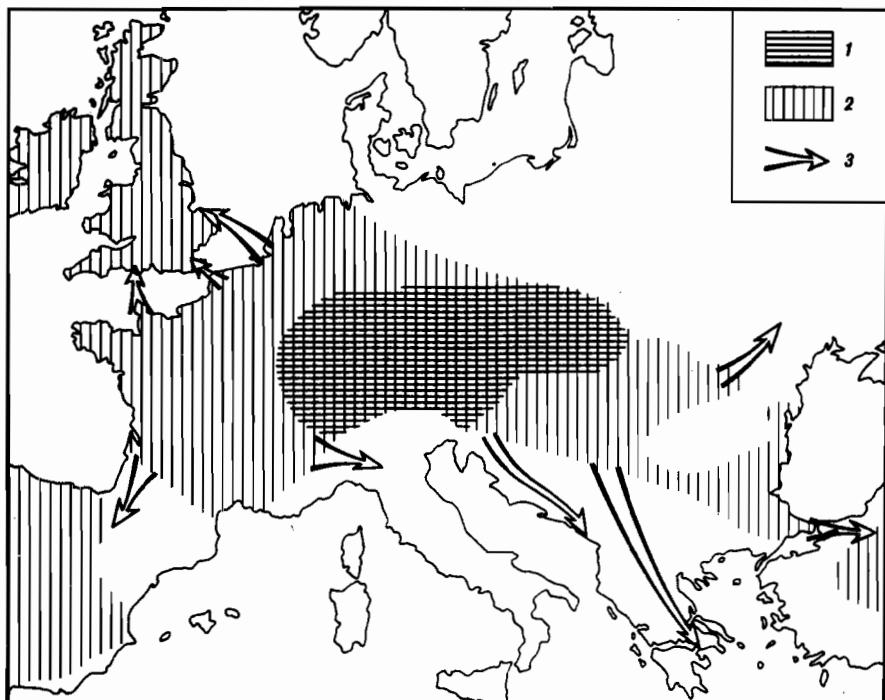
По историческим данным "около 400 г. до н.э. начинается движение кельтов в Центральную Европу. Постепенно кельтские племена занимают Верхнее и Среднее Подунавье, проникают в Адриатику и, двигаясь вдоль Карпат, достигают Черного Моря. В III–II вв. до н.э. кельты расселяются в Силезии и Малой Польше и, очевидно, приходят в соприкосновение со славянами – носителями культуры подклошовых погребений. Таким образом, юго-западными соседями ранних славян некоторое время были

47 Thurneysen R. Op. cit., 78.

48 Там же, с. 86.

49 Там же, с. 450.

50 Там же, с. 101.

К а р т а 4. Распространение кельтов по археологическим данным в I тыс. до н.э.
2 – область первоначального расселения кельтов; 2 – область экспансии кельтов
к началу н.э.; 3 – направление миграции

кельты”⁵¹. Во II–I вв. до н.э. через Силезию продвигаются кимры, а также кельтские племена, остановившиеся потом в Молдове (культура Пoenешти–Лукашевка), в I в. до н.э. – I в. н.э. в Словакии, в районе Кракова, Вроцлава и Силезии известны кельтские поселения, связанные с центрами кельтов в Богемии⁵². Около 360 г. до н.э. кельты появились в северо-восточной Хорватии, три очередных миграции привели их в южную Паннонию, на север Балканского п-ова, в Грецию и Малую Азию⁵³. Период IV в. до н.э. – V в. н.э. дает возможность предполагать контакты предков славян, балтов, албанцев, аборигенов Румынии с различными кельтскими племенами, т.е. какие-то элементы общего для них койнэ (см. карты 3, 4). Обоснование трех рядов гуттуральных в индоевропейском⁵⁴ и типологическая вероятность появления палатального ряда в сатэмных языках перед развитием аффрикат и щелевых⁵⁵ дает возможность предположить для

⁵¹ Седов В.В. Происхождение и ранняя история славян. М., 1979, с. 52.

⁵² Woźniak Z. Osadnictwo celtyckie w Polsce. Wrocław–Warszawa – Kraków, 1930, s. 183–184.

⁵³ Todorović J. Kelti w jugoistočnoj Evropi. Beograd, 1968, s. 165–180.

⁵⁴ Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч.Вс. Указ. соч., с. 21–22.

⁵⁵ Allen W.S. Op. cit., 113–123; Чекман В.Н. Генезис и эволюция палатального ряда в праславянском языке. М., 1973.

всех языков рассматриваемого бассейна (они относятся к группе сатэм) фонологическую систему с палатальным рядом. По мере того, как палатальные спирантизировались и перемещались в передненёбную зону артикуляции, возникла "пустая клетка" по А. Мартинэ. Генетически обусловленная модель артикуляционных навыков заставляла заполнять образовавшуюся пустую клетку — вновь образовывать палатальный ряд (из задненёбных, дентальных или сочетаний согласных) и повторять этот процесс, пока не произойдет сдвига артикуляционной базы. Так, на протяжении письменного периода в сербохорватских диалектах этот "период" повторялся три раза. Если меняется генетическая обусловленность артикуляционной базы, изменяется и направление эволюции языка — как, например, в арийских языках Индостана, где развитие оппозиции церебрализации стало фактором, блокирующим палатализацию⁵⁶. Если в бассейн попадает язык, фонологическая система которого не располагает "свободной клеткой" для эволюции, сходной с другими языками бассейна, то она "создается", как было в венгерском и турецком языках. Но здесь определяющим является не территориальная близость, а тип брачных отношений в данном обществе (ср. быстрое включение турецкого языка в описываемый бассейн при особенностях дальних экзогамных отношений в Османской империи, с одной стороны, и длительное присутствие цыган на описываемой территории, которое не повлияло ни на их генофонд (уровень гена В — 38%, близкий к другим народам Индии), ни на направление эволюции их языка, — с другой).

С точки зрения лингвистической географии "бассейн палатального ряда" оказывается в центре индоевропейских языков. Значит, он не мог быть в положении изоляции, не должен был сохранять архаичных явлений. Действительно, палатальный ряд на описываемой территории — явление новое. Но парадокс состоит в том, что новые и новые инновации здесь идут по одному пути, так что фонологический архаизм сохраняется только в качестве модели с пустой клеткой, которая периодически заполняется новыми и новыми инновациями.

Т.Н. МОЛОШНАЯ

ОПЫТ ТИПОЛОГИЧЕСКОГО СОПОСТАВЛЕНИЯ СИНТАКСИСА
БЛИЗКОРОДСТВЕННЫХ ЯЗЫКОВ
(адъективные словосочетания
в болгарском и сербохорватском языках)

В сопоставительных исследованиях славянского грамматического строя болгарский язык описывается чаще всего через русский. Между тем отношение болгарского языка к наиболее близким ему южнославянским, в частности, к сербохорватскому представляет также немалый интерес¹.

⁵⁶ Bhat D.N.B. Op. cit., p. 66.

¹ Одним из немногих, но плодотворных примеров применения сопоставительно-го метода в изучении болгарского и сербохорватского языков являются работы М. Деяновой, см.: Деянова М. Към синтактичната синонимия в южнославянските езици. — Български език, 1973, кн. 1—2, с. 10—23; Она же. Строеж на съставния предикат в сърбокхорватския и българския книжовен език. — В кн.: Въпроси на структурата на съвременния български език. София, 1976, с. 179—249.

В данной статье проведено сопоставление этих двух близкородственных южнославянских языков в области синтаксиса словосочетаний. Предмет изучения определяется единицей плана выражения в исходном (болгарском) языке, а материал второго языка (сербохорватского) служит иллюстрацией формальных и семантических соответствий в нем.

Исходные понятия и теоретические положения, на которые опирается настоящая статья, подробно изложены в ранее опубликованной книге автора². Здесь нет места даже кратко повторять их. Ограничимся лишь напоминанием нескольких моментов: 1) моделью словосочетания называется формула его строения, например, Прил + Сущ_{ТВ}; 2) словосочетание состоит из двух компонентов – определяемого и определяющего; 3) в подавляющем большинстве случаев в словосочетание входят два полнозначных слова (предлог, будучи служебным словом, самостоятельной единицей не считается); 4) состав компонентов словосочетания указывается в терминах лексико-грамматических классов слов, например, Прил, Сущ, Нар. При этом традиционно принятые лексико-грамматические классы слов иногда дробятся на более мелкие; так, в качестве отдельного класса рассматривается инфинитив, сравнительная степень прилагательного признается отдельным классом адъективных слов – компаративом; 5) в модель словосочетаний включаются указания о морфологической форме определяющего компонента и о наличии предлога, например, срх. Прил + од + Сущ_{род} (*гарав од сунца*), болг. Прил + за + Сущ (*годен за употреба*); 6) адъективные словосочетания выражают следующие типы синтаксических отношений (значений): определительные (этот тип объединяет много подтипов и оттенков значений, например, ограничительные, количественно-определительные меры и степени признака, собственно определительные и т.д.), объектно-определительные и определительно-обстоятельственные (определительно-временные и определительно-пространственные).

Перечисленные общеизвестные типы синтаксических отношений обнаруживаются в адъективных словосочетаниях всех славянских языков. Они носят универсальный характер и проявляются также и за пределами славянских и балканских языков. Но структурные реализации одного и того же универсального значения в разных языках бывают разными. Иначе говоря, синтаксические отношения распределяются по моделям адъективных словосочетаний в разных языках по-разному. Задачу данной статьи мы видим в том, чтобы, описав смысловые и синтаксические единицы и их соотношения в болгарском языке, сопоставить их с распределением этих единиц в сербохорватском и отчасти в других языках славянской семьи.

Как уже говорилось, описание болгарских адъективных словосочетаний идет от структурных типов словосочетаний (моделей) к набору синтаксических значений, т.е. от плана выражения к плану содержания. Адъективные словосочетания описываются по схеме: класс моделей – конкретная модель – выражаемые ею значения. Произведена классификация моделей адъективных словосочетаний в болгарском и сербохорватском языках, представленная в виде двух таблиц. Дальнейшее изложение состоит в расширенном описании и сопоставлении перечисленных в таблицах моделей в плане их структуры и значений. Все модели словосочетаний охаракте-

² См.: Молошная Т.Н. Субстративные словосочетания в славянских языках. М., 1975.

Классификация моделей адъективных словосочетаний болгарского языка

Класс моделей	Конкретная модель		Примеры
Прил+Сущ	Прил+Числ _{кол} +Сущ		<i>висок два метра</i>
Прил+предл+Сущ	I	Прил+на+Сущ	<i>висок на ръст</i>
	II	Прил+за+Сущ	<i>удобен за съжане</i>
	III	Прил+от+Сущ	<i>член от слънцето</i>
	IV	Прил+c+Сущ	<i>добър с хората</i>
	V	Прил+до+Сущ	<i>честен до крайност</i>
	VI	Прил+към+Сущ	<i>строг към учениците</i>
	VII	Прил+по+Сущ	<i>национална по форма</i>
	VIII	Прил+в+Сущ	<i>деликатен в обращенията</i>
	IX	Прил+поради+Сущ	<i>лош поради нехайство</i>
и др.			
Прил + Нар	I	Прил+Нар _{кач}	<i>приказно красива, детски радостна</i>
	II	Прил+Нар _{кол}	<i>твърде мила</i>
	III	Прил+Нар _{обст}	<i>винаги храбър</i>
Комп+предл+Сущ	Комп+от+Сущ		<i>по-драга от мома</i>

ризованы также с точки зрения относительной продуктивности и употребительности.

Как известно, болгарский язык отличается от других славянских тем, что падежная система в нем практически разрушена и грамматические значения падежей передаются в основном предлогами. В связи с этим среди словосочетаний всех типов, в том числе и адъективных, преобладающее распространение получают предложные словосочетания. Иными словами синтаксические значения, свойственные болгарским моделям словосочетаний, передаются почти исключительно с помощью предлогов, так как зависимое существительное не имеет падежных форм. Правда, в современном болгарском языке есть остатки падежной системы местоимения (сохраняется винительный падеж личного местоимения: *мене, тебе, него, нея, нас, вас, тях, себе си*). Если личное местоимение выступает в качестве определяющего компонента словосочетания, то оно употребляется в форме винительного падежа: *приятен за него, единакъв с нея* и пр. Но это не меняет общей картины предложной сочетаемости, в частности, того обстоятельства, что емкость значений предлогов оказывается очень большой (обычно один болгарский предлог соответствует нескольким сербохорватским предлогам, в комбинации с различными падежами, и нескольким беспредложным словосочетаниям).

Классификация моделей адъективных словосочетаний сербохорватского языка

Класс моделей	Конкретная модель		Примеры
Прил+Сущксов	I	Прил+Сущрод	<i>пун мириса</i>
	II	Прил+Сущдат	<i>веран му</i>
	III	Прил+Сущтв	<i>хром ногом</i>
	IV	Прил+Числ ^к кол вин ⁺ Сущрод	<i>висок једну стопу</i>
Прил+предл +Сущксов	I	Прил+предл+Сущрод	
		1 Прил+од+Сущрод	<i>гарав от сунца</i>
		2 Прил+до+Сущрод	<i>до очаја кальве</i>
		3 и т.д.	
	II	Прил+предл+Сущдат	
		1 Прил+супрот+ Сущдат	<i>меки супрот оци</i>
		2 Прил+упркос+ Сущдат	<i>погрешан упркос чињеницама</i>
		3 и т.д.	
	III	Прил+предл+Сущвин	
		1 Прил+на+Сущвин	<i>готов на плач</i>
		2 Прил+за+Сущвин	<i>рођен за велика дела</i>
		3 и т.д.	
	IV	Прил+предл+Сущтв	
		1 Прил+с+Сущтв	<i>плав с искром</i>
		2 Прил+ међу +Сущтв	<i>највреднија међу њима</i>
		3 и т.д.	
	V	Прил+предл+Сущпредл	
		1 Прил+у+Сущпредл	<i>блед у лицу</i>
		2 Прил+по+Сущпредл	<i>слеп по природи</i>
		3 и т.д.	

Таблица (окончание)

Класс моделей	Конкретная модель		Примеры
Прил+Нар	I	Прил+Нар _{кач}	неочековано груба
	II	Прил+Нар _{кол}	всома лукав
	III	Прил+Нар _{обст}	увек такав
Прил+Инф	Прил+Инф		лепо (<i>je</i>) принадлежати
Комп+Сущ _{коэв}	Комп+Сущ _{род}		лепша сунца
Комп+предл+ +Сущ _{род}	Комп+од+Сущ _{род}		лепша од сунца

Таким образом, можно сказать, что беспредложных именных моделей словосочетаний в болгарском языке нет. Исключение составляет лишь специфическая беспредложно-беспадежная субстантивная модель Сущ₁ + Сущ₂ (*рояк апостоли, парче хляб*), которой соответствует модель Сущ₁ + Сущ_{2 род} в других славянских языках, и беспредложно-беспадежная адъективная модель, называемая аккузативом меры, Прил + Числ_{кол} + Сущ. Это единственный беспредложный тип адъективной сочетаемости в болгарском языке, представленный к тому же весьма ограниченным количеством прилагательных (обозначающих качество, которое может быть измерено): *висок два метра, широка три метра, дълбок пет метра* и пр. Все остальные адъективные словосочетания с существительным в качестве определяющего компонента организованы исключительно с помощью предлогов.

Что касается беспредложных адъективных моделей в сербохорватском языке, то в нем имеются и аккузатив меры, Прил + Числ_{кол} вин + Сущ_{род}, и модели с родительным, дательным и творительным падежами. Сербохорватский аккузатив меры отличается от болгарского падежным оформлением компонентов. Мы считаем, что количественное числительное употребляется в винительном падеже: в числительных *два* и *три* не различаются формы именительного и винительного, а числительные начиная с *четири* вообще не склоняются, однако, поскольку числительное *један*, *једно*, *једна* изменяется по падежам и в женском роде различает формы именительного и винительного *једна* и *једну*, представляется возможным признать все остальные случаи формального совпадения именительного и винительного явлением омонимии и в данной модели усматривать винительный падеж количественного числительного. Существительное же, зависимое от числительного, считаем стоящим в форме родительного падежа, хотя при различных числительных здесь наблюдаются вариации родительного и именительно-винительного падежей: ср. *два града, три авиона, пет преподузећа и један метар, две куће*³. Примеры аккузатива меры: *висок једну стопу, тежак једну оку, дуг један метар, тежак четири килограмма*.

Интересно, что в русском языке беспредложного аккузатива меры нет. Поскольку болгарский и сербохорватский принадлежат к так назы-

³ Подробные правила употребления форм падежа и числа существительного при различных количественных числительных излагаются во всех учебниках сербохорватского языка.

ваемому балканскому языковому союзу, можно было бы предположить, что аккузатив меры характерен именно для балканских языков. Однако этому противоречат, с одной стороны, факты румынского языка, не имеющего, несмотря на принадлежность к балканской группе, беспредложного аккузатива меры (для выражения количественно-определительных отношений там используется модель с предлогом *de* и винительным падежом: *lung de trei metri*), с другой стороны – факты польского и чешского языков, относящихся к западнославянской группе, но обладающих рассматриваемой беспредложной адъективной моделью: польск. *dwa króli szeroka*, чешск. *dlouhý 3 metrů*.

Адъективные словосочетания с беспредложным родительным в сербохорватском языке весьма употребительны. Количество прилагательных, выступающих в роли определяемого компонента, невелико, но существенно больше, чем, например, в русском языке: *пун мириса, достојан поштовања, вредан хвале, жедан воде, жеџан славе, жудни кише, гладан ваздуха, свестан преваре, сит рата* и др. Эта модель выражает объектно-определительные отношения с оттенком значения внутреннего содержания признака.

Модель Прил + Сущдат также очень употребительна. Круг прилагательных, способных управлять беспредложным дательным, в сербохорватском шире, чем в других славянских языках: *љубазан свакоме, обојиц и пријатни, противан свакоме, милостив мени, веран му, потребан сталежу, неопходна свакоме, одан слободи, рад кавзи, раван оци, сличан брату, сродан печату, једнак му, склони забораву, вичан (тому) послу, буни крив* и др. Словосочетаниями этой модели передаются объектно-определительные отношения с оттенком ограничительного значения.

Адъективная модель с беспредложным творительным выражает преимущественно ограничительные отношения: *здрав оком, хром ногом, slab руком, болестан ухом, блед лицем, образом руменија, висок растом, танак стасом, бос (левом) ногом, сирамашни духом, богат стоком, вином изобилна*. Может также выражаться объектно-определительное значение: *задовољни (своим) положајем* и пр. В современном сербохорватском творительный ограничительный распространен шире, чем в русском, хотя и идет на убыль⁴.

Таким образом, в области беспредложных адъективных словосочетаний различие между болгарским и сербохорватским языками преобладает над сходством: в то время как в сербохорватском языке имеются беспредложные словосочетания со всеми косвенными падежами зависимого существительного, к тому же представленные большим количеством прилагательных, чем в других славянских языках, в болгарском реализуется лишь так называемый беспредложный аккузатив меры. Но наличие в обоих языках беспредложной модели, выражющей количественно-определительное значение, является существенным сходным моментом, так как эта модель представлена не во всех других славянских и балканских языках.

Из сказанного ясно, что классификацию предложных моделей адъективных словосочетаний в болгарском языке можно производить только по предлогам (в то время как в сербохорватском и других славянских языках в основу классификации положена падежная форма зависимого существительного).

⁴ См. об этом: Мразек Р. Синтаксис русского творительного. Прага, 1964.

вительного, а предлог выступает в роли вторичного признака, например, срх.:

- 1) Прил + предл + Сущ_{род}: а) Прил + од + Сущ_{род}, б) Прил + до + Сущ_{род} и т.д.
- 2) Прил + предл + Сущ_{вин}: а) Прил + на + Сущ_{вин}, б) Прил + у + Сущ_{вин} и т.д.

ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ + ПРЕДЛОГ + СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ

Наиболее употребительна и богата значениями болгарская адъективная модель с предлогом *на*⁵.

I. Прил + на + Сущ

Эта модель может выражать:

- а) Ограничительные отношения: *висок на ръст, млад на вид, приятен на възгled, горчив на вкус*.

Сербохорватскими соответствиями являются модели Прил + Сущ_{тв} (*висок растом, блед лицем*), Прил + у + Сущ_{вин} (*хрома у једну ногу, слеп у друго око*), Прил + на + Сущ_{предл} (*слаб на језику*);

- б) объектно-определительные отношения с ограничительным оттенком: *готов на всичко, способен на обирничество, издържлив на болестта, чужд на всички, верен на убежденията (си), верен на себе (си), покорен на съдбата, подобен на (този) плат*.

В сербохорватском языке это значение выражается моделями Прил + на + Сущ_{вин} (*готов на плач, спреман на све*), Прил + с + Сущ_{тв} (*сличен с њим*), Прил + Сущ_{дат} (*веран му, љубазан свакоме*);

- в) собственно определительные отношения: *сив на петна, бял на лиции, бял на черти, виненочервен на райета, тревистозелен на райета (в национален стил), златистожълт на (вертикалните и хоризонталните класически) райета, червена на квадрати, студеносин на (червено-бели) квадрати, светлосин на (двуцветни) квадратчета, син на карета (тип "шотландски"), сина на точки, лимоненожълт на точки, бяла на (ярки) цветове, бяла на рисунки и пр.*

Срх. *наранчаст на пруге, маринскоплав на коцке, жут на тачке, жуткаста на туфне* и др., принадлежащие модели Прил + на + Сущ_{вин}.

Словосочетания, выраждающие это значение, относятся к числу новых, появившихся в болгарском и сербохорватском языках сравнительно недавно. Они возникли в результате переразложения субстантивных моделей с тем же значением, например, (*червен*) плат на квадрати → *червен на квадрати*, (*сини*) панталони на райета → *сини на райета*, (*бяла*) рокля на цветове → *бяла на цветове*. Эта модель входит в одну группу с моделями Прил + с + Сущ и Прил + в + Сущ, также принадлежащими к сравнительно молодым словосочетаниям, возникшим из соответствующих субстантив-

⁵ См., например, Бояджиев С. Употреба на предлога *на* в българския книжовен език. – Изв. на Ин-та за бълг. език, кн. I. София, 1952; Райчева М. Към въпроса за словосочетания с предлога *на* в българския език и технике съответствия в руски език. – В кн.: Великотърновски университет „Кирил и Методий“. Аспирантски сборник, кн. II, 1974. Велико Търново, 1974.

ных. Подобные словосочетания появились и в других славянских языках, кроме чешского и словацкого, но характерно, что только в болгарском и сербохорватском языках к этой группе относятся рассматриваемые словосочетания с предлогом *на*.⁶ В остальных славянских языках предлог *на* не передает собственно определительного значения. Так что в этом пункте болгарский язык обнаруживает непосредственную близость лишь к сербохорватскому.

Подробно такие словосочетания, их строение и возникновение описаны в другой статье автора⁶.

II. Прил + за + Сущ

В современном болгарском языке эта адъективная модель занимает второе место по многозначности, употребительности и продуктивности⁷. Одновременно она может быть охарактеризована как специфически болгарско-сербохорватская. В остальных славянских языках адъективных моделей с предлогом *за* нет или, если они возникают, они не имеют значений, выражаемых болгарской моделью с предлогом *за*.

1) Объективно-определенительные отношения с ограничительным и целевым оттенками:

а) с ограничительным оттенком: *приятен за децата, оскърбителен за мене, достойно за уважение, вреден за здравето, важен за настроение, недостъпен за веяние, неспособен за подмилване, алчен за пари, лаком за пари, жаден за впечатления*.

Ср. срх. *оран за шалу, пожртвован за свакога, пријемлив за осећаје, добар за здравље, крив за убиство*. Другими сербохорватскими соответствиями данной болгарской модели в этом значении являются различные предложные и беспредложные словосочетания. Например, Прил + по + Сущ_{вин}: *важан по мене, опасно по нас*; Прил + Сущ_{дат}: *обојици пријатни, противан свакоме*; Прил + Сущ_{род}: *достојан поштовања, желан славе, жедан воде и др.*

б) с целевым оттенком (назначение): *годен за труд, удобен за сядане, необходим за работа*.

Ср. срх. *робен за (велика) дела, способан за војску*. В сербохорватском языке для передачи отношения назначения используется также модель с предлогом *по* и винительным падежом: *штетан по здравље, опасно по нас, важан по мене*.

В русском языке это отношение выражается преимущественно предлогом *для* и родительным падежом (*годный для труда, удобный для сидения, необходимый для работы*), в польском – предлогом *do* и родительным же падежом, (*łatwy do prania*) в чешском – предлогом *pro* и винительным падежом (*težký pro nas*).

⁶ См.: Молошная Т.Н. О новых моделях адъективных словосочетаний в современных славянских языках. – Сов. славянов., 1977, № 4.

⁷ См.: Заимов Й. Употреба на предлога *за* в българския език. – Изв. на Ин-та бълг. език, 1959, VI; Асенова П. Предлогът *за* и неговите съответствия в балканските езици. – Български език, 1974, кн. 5; Тагамлицкая Г. К вопросу о предложном управлении в русском и болгарском языках. – Годишник на Соф. ун-т. Филол. фак. I, 1, София, 1956.

2) Отношения соответствия или несоответствия (определительные): *типичен за (левосектантския) курс, характерен за деца.*

Ср. срх. *карактеристичан за децу.*

В русском языке эти значения передаются моделью с предлогом для и родительным падежом: *типичный для курса, характерный для ребенка.*

III. Прил + от + Сущ

Модель выражает следующие отношения:

Определительные:

а) причинно-следственные с ограничительным оттенком: *черен от сънцето, бледен от умора, бледен от смущение, плъзгав от дъжда, силен от труда, радостен от срещата, болен от шарка.*

Сербохорватским соответствием является модель Прил + од + Сущ_{род} (*гарав од сунца, црвен од срамоте, слаб од глади, хладан од узбућене*).

Ср. русск. *черный от солнца;*

б) выделительные: *един от студентите, някой от учениците.*

Здесь обнаруживается совпадение лишь с сербохорватским языком, использующим для выражения этого значения предлог *од* и родительный падеж: *један од вас, некоји од присутних.* В остальных славянских языках данное отношение передается предлогом *из/z* с родительным падежом:ср. русск. *некоторые из учеников*, польск. *pierwszy z uczniów*, чешск. *každý z bratří*;

в) назначение: *негоден от употреба.*

Ср. срх. *способан за војску.* Надо заметить, что в болгарском языке прилагательному *годен* также более естественно сочетаться с предлогом *за*: *годен за употреба, годен за воenna служба.*

Определительно-обстоятельственные отношения:

г) определительно-временные: *сяп от рождение, болен от година, сакат от (първата светова) война.*

В сербохорватском языке употребляется та же модель Прил + од + Сущ_{род}: *болестан од (прастара) времена⁸.*

IV. Прил + с + Сущ

Модель выражает:

а) объектно-определительные отношения с ограничительным оттенком: *горд със знанията (си), добър с хората, ласкав с децата, любезен с посетителите, съгласен с мене, доволен с това.*

В сербохорватском языке этому соответствуют модели Прил + Сущ_{дат} (*љубазан свакоме, милостив мени*), Прил + с + Сущ_{тв} (*задовољан с твојим држачем*), Прил + према + Сущ_{предл} (*добар према мени*), Прил + спрам + Сущ_{род} (*правнодушан спрам ње*);

б) ограничительные отношения с оттенком значения внутреннего содержания признака: *богат с гори, изобилен с витамини, пълни със сълзи.*

Сербохорватскими соответствиями являются модели Прил + Сущ_{тв}

⁸ Асенова П. Предлогът "от" в балканските езици. — Изв. на Ин-та за бълг. език, кн. XVI. София, 1968.

(*богат стоком*), Прил + Сущ_{род} (*пун мириса*) и Прил + у + Сущ_{предл} (*богат у морским струјама*);

в) ограничительные отношения с оттенком уподобления: *единакъв с него, обич с някого, еднороден с металите, несъизмерим с величината, несъвместим с лицемерието.*

В сербохорватском здесь употребляется тот же предлог *с* и творительный падеж определяющего существительного: *једнак са* (*осталим*) светом, а также дательный беспреложный: *једнак му.*

г) собственно определительные отношения: *сив с петна, пъстър с* (*бел и тъмни*) *петна, бяла с* (*ярки*) *рисунки, сив със* (*зелен*) *оттенък, бежов със* (*зеленикав*) *оттенък, розовият с оттенък* (*в цвета на съмга*), *лилаво-кафявите с отблъсък* (*на златно и оранжево*), *сламеножълти с* (*дребни*) *десени, масленозелен с* (*едри*) *десени, топло-кафяв със* (*средно големи*) *десени, жълти с десен* (*на пепит*), *червен с десен* (*на цветни карета*), *сини с десен* (*на оригинални едри мотиви*), *сив с десен* (*в два различни разметра*), *виненочервен с десен* (*на райета*), *червен с десени* (*от геометрични мотиви*), *едноцветен с апликация* (*от разноцветни плетени мотиви*), *червен с* (*дискретни*) *пъпки, гладки с цветя* (*в шахматно повторение*), *гланцеви с* (*'перлен*) *ефект, леки с* (*красиво*) *деколте и* (*декоративни*) *елементи и пр.*

В сербохорватском, также как и во многих других славянских языках, модель Прил + с + Сущ_{тв} обнаруживает собственно определительное значение: *плав с искром, жут са* (*белым*) *пругами, бела са* (*цветным*) *десеном, ружичаста са* (*ориенталным*) *шарама, црвена са* (*плавим*) *цветовима, светоплав са* (*белым*) *туфнама* и т.д. Ср. русск. *белый с узорами.*

Словосочетания этой модели сравнительно молоды, они возникли из соответствующих субстантивных сочетаний. Их положение в языке и речи подобно положению рассмотренных выше словосочетаний с предлогом *на* (*сив на петна, бял на линии и пр.*)⁹.

V. Прил + до + Сущ

Данная модель выражает:

а) количественно-определительные отношения с оттенком значения *меры, степени признака: честен до крайност, нахален до безобразие, упорит до нахалство, внимателен до крайност.*

В сербохорватском языке это значение передается предлогом *до*, а существительное употребляется в форме родительного падежа: *до очаја камав.*

Определительно-обстоятельственные отношения:

б) определительно-пространственные с оттенком значения предела распространения признака: *гол до кръста, мокър до кости, дълъг до коляно.*

То же наблюдается в сербохорватском языке: *дуг до колена;*

в) определительно-пространственные с ограничительным оттенком: *близък до него.*

Здесь также обнаруживается совпадение с сербохорватским: *близак до мене;*

⁹ См. о них подробнее: *Молошная Т.Н. Указ. соч.*

г) определительно-временные (временной предел распространения признака): *верен до гроб, подвижен до старост, последователен до (последния) миг.*

В сербохорватском языке это значение имеет такое же выражение: *веран до гроба, привржен до смрти.*

Как видно из примеров, данная болгарская модель с предлогом *до* во всех выражаемых значениях очень близка к соответствующей сербохорватской. Следует заметить, что она характерна и для русского, польского и чешского языков, но в польском языке ей дополнительно свойственно значение назначения: *zdatny do pisania*.

VII. Прил + към + Сущ

Модель выражает объектно-определительные отношения с ограничительным оттенком: *строг към учениците, добър към животните, справедлив към другите, ревнив към тебе, равнодушен към околните, разположен към заболяване, склонна към пълнеене.*

В сербохорватском языке предлог *к* не употребляется в объектно-определительном значении, вместо него используются предлоги *према* и *спрам*, не имеющие однокорневых соответствий в других славянских языках. Так что, сербохорватскими эквивалентами рассматриваемой болгарской модели служат модели Прил + *према* + Сущ_{предл} (*добар према мени, пажлив према свакоме*) и Прил + *спрам* + Сущ_{род} (*равнощущан спрам ње*).

Болгарская модель Прил + към + Сущ имеет параллель в русском и чешском языках: русск. *добрый к детям*; чешск. *laskavý k něti*. Интересно, что в польском языке словосочетания такого строения практически отсутствуют.

VIII. Прил + по + Сущ

Для этой модели наиболее характерно:

а) ограничительное значение: *национална по форма, социалистическа по съдържание, дълбок по съдържание, близки по значение, втори по големина, добър по характер, добра по качество, весел по нрав, отзивчив по сърце, проказливи по природа, различни по цена, близки по време.*

Тот же предлог *по*, но с предложным падежом находим в сербохорватском языке: *велик по души, слеп по природи, по мащи кудрав, славан по крви.* Это значение выражается и сербохорватской беспредложной моделью с творительным падежом: *висок растом, сиромашни духом.*

Данная болгарская модель может также выражать:

б) определительные отношения принадлежности: *рядка по нас.*

в) отношения соответствия (или несоответствия): *облечена по (последна) мода.*

Для срх. модели Прил + по + Сущ_{предл} такие значения не характерны.

VIII. Прил + в + Сущ

Словосочетания этой модели выражают:

а) ограничительные отношения: *деликатен в обращенията (си), трогателен в наивността (си), ловък в политиката, опитен в занятиета, сигурен в стрелба.*

Сербохорватским соответствием является модель Прил + у + Сущ_{предл}: *постојан у љубави, у смрти лепа;*

б) определительно-пространственные отношения с ограничительным оттенком: *известен в града, дълбок в средата, тесен в раменете, широк в гърдите, тънка в кръста.*

В сербохорватском языке этому соответствует та же модель с предлогом *у* и предложным падежом: *погнат у раменима, нервозна у прстима, блед улицу, танак у појасу;*

в) собственно определительные отношения: *бяла в (ярки) рисунки, пъстър в (бели и тъмни) петна, оранжевомеден във (фигурални) десени, бежов в десен (на печатни цветчета), разноцветни в десените (на точки, карета, пепити, цветя, райета), жълто-кафява в (широки) райета.*

В сербохорватском языке собственно определительные отношения также могут выражаться моделью Прил + *у* + Сущ_{предл}: *бео у (цветном) десену, бордо у десену (у фолклорном) стилу, сив у десену (рибле кости), бледно-зелена у (плавим) нијансама.*

Вторым сербохорватским соответствием болгарской модели Прил + *в* + Сущ является модель Прил + *у* + Сущ_{вин}: *двообојне у пруге, светла у (ситан) десен.* Надо сказать, что здесь обнаруживается больший параллелизм между сербохорватским и русским (в котором также имеются две модели с предлогом *в*, выражающие собственно определительное значение, – Прил + *в* + Сущ_{вин} и Прил + *в* + Сущ_{предл}: *черный в полоску и серый в яблоках*), чем между сербохорватским и болгарским языками.

Словосочетания рассматриваемых моделей, имеющие собственно определительное значение, подобны словосочетаниям моделей Прил + *на* + Сущ (Прил + *на* + Сущ_{вин}) и Прил + *с* + Сущ (Прил + *с* + Сущ_{тв}) с тем же значением. Они так же сравнительно недавно возникли в результате переразложения соответствующих субстантивных.

IX. Прил + поради + Сущ

Данной моделью передаются преимущественно причинно-следственные отношения с ограничительным оттенком: *пепеливосин поради сушата, slab поради (своята) чувствителност лош поради нехайство, кахърен поради свъртга, досаден поради (своята) учтивост, по-сilen поради (своята) естественност¹⁰.*

Сербохорватскими соответствиями являются модели Прил + *по* + Сущ_{предл} (*неугодне по својој спољашности*), Прил + *с* + Сущ_{род} (*блажен с негова доласка*), Прил + *из* + Сущ_{род} (*поштени из страха*).

В болгарском языке существует также целый ряд адъективных словосочетаний и с другими предлогами, менее употребительных и менее многозначных. Здесь не приводится исчерпывающего перечня предложных адъективных моделей ни болгарского, ни сербохорватского языков – мы ограничиваемся лишь наиболее характерными примерами. Так, мы не привлекаем сербохорватские модели с такими специфическими предлогами как *због* (*несрећан због своје деце*), *међу* (*највреднија међу њима*), *између* (*један између њих*), *упркос/успркос* (*погрешан упркос тим чиниеницама*) и др.

¹⁰ См.: Павлова Р. Съвременните български предлози "поради", "заради" в причинна употреба. – Език и литература. София, 1968, № 6.

ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ + НАРЕЧИЕ

В современном болгарском языке словосочетания с наречиями весьма продуктивны. При этом число их постоянно увеличивается за счет роста числа наречий, в первую очередь качественных на -о и -и, образованных от прилагательных (*лукаво веселите, мъртвешки пиян*). В этом отношении болгарский язык испытал известное влияние русского. Сочетания с количественными наречиями (*много хубав, почти гола*) также довольно многочислены, однако по частоте употребления они уступают сочетаниям с качественными¹¹. Одновременно с этим в ряде качественных наречий развиваются оттенки количественного значения (*необикновено тънкият*). Обстоятельственные наречия места и времени участвуют в адъективно-адвербальных сочетаниях с определительно-обстоятельственным значением (*винахи храбър, гесен долу*).

Почти все сказанное можно отнести также и к сербохорватским адъективным словосочетаниям с наречиями.

I. Прил + Нар_{кач}

1. Прил + Нар_{кач} на -о (-е)

Модель выражает собственно определительные отношения: *заслепително бяла, приказно красива, безконечно дълга, неизмено любезна, необикновено тънкият, изключително тежки, духовно красив, природно интелигентен, отвратително страшен, безнадежно болен, външно скромна, несправедливо оскърбен, категорично отрицателен, исконно славянски, зле болен, относително здрав.*

Ср. срх. *формално непотпуни, неочекивано груба.*

В некоторых качественных наречиях развивается значение степени признака, так что они приближаются к количественным, например, *изключително тежки, безкрайно честолюбив, значительно по-млада, необикновено тънкият*. Именно таким качественным наречиям более всего свойственно образовывать сочетания с прилагательными.

То же находим в сербохорватском языке: *страшно леп, ужасно попустлив, необычно сложен, изузетно велика, претерано страшна.*

2. Прил + Нар_{кач} на -и

Эта модель менее продуктивна и менее многочисленна, чем модель с наречиями на -о. Она также выражает определительные отношения с различными оттенками: *детски радостна, бащински добър, юношески бодрия, нечовешки силен, мъртвешки пиян, граматически независима, политически целенасочена, житейски достоверен.*

Кроме наречий, образованных от прилагательных, в адъективных словосочетаниях участвуют также качественные наречия, образованные от существительных. Последних мало. Они выражают определительные отноше-

¹¹ См.: Русинов Р. Адъективни словосочетания в съвременния български език. – Трудове на Великотърновския унив. „Кирил и Методий”, 1970–1971, т. 8, кн. 1.

ния с ограничительным оттенком: *чисти духом, слабичка телом, делом добри* и пр.

По значению такие словосочетания близки к предложным словосочетаниям с существительными: *чисти духом – чисти по дух, слабичка телом – слабичка по телото*.

II. Прил + Нар_{кол}

Словосочетания этой модели также очень многочисленны и употребительны, хотя уступают словосочетаниям с качественными наречиями. Они выражают определительные отношения степени признака: *твърде мила, много хубав, доста голям, съвсем тих, почти празен още влажна, малко глупав, близко двучасов, вече кротък, крайно умен, дълбоко виновен, триж проклета, двойно по-щастлив*.

То же в сербохорватском языке: *веома лукав, веће готов, скоро готови, још млад, још вруће, врло забаван, врло хладан, одвише нормални, силно добри*.

III. Прил + Нар_{обст}

Из обстоятельственных наречий наиболее широко и свободно сочетаются с прилагательными наречиями времени, выражающие определительно-временные отношения с ограничительным оттенком. Это характерно и для болгарского и для сербохорватского языков: болг. *винаги храбър, довчера злачни, безсмъртен навеки, вечно младият, още влажни*.

Ср. срх. *увек такав, вечно млад*.

В сочетаниях этой модели участвуют также наречия места; с их помощью передается определительно-пространственное значение с ограничительным оттенком: болг. *тесен долу, широк горе, тъп отзад, ниските отдалеч, дребните отгоре*¹².

Поскольку, как известно, современный болгарский язык не имеет глагольного инфинитива (который вытеснен конструкцией с *да+Презенс*), в нем отсутствует адъективная модель Прил + Инф. Этим болгарский язык отличается от русского и западнославянских языков, обнаруживая известную близость лишь к сербохорватскому, в котором инфинитив, хотя и сохранился, но также неуклонно вытесняется конструкцией, состоящей из частицы *да* и формы настоящего времени глагола. В силу последнего обстоятельства адъективные словосочетания с инфинитивом в сербохорватском языке практически почти не употребляются. Если прилагательное выступает в предложении в качестве именной части составного сказуемого, оно может сочетаться с инфинитивом, однако в таком употреблении встречаются преимущественно формы среднего рода единственного числа прилагательных, которые нередко рассматриваются как особый класс слов – так называемая категория состояния: (*је*) *грубо гледати..., (је) најлепше лежати, лепо (је) принадлежати (чистой вери)*, *орати (је) тешко* и пр.

¹² Болгарские адъективно-адвербиальные словосочетания с учетом различных лексико-семантических разрядов наречий очень полно описаны в цитированной статье Р. Русинова.

В некоторых сферах бытования сербохорватского языка прилагательных употребляется инфинитив с предлогом *за* в значении назначения: (*књига*) *лепа за читати*. Но это не собственно сербохорватская модель как считает М. Стеванович¹³, она появилась под влиянием, с одной стороны, немецкого, с другой — итальянского языков. В сербохорватском это значение нормально выражается моделью с отглагольным существительным вместо инфинитива: (*књига*) *лепа за читане*.

КОМПАРАТИВ + ПРЕДЛОГ + СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ

Комп + от + Сущ

Данная модель выражает отношение сравнительности: *по-драга от мома, по-хубав от песен, по-млада от него, от тебе по-добър*.

Как видно из примеров, в случае, если определяющим компонентом является местоимение, оно ставится в форме винительного падежа (*мене, тебе, него и т.д.*).

Известно, что в русском языке компаратив отличается морфологической неизменяемостью. В болгарском это, естественно, относится к категории падежа; по родам и числам компаратив изменяется. В остальных славянских языках, в том числе в сербохорватском, компаратив обладает всеми грамматическими словоизменительными формами, не отличаясь в этом отношении от положительной и превосходной степеней. Ср. русск. *моложе (своей) жены и срх. лепша сунца, старици од мене*.

Заметим, что в болгарском языке компаратив образует лишь одну, притом предложную, модель словосочетаний. В сербохорватском же имеются и беспредложная модель Комп + Сущ_{род}: *лепша сунца, страшнивији зеца, скупли живота, оштрија мача*, и предложная — с предлогом *од* и родительным падежом существительного: *лепша од сунца, страшнивије од зеца, силнији од осталих, већи од мене, старији од мене, боли од свих, више од (многих) колега*. В современном сербохорватском предложная модель гораздо более употребительна, чем беспредложная.

Итак, приведенный сопоставительный очерк адъективных словосочетаний болгарского и сербохорватского языков подтверждает известный тезис о том, что сравнение близкородственных языков: наиболее интересно в области синтаксиса, ибо именно на синтаксическом уровне открываются значительные сходства, множество эквивалентных структур и одновременно ряд различий. Сходства в синтаксисе словосочетаний между болгарским и сербохорватским языками очень существенны, различия же выявляются не столько в системе, сколько в распределении структурных единиц, в их употребительности и продуктивности. Произведенное сопоставление болгарских и сербохорватских адъективных словосочетаний может быть использовано в дальнейших более широких синтаксических описаниях, которые необходимы как предварительный этап для создания типологической грамматики славянских языков.

Материалом исследования служили толковые, фразеологические и двуязычные словари и грамматики болгарского и сербохорватского язы-

¹³ Стеванович М. Савремени српскохорватски језик. II. Синтакса. Београд, 1974.

ков, отдельные специальные исследования и некоторое количество текстов, отражающих явления современной живой речи, а также в некоторых случаях – сведения, полученные от информантов-лингвистов. Словари, грамматики и тексты приводятся в конце статьи; специальные исследования упоминаются в сносках по ходу изложения.

ИСТОЧНИКИ

- Речник на съвременния български книжовен език. т. I–III, София, 1955–59.
Български тылковен речник. София, 1976.
Бернштейн С.Б. Болгарско-русский словарь. М., 1975.
Русско-болгарский словарь. Составил С.К. Чукалов. М., 1972.
Речник србскохорватског књижевног језика, кн. I–V. Нови Сад–Загреб, 1967–1973.
Сербско-хорватско-русский словарь. Составил И.И. Толстой. М., 1958.
Иванович С., Петрович И. Русско-сербскохорватский словарь, М., 1976.
Попов К. Съвременен български език. Синтаксис. София, 1963.
Андрейчин Л. Основна българска граматика. София, 1944.
Стевановић М. Савремени српскохрватски језик. II. Синтакса. Београд, 1974.
Лалевић М.С. Синтакса српскохрватског књижевног језика. Београд, 1962.
Журналы мод "Лъч" (София) 1972–74; "Лада" (София) 1975; "Praktična Žena", (Београд), 1974–76; "Наша жена" (Титоград), 1973–74.

Т.М. С У Д Н И К

ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ НАД ЧИСЛИТЕЛЬНЫМИ В ГОВОРАХ ЛИТОВСКО-СЛАВЯНСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ

Коммуникативная значимость и высокая частотность числительных позволяют уже a priori предполагать для них отмеченную роль в условиях языковых контактов. Это и подтверждают наблюдения над ситуацией реликтовых литовских островов на территории Белоруссии, где числительные на фоне других слов выделяются рядом очевидных особенностей. Так, например, их отличает исключительная стойкость при угасании двуязычия: когда носители литовского говора, утрачивая навыки родной речи, полностью переходят на белорусский (Зетела, Лаздуны), то именно числительные дольше и прочнее всего сохраняются в памяти, оставаясь, так сказать, последним оплотом двуязычия (ср.: "гаварыць па-літоўску не магу, толькі лічыць умею па-літоўску..."). И с другой стороны, если обратиться к случаям живого и относительно стабильного двуязычия (Пеляса, Гервяты), то положение числительных опять-таки примечательно – они непременно входят в тот литовский лексический минимум, который в силу постоянного контакта усваивают исконные носители белорусского говора (становясь тем самым уже носителями пассивного – по крайней мере – двуязычия). Так или иначе, воспринимаемые в первую, а утрачиваемые в последнюю очередь, числительные контактирующих языков всегда взаимно понятны, они образуют область фактов, регулярно соотносимых и идеально приравниваемых друг к другу, – не только из-за материального подобия литовской и славянской версий, но также ввиду простоты и строгости семантической структуры этого класса слов (ср. "терминологичность" числительных: наличие, как правило, одно-однозначного соответствия между словом и

числом, стилистическую нейтральность и т.д.¹). Именно поэтому здесь в равной мере ожидаемы противоположные явления – и интенсивное взаимодействие, возникновение межъязыковых аналогий, и сознательное, контролируемое разграничение фактов разных языков. Какова действительная картина, определить в общем плане сейчас трудно, так как с точки зрения интерференции числительные этого ареала еще специально не изучались.

В этой заметке особенности системы числительных в зоне литовско-славянского пограничья рассматриваются на материале белорусского говора д. Пеляса (Вороновский р-н Гродненской обл.). Пеляса – центр и одновременно средоточие языковых норм островка из нескольких деревень в междууречье Дитвы и Пелясы, где издавна сохраняется традиция литовско-белорусского двуязычия². Белорусский здесь, естественно, служит средством междиалектного общения, для части населения это родной и единственный активно используемый язык, для большинства же это второй язык, употребляемый попеременно с литовским. Диахронически существенно учесть и ту роль, которую в прошлом играл здесь польский язык (белорусско-польское двуязычие, литовско-белорусско-польское трехъязычие до войны, сейчас польским в той или иной степени владеет старшее и отчасти среднее поколение), тем более если речь идет о числительных, которые в первую очередь оказывались в сфере польского влияния (ср. значение системы денежного обращения, ведения учетных документов и проч.).

Обе версии белорусского (родной и второй язык) рассматриваются здесь как единая система: сравнительные наблюдения показали, что специфических явлений, свойственных одной версии в противоположность другой, нет, расхождения между ними минимальны и выражаются лишь в различной степени употребительности некоторых форм. Цель описания состоит в том, чтобы обратить внимание, главным образом, на те особенности этой системы, которые обусловлены контактной ситуацией.

Количественные числительные

адзін, адна́//адна́я, адно́
два, дзве//две
три
чаты́ры//чты́ры
пяць
шэсць
сем//седм//сéдем
(в) осем
дзёвяць
дзёсцяць
адзіна́ццаць//едына́сця
двана́ццаць//двана́сця

Порядковые числительные

пéрши, -ая, -ae
другí, -áя, -éе
трэ́ці, -яя, -яе
чацвéрты//чвáрты, -ая, -ae
пáты, -ая, -ae
шóсты, -ая, -ae
сéмы, -ая, -ae
(в) осмы, -ая, -ae
дзевáтты, -ая, -ae
дзесáтты, -ая, -ae
адзіна́ццаты//едына́сты, -ая, -ae
двана́ццаты//дванáсты, -ая, -ae

¹ См. об этом: Супрун А.Е. Славянские числительные. Минск, 1965, с. 30–33.

² Подробнее см.: Судник Т.М. К истории языковой ситуации Пелясы. В кн.: Балто-славянские этноязыковые контакты. М., 1980, с. 181–191; см. также ряд других статей в этом сборнике.

Количественные числительные

трынáццаць//трынáсця
 чатырна́ццаць//чтырна́сця
 пятна́ццаць//пятна́сця
 шасна́ццаць//шасна́сця
 семна́ццаць//семна́сця//
 седемна́сця
 (в) асемна́ццаць//(в) осемна́сця
 дзевяtnáццаць//дзевяtnáсця
 двáццаць
 трýццаць
 чтырдзéсця//сóрак
 підзісят
 шéзьдзісят
 сéмдзісят
 дзéвядзясят
 сто//сóтня
 дзвéсця//дзвéсця//дзве сóтні
 трýста//тры сóтні
 чаты́рста//чаты́ры сóтні
 пáцьсót//пáць сóтняў
 шéсцьсót//шéсць сóтняў
 сéмсót//сем сóтняў
 (в) осемсót//(в) осем сóтняў
 дзéвяцьсót//дзéвяць сóтняў
 тысяча//ты́сéнц

Порядковые числительные

трынáццаты//трынáсты, -ая, -ае
 чатырна́ццаты//чтырна́сты, -ая, -ае
 пятна́ццаты//пятна́сты, -ая, ае
 шасна́ццаты//шасна́сты, -ая, -ае
 семна́ццаты//семна́сты//седемна́сты,
 -ая, -ае
 (в) асемна́ццаты//(в) осемна́сты,
 -ая, -ае
 дзевяtnáццаты//дзевяtnáсты,
 -ая, -ае
 дваццаты, -ая, -ае
 трыццаты, -ая, -ае
 саракавы, -áя- -óбе//чтырдзéсты, -ая, -ае
 підзісяты, -ая, -ае
 шéзьдзісяты, -ая, -ае
 сéмдзісяты, -ая, -ае
 дзевяянóсты//дзевядзясяты, -ая, -ае
 сóты, -ая, -ае
 двухсóты, -ая, -ае
 трохсóты, -ая, -ае
 чатырохсóты, -ая, -ае
 пяцьсóты, -ая, -ае
 шéсцьсóты, -ая, -ае
 семсóты, -ая, -ае
 (в) осемсóты, -ая, -ае
 дзевяцьсóты, -ая, -ае

В составе количественных числительных обращает на себя внимание вариантность форм, которая обнаруживает сразу двоякую ориентацию – и на польскую, и на литовскую системы. Числительные второго десятка '11' – '19' представлены двумя конкурирующими вариантами – "белорусским" *адзінáццаць* – дзевяtnáццаць и "польским" *едынáсця* – дзевяtnáсця (ср. и соответственные неопределенно-количественные числительные: *кільканáццаць* и *кільканáсця*). Польские варианты (вернее, гибридные образования, где второй компонент *-насця* восходит к польскому, а первый оформлен в соответствии с белорусской нормой, ср. *трынáсця*, *семна́сця* и т.д.), пожалуй, более характерны для речи старшего поколения, белорусские же чаще используются людьми среднего и младшего возраста. Однако это самое приблизительное и далеко не последовательное распределение, нередко как те, так и другие формы употребляются смешанно в одном и том же идиолекте. Можно указать лишь некоторые случаи явной дифференциации, закрепленной за определенными контекстами, ср. *дванáсця* злóтых, но *дванáццаць* рублей и т.п.

Для '40' и '90' основными вариантами являются *чтырдзéсця* и *'дзевядзясят*, а не *сóрак*, *дзвеянóста*, которые ощущаются как новые, не традиционные для говора (ср.: *некалі гаварылі чтырдзéсця*, а *тэраз кажуць с ó рак*). Утверждение в говоре форм *чтырдзéсця*, *дзевядзясят*, по всей вероятнос-

ти, произошло в результате двойного воздействия польских и литовских числительных с их однотипной словообразовательной формулой (10×4 , 10×9 : *czterdzieści*, *dziewięćdziesiąt* и *k'ąturylsd'ąsytс'*, *deviń'asd'ąsytс'*).

Для группы '100'; ...'900' характерно функционирование на равных правах (и по частоте, и по условиям контекстов) вариантов *сто//сótňia*, *дзvéscia//дзvе сótňi*, ...*дзéвяцьscót//дзéвяць сótňią* – по-видимому, в связи с ориентацией на литовскую модель, где соответствующие числительные передают-ся существительным *šȳmtas* и сочетаниями, *dù, tr̄ys, k'ątury šȳmtai*. Двойное ударение в формах *náycsót*, ...*дзéвяцьscót* отражает еще один путь межъязыкового взаимодействия: здесь сказывается, с одной стороны, зависимость от парокситонезы в польском и, с другой стороны, – своеобразное равнение на литовские составные формы (акцентирование обоих компонентов сложного слова воспринимается как подчёркивание их относительной самостоятельности).

Наконец, варианты *две, дvéscia* связаны с влиянием фонетики лит. *dvi* (наряду с дзугающей формой *dziū*); *четыре, сédem//сéдем, ты́сёнц* восходят к польскому.

Что касается склонения количественных числительных, то наиболее интересной особенностью, выделяющей пелясский говор из всего белорусского ареала и, безусловно, связанной со специфической языковой ситуацией, является крайнее упрощение системы: круг склоняемых числительных сужен до единиц первого десятка *адzín* – *дзéвяць*, все остальные числительные (исключая, разумеется, числительные-существительные *sótňia*, *ты́sčia//ты́sénči*, *míl'én*) не склоняются. Список несклоняемых форм открывает числительное *дзéвяць* – пример, позволяющий увидеть, как межъязыковая аналогия (ср. *indeclinabile dzăšytс'* в литовском) может оказаться сильнее внутриязыковой унификации, ср. разрушение однотипности *дзéвяць-дзéвяць*: *дзéвяць* имеет полную парадигму – И.В. *дзéвяць* Р. *дзевяці* Л. *дзевяцём* Т. *дзевяціма//дзевяцьмá* М. *дзевяцёх*, тогда как *дзéвяць* выступает обычно лишь в застывшей форме, ср.: *з дзéвяць рублямі паехала, níma дзéвяць рублей* и т.п. (косвенные падежи от *дзéвяць*, аналогичные падежи *дзéвяць*, звучат, по словам информанта, *незграбне!*!).

Подобным образом зависят от литовского и все остальные случаи несклоняемости числительных, причем характерно, что в синтаксическом отношении словосочетания с числительными оформляются в обоих говорах одинаково: числительное в клишированной форме + изменяемое по падежам существительное, ср.: *у адзінаццаць* (*дваццаць, підзісціт* и т.д.) *хатах жыюць, а дзвé тошчыя* – *vietnol'ka rík'úosa býna, o dzvì tukšos* и т.п. В составных формах типа *дваццаць* *адzín* и т.д., соответственно, склоняются лишь обозначения единиц, ср.: *трýццаць трóх жменяў тут не будзе; курыцу садзяць на дзевяцнасця альбо на дваццаць адно́м яйку*, и т.п.

Для числительных, обозначающих сотни, характерно предпочтительное употребление в косвенных падежах изменяемых словосочетаний: *з сótňią воркаў, да чатырох сótňią жменяў лéну* (реже: *са стó воркамі, да чатырыс-ta жменяў лéну*).

Норма несклоняемости для указанного круга числительных объединяет обе версии белорусского говора (родной и второй язык), однако более последовательно она проводится в речи двуязычных. Нарушения случаются, главным образом, числительных *дзéвяць* – *дваццаць* и *трýццаць*.

Это, во-первых, следствия внутриязыковой унификации, под действием которой в отдельных случаях для этих числительных (особенно часто для *дзесяць*, *двáццаць*, *трýццаць*) может сохраняться парадигма склонения (И.В. *двáццаць* Р. *двáццацí* Д. *двáццацéм* Т. *двáццацьмí//двáццацьмá* М. *двáццацéх*, причем, для '11'–'19' в косвенных падежах засвидетельствована форма на *-i* (*адзінáццацí* и т.п.). Во-вторых, это следы польского влияния – речь идет о числительных '11'–'19' в варианте *едына́сця* – *дзе-вята́на́сця*, для которых отмечены формы косвенных падежей на *-u*: *седем-на́сту гадо́у хлопець, да двана́сту ручнíко́й ткала* и т.п., а также соответствующие лично-мужские формы в И.: *пяtnástu работнíкаў было, едына́сту гаспадаро́й злажыліся* и т.п.

Парадигмы склоняемых числительных представлены следующим образом:

'1' – мужск. и ср. р. И.(В.) *адзін*, *адно* Р.(В.) *адна́гó* Д. *адна́мú* Т. *адны́м* М. *адно́м*; женск. р. И. *адна́//адна́я* Р.Д. *адно́й//адна́е́й* В. *адну́//адну́ю* Т.М. *адно́й* (членной формы не засвидетельствовано);

'2' – мужск. и ср. р. И.(В.) *два* Р.(В.) М. *двох* Д. *двом* Т. *двамá* (для ср. р. отмечена и форма *двомi*: *бярэмáмí двóмí абыняць*); женск. р. И..(В.) *дзве* Р.(В.) М. *дзвёх//двёх* Д. *дзвéм//двём* Т. *дзвя́мá//двя́мá*;

'3', '4' – без различий по роду И.(В.) *чаты́ры//чтыры* Р.(В.)М. *чатыро́х* Д. *чатыро́м* Т. *чатыро́мá*;

'5' – '9' – И.В. *пяць* Р. *пяцí* Д. *пяцём* Т. *пяци́мá//пяци́мá*, но: *сямí, (в) ась-мí* М. *пяцёх*.

В парадигме *пяць* – *дзесяць* следует обратить внимание на несовпадение форм Р. и М. – в связи с этим формы числительных с собирательным значением в предложениях типа *ч а т y р ó x kасíлі, т р o x малацíлі, п я ц ё x ткалі* трактуются как локативные (а не генитивные) и могут быть поставлены в соответствие литовским локативным формам в аналогичных случаях, ср.: *p e n k i e s a ъyепávо, k'aturosà kúlа línus*. В подобных контекстах функционирует как форма наречного типа *дзесяцёх* (при норме несклоняемости для этого числительного): *д з с с я ц ё х ужо ляжыць на маgильníку, дзесяцёх злажыўшыся малацíлі лён*.

В составе порядковых числительных выделяется группа польских вариантов, в точности повторяющая колебания в системе количественных: *чацвéрты//чвáрты, адзiнáццацты//едына́сты* и т.д. В составных числительных в форме *ordinalia* выступает только последний компонент: *(в)осемсóт дзевядзясят пяtaga року, трýццаць сéмы год* и т.п.

Для характеристики разряда *дроби* интерес представляют последовательно сохраняющиеся в говоре наименования смешанных дробей, отражающие счет половинами:

<i>поўтарá</i>	<i>(пуда)</i>	<i>поўтары́</i>	<i>(kíli)</i>
<i>поўтрацá</i>	<i>–”–</i>	<i>поўтрацí</i>	<i>–”–</i>
<i>поўчвáртá</i>	<i>–”–</i>	<i>поўчвáрты</i>	<i>–”–</i>
<i>поўпята́</i>	<i>–”–</i>	<i>поўпятá</i>	<i>–”–</i>
<i>поўшастá</i>	<i>–”–</i>	<i>поўшасты</i>	<i>–”–</i>
<i>поўсямá</i>	<i>–”–</i>	<i>поўсямý</i>	<i>–”–</i>
<i>поўасьмá</i>	<i>–”–</i>	<i>поўасьмý</i>	<i>–”–</i>
<i>поўдзевята́</i>	<i>–”–</i>	<i>поўдзевяты</i>	<i>–”–</i>
<i>поўдзесята́</i>	<i>–”–</i>	<i>поўдзесяты</i>	<i>–”–</i>

Этот ряд продолжают сложения элемента *поў-* с порядковыми числительными:

тельными в форме генитива: *поўдвана́стаго ворка*, *поўчырна́стай кадуш-
кі*, *поўдацца́таго фунта*, *поўдзе́тай капы* и т.д. Подобные образования не уступают по частоте употребления составным обозначениям типа *пяць с палюбай*. Сохранение этого архаизма, безусловно, поддерживается аналогией со стороны соответствующих польских и литовских форм, ср.: *pus-
kecvíto māšo*, *puskecvirtōs kodēs*, *pólczwarta worka* и т.п.

Собирательные числительные различают две разновидности: 1) при *pluralia tantum* выступают следующие формы, согласующиеся в падеже с относящимися к ним существительными: *двói*, *трói*, *чацвё́ры//чвó-
ры*, *пяцё́ры*, *шасцё́ры*, *сямё́ры*, (*в*)*асмё́ры*, *дзеяцё́ры*, *дзесяцё́ры* (*кро-
ны*, *сукти*, *пичолы*, *нажніцы* и т.п.); 2) при слове *дзеци* и при названиях детенышей животных употребляются формы: *двóя*, *трóя*, *чацвё́ра//чвóра*, *пяцё́ра*, *шасцё́ра*, *сямё́ра*, (*в*)*асмё́ра*, *дзеяцё́ра*, *дзесяцё́ра* (+ сущ. в Р.: *дзяцей*, *паршукоў*, *цялюкоў* и т.п.). Ср. также противопоставление парадигм:

И.В. <i>двói, чацвё́ры пичолы</i>	<i>двóя, чацвё́ра дзяцей</i>
Р. <i>двóiχ, чацвя́рых пичолаў</i>	<i>дваiх, чацвё́ра//чацвя́рых дзяцей</i>
Д. <i>двóim, чацвя́рым пичолам</i>	<i>дваiм, чацвё́ра//чацвя́ром дзяцям</i>
Т. <i>двáima, чацвё́рымі пичоламі</i>	<i>дваíма, чацвё́ра//чацвя́рыма// чварýма дзяцьмі</i>
М. <i>двóiχ, чацвя́рых пичолах</i>	<i>дваiх, чацвё́ра дзяцяx</i>

К семантическому обоснованию форм первого типа ср. их употребление в собирательно-разделительном значении: *двói лякарсты*, *трói ніci* (т.е. лекарства, нити разных видов). Формы на *-i*, *-ы* (в основном *двói*, *трói*) отмечаются в белорусской диалектологии как спорадические явления³, в Пелясе же последовательное разграничение форм *двói* – *дзесяцё́ры* (*пичолы*) и *двóя*–*дзесяцё́ра* (*дзяцей*) связано, как видно, с тем, что оно находит структурное соответствие в литовском говоре, отличающем множественные и собирательные числительные, которые обладают подобными же синтаксическими свойствами, ср. *dvejì*, *trajì*, *ketverì*... *devineli* (*stóvai*) и *dv'ājatas* (*dzv'ātas*)... *devin'atas* (*vaiku*).

Наряду с приводившимися выше локативными числительными-наречиями с собирательным значением (*двох/дзвёх*, *трех* и т.д. *малацілі*) отмечены формы *дваігú*, *трайгú*, *чацвяргú* (*жыньцу*), восходящие к локативу польских собирательных числительных.

Даже материал этих первых наблюдений достаточно ясно показывает, насколько тесно судьба числительных связана с языковой ситуацией. Система числительных белорусского говора Пелясы, служащего общим языком дву- или трехъязычного населения, обнаруживает признаки ориентации и на литовский, и на польский, приближаясь таким образом к *диасистеме*. При этом в ней свободно соуживаются факты языкового смешения (ср. адаптацию полонизмов и произвол их чередования с исконно белорусскими вариантами), инновации (например, утрата склонения, симметричный литовскому, или следование в некоторых случаях польской парадигме) и архаизмы, нашедшие опору в структуре другого языка (ср. дробные числительные типа *поўтара* или собирательно-разделительные числительные).

³ См.: Чабярук А.І. Лічбнік у беларускіх гаворках. Мінск, 1977, с. 66.

О ЛИТОВСКОЙ ФОРМЕ РОД.П. ДВ.Ч. *MŪMA 'НАС ОБОИХ'*

В южной части западно-аукштайтского диалекта, на границе с Калининградской областью, где хорошо сохранилось двойственное число личных местоимений¹ и глаголов, обнаружена форма род.п. дв.ч. *mūta* 'нас обоих' и соответствующая *jūta* 'вас обоих'. Например, в *Slavikai* (Шакяйского р-на) говорят: *jie prišoko prie mūta* 'они подскочили к нам обоим', *po jūta gausiu nusipūkt* 'от вас обоих (мне) удастся (что-нибудь) для себя купить'. Данные формы раньше употреблялись также в соседних литовских говорах на территории б. Восточной Пруссии, например в окрестностях *Ragaine* (совр. Неман)². Они попали в грамматики К. Сапуна – Т. Шульца (1643–1673 г.), Г. Остермейера (1791 г.), К. Мильке (1800 г.), А. Шлейхера (1856 г.), Фр. Куршата (1876 г.) и др.³ В XVIII в. употреблялись классиком литовской литературы К. Донелайтисом, например (число указывает строку в "Metai"): *Kaip Šū Šwaidijęs ant Lauko jumtā Sunėlis 387, més wis! smirdėt dèl jūmā pradėjom 643⁴.*

В других диалектах литовского языка данной формы нет. Имеется лишь тождественная форма дательного (иногда творительного) падежа, обнаруженная в восточной части Литвы. Так как здесь двойственное число совпало с множественным, указанная форма приобрела значение множественного числа, т.е. *mūta* значит 'нам', *jūta* 'вам'. В настоящее время она систематически так употребляется лишь в говоре близ Радуни (БССР), например в деревне *Bieliūnai* (около *Nočiai*). У людей старшего поколения такое употребление зафиксировано еще в окрестностях *Šeduva* (Радвилишкский р-н). Из более ранних фольклорных записей видно, что раньше оно было распространено значительно шире⁵.

В упомянутой выше деревне *Bieliūnai* имеются формы дательного (соответственно и творительного) падежа на *-ta* не только *mūta* 'нам', *jūta* 'вам', но и *akīta* 'глазам', *žmonīta* 'людям', *naktīta* 'ночам', т.е. здесь наряду с обычными для восточной Литвы сокращенными формами дательного (творительного) падежа на *-t* употребляются также реликтовые формы на *-ta*, особенно у существительных с основой на *-i*⁶.

На основе данных древнелитовских памятников (ср. *po akīta didžio swieto* в Постилле Бреткунаса I 116₁₀) следует заключить, что *-(i)ta* является исконным окончанием дательного-творительного падежа двойственного числа. Еще ср. ст.-слав. КОСТЬМА. Следовательно, и формы *mūta*, *jūta*

¹ Именное склонение здесь сохранило лишь форму вин.п. дв.ч., например *matai* *dù vilkū* (наряду с *nubégo dù vilkai*).

² Примеры приводятся из: *Gargasaite D. Lietuvic kalbos asmeninių įvardžių pirmojo asmens dviskaita. — Lietuvos TSR Mokslo Akademijos darbai, serija A, t. 1 (16)*, Vilnius, 1964, p. 237.

³ Примеры там же.

⁴ *Donelaitis K. Rastai. Vilnius, 1977*, p. 112, 206.

⁵ См. *Aruama P. Untersuchungen zur Geschichte der litauischen Personalpronomina*. Tartu, 1933, S. 78.

⁶ В качестве творительного падежа указанные формы иногда различаются ударением, например, *naktīta* // *naktītā*. Реликтовые формы на *-ta* здесь сохранились и у прилагательных, согласованных с существительными, например, *čia reikia žmogaus akīta šviesiota* 'здесь необходим человек со светлыми глазами'.

должны представлять собой исконные формы дательного—творительного падежа двойственного числа.

Возникает вопрос, в каком отношении к указанным формам дат.п. находятся соответствующие формы родительного падежа *tūta*, *jūta*.

Адальберт Бещенбергер еще более 100 лет тому назад полагал, что формы родительного падежа *tūta*, *jūta* являются продолжением индоевропейского ablative двойственного числа⁷. Данное мнение до сих пор является популярным и повторяется многими исследователями⁸. Нам оно не представляется убедительным не только из-за сомнительности существования формы ablative дв.ч. в общеиндоевропейском, но и ввиду точного соответствия литовского окончания *-i/ma* и старославянской флексии дат.-тв.п. дв.ч. *-(Ь)MA*.

На наш взгляд, форма *tūta* (*jūta*) является исконной формой дат.-твор.п. дв.ч. Функция род.п. дв.ч. у данной формы является вторичной. Появление указанной функции связано с изменением в употреблении падежей в предложных конструкциях. Ведь в старолитовском некоторые предлоги, в первую очередь *iki* (*ligi*), *pō*, *priē*, употреблялись с дательным падежом, напр. *iki* (*ligi*) *mīskui*, *pō laikui*, *priē nātui*. И лишь впоследствии они стали употребляться с родительным: *iki* (*ligi*) *mīško*, *pō laiko*, *priē nātō*.

Следовательно, с того момента, когда вместо *prie mīskui* появилась конструкция *priē mīško*, *priē mīška*, сохранившаяся реликтовая форма *tūta* (соответственно и *jūta*) в сочетании *priē tūta* стала восприниматься в диалекте как форма родительного падежа. По модели *priē mīšu* (новая конструкция) // *prie tūta* (старая конструкция) и наряду с *dēl mīšu* стали говорить *dēl tūta*, а отсюда *tūta* (*jūta*) было обобщено и в беспредложных конструкциях.

В диалектах восточной Литвы форма *tūta* (*jūta*) не могла приобрести значения родительного падежа, т.к. в них до сих пор сохранились конструкции дательного падежа с указанными выше предлогами.

Виду того, что новые формы род.п. *tūta* (*jūta*) плохо согласовывались с остальными формами родительного падежа множественного (=двойственного) числа, сп. *dviejū vaikū*, в грамматиках стали их заменять новообразованиями *tūtu*, *jūtu*. Отсюда написание *tūtu dwieju* в "Anfangsgründe einer Littauischen Grammatik" Р.Ф. Руига (1747 г., с. 58). Ср. еще *tūtu dwieju*, *jūtu dwieju* у Клейна (Compendium) 1654 г., с. 45, 46), *Mitū dwieju* у Гаака (F.W. Haack, 1730 г., 277), *Mitū* у Мильке (1800 г., с. 67).

⁷ Bezzemberger A. Beiträge zur Geschichte der litauischen Sprache auf Grund litauischer Texte des XVI. und des XVII. Jahrhunderts. Göttingen, 1877, S. 149.

⁸ Напр., в последнее время см. Gargasaitė D. Lietuvių kalbos asmeninių įvardžių pirmojo asmens dviskaita... 237–238; Idem. Dviskaita. – Mūsų kalba. Vilnius, 1976, Nr. 5, p. 55.

СЛОГОВЫЕ АКЦЕНТЫ ЛИТОВСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА В ДВУСЛОЖНЫХ ОМОНИМАХ, ПРОИЗНЕСЕННЫХ ШЕПОТОМ

Литовский язык принадлежит к языкам с музыкальным типом ударения, т.е. со сложнейшей просодической системой. Для литовского литературного языка характерно противопоставление акутового и циркумфлексного слов в слове, ядро которого составляет долгий гласный дифтонг либо дифтонгическое сочетание, например: [sú:ris] *sūris* 'сыр' – [sū:ris] *sūris* 'солнечность', [á:ustr'e] *austrē* 'австрийка' – [au:st're:] *austrē* 'устрица', [ka:ltas] *kálta* 'долото' – [kałtas] *kałtas* 'виноватый'.

Разница между акутовым и циркумфлексным слоговым акцентом лучше всего выражается и воспринимается при произнесении сложных дифтонгов, например: [s'ž:ilē:] *šeile* 'слюна' – [séi-lé:] *seilē* 'слоняйка', и дифтонгических сочетаний, например: [ká:ltas] *káltq* 'долото' (винит. падеж) – [kalta:] *kałta* 'виноватую'. При произнесении монофтонгов, например: [gí:vís] *gyvís* 'живое существо' – [gi:vís] *gyvís* 'живость' и слитных дифтонгов [ie], *ie*, [uo], *uo*, например: [juódis] *juodis* 'вороной' – [juōdis] *juōdis* 'чернота', [*kietis*] *kietis* 'чернобыльник' – [*kiētis*] *kiētis* 'твердость', разница не существенна. Одной из причин этого является, видимо, то обстоятельство, что монофтонги и слитные дифтонги – значительно короче, чем сложные дифтонги¹. Расположение основного тона и интенсивности монофтонга и слитного дифтонга на более коротком отрезке, чем дифтонг, хуже выражено и хуже воспринимается. Кроме того, контекст или общий смысл фразы почти всегда подсказывает, какое слово из омонимической пары имеется в виду. Весьма важную роль играют также диалекты: "Не все литовцы одинаково акцентируют... Неодинаковы в говорах и слоговые акценты долгих слов" ². Поэтому вчерашние выходцы из разных диалектов литовского языка, говорящие сегодня на литературном языке, не сохраняют оппозиции слоговых акцентов долгих гласных и слитных дифтонгов, и такое нивелирование слоговых акцентов не считается нарушением произносительной нормы.

Нивелирование оправдывается, наверное, и тем, что юго-западное наречие верхнелитовского диалекта, легшего в основу литературного языка, которое хорошо различает акутовый и циркумфлексный слоговые акценты во всех видах долгих слов, территориально очень ограничено.

На вопрос, в чем заключается разница в реализации акутового и циркумфлексного слогового акцента, в данное время ответить трудно.

Ф. Куршат впервые указал на наличие в литовском языке двух слоговых акцентов, различающихся движением тона³, а К. Явнис, кроме разницы в движении основного тона, еще заметил разницу в силе голоса⁴.

В последние годы слоговые акценты исследуются экспериментально разными авторами. Однако результаты, как и в других языках с музыкальным

¹ См.: Lietuvių kalbos gramatika, t. I. Vilnius, 1965, p. 151–157.

² См.: Zinkevičius Z. Lietuvių dialektologija. Vilnius, 1966, p. 32.

³ См.: Kurschat F. Grammatik der litauischen Sprache. Halle, 1876, S. 58–60.

⁴ См.: Явнис К. Грамматика литовского языка. Пг., 1908–1916, с. 33–34.

ударением, получаются противоречивые, вызывающие разногласия. Для литовского языка вполне подходит мысль, высказанная Т.М. Николаевой по поводу исследований сербских акцентов: "... чем больше появляется достоверных знаний о сербских акцентах, тем меньше представляется возможным "закрытие" этой темы, тем больше возникает споров вокруг их просодической сущности"⁵.

Надо только подчеркнуть, что недостаточно осмотрительные исследования литовских слоговых акцентов приводят не к достоверным значениям, а скорее к поспешным и неоправданным выводам.

В данной статье мы коснемся одного вывода, сделанного А. Гирдянисом и А. Пупкисом из аудиторского анализа шепотной речи, и постараемся раскрыть возможности шепотной речи, которые могут помочь в будущем определить типы реализации слоговых акцентов, выбор которых для представителей разных диалектов наверняка не произволен, а задан заранее.

Упомянутые языковеды утверждают: "... аудиторский анализ показывает, что в шепотной речи слоговые акценты различаются если не лучше, то по крайней мере не хуже, чем в привычной речи: создается впечатление, что образованный голосовыми связками основной тон не выявляет слоговые акценты, а их приглушает"⁶. И в сноске 4-й авторы объясняют: "Исследование по указанной нами методике провела в средней школе Кудиркос-Науместиса студентка Гедре Каукайте. Здесь надо отметить, что в шепотной речи музыкальные "тоны" также могут различаться, только намного хуже, чем в слуховой речи, ср. Fintoft, 1970, с. 125"⁷. В резюме авторы пишут: "... можно предполагать, что при восприятии акцентов существенную роль играют не просодические, а спектральные признаки (т.е. относительная энергия формантной структуры)"⁸.

Для исследования слоговых акцентов в шепотной речи нами было записано на магнитофоне 12 пар двусложных омонимов – имен существительных в звательном падеже с назывной интонацией, различающихся лишь слоговым акцентом, таких, как например: /g̫i:v̫i/ g̫yvi 'живое существо' – /g̫i:v̫i/ g̫yvi 'живость', /r̫i:t̫e/ ryte 'утро' – /r̫i:t̫e/ R̫yte 'Рите' (женское имя), /š̫i:v̫i/ š̫yvi 'сивка' – /š̫i:v̫i/ š̫yvi 'сивость', /s̫u:r̫i/ s̫uri 'сыр' – /s̫u:r̫i/ s̫uri 'соленость', /á:ustré/ áustre 'австрийка' – /aū:stre/ aūstre 'устрица' и др. Все слова приносились шестью дикторами громко и половина этих слов шепотом. Были сделаны осцилограммы слов, произнесенных и громко, и шепотом. Дикторы Д1, Д2, Д3 – женщины, Д4, Д5, Д6 – мужчины.

Дикторы Д1, Д2, Д4 – уроженцы юго-западной Литвы (Д1 – из местности Бартникай, Д4 – из Паявониса, т.е. оба диктора из Вилкавишского района, Д2 – из Шакай), где очень хорошо в произношении сохраняется и воспринимается оппозиция слоговых акцентов, а дикторы Д3, Д5, Д6 – дзюки (Д3 – из местности Вевис, Д5 – из Зервинос Варенского р-на, Д6 – из Пивашюней Алитусского р-на), о которых говорится: "Все дзюки слоговые акценты ударных долгих гласных и дифтонгов ie, io (которые мы на-

⁵ Николаева Т.М. Фразовая интонация славянских языков. М., 1977. p. 196.

⁶ Girdenis A., Pupkis A. Pietinių vakarų aukštaičių priegaidės (prozodiniai požymiai) – Eksperimentinė ir praktinė fonetika, t. 6. Vilnius, 1974, p. 118–119.

⁷ Там же, с. 119.

⁸ Там же, с. 125.

зывают слитными. – В.В.) различают хуже, чем юго-западные аукштайты⁹. Все дикторы хорошо владеют литературным языком и сохраняют свойственную родному говору реализацию слоговых акцентов.

Длительность слогообразующих звуков в омонимах, произнесенных громко и шепотом, показывает, что в шепотной речи удлиняются слогообразующие звуки, причем акутовые гласные с небольшими отклонениями удлиняются меньше, чем соответствующие циркумфлексные, а акутовые дифтонги, наоборот, удлиняются больше, чем соответствующие циркумфлексные, так как первый компонент акутowego дифтонга ударный и более открытый, чем соответствующего циркумфлексного.

Для примера приведем здесь длительность трех омонимических пар слов в процентах от длительности всего слова, произнесенного громко (г.) и шепотом (ш.) всеми дикторами, и приведем разницу (р.) в процентах от длительности всего слова¹⁰. См. табл. на с. 170.

Акутовый слогообразующий гласный или весь дифтонг, произнесенный в слове шепотом, длиннее, чем соответствующий гласный или весь дифтонг, произнесенный в слове громко, в произношении дикторов Д1, Д2, Д3, Д4, Д6 – в 100% всех случаев, а в произношении диктора Д5 (дзука) – в 67% всех случаев.

Циркумфлексный слогообразующий гласный или весь дифтонг, произнесенный в слове шепотом, длиннее, чем соответствующий гласный или весь дифтонг, произнесенный в слове громко, в произношении дикторов Д1, Д2, Д4 – в 100% всех случаев, а в произношении дикторов Д3, Д5, Д6 (т.е. всех дзуков) – в 67%.

Первый ударный компонент акутowego дифтонга, произнесенный в слове шепотом, длиннее, чем первый компонент соответствующего дифтонга, произнесенного в слове громко, для всех дикторов, кроме Д6 (дзука).

Второй ударный компонент циркумфлексного дифтонга, произнесенный в слове шепотом, длиннее, чем второй компонент соответствующего дифтонга, произнесенного в слове громко, в произношении дикторов Д1, Д2, Д3, Д5, отклонение составляют дикторы Д4, Д6.

В произношении дзуков контраст слоговых акцентов по длительности в шепотной речи, как видно, хуже выражен, чем в произношении юго-западных литовцев, именно потому, что при реализации слоговых акцентов в дзукском диалекте определенную роль играет и различие суммарной энергии заударных слогов. Суммарная энергия – это площадь под огибающей интенсивности, измеряемая в квадратных миллиметрах. Поскольку их число зависит от масштаба графика, то квадратный миллиметр – условная единица (суммарная энергия, как не звуковысотная категория, сохраняется в своем виде и в шепотной ерчи). А в юго-западном диалекте для реализации слоговых акцентов суммарная энергия заударных слогов роли не играет.

Важность различия суммарной энергии заударных слогов для реализации и восприятия слоговых акцентов в дзукском диалекте подтверждает также аудиторский анализ – аудиторы хорошо различают слоговые акцен-

⁹ Lietuvių kalbos tarmės. Vilnius, 1970, p. 36.

¹⁰ Знаком “-” – после цифры отмечены случаи, не совпадающие с общей тенденцией.

Таблица

Слово	Д1			Д2			Д3		
	г.%	ш.%	р.%	г.%	ш.%	р.%	г.%	ш.%	р.%
[g'í:v'i]	49	55	6	41	69	28	39	63	24
[g'í:v'i]	48	81	33	48	77	29	49	74	25
[sú:r'i]	38	48	10	40	—	—	38	43	5
[sú:r'i]	45	57	12	50	51	1	56	47	—
[á:ustr'e]	46	56	10	42	54	12	42	53	11
[á:]	30	35	5	26	36	10	26	32	6
[u]	16	21	5	16	18	2	17	21	4
[au:str'e]	44	47	3	34	59	25	34	70	36
[a]	15	17	2	10	14	4	14	28	14
[ú:]	29	30	1	24	45	21	21	43	22

Таблица (окончание)

Слово	Д4			Д5			Д6		
	г.%	ш.%	р.%	г.%	ш.%	р.%	г.%	ш.%	р.%
[g'í:v'i]	51	68	17	50	76	26	41	61	20
[g'í:v'i]	49	74	25	52	75	23	48	77	29
[sú:r'i]	41	43	2	57	52	—	46	49	3
[sú:r'i]	44	48	4	59	59	0	50	53	3
[á:ustr'e]	46	49	3	43	53	10	41	44	3
[á:]	31	32	1	30	37	7	31	26	—
[u]	15	17	2	13	16	3	11	19	8
[au:str'e]	41	42	1	41	47	6	46	42	—
[a]	13	18	5	16	18	2	15	15	0
[ú:]	28	25	—	25	29	4	30	27	—

ты омонимов [g'í:v'i] – [g'í:v'i], [sú:r'i] – [sú:r'i] с отсеченным начальным согласным, т.е. при прослушивании сегментов [í:v'i] – [í:v'i], [ú:r'i] – [ú:r'i], и не различают слоговых акцентов этих омонимов при прослушивании лишь первых слогов [g'í:] – [g'í:], [sú:] – [sú:].

Из высказанного вытекает совершенно иной вывод, чем тот, к которому пришли А. Гирдянис и А. Пулкис. Понимание слоговых акцентов при шепоте в литовском языке не нарушается за счет субституции одних различий другими либо усилением незвуковысотных различий. Как показывает наш материал, в данном случае при шепоте различие акутowego и циркумфлексного звуков явно выражено усиленным контрастом по длительности, особенно в юго-западном диалекте, хотя в данный момент мы не можем сказать, только ли усиленный контраст по длительности компенсирует звуковысотные различия слоговых акцентов в юго-западном диалекте.

**БАЛТО-СЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ
НА ЮГО-ВОСТОКЕ ЛАТВИИ
(на материале названий растений)**

Длительные балто-славянские контакты юго-восточного пограничья Латвии в разные исторические периоды имели различный характер¹. К настоящему времени этот регион распался на две зоны: правобережье Даугавы, зону взаимодействия славянских языков и латгальских говоров верхнелатышского диалекта, и левобережье Даугавы, зону контактов носителей славянской речи с носителями нижнелатышских говоров и верхнелатышских селонских говоров (можно предположить, что это переселенцы из Земгалии и Видземе). Это населенные пункты Каплава (509)², Скрудалиена (457), Салиена (458), Силене (461), Демене (460), Лаутеса (456).

Будучи составной частью Курляндского герцогства и вместе с тем являясь местом многочисленного старообрядческого населения, этот край стал полем межконфессиональных битв – здесь столкнулись официальное лютеранство герцогства с яро проповедуемым иезуитами католицизмом, официальное православие – со старообрядчеством, что определило особо важную роль конфессиональной принадлежности в сознании населения и даже превалирование конфессии над национальным сознанием.

Межязыковые контакты приводят к появлению большого числа лексических заимствований и калек. Так, например, названия растения *Raphanus raphanistrum*, *Algopodium podagraria* представлены только славизмами *svīrepīca* и *šnītka* 'свирипица', 'шнитка'; для растений *Chenopodium*, *Artemisia arvensis*, *Rumex confertus* известны как собственно латышские названия, так и славизмы – *balanda*, *libe'da* 'лебеда', *vībuotne*, *bīļnīks*, *byļnik* 'быльник', *zirga skābene*, *zirga ščaveļ* 'конский щавель'; только калькированной формой представлено название растения *Tussilago farfara* – *īstā māte un pamāte*,ср. рус. *мать-мачеха*.

Основное внимание в статье сосредосточено на славянских названиях растений, калькирующих соответствующие латышские диалектные названия.

Рассмотрим латышские названия тех растений, которые имеют отчетливо определяемые ареалы на территории Латвии³.

Centaures cyanus – лтш. *rudzu ruķe*, *rudzu ruķīte*, русск. *vasilek*, блр. *ва- силка*. Латышское *rudzu ruķe* относится к распространенным на всей территории Латвии формам и не связано с специфически латгальскими *naktenīca* и *vasilka*, где *vasilka*, наравне с севернолитовской *yosilka* – славизм.

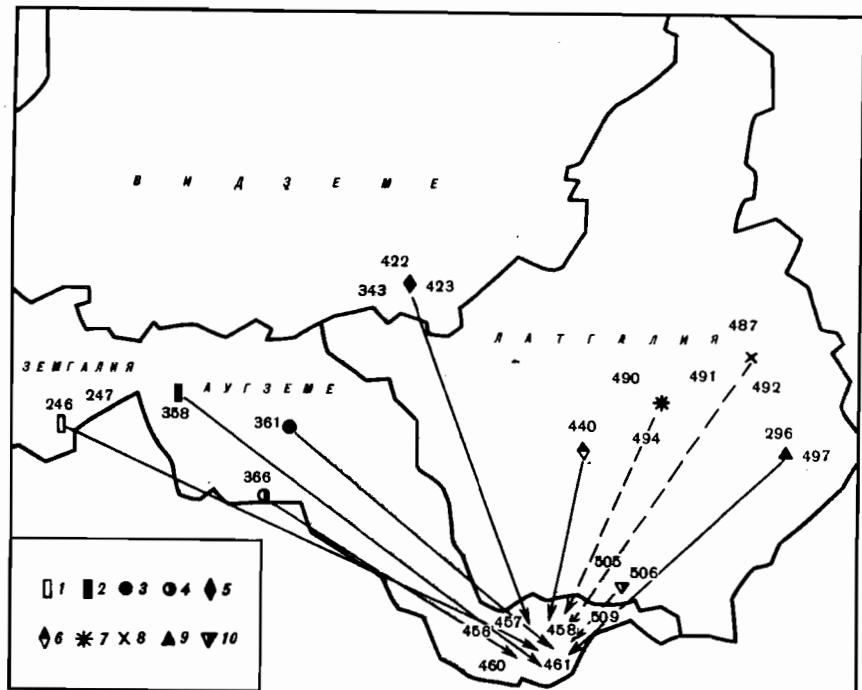
Galium – лтш. *Jāņa zāle*, *Jāņi zāle*, русск. ст.⁴ *Иван Купала*. Латышское

¹ Исторические судьбы славянского населения этого края подробно изучены в работах историков Латвии, см.: *Подмазов А.А. Старообрядчество в Латвии*. Рига, 1973; *Заварина А.А. Из истории поселения старообрядцев в Латгалии. – Атеизм и религия*. Рига, 1969.

² См. карту. Карта сделана на основе бланковки Атласа диалектов латышского языка.

³ Ареалы на карте определены по материалам картотеки названий растений, собранной И. Эдельмане.

⁴ Временная и территориальная разрозненность русскоязычных переселенцев создала здесь особую языковую ситуацию, при которой языковые особенности разделяют русскоязычное население на две подгруппы: потомки русских староверов – далее в тексте – русск.ст., и потомки русских православных – далее в тексте – русск.пр.

К а р т а 5. Латышские источники славянских калькированных названий растений.

1 – *kumēle*; 2 – *ugunsruķe*; 3 – *jāpa zāle*; 4 – *ašnādzīra*; 5 – *sūrene*; 6 – *naktenīca*; 7 – *dzelzene*; 8 – *dzīslene*; 9 – *kravaupiks*; 10 – *ašnāzāle*.

название продолжает диалектную форму, распространенную в Земгалии и в западных селонских говорах Аугземе, в то время как в юго-восточной Латгалии и на северо-востоке Аугземе *Jāpa zāle* – название растения *Hypéricum perforatum* 'зверобой', в центральной части Латгалии *Jāpa zāle* является названием растения *Melampyrum nemorosum* 'Иван-да-Марья', а *Galium* названия не имеет.

Leuchanthesmus vulgaris и *Anthemis tinctoria* – лтш. *kumeleites*, *kumuliņi*, рус. ст. *ромулек*, рус. пр. *ромашка*, блр. *рамульки*, польск. *rąmaška*. Оба растения зарегистрированы под общим названием. Названием *kumelīte* для *Anthemis tinctoria* известно по всей Латвии, а для *Leuchanthesmus vulgaris* это продолжение земгальской формы.

Ranunculus – лтш. *sūrenes*, *ugunsruķītes*, *gundega*, рус. ст. *козелки*, *козлы*, *козляки*, рус. пр. *лютики*, польск. *lutiki*. Для латышских названий *uguns ruķītes* и *sūrenes* (*sūrenes*) можно указать более точный ареал: *ugunsruķītes* встречается в северной части селонских говоров, *sūrenes* (форма с восходящей интонацией) принадлежит выходцам из центральной Видземе, представителям пограничных селонских говоров.

Plantago L. – лтш. *lauka vālīte*, *vēlainā skuosa*, рус. ст. *узик*, рус. пр. *дагражник* и *Viola tricolor* – *lauka neaizmirstuļīte*, рус. ст. *анютики глазки*, блр. *братенки* не связаны с бытующими в Латгалии названиями *Plantago L.* – *saldātiņi* и *Viola tricolor* – *bezdeļīgu acēpa*, *bezdeļīgu karojoīte*.

Таким образом, по названиям растений можно судить о том, что носители среднелатышского наречия – в основном выходцы из Земгалии (именуемая территория исторически являлась составной частью Курляндского герцогства), а также отчасти из Аугземе..

Другая картина открывается при анализе названий таких растений как *Achilles millefolium* – лтш. *kraujiks*, */kra' uaujiks*, рус. *кровавуник*, польск. *krywaunik*. Имеется также и языковое разграничение – *krovaunik poliski*, *tisjacēleitnik krieviski* и рус. *тысячелистник*, по-польски *krawaunik*. Название *кровавуник* отражает традиционную форму глубинных селонских говоров, продолжающуюся в литовском языке, где встречается название *kraujažolē*, а на северо-востоке и *kravaunikas* (другие фонетические и морфологические варианты славизма см. Lietuvių kalbos žodynas, VI, 485, 658, 983 и т.д.), а также в польском *krwawnik*. Здесь выделяется общий мотивационный признак 'кровь', вызванный использованием растения в народной медицине как средства останавливать кровотечение. Думается, что здесь в латышском и литовском языковом материале влияние древнего селонского языка проявляется в совпадении с польским и белорусским, в отличие от остальной территории Латвии, где мотивационный признак 'кровь' лежит в основе названия другого растения – *Hypericum perforatum* – *asinszāle*. Это растение в латышской языковой среде потеряло свое название. Итак, в случае одинакового названия двух разных растений – *Achillea millefolium* и *Hypericum perforatum* – победила селонская форма *asinszāle Achillea millefolium*, поддержанная традицией других языков.

Primula veris – лтш. *gailene*, *gailisi*, блр. *ключики*, польск. *petuški*. В латышском названии используется общелатышский мотивационный признак – внешне напоминающий часть тела петуха, он же лежит в основе названия *petuški* польского информанта.

Plantago major – лтш. *ceļmalniece*, *ceļmalnieks*, *žīķiks*, *trīputniks*. Среди славянского населения бытуют названия *тропутник*, *подорожник*, *падарожник*. Название "по-научному" *подорожник* с общим латышско-русско-белорусским мотивационным признаком *ceļš* – 'дорога'. Среди всех названий особенно интересна форма *žīķiks*, являющаяся калькой латгальского *dzīslene* с мотивационным признаком 'жилистая'.

Filipendula ulmaria 'таволга'. Среди латышскоязычного населения это растение непопулярно, зарегистрирован славизм *mede'nica* (*mede'nica viņu sauc pa latviski* 'меденица его зовут по-латышски'), рус. *рябинник*, *репейник*, польск. *medounik*, *rybinnik*, где славизм *mede'nica*, возможно, является продолжением южнолатгального славизма *medunīca* (вместо общелатышского *vīgriže* – мотивация неясна), или прямым заимствованием.

Taraxacum officinale – лтш. *taļočiks*, *pienene*, *pieneniece*, рус. ст. *одуванчик*, *малочник*, блр. *млечник*, польск. *tałocznik*. Лтш. *pienene* является продолжением общелатышской формы. Мотивационный признак – 'молоко' лежит в основе латышского, литовского и русского названия. Таким образом, в русском и польском языках это или белорусское заимствование, или семантическая калька латышского названия. Интересно отметить, что в рамках русского языка намечается стремление разграничить одуванчик – *Taraxacum officinale* и *малочник* – цветок *Tussilago farfara*.

Alchemilla vulgaris – лтш. *rasas puodiņš*, "krieviski *paca*, *latviskirasenes*",

rasenes, рус. ст. *полевая мушкатина*, рус. пр. *лапчатка*, блр. *громотник*, польск. *gżymotnik*, показывает начальную картину калькирования мотивационного признака 'роса' латышским информантом (см. также *жильник*).

Rumex officinale — лтш. *skābene*, рус., блр. *щавель*. См. у польского информанта: "щавель по-польски, по-русски *кислятина*", где общелатышский и общелитовский мотивационный признак 'кислый' калькирован носителями польской речи, но еще осознан как принадлежность другого — русского — языка.

Arctum L. — лтш. *dadzis, dadži*, рус. *железка*, блр. *ветреник*, где *dadzis, dadži* продолжают общелатышскую форму, а рус. *железка* является семантической калькой латгальского названия *dzelzene* (с мотивационным признаком 'железо').

Primula veris — лтш. *gailene, gailīši*, блр. *ключики*, польск. *rētuški*, где польское название использует общелатышский мотивационный признак 'петух'.

Из вышесказанного следует, во-первых, что терминологическая лексика, связанная с номенклатурой растений, как обозначающая объекты, находящиеся за пределами повседневной хозяйственной деятельности человека, при ассимиляции одного языка другим претерпевает большие изменения: 1) значительно уменьшается объем словаря названий растений (из максимального количества 85 отмечено только 25); 2) активизируется процесс калькирования мотивационного признака, в котором можно выделить несколько этапов: а) перенос латышского мотивационного признака на славянское название, например, '*krieviski paca, latviski rasenes*' — *Alchemilla vulgaris*; б) появление кальки в славянской речи, но с осознанием ее как элемента другого (обычно другого славянского) языка, например, "по-польски щавель, по-русски *кислятина*" (в речи русских зарегистрирована только лексема *щавель*) — *Rumex*; и рус. *тысячелистник*, польск. *krawaunik*, ср. толкование латышского информанта: "*kraavaunik poliski, tysjačeletnik krieviski*" — *Achillea millefolium*; в) полная ассимиляция славянским населением кальки: *железка* — *Arctum L.*, *нетушки* — *Primula veris*, возможно и *млечник* — *Taraxacum officinale*.

Во-вторых, из приведенных примеров следует, что латышские кальки, бытующие среди славяноязычного, в особенности польского населения, связаны с продолжением местной латгальской языковой традиции, и не исключено, что в современном польском этносе на этой территории существует коренное латышское население (объединяющим фактором при этом выступало общее вероисповедание)⁵.

⁵ Сходная ситуация раскрыта на материале фольклора, бытующего среди русского населения Латгалии, Т.С. Макашиной, см.: *Макашина Т.С. Особенности фольклорного процесса в полосе этнической границы (на материалах русского фольклора XX века Латгалии)*. — VIII Международный съезд славистов. История, культура, этнография и фольклор славянских народов. М., 1979, с. 451—465.

**ОТРАЖЕНИЕ СЛОВАЦКО-ПОЛЬСКИХ ЯЗЫКОВЫХ КОНТАКТОВ
НА ФОНОЛОГИЧЕСКОМ УРОВНЕ
В ГОРАЛЬСКИХ ГОВОРАХ СЛОВАКИИ***

I

Термином "горальские говоры" в словацкой диалектологии обозначаются говоры польского происхождения на словацко-польском пограничье в обл. Оравы, Кисуц и Спиша, представляющие собой естественный континуум южномалопольских диалектов (см. карту⁶). Кроме указанных компактных массивов, в Липтове и Горегронье встречаются языковые острова, генетически связанные с польскими диалектами.

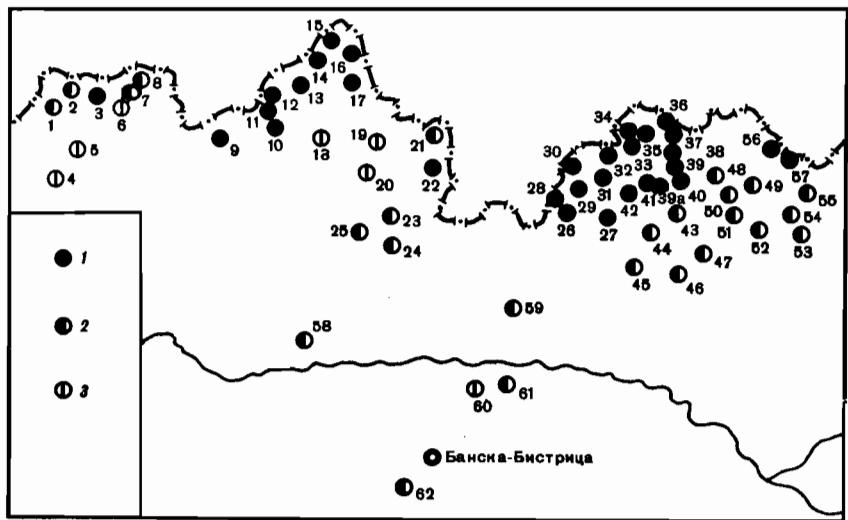
Изучением горальских говоров в Словакии занимались прежде всего польские диалектологи. В первую очередь следует упомянуть польского диалектолога М. Малецкого¹, посвятившего значительную часть своих исследований изучению горальских наречий. М. Малецкий занимался вопросом их происхождения, дал основополагающую характеристику этих наречий в их отношении как к польским, так и словацким диалектам. Своими работами М. Малецкий заложил основы не только изучения горальских говоров в Словакии, но и основы изучения этих говоров с точки зрения словацко-польской межъязыковой интерференции.

Основываясь на результатах его трудов, другие польские диалектологи (З. Соберайский, М. Карась, А. Заремба, З. Штибер) продолжили исследования горальских говоров, причем многие его данные были дополнены, уточнены или же расширены. З. Соберайский² изучал горальские говоры в обл. Спиш. Итогом этой работы является четырехтомный атлас, отражающий существующую языковую ситуацию в целой горальской области Спиша и ориентированный на отражение явлений фонетических, морфологических и лексических. Автор изучал и вопрос словацкого языкового влияния, но лишь в той мере, в какой ему это позволял лексический материал. При этом следует заметить, что до сих пор это наиболее полное освещение польским диалектологом данного вопроса.

* © J. Kriššáková, 1983 г.

¹ Małecki M. Polskie wyspy językowe na Słowoczyźnie. — JP, 1928, XIII, s. 129–134, 164–171 (далее — Małecki, 1928); Idem. — Tam же, 1930, XV, s. 1–9; XVII, 1932, s. 78–85 (далее — Małecki, 1932); Idem. Kilka uwag o polskiej gwarze Ciepliczki i Pogoreły w Niżnych Tatrach. — SbMS, 1931, IX, s. 73–79; Idem. Do genezy gwar mieszanych i przejściowych (ze szczególnym uwzględnieniem granicy językowej polsko-czeskiej i polsko-słowackiej). — SOCC XII, 1933, s. 81–90; Małecki M., Nitsch K. Atlas językowy polskiego Podkarpacia. Kraków, 1934, cz. I. Mapy, cz. II. Wstęp, objaśnienia, wykazy wyrazów; Małecki M. O wpływie słowackim na polskie gwary na Orawie. — SbMS, 1935, XIII, s. 44–52 (далее — Małecki 1935); Idem. Język polski na południe od Karpat (Spisz, Orawa, Czadeckie, wyspy językowe) z 2 mapami. Kraków, 1938 (далее — Małecki 1938).

² Sobierajski Z. Zarys gwarc polskich okolicy Starej Lubowli na Spiszu słowackim. — Zeszyty naukowe Uniwersytetu im. A. Mickiewicza, Filologia 3. Poznań, 1961, s. 25–54; Idem. Z morfologicznych wpływów słowackich na polskie gwary spiskie. — In: Z polskich studiów słowistycznych, ser. II. Językoznawstwo. Warszawa, 1963, s. 319–330; Idem. Atlas polskich gwarc spiskich na terenie Polski i Czechosłowacji, I. Poznań, 1966, II, 1970, III, 1973, IV, 1977.

Карта 6. Горальские диалекты Словакии

1. горальские диалекты, затронутые, хотя бы частично, словацко-польской интерференцией; 2. переходные польско-словакские диалекты; 3. словацкие диалекты, частично затронутые польско-словакской интерференцией.

Цифрами на карте обозначены пункты: 1. Сврчиновец, 2. Чьерне, 3. Скалите, 4. Высока н./Кисуцей, 5. Турзовка, 6. Чадца, 7. Горелица, 8. Ошчадница, 9. Орав. Лесна, 10. Закамене, 11. Новоть, 12. Мутне, 13. Орав. Веселе, 14. Сигелна, 15. Орав. Полгра, 16. Рабице, 17. Рабча, 18. Наместово, 19. Тростема, 20. Тврдошин, 21. Гладовка, 22. Суха Гора, 23. М. Борове, 25. Гуты, 25. Вел. Борове, 26. Ждяр, 27. Лендак, 28. Яворина, 29. М. Франкова, 30. Вел. Франкова, 31. Сп. Ганушовце, 32. Матиашовце, 33. Сп. Ст. Вес, 34. Лыса н./Д., 35. Ч. Клаштор, 36. Лесница, 37. Лехница, 38. Галиговце, 39. Гавка, 39а. Вел. Лесна, 40. Залесье, 41. Релёв, 42. Езерско, 43. Войняны, 44. Слов. Вес, 45. М. Славков, 46. Крижова Вес, 47. Юрске, 48. В. Ружбахи, 49. Лацкова, 50. Н. Ружбахи, 51. Форбасы, 52. Колачков, 53. Н. Любовния, 54. Ст. Любовния, 55. Подсадек, 56. Пилхов, 57. Мнишек н./П. (часть с. Каче), 58. Липп. Лужна, 59. Липп. Тепличка, 60. Поломка, 61. Погорела, 62. Лом. н./Р.

М. Карась³ занимался изучением горальских говоров на Ораве. Результаты его многолетних исследований подытожены в монографии "Польские диалекты Оравы", в которой дано синхронное описание фонетической и фонологической систем оравских говоров. Автор уделяет внимание и словацкому языковому влиянию, но в отличие от предыдущих исследователей он стремится объяснить его в контексте внутренних тенденций развития горальских говоров.

А. Заремба⁴ занимался исследованием горальских наречий Словакии только наряду с решением некоторых других проблем. Кроме записи диалектных текстов, которые он опубликовал в соавторстве с М. Караком,

³ Karás M. Z problematyki gwar mieszanych i przejściowych. – JP, 1965, XXXVII с. 286–296 (далее – Karás 1958); *Idem. Polskie dialekty Orawy, cz. I. Fonologia i fonetyka*. Kraków, 1965 (далее – Karás 1965).

⁴ Zaręba A. Dialekty mieszane i przejściowe w ujęciu diachronicznym (na przykładzie polsko-słowackiej gwary Hut i Borowego). – JP 1968, XLVIII, s. 113–133 (далее – Zaręba).

он занимался вопросом о переходных и смешанных наречиях на примере польского языкового острова в Липтове. З. Штибер⁵ изучал горальские говоры в более широком славистическом контакте, прежде всего западнославянском. С этой точки зрения он оценивает и словацкое влияние на горальские говоры, с одной стороны, и польское влияние на словацкие диалекты, — с другой.

В словацкой диалектологии горальским говорам уделялось сравнительно мало внимания. В работах представителей старшего поколения чешской и словацкой диалектологии (А. В. Шембера, И. Полявка, Ф. Пастрнек, Ш. Мишик, С. Цамбел)⁶ анализировалось главным образом происхождение этих говоров, в частности, обсуждался вопрос об определении польско- словацкой языковой границы. Работы указанных авторов в большей части имеют уже только историческую ценность⁷.

Первой серьезной попыткой изучения проблематики горальских наречий в Словакии и проблематики словацко-польской языковой интерференции явилась монография В. Важного⁸, представляющая обширную рецензию на лингвистический атлас М. Малецкого и К. Нича. Автор не только дает оценку материала атласа, но и сопоставляет его со своими записями говоров из 7 сел на словацкой территории (Черьне, Высока н/Кисуцей, Гладовка, Оравска Полгора, Ждьяр, Нижне Ружбахи, Каче — часть с. Мнишек н/Попрадом). В. Важный прослеживает несколько фонетических, морфологических и лексических изоглосс, что позволяет ему показать степень совпадения (или несовпадения) этих изоглосс с польско- словацкой языковой границей и степень влияния словацких диалектов на горальские говоры. По сравнению с предыдущими работами вклад данной работы определяется тем, что автор исследует указанные изоглоссы в плане польско- словацких языковых контактов. В. Важный не только оценил документальный материал М. Малецкого и К. Нича, но и во многом дополнил и уточнил приведенные в нем факты.

Дальнейшей важной работой, занимающейся проблематикой горальских наречий Словакии, является монография Г. Горака⁹. Монография содержит характеристику фонетического, морфологического и синтаксического уровней с. Погорела, принадлежащего к языковым анклавам польского происхождения в Горегронье. Выводы автора особенно цепны для изучения проб-

⁵ Stieber Z. Sposoby powstawania słowiańskich gwar przejściowych. — Prace Komisji językowej PAU N 27. Kraków, 1938 (далее — Stieber 1938); *Idem*. Świat językowy Słowian. Warszawa, 1974, s. 33—65.

⁶ Šembera A. Základové dialektologie československé. Vídeň, 1864, s. 69—80; Polívka J. Polština v horní stolici Oravské — Listy filologické a pedagogické, XII. Praha, 1885, s. 463—471; Pastrnek F. Študovanie slovenčiny. — Slovenské pohľady. 1897; Mišik Š. Spišskí Poliaci. — Slovenské pohľady. 1903, s. 373—375; Czambel S. Slovenská reč a jej miesto v rodine slovanských jazykov. Martin, 1906.

⁷ Работы представителей старшего поколения рассматривались в монографиях М. Малецкого, М. Карася и др., поэтому мы не останавливаемся на них, сосредоточив внимание на более поздних публикациях, которые явились серьезным вкладом в данную проблематику.

⁸ Vážný V. Z mezinárodního jazykového zeměpisu. Příspěvky k dokumentární hodnotě díla: M. Małecki i K. Nitsch. Atlas jazykowy polskiego Podkarpacia. Kraków, 1934. Praha, 1948 (далее — Vážný 1948): В другой работе (Nárečí slovenská. — In: Československá vlastivěda, III. Praha, 1934, s. 219—310) дается лишь обзор горальских сел в Словакии и определяется польско- словацкая языковая граница (221—222).

⁹ Horák G. Nárečie Pohorelej. Bratislava, 1955 (далее — Horák).

лематики словацко-польских языковых контактов. Хотя этот аспект и не рассмотрен автором специально, монография Г. Горака является серьезным вкладом в исследование горальских наречий Словакии.

Обзор литературы показывает, что словацкие диалектологи сравнительно мало занимались вопросами словацко-польских языковых контактов применительно к горальским говорам. Первые (М. Малецкий, В. Важный) и дальнейшие (З. Соберайский, М. Карась и А. Заремба) попытки дать объяснение некоторым явлениям в горальских говорах в плане словацко-польской интерференции представляются нам неполными — указанные авторы, закладывая основы исследования горальских наречий в Словакии, основное внимание уделяли прежде всего описанию структуры этих говоров.

В словацкой и польской диалектологической литературе до сих пор отсутствует труд синтетического характера, в котором была бы дана оценка горальских говоров в аспекте длительных словацко-польских языковых контактов и в котором были бы показаны главные тенденции развития этих говоров, являющиеся результатом данных контактов. Необходимость такого подхода подчеркивалась много раз (Vážný 1948, 5; Štolc¹⁰). Для словацкой диалектологии особенно важны исследования отношений горальских говоров со словацкими диалектами, с одной стороны, и со словацким литературным языком, — с другой. Второй аспект стал весьма актуальным в последние годы, когда словацкий литературный язык стал проникать в самые отдаленные районы с помощью радио, телевидения, периодической печати, и в немалой мере также школы, и тем самым владение словацким литературным языком стало очевидной необходимостью и для горального населения.

В нашей статье мы обращаемся к проблематике словацко-польской интерференции в плане фонологии горальных говоров Словакии. При этом мы сосредоточиваем внимание на основных тенденциях развития данных языковых контактов и их отражении в некоторых фонологических явлениях. Отражение словацко-польских языковых контактов в грамматическом и лексическом планах будет предметом специального описания в последующих статьях.

Материалом для анализа послужили опубликованные труды и диалектные тексты, наши собственные записи горальных говоров, а также записи, обработанные под нашим руководством в диалектологическом кружке на кафедре словацкого языка и литературы философского факультета Университета им. П.И. Шафарика в Прешове.

II

Предпосылкой возникновения языкового контакта и интерференции является билингвизм. Билингвизм может быть полным или частичным¹¹, может быть характерным для большей или меньшей области, может означать владение генетически родственными и неродственными языками. Каждый из этих критериев связывается с особым видом языкового контакта, с иной интенсивностью интерференции, что находит свое отражение в языко-

¹⁰ Štolc J. Slovensko-pol'ské jazykové pomedzie a jeho výskum. — Jazykovedný časopis, 25. Bratislava, 1974, s. 60–67.

¹¹ Ср.: Новое в лингвистике. VI. Языковые контакты. М., 1972.

вой системе. Несомненно, что интерференция, вызванная частичным билингвизмом, будет отражаться иначе в языковой системе, нежели интерференция, вызванная полным билингвизмом. Подобным образом будет отличаться процесс интерференции, возникающей в результате языкового контакта генетически родственных или же генетически хотя и родственных, но в своем развитии значительно отдалившимся друг от друга языков, или, на конец, языков генетически неродственных.

Хотя горальские говоры Словакии по происхождению являются польскими, они очень близки к словацким диалектам, поскольку как горальские, так и словацкие диалекты относятся к одной славянской языковой группе. Горальское население в Словакии двуязычно. В прошлом этот факт не принимался безоговорочно, ныне однако владение литературным языком или же его разговорной формой является очевидным. В настоящее время билингвизм горальского населения определяется как полный. При этом следует различать вопрос национального самосознания и вопрос происхождения диалектов. С точки зрения национальной принадлежности горали Словакии всегда относили себя к словацкой нации. И если ранее в польской литературе эта проблема отождествлялась с вопросом происхождения горальских говоров, то в новейших трудах она получает объективное освещение.

С точки зрения процесса словацко-польской интерференции горальские говоры Словакии делятся на две группы. К первой мы относим говоры, система которых лишь частично затронута процессом словацко-польской интерференции. Это значит, что системные явления словацкой реализации встречаются в этих говорах спорадически и не оказывают заметного влияния на первоначально польскую основу. Эти говоры составляют как лингвистическое, так и географическое единство: горальские говоры в Кисуцах¹², большая часть горальских говоров на Ораве¹³ и северная часть горальских говоров на Спише¹⁴.

Ко второй группе мы относим говоры, фонологический, грамматический и лексический уровни которых в значительной степени затронуты процессом словацко-польской интерференции. На систему этих говоров интерференция в столь сильной мере наложила отпечаток, что по праву возникает вопрос, куда следует относить эти говоры: к польским или словацким диалектам (Ср.: Zagęba, 120). С диахронической точки зрения это, бесспорно, польские говоры; с синхронной же точки зрения они являются переходным образованием на границе двух национальных языков, словацкого и польского. Это типично переходные наречия, возникающие на языковом пограничье близкородственных языков. К этой группе относятся говоры языковых анклавов в Липтове и Горегронье¹⁵, из кисуцких сюда относится

¹² Скалите.

¹³ Все села, кроме Гладовки (см. карту).

¹⁴ Велька Франкова, Мала Франкова, Езерско, Релёв, Залесье, Сп. Ганушовце, Гавка, Велька Лесна, Матиашовце, Галиговце, Лехница, Лесница, Спишка Стара Весь, Червены Клаштор, Лиса н/Дунайцом, Пильхов, Каче – часть с. Мнишек н/Попрадом, Яворина, Ждляр, Ленджак.

¹⁵ А. Заремба (Zagęba, 127) и М. Карась (Karaś 1958, 290) относят диалекты этих сел к переходно-смешанным, поскольку наряду со словацкими чертами, имеющими системный характер, в них встречаются и явления, имеющие параллельные словац-

говор с. Ошчадницы, Горелицы, Чьерне, Сврчиновец (Małecki, 1938, 73), из оравских – с. Гладовка¹⁶, из спишских – села бассейна р. Попрад¹⁷.

И эта вторая группа, к которой мы относим переходные словацко-польские говоры, не является монолитной, но дифференцируется по степени интенсивности словацко-польской интерференции. Эта дифференцированность представляет собой в сущности различные ступени развития интенсивного процесса словакизации данных исконных польских говоров. До какой степени может указанный процесс словакизации изменить структуру говора, лучше всего иллюстрирует говор с. Погорела, в котором, например, не происходит такое типично польское изменение, каким является ассимиляция, т.е. переход t' , $d' > c', z'$ ¹⁸ и в котором под влиянием словацких наречий были восстановлены фонемы t' , d' – так, как это имеет место в среднесловакских диалектах. Остальные говоры второй группы не были затронуты процессом словацко-польской интерференции в той мере, как говор с. Погорела, но этот процесс ускоряется в последние годы вследствие сознательного употребления словакизмов, прежде всего в речи представителей младшего поколения.

Перед тем, как перейти к конкретному анализу словацких языковых элементов в горальских говорах, остановимся на вопросе источника и объекта интерференции¹⁹. В данном случае источником интерференции являются словацкие диалекты, а в последние годы также словацкий литературный язык, объектом интерференции – горальские говоры. Иначе говоря, речь идет об одностороннем влиянии словацких диалектов или же словацкого литературного языка на горальские говоры, причем в качестве источника влияния выступают словацкие диалекты, в качестве же объекта влияния – горальские говоры. По праву возникает вопрос: выступает ли объект интерференции, воспринимающий язык или диалект, в процессе интерференции пассивно или он активно участвует в выборе языковых средств чужого языка? По мнению Б. Гавранка²⁰, проблема взаимоотношения между источником и объектом интерференции и проблема влияния одного языка на другой связана "с вопросом внутреннего развития данного языка, которое определяет, какие явления заимствуются, а какие нет" (с. 95). В выборе языковых средств и заключается, по Б. Гавранку, активность

кие и польские реализации. По нашему мнению, эти диалекты имеют характер переходных, так как в них доминируют, как будет показано ниже, черты, свойственные переходным говорам, т.е. явления, представленные в словацкой реализации системно, а не факультативно. Параллельная реализация (словакские и польские варианты) свидетельствует, что процесс словацко-польской интерференции продолжается.

¹⁶ М. Малецкий (Małecki 1935, 49) относит диалект с. Гладовки к переходному типу. М. Карась не занимался этой проблемой.

¹⁷ Диалекты этой зоны мы относим к переходным на основе собственных исследований. Подробнее см.: Kriššáková J.K otázke jazykovej interferencie v goralských narečiach na Spiši. – In: Jazykovedný zborník FF UPJŠ v Prešove. 6. Prešov (в печати).

¹⁸ Horák G. Op.cit., s. 40.
¹⁹ Термины source of the interference, target (cible) of the interference употребляет У. Вайнрайх. Ср.: Вайнрайх У. Одноязычие и многоязычие. – В кн.: Новое в лингвистике. VI, с. 25 и сл. По нашему мнению, эти термины удачно характеризуют направление действия интерференции.

²⁰ Гавранек Б. К проблематике смешения языков. – В кн.: Новое в лингвистике, VI, с. 94 и сл.

воспринимающего языка, или объекта интерференции. Часто объект интерференции под воздействием источника интерференции развивает лишь те тенденции, которые присущи его внутреннему развитию. Поэтому мы разделяем мнение М. Карася (Karaś 1965, 181), согласно которому некоторые словакизмы в горальских говорах возникли вследствие того, что влияние словацких диалектов лишь поддержало или ускорило собственное польское развитие.

До сих пор мы обсуждали вопрос одностороннего влияния словацких диалектов на горальские говоры. Поэтому, естественно, возникает вопрос, существует ли также и обратное влияние, т.е. влияние горальских наречий на словацкие. Да, существует и обратное влияние, в том случае, если объектом интерференции являются словацкие диалекты, источником же — горальские говоры. Речь идет о словацком говоре оравских городков Наместово, Трстена и их окрестностей, в которых встречаются некоторые явления польской реализации²¹.

III

В данной части мы переходим к анализу отдельных фонологических явлений, возникших в горальских говорах под влиянием словацких диалектов. При этом мы будем исходить из основных принципов теории языковых контактов²². На фонологическом уровне будем сравнивать не отдельные фонемы, но их дифференциальные признаки, причем не изолированно, а в рамках системы.

В отличие от предыдущих работ, в которых этот вопрос исследовался как частная проблема некоторых диалектных областей, мы определяем основные тенденции развития во всех горальских говорах, учитывая при этом контекст словацких диалектов, с одной стороны, и контекст польских, — с другой.

I. ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ В СИСТЕМЕ СОГЛАСНЫХ

Консонантная система горальских говоров Словакии значительно богаче системы согласных словацких диалектов. Как самые важные различия следует упомянуть консонантную корреляцию по твердости — мягкости,

²¹ Утраты долгих гласных в наместовском и трстенском говорах, произношение *u* как *f* перед глухими согласными *d'iefska, staf* в диалектах средней и верхней Оравы, окончание *-om* в тв. пад. ед. ч. ж. р., группа *-šč* в говоре г. Наместово и под. Эти явления З. Штибера считает результатом польско-словацких языковых контактов (Štieber 1938, 34). А. Габовицк, впрочем, придерживается того мнения, что указанные явления принесли с собой жители Восточной Словакии, которые колонизовали в XV—XVI вв. область Верхней Оравы (*Habovčík A. Oravské nárečia. Bratislava*, 1965). Действительно, упомянутые черты фиксируются и в восточнословацких диалектах. Но если и считать эти явления следствием развития внутренних тенденций, нельзя все же не принимать во внимание и влияние горальских говоров, которое поддержало это развитие. Влияние горальских говоров на диалекты в р-не г. Наместово и Трстена следует, по нашему мнению, понимать в том смысле, что горальские говоры способствовали сохранению исконного состояния, в результате чего в указанные диалекты не проникали явления, характерные для среднесловацких диалектов.

²² См.: Хауген Э. Языковой контакт. — В кн.: Новое в лингвистике VI, с. 61 и сл.; Вайнрайх У. Одноязычие и многоязычие. — Там же, с. 25 и сл.; см., также вступительную статью к сборнику: Розенцеиг В.И. Основные вопросы теории языковых контактов. — Там же, с. 5—22.

фрикативное ſ̄, оппозиции *g – x*, *l – k̄*. Указанные языковые черты являются важными дифференциальными явлениями при определении словацко-польской языковой границы. Поэтому естественно, что процессом словацко-польской интерференции были в наибольшей мере затронуты упомянутые языковые явления. Вследствие этого изоглоссы указанных фонетических явлений не совпадают со словацко-польской границей, но далеко выходят за ее пределы. В последующем анализе мы покажем, как проходило это развитие в отдельных областях горальских говоров в Словакии и каково состояние в настоящее время.

1.1. Отсутствие оппозиции *r – ſ̄*

Фрикативное ſ̄ как самостоятельная фонема сохранилось лишь на периферии польской языковой территории: в наречиях на польско-словацком и польско-чешском языковом пограничье. В сущности, это южносилезские, оравские, подгальские и спишские наречия, причем оравские и спишские наречия имеют естественное продолжение в горальских говорах на территории Словакии. Северную границу распространения фонемы ſ̄ образует линия, соединяющая Рацибуж – Пшчина – Живец – Новы Тарг²³. В остальных польских диалектах произошло общепольское изменение – переход ſ̄ > ź, Ÿ.

Таким образом, наличие оппозиции *r – ſ̄* относится к выразительным дифференциальным явлениям горальских наречий, поскольку для фонетической системы словацких диалектов характерно наличие только фонемы *r*. В результате словацко-польских языковых контактов эта оппозиция исчезла в части горальских говоров, и фрикативное ſ̄ совпало с фонемой *r*. Причиной указанного изменения была утрата дифференциального признака фрикативности, являющегося иррелевантным для словацкой фонологической системы. Утрата фрикативного ſ̄ отмечается почти во всех говорах, относимых нами к переходной группе словацко-польских диалектов²⁴: Г, МБ, ВБ (Zaręba, 123), ЛЛ, ЛиР (Małecki 1938, 92), ЛТ (Horák, 46), Го, Ош, Св, Ч, а также в южной части горальской области на Спише: МС, КВ, Ю, СВ, Во, Пд, Ко²⁵. В результате совпадения фонемы ſ̄ с фонемой *r* южная граница этой изоглоссы сместилась к северу и территория функционирования ſ̄ как выразительного архаизма значительно сократилась.

1.2. Отсутствие оппозиции *p b m v f – p' b' m' v' f'*

Утрата данной фонологической оппозиции обусловлена утратой дифференциального признака палатализованности, что осуществлялось двумя путями.

1.2.1. В первом случае развитие шло в направлении ослабления указан-

²³ Dejna K. Dialekty polskie. Wrocław–Warszawa–Kraków–Gdańsk. 1973, s. 110–111 (далее – Dejna).

²⁴ Исключением является говор с. Погорела, где фиксируется оппозиция *r – r'* (Horák, 41). В отличие от Г. Горака, мы полагаем, что речь идет о таком же типе мягкости, какой обладают палатализованные систища *s*, *z*, *c*, *š*.

²⁵ В горальских говорах на Спише переход *r – ź* известен лишь в говоре сел: СтЛ., НЛ, Пиль, Ка (часть с. МиП). При рассмотрении ситуации в горальских говорах Спиша мы опираемся на собственное исследование. Данные З. Соберайского оценены, дополнены и уточнены в нашей статье – см. сн. 18.

ного дифференциального признака, что обусловило его полную утрату, и, таким образом, утрату мягких губных. Это, бесспорно, результат словацко-польской интерференции, поскольку фонологической системе словацких диалектов данная оппозиция неизвестна. В словацких диалектах, с которыми горальские говоры непосредственно контактируют, консонантная корреляция по твердости–мягкости ограничивается только фонемами *t d n* (*l*). *s z*²⁶. Мягкие губные перед *e* или *i*²⁷ исчезли в говорах следующих сел: Г, МБ, ВБ (*Zarečba*, 121), По, ЛТ (*Horák*, 153), Гл, факультативно в ОЛ, Н, З и спорадически также в остальной части Оравы (*Karaś*, 1965, 120), в Го, Ош, Св, Ч, Ск в Кисуцах, спорадическая утрата мягких губных наблюдается и в горальских говорах Спиша.

1.2.2. В другом случае развитие шло в направлении разложения синхронной артикуляции мягких губных на асинхронную артикуляцию, т.е. путем асинхронизации основной и палатальной артикуляции. Асинхронная артикуляция мягких губных характерна для польского литературного языка. Развитие в этом направлении в некоторых польских диалектах шло еще дальше, что привело к отделению палатального элемента различной фонетической реализации²⁸.

Это же развитие наблюдается и в горальских говорах Словакии. Асинхронная артикуляция обусловила разложение палатализованных губных на бифонемные сочетания, квалифицируемые или как комбинаторные варианты (на Ораве – ср.: *Karaś*. 1965, 120), или как группы согласных (на Спише). Схематически процесс разложения первоначально мягких губных можно представить следующим образом: *p' b' m' v' f' > pⁱ bⁱ mⁱ vⁱ fⁱ > p i b i m i v i f i*.

Если в предыдущем случае (1.2.1) мы расцениваем утрату мягких губных как результат словацко-польской интерференции, то в данном случае речь идет о внутреннем польском развитии, ускоренном в определенной степени и внешним влиянием словацких диалектов. Таким образом, по нашему мнению, в горальских говорах Спиша мягкие губные отсутствуют. Группы бифонемного характера являются мягкими губными лишь с диахронической точки зрения. В горальских говорах Оравы развитие идет в том же направлении. М. Карась (*Karaś*. 1965, 120–122), правда, отмечает, что в горальских говорах Оравы мягкие губные имеют часто бифонемный характер, однако расценивает их как комбинаторные варианты перед гласными заднего ряда. В горальских же говорах Спиша мягкие губные претер-

²⁶ Указанная корреляция характерна для среднесловацких диалектов, где под влиянием городского произношения исчезает *l*, Ср.: *Pauliny E. Fonologický vývin slovenčiny*. Bratislava, 1963. Для восточнословацкой диалектной области типична корреляция *n l s z – ť l's ťz'*.

²⁷ Некоторые исследователи (М. Малзкий, Г. Горак, М. Карась) говорят о позиции перед гласными переднего ряда, другие (А. Заремба, З. Штибер) – только о позиции перед *e*. С фонологической точки зрения можно констатировать определенную непоследовательность, поскольку оба гласных переднего ряда имеют одинаковую фонологическую значимость и в сочетании с согласными дают одинаковую степень мягкости. Мы склоняемся к мнению тех авторов, которые полагают, что утрата мягких губных в горальских говорах происходила перед гласными переднего ряда *e* и *i*.

²⁸ *Doroszewski W. Podstawy gramatyki polskiej*, cz. I. Warszawa, 1963, s. 47–48; *Dejna*, 119–121, карта 11.

пели указанные изменения во всех позициях. Комбинаторные варианты мягких губных бифонемного характера представляют собой определенную ступень разложения мягких губных, наблюдавшегося во всех польских диалектах.

1.3. Отсутствие оппозиции $k - k'g$ '

Консонантная система части горальских говоров Словакии²⁹ упростилась и в результате утраты мягких задненёбных. Но если процесс отвердения первоначально мягких губных имел фонологический характер, то в случае утраты мягких задненёбных, по нашему мнению, следует говорить о явлении, имеющем свое начало на морфологическом уровне³⁰. Мы полагаем, что исходным моментом этого изменения является выравнивание по аналогии форм *šotke - slotkego, droge - droego* по формам *młode - młodego, dobre - dobrego*, в которых твердый согласный в позиции перед *e* является естественным. Дело в том, что тенденция к выравниванию форм в горальских говорах очень сильна и проявляется во всей парадигме³¹. Именно эта тенденция к унификации форм, несомненно, является результатом влияния словацких диалектов, в которых она весьма выразительна³².

1.4. Изменение оппозиции $g - x$

При определении словацко-польской языковой границы наличие оппозиции $g - x$ относится к важным дифференциальным признакам. Дело в том, что для словацких диалектов характерна оппозиция *h - x*. В горальских наречиях Словакии такая оппозиция встречается лишь в говоре двух сел: По и ЛТ (Horák, 36, 46). В остальных горальских говорах стабильным членом оппозиции является *g*. В качестве второго члена оппозиции выступают фонемы или *x*, или *γ*, или *h*, что отражается и в территориальной дифференциации. Оппозиция *g - x*, столь характерная для польского литературного языка и большей части польских диалектов, известна лишь части горальских говоров. Она сохраняется в кисуцких диалектах (Małecki 1938, 69), в оравских говорах (Karaś. 1965, 128) и в говоре с. ЛнР (Małecki 1938, 90). Но и в указанных говорах ситуация не является стабильной и фонема *x* подвергается изменениям, очень часто переходя в *γ*, что, по мнению М. Карася, поддерживается влиянием словацких диалектов. Исходным моментом этого изменения является проникновение слов с фонемой *h* из словацких диалектов. Фонеме же *h* акустически наиболее близок звук *γ*. Дальнейшее раз-

²⁹ Мягкие задненёбные исчезли в говоре сел: По, ЛТ (Małecki. 1928, 82; Horák, 143), Гл, СГ, Ол, З – на Ораве (Karaś. 1965, 111), Го, Ош, Св, Ч, Ск в Кисуцах и в южной части Спиша (СтЛ, НЛ, Пд, Ко, Фо, Вр, Ля, НР, Ю, КВ, Пил, Св, Во, Я). В остальной части горальской области Спиша произошло, как и в случае с губными, разложение исключно мягких задненёбных на бифонемные сочетания *ki, gi*.

³⁰ М. Малецкий Г. Горак, М. Карась расценивают и утрату мягких задненёбных как фонетическое явление. Указанные авторы не рассматривают данный вопрос в более широком контексте, с учетом грамматического уровня, лишь как частную проблему звукового плана.

³¹ Krížáková J. Op.cit., s. 00.

³² Падежный синкретизм шире всего распространен в восточно-словацких диалектах, прежде всего в обл. Земплин, где различия в грамматическом роде существительных и прилагательных были ослаблены.

вение в оравских говорах может идти в направлении изменения $\gamma > h$, что приводило бы и к изменению первоначальной оппозиции $g-x$ в $g-h$, которая известна горальским говорам Спиша. В горальских говорах Спиша процесс изменения глухого щелевого x в звонкое гортанное $h : x \rightarrow \gamma \rightarrow h$ был ускорен влиянием восточнословацких диалектов, в которых в результате словацко-венгерской интерференции отсутствует оппозиция $h-x$. Однако в последнее время в горальских говорах Спиша спорадически появляется оппозиция $h-x$, представляющая последнюю ступень изменений первоначальной оппозиции $g-x$. Все три типа оппозиций, встречающиеся в горальских говорах Словакии ($g-\gamma||g-h||h-x$), являются, бесспорно, результатом словацко-польских языковых контактов.

1.5. Изменения оппозиции $\dot{t}-l$

Как и в рассмотренном выше случае, речь идет не об утрате фонологической оппозиции, а лишь об изменениях в ней. Причину этого изменения М. Карась (Karaš 1965, 184) видит в палатализованном i , проникшем в оравские горальские говоры из словацких диалектов. Речь идет, в сущности, о сдвиге данной оппозиции с точки зрения противопоставления мягкости—твердости: $\dot{t}-l \rightarrow \dot{t}-\dot{l} \rightarrow l-l'$. Все три типа оппозиции представлены в горальских говорах Словакии.

Первый тип, $\dot{t}-l$, характерный для польских диалектов, сохранился в кисуцких говорах (Małecki 1938, 81, 85), в говорах сел: ЛТ (Horák, 143), ЛЛ и ЛнР (Małecki 1928, 90, 167).

Второй тип оппозиции $\dot{t}-l'$ характерен для фонологической системы на Ораве (Karaš 1965, 184), где факультативно встречается и третий тип, $l-l'$. Третий тип оппозиции $l-l'$, характерный для словацких диалектов, последовательно распространен в горальской области Спиша, за исключением говоров четырех сел (Гг, Пил, MnП, ВР), в которых представлена оппозиция $\dot{t}-l$.

Далее всего указанный процесс зашел в говоре с. Погорела в Горегронье, где исчезло мягкое l' в позиции перед гласными переднего ряда e, i^{33} . Утрату мягкого l' в этом говоре мы расцениваем как результат влияния среднесловацких диалектов, поскольку его развитие протекает в тесной связи с развитием среднесловацких диалектов, где под влиянием городского произношения исчезает l' .

2. ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ В СИСТЕМЕ ВОКАЛИЗМА

Система вокализма горальских говоров Словакии в меньшей степени затронута процессом словацко-польской интерференции, чем система консонантизма. По сравнению с системой согласных, которая под влиянием словацких наречий значительно упростилась, система вокализма в основном сохранила первоначальное состояние. Для всех горальских говоров, как и для польских говоров вообще, типично отсутствие долгих гласных, а количественные различия гласных были заменены качественными различиями. В го-

³³ По данным студентки Д. Якубчовой, участвующей в работе упомянутого выше диалектологического кружка на Философском факультете в Прешове.

ральских говорах существуют так называемые зауженные звуки: $\bar{a} > a$, $\bar{o} > o$ (в польской транскрипции – \bar{u}), $\bar{e} > e > y$. На современном этапе наибольший интерес представляют явления, связанные с изменениями фонем a , o и бывшими носовыми.

2.1. Отсутствие перехода $\bar{a} > a \parallel \bar{o} > o$

2.1.1. В большей части горальских говоров Словакии зауженное a как самостоятельная фонема исчезло и совпало или с a , или с o . Этот процесс известен и в польских говорах, поскольку a сохранилось лишь на небольшой территории малопольских диалектов (Дејна, карта 33). В остальных польских диалектах, так же как и в горальских говорах Словакии, процесс шел в направлении усиления или ослабления дифференциального признака лабиализованности: $\bar{a} > a$, $\bar{o} > o$, и, следовательно, утраты a . Могло бы показаться, что переход $\bar{a} > a$ и $\bar{o} > o$ является результатом внутреннего польского развития. Это утверждение относится, бесспорно, к переходу $\bar{a} > o$ в горальских говорах сел Г, МБ, ВБ (Małecki 1928, 80; Zagęba, 127) и в Спишской обл. и лишь в определенной степени – к переходу $\bar{a} > a$. Дело в том, что переход $\bar{a} > a$ осуществился в южной части горальских говоров, находящихся в непосредственном контакте со словацкими диалектами, но неизвестен в северной их части, являющейся непосредственным продолжением польского диалектного континуума. Переход $\bar{a} > a$ типичен для говоров сел СГ и Гл на Ораве (Karaś 1965, 89), По и ЛТ (Horák, 19–21) в любой позиции, в южной же части горальской области Спиша он представлен дифференцировано. В говорах сел ВР, НР, Ла, Фо этот переход осуществляется во всех позициях, кроме позиции перед t . В другой группе сел (СтЛ, Пд, Ко, Фо, КВ, Св, Во, Ю) этот переход встречается лишь в им.пад.ед.ч. прилагательных ж.р. В Пд указанный переход не осуществляется лишь в позиции в середине слова.

В горальских говорах в Кисуцах переход $\bar{a} > a$ осуществлялся в им. пад. ед.ч. прилагательных ж.р. Начало перехода $\bar{a} > a$ мы, в отличие от М. Малецкого, видим в морфологическом плане, а именно – в выравнивании по аналогии форм имен прилагательных по окончаниям имен существительных ж.р.: dobro babo → dobr₂ bab₂. Исходным пунктом указанного выравнивания форм явились, по нашему мнению, словацкие формы типа *dobrý žena* или же *dobrá baba*. Такая интерпретация подтверждается и ситуацией в Кисуцкой обл. и в другой группе сел Спишской области, где переход $\bar{a} > a$ осуществлялся только в этой позиции (см. выше).

Распространение указанного процесса и на иные позиции могло быть поддержано тем обстоятельством, что в словацких диалектах, контактирующих с горальскими говорами, исконное \bar{e} , \bar{o} подвергается количественным изменениям³⁴, но \bar{a} не подвергается. В этом М. Малецкий (Małecki. 1935, 49) ищет причину того, что в горальских говорах сохранилось $\bar{o} < \bar{b}$ и $y < \bar{e} < \bar{e}$, с одной стороны, а $a < \bar{a}$ совпало с a , – с другой.

³⁴ В среднесловацких диалектах произошла дифтонгизация $\bar{e} > ie$, $\bar{o} > uo$; в восточнословацких диалектах (особенно в северных спишских и шаришских) после утраты долгих гласных произошли качественные изменения звуков, ранее различавшихся количественно: $\bar{e} > i$, $\bar{o} > u$ (*Ondrus P. Prehľad slovenskej dialektologie*. Bratislava, 1962) (конспект лекций).

Имея в виду вышесказанное, мы понимаем переход $\dot{a} > a$ в горальских говорах как результат словацко-польских языковых контактов. Однако мы не можем не учитывать и внутренние тенденции развития этих говоров, которые способствовали ускорению данного процесса.

2.1.2. В горальских говорах Оравы (кроме СГ и Гл), где до сих пор сохранилось зауженное \dot{a} как самостоятельная фонема, ситуация не является стабильной. Наблюдаемые изменения этой фонемы по-разному реализуются в речи представителей старшего и молодого поколения. Если старшее поколение, как отмечает М. Карась (Karaš. 1965, 112), еще различает \dot{a} как самостоятельную фонему, то в речи молодого поколения \dot{a} совпало с o . Причем интересно, что М. Малецкий в своих работах об оравских горальских говорах говорит о переходе $a > o$. Подобно этому и К. Дейна (Dejna, карта, 33) причисляет данные говоры к той группе, где осуществился переход $\dot{a} > o$. Именно поэтому возникает вопрос о реальном существовании в оравских говорах зауженного \dot{a} в качестве самостоятельной фонемы. При окончательном решении этого вопроса, несомненно, помощь могло бы оказать экспериментальное фонетическое исследование, которое дало бы ответ на вопрос, происходит ли переход $\dot{a} > o$ в горальских говорах Оравы или он уже завершен.

2.2. Отсутствие лабиализованного čo

Следующей отличительной чертой системы гласных горальских говоров по сравнению с вокализмом словацких диалектов является лабиализованное čo . В горальских говорах фонема o реализуется в ряде вариантов, различающихся степенью лабиализации: $o - \text{čo} - \text{čuo} - \text{čvo}$. Все эти четыре типа реализаций обнаружены М. Карасем (Karaš. 1965, 97) в горальских говорах Оравы.

Лабиализованное čo чуждо фонологической системе словацких диалектов. В среднесловацких говорах, правда, встречается дифтонг $\text{č}[\text{čo}]$, реализующийся с признаком лабиализации, но его встречаемость позиционно ограничена: за исключением слова čsmy он не может стоять в начале слова. Лабиализованное čo неизвестно и восточнословацким диалектам, непосредственно контактирующим с горальскими говорами. Исчезновение лабиализованного čo в горальских говорах – следствие словацко-польских языковых контактов.

Отсутствие čo типично для говоров сел СГ и Гл на Ораве, причем лабиализация čo исчезает в оравских говорах с севера на юг (Karaš. 1965, 97), а также для сел По и ЛТ (Horáčk, 26), для ЛнР (Małecki 1938, 90), для горальской области в Кисуцах и для южной части горальской области Спиша. И на Спише, как и на Ораве, лабиализация čo исчезает соразмерно ослаблению интенсивности словацко-польских контактов, максимум которой отмечается на юге Спиша.

2.3. Распад носовых гласных

Дальнейшие изменения в ходе развития, к которым принадлежит и распад носовых гласных, мотивированы в большей мере внутренними, нежели внешними причинами. Дело в том, что разложение носовых гласных типично для всех польских диалектов и для польского литературного языка.

Но следует учитывать и **внешнее** влияние словацких диалектов, бесспорно, ускоряющее процесс **внутреннего** развития.

Все польские диалектологи, изучавшие горальские говоры, сходятся на том, что в этих наречиях нет носовых гласных и что в них произошло разложение старых носовых на сочетания: гласный + носовой *m*, *n*. Только в говоре с. Погорела (Horák, 140) процесс зашел настолько далеко, что под влиянием словацких диалектов старые носовые были заменены рефлексами словацкой реализации *č>ja* (как в западногемерских говорах), *q>u* (как во всех словацких диалектах). Свидетельством того, что в говоре с. Погорела сначала произошло разложение носовых, а затем в систему вокализма проникли словацкие рефлексы, являются единичные слова типа *d'efčynt'a*, отражающие более ранний этап развития.

Основываясь на ситуации в говоре с. Погорела и на учете интенсивности процесса словацко-польской интерференции, осуществляющейся в горальских говорах, в особенности в группе переходных диалектов, можно предположить, что и в других горальских диалектах процесс разложения носовых пойдет в том же направлении, что и в погорельском говоре, т.е. в направлении последовательного распространения рефлексов словацкой реализации.

IV

Анализ рассмотренных выше фонологических явлений показал, что система вокализма и консонантизма горальских говоров Словакии в значительной степени затронута процессом словацко-польской интерференции. Внешнее влияние словацких диалектов обусловило или ускорило такие серьезные изменения на уровне фонетики, грамматики и лексики, что мы их не можем не учитывать.

Наше исследование решает лишь одну проблему: мы стремились показать, как продвинулся процесс словакизации в звуковом плане горальских говоров. В отличие от предшествующих авторов мы исследовали некоторые явления фонологического характера в тесном взаимодействии с явлениями морфологического уровня. Этот подход оказался оправданным, поскольку позволил более объективно изучить некоторые изменения в развитии и точнее разграничить внутренние изменения в процессе развития горальских говоров от изменений, вызванных внешним влиянием.

Основную тенденцию развития, характерную для горальских говоров, можно квалифицировать как тенденцию к упрощению вокалической и консонантной систем. Под влиянием словацких диалектов в горальских говорах уменьшилось количество фонологических оппозиций. В результате в фонологической системе горальских говоров уменьшилось число фонем и их вариантов. В то же время возникли новые фонологические оппозиции, а некоторые фонемы были заменены фонемами словацкой реализации. Указанные изменения приблизили горальские говоры к словацким диалектам, с одной стороны, и отдалили их от польских диалектов, генетически с ними связанных, – с другой.

В настоящее время горальские говоры четко подразделяются на две группы, представляющие собой отдельные этапы длительного и сложного процесса словацко-польской интерференции: 1) переходные польско-сло-

вацкие говоры (Гл – на Ораве, Го, Ош, Св, Ч в Кисуцах, языковые острова в Средней Словакии, южная часть горальской области на Спише); 2) остальные горальские говоры, а именно компактные области, на Ораве и в северной части Спиша.

Отражение словацко-польских языковых отношений в грамматическом строе и в лексике горальских говоров явится предметом дальнейших исследований автора.

Перевод Я. БИЦКО

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

ВБ – Вельке Борове, Во – Войняны, ВР – Вышие Ружбахи, Г – Гуты, Гг – Галиговце, Гл – Гладовка, Го – Горелица, З – Закаменне, Ка – Каче, Ко – Колачков, КВ – Крижова Весь, Ла – Лацкова, ЛЛ – Липтовска Лужна, ЛнР – Лом и/Римавицей, ЛТ – Липтовская Тепличка, МБ – Мале Борове, МС – Малы Славков, Н – Новоть, НЛ – Нова Любовня, НР – Нижне Ружбахи, ОЛ – Оравска Лесна, Ош – Ошчадница, По – Погорела, Пд – Подсадек, Пил – Пилхов, Св – Сврчиновац, СВ – Словенска Весь, СГ – Суха Гора, СтЛ – Стара Любовня, Фо – Форбасы, Ч – Чьерне, Ю – Юрске, Я – Яворина.

JP – Język polski. Warszawa; SbMS – Sborník Matice slovenskej; SOcc – Slavia Occidental. Poznań.

Е.Н. ОВЧИННИКОВА

НАБЛЮДЕНИЯ НАД СОГЛАСНЫМИ *x – h* В ОДНОМ ИЗ СЛОВАЦКИХ ГОВОРОВ ЗАКАРПАТЬЯ

Языковая ситуация Закарпатья привлекает все большее внимание диалектологов своим своеобразием, и прежде всего – многосторонними контактами между местными диалектами (в основном украинскими, венгерскими и словацкими), как существующими, так и имевшими место в прошлом. Появившиеся в последнее десятилетие карпатологические исследования рассматривают различные аспекты этих контактов (в первую очередь, лексический)¹.

Ниже рассматривается одна из фонетических особенностей словацкого говора села Турья Ремета Закарпатской области. Данные говора Турьей Реметы (далее – Т.Р.), равно как и других словацких переселенческих говоров Закарпатья, использованы в диссертации Н.И. Дзендулевской², однако говор в целом – как, впрочем, и украинский говор этого села – еще не был предметом специального исследования. Собранный нами материал позволяет квалифицировать его как восточнословацкий во всех

¹ См. например, библиографические указатели и обзоры И.Е. Можаевой, помещенные в кн.: Карпатская диалектология и ономастика. М., 1972; Славянское и балканское языкознание. Проблемы интерференции и языковых контактов, М., 1975; Справочно-информационные материалы по СКДА, М., 1978. Особое значение имеют труды И.А. Дзендулевского, П.Н. Лизанца и др.

² Дзендулевская Н.И. Очерк фонетики восточнословацких говоров на территории УССР. Канд. дис. М., 1975. Упомянем здесь также сборник пословиц и поговорок И.А. Дзендулевского (*Dzendzelivský J.A. Slovenské ľudové potekadlá a príslovia z dediny T. Remeta. Nové obzory*, t. 13. Prešov, 1971).

важнейших уровнях структуры. Об этом свидетельствуют такие черты, как, например:

в фонетике: отсутствие долгот, ударение на предпоследнем слоге, изменение *ie* > *e, i*, переход *t', d'* > *c, z* (ассимиляция), разложение *r, l* слого-вых, *rot, lot* из* *ort, olt*;

в морфологии: обобщение склонения имен существительных всех родов во множественном числе, окончание *-o* у существительных ср. р. в им. и вин. пад., окончание *-i* из *-ou* у существительных и прилагательных ж.р. в тв. пад., частое опущение глагола-связки;

наконец, в лексике — наличие таких восточнословацких лексем, как *jarec* (лит. *jačteň*), *trimac* (лит. *držat'*), *šmaric* (лит. *hodit'*), *šumni* (лит. *pekný*), *das* (лит. *asi*) и под.

Тем не менее определенно отнести этот говор к той или иной группе восточнословацких диалектов представляется затруднительным, так как его особенности (имеющие безусловно восточнословацкий характер) не встречаются именно в таком наборе ни в одном из описанных до сих пор диалектов этой группы.

Однако в данном случае интерес представляют не те черты этого говора, которые связывают его с диалектом метрополии, а черты новые, приобретенные в результате контакта. Условия для таких контактов, безусловно, существовали и существуют, поскольку Т.Р. не чисто словацкое село, его население гетерогенно — преобладают украинцы, словаков примерно втрое меньше (значительное число их депатрировалось после 1947 г.) — сейчас имеется около тридцати словацких семей и несколько большее количество семей смешанных, словацко-украинских; наконец есть несколько венгерских семей. Эти же национальности населяют и соседние села. Поэтому говор словацких переселенцев Т.Р., осевших здесь в XVIII в., развивался в постоянном контакте с венгерскими и украинскими диалектами; кроме того, официальным языком Закарпатья до 1918 г. был венгерский, влиявший на местные диалекты через школу и государственные учреждения. В этой ситуации закономерно, что старшее поколение словаков Т.Р. полилингвистично, они достаточно свободно владеют украинским и венгерским, в то время как младшее в основном уже двуязычно, венгерским (в пассивной форме) владеют немногие.

Следствием этих разносторонних контактов описываемого говора явилась интерференция во всех сферах языка — в фонетике, морфологии, лексике (ср. *dilo, čudo, kazac, žutorec, obmanic, slizgo*). Однако не все диалекты карпатского ареала изучены в равной степени, то же можно сказать и об изучении процессов интерференции между диалектами этого района. Поэтому при исследовании своеобразных явлений в исследуемом говоре, не поддающихся объяснению на собственно словацкой почве, не всегда представляется возможным сразу определить, влияние какого из соседних диалектов сыграло здесь роль.

Ниже излагаются некоторые наблюдения над судьбой пары согласных *x-h* в говоре Т.Р. В большинстве словацких диалектов эти согласные (глухой фрикативный задненёбный *x* и звонкий фарингальный *h³*) зани-

³ В словацкой лингвистике его традиционно называют гортанным — см. например: *Pauliny E. Fonológgia spisovnej slovenčiny. Bratislava*, 1968, с. 52–53.

мают особое место в системе согласных, соотносительных по признаку звонкости — глухости. Один из них фрикативный, другой фарингальный, так что, как видно, они различаются более чем по одному признаку и акустически не являются парными. Такую пару *x* составляет с другим звуком — со звонким задненёбным *γ*, не являющимся реализацией самостоятельной фонемы и выступающим на месте *x* в позиции озвончения, т.е. перед сонорными и звонкими согласными, а также перед гласными звуками: *prax* — *prazdajaký*, *tox* — *toγleží*, *na stromox* — *na stromoγorli sedia*. И если задненёбный *x* — исконно славянский звук, то фарингальный *h* имеет сложную историю. Он возник в отдельных славянских языках — в словацком, чешском, верхнелужицком, говорах украинского и белорусского языков (в "центральном поясе славянских языков", по словам Ф.Т. Жилко⁴) из праславянского *g* через стадию *γ* уже в историческое время, в XII—XIV вв. (таково мнение Ф. Травничка, Я. Станислава, Х. Бартека, Р. Крайчовича и некоторых других лингвистов⁵, А.А. Шахматов, Р. Якобсон и Н.С. Трубецкой относили этот процесс к более ранним эпохам⁶). Для словацкого языка изменение *g* в *γ* совпало с формированием ассимиляции согласных по глухости — звонкости, и *γ* из *g* вступило в корреляцию с *x*, отличающимся от него только участием голоса (так, *sneg* > *sney* — *snex padá*, *stog* > *stoγ* — *stoχ sena*). Впоследствии звонкий фрикативный *γ* перешел в фарингальный *h*, но в позиции оглушения *h* по-прежнему дает *x*, а *x* в позиции озвончения, в свою очередь — *γ*, однако "такое произношение не осознается говорящим, подобно произношению *n* как *ŋ* перед *g* и *k*"⁷.

Таким образом, в фонетике большинства словацких диалектов и в литературной норме представлена следующая система: *x*

γ — *h*

Исключение представляют некоторые, в основном восточнославянские диалекты⁸, где *x* и *h* совпадают в каком-либо одном звуке. Это происходило, как правило, в местах контактирования словацкого населения с венгерским или немецким, и именно в таком контакте многие лингвисты видят причины этого процесса. В самом деле, в венгерском языке существует только *h*, а в немецком различие между *x* и *h* не фонематично, поэтому в случае действительного влияния одного из этих языков (или диалектов колонистов, как было, например, в городах Шариша и Земплина) на словацкие диалекты такой результат вполне возможен. Чаще всего слияние *x* и *h* происходит в пользу *h*, иногда же возникал новый, отличный от обоих исходных, звук. Один из возможных результирующих звуков Й. Штольц описывает как "глухой гортанный спирант, в начале слова и перед гласными примерно соответствующий среднесловацкому *h*"⁹. У такого *h* часто отмечают как отличительный признак глухость (отсутствие

⁴ Жилко Ф.Т. Фонологічні особливості української мови..., Київ, 1962, с. 109.

⁵ Библиографию этого вопроса см. в кн.: Pauliny E. Fonologický vývin slovenčiny. SAV, 1963, с. 172–177.

⁶ О существующих точках зрения см. подробнее в кн.: Бернштейн С.Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1961, с. 292–297.

⁷ Pauliny E., Ružička J., Štolač J. Slovenská gramatika. Bratislava, 1968, с. 293.

⁸ Прежде всего, в центральном Спише, южном Абове, городах Шариша и Земплина, спорадически в среднесловацких диалектах.

⁹ Štolač J. Nárečie troch slovenských ostrovov v Maďarsku. Bratislava, 1949, с. 332.

консонантности)¹⁰, что проявляется, в частности, в том, что он оглушает предшествующий звонкий согласный: *fhorach, shniti, shovarame sa, fhand-lovej, neothanaj uz ta*¹¹, а в положении между согласными или между согласным и гласным его артикуляция ослабляется вплоть до полного исчезновения: *fratku, sori, frad'ist'i, sorela, saňac, subic*¹² (этот процесс известен не только восточнословацким диалектам, но и среднесловацким — липтовским, оравским и т.д.)¹³.

Такова ситуация в значительной части словацких диалектов. Что касается Т.Р., то здесь положение не совпадает ни с наиболее распространенным (*h -x/γ*), ни с наблюдаемым в упомянутых восточнословацких диалектах (*h > < x*, т.е. *h* и *x* совпадают в одном звуке). В этом говоре фиксируются два звука: *x* и звук, близкий к *γ* — звонкий фрикативный задненёбный, но менее звонкий, чем обычный для большинства словацких диалектов *γ* — звонкий вариант *x*). Дистрибуция этих звуков своеобразна.

1. В характерной для словацкого языка позиции максимального различения, т.е. перед гласными и сонорными звуками внутри морфем, где соотносительные по признаку глухости—звонкости звуки не нейтрализуются, выступая в своем исконном виде, представлен всегда *γ* (как на месте этимологического *x*, так и на месте *h*): *γozic, ciγo, zoγabic, presiγac, doγutorec se, γavran, γad; γlapec, kuγča, verγčina, ruγl'aňina; potoγnuc, zaγlaucčina*, так что лексемы, различавшиеся первоначально только этими звуками, в говоре звучат одинаково: *lesγori – pesγori bul, toto ni duγa – svateγo duγa, ja bul γladen – dišć bul γladni, γudak, nema ništ peγeži – γudak sγusl'ami*.

2. В конце слова, а также перед глухими согласными внутри слова и на стыке слов (позиция оглушения) выступает *x*: *trox, prax, sňix, stox, verx, dlix, Vax, box; naxrac, žoxtar, daxto, narixtovac, daxtori, lexko; on ix ťanuje, tux, jazi ťit, inix, prišikovali, obux ťiroki bul, cali mex peγezox, pambox ci ţeda*.

3. Перед звонкими и сонорными согласными, а также гласными звуками внутри слова (на стыке морфем и на стыке слов) (позиция озвончения) выступает *γ*: *leγeňki, mňaγeňki, viγča, Boγdan; verγ je visoki, zjukoγ je tos, s γarckoγ znaju pič, stoγopstal*.

4. На наш взгляд, представляет интерес еще одна позиция, отмеченная в этом говоре, в которой всегда выступает глухой *x* — как перед глухими согласными, так и перед звонкими и сонорными согласными, а также перед гласными звуками. Это позиция абсолютного начала слова, т.е. после паузы; следует заметить, что подобная дизерма отнюдь не обусловлена закономерностями межсловной фонетики говора Т.Р., никакой другой звонкий согласный в начале слова не оглушается¹⁴. Однако в этом случае наблюдаем последовательное оглушение, ср.: как *xtur – takovi xtur, xto – ţeznam*,

¹⁰ Pauliny E. Fonológia spisovnej slovenčiny. Bratislava, 1968, c. 332.

¹¹ Štolc J. Указ. соч., ст. 383–384. Подобный факт отмечает для шаришских диалектов Ф. Буффа, причем там этот "горянный согласный ослабленной звучности *h*" представляет самостоятельную фонему наряду с фонемой *x*) (Buffa F. Šarišské nárečia. Ротапринт, с. 182).

¹² Štolc J. Указ. соч., с. 78, 241, 333.

¹³ См.: Stanislav J. Liptovské nárečia, Turčiansky Svätý Martin, 1932, с. 214; Pauliny E. Nárečia zátopových osád na Hornej Orave. TSM, 1947, с. 25.

¹⁴ Да и вообще сколько-нибудь значительных особенностей позиций начала слова ни в говоре Т.Р., ни в других описанных до сих пор словацких говорах не отмечено.

xto to buže, так и *xlep – donesli γleba*, *xnoj – u γnoju leži*, *x lava – boli ce γlava?* *xojkaju? – pravdače γojkaju.*

5. Наконец, этот γ всегда оглушает предшествующий звонкий согласный (как и вторичный *h* восточнословацких диалектов, см. выше): *potγardli-na*, *otγaňac*, *syaňac*; *pot_yardlom*, *nat_γlavu*, *zos_γruškox*, *zos_γlini*, *bes_γakli-ročki nemoš yaklirovac*.

Поскольку в позиции максимального различия на месте и исконных словацких *x* и *h* всегда выступает γ , то, видимо, его и следует считать основной реализацией фонемы задненёбного характера, присущей этому говору. Звук же *x* всегда позиционно обусловлен – он встречается или в позиции оглушения, или в начале слова после паузы. Правда, последняя позиция, как было отмечено, несколько необычна для словацкого языка, но звук этот употребляется в ней вполне последовательно. Из всего сказанного можно сделать следующие выводы.

1. В говоре Т.Р. фонемы *h* (реализованная звонким фарингальным) и *x* (реализованная глухим задненёбным) совпали.

2. Как результат этого возникла фонема γ , реализованная фрикативным задненёбным, близким к общесловацкому γ (звонкому варианту фонемы *x*), но менее звонким; в частности, она оглушает предшествующие звонкие согласные.

3. Позиционным вариантом фонемы γ в условиях оглушения является *x*.

4. Дополнительной позицией, в которой встречается *x*, является позиция после паузы.

5. Фонему γ следует считать внепарной по признаку глухости–звонкости¹⁵.

Трудно определить, что же привело к перестройке общесловацкой (resp. наиболее распространенной) корреляции *h*–*x*/ γ в нашем случае. Выше уже упоминалось, что как в самой Словакии, так и в диалектах словацких колонистов за ее пределами пара *x*–*h* подвергалась изменениям в местах непосредственного контакта словаков с "чужеродным языковым элементом"¹⁶ – обычно венгерским или немецким. Механизм подобных изменений описывают, как правило, следующим образом: в ситуации билингвизма немцы и венгры, осваивающие словацкий язык, приспособливали

¹⁵ Несколько иной точки зрения придерживается Н.И. Дзендеревская. Она пишет: "...В селах Довгое и Т. Ремета в языковой практике старшего и среднего поколения звук *ch* заменяется звуком *h* (результат венгерского влияния), что типично для аборских говоров: *tiha, suhi, hl'ep, hl'evik, hladni*" (Дзендеревская Н.И. Указ. соч., с. 174). Следует заметить, что переход *x* > *h* характерен не для всех аборских говоров, и, с другой стороны, не для них одних; в метрополии он происходил не только под венгерским влиянием (кстати, не совсем ясно, имеется ли здесь в виду влияние еще в Словакии или же после переселения в Закарпатье.) Спорным представляется также *h* как результат процесса, и, наконец, то, как представлена на уровне о фонологии словацкая микросистема заднеязычных: *k – ch* где *ch* и *h* "заднеязычные", *g – h'*

неязычные, фрикативные, чистые согласные" (там же, с. 105), закономерно переходящие друг в друга в позициях озвончения и оглушения (*ch* > *h*, *h* > *ch*, глава об ассимиляциях). Как видно, Н.И. Дзендеревская не согласна с традиционным и пока единственным в словацкой лингвистике представлением о фарингальном характере *h* и о γ как звонком варианте *x*. Возможно, поэтому и турьеметское γ предстает у нее как *h*.

¹⁶ Štôlc J. Указ. соч., с. 384.

неизвестные им звуки к звукам своего языка. В частности, венгры произносили *h* – наиболее близкую фонему своей фонологической системы; немцы же, наоборот, произносили слабое *x*, в некоторых случаях ослабленное до полного исчезновения. В обоих случаях такое измененное произношение воспринималось, в свою очередь, словаками, закрепляясь постепенно в их произношении¹⁷.

В случае Т.Р. принципиально возможно влияние как венгерских, так и украинских диалектов, последнее, на наш взгляд, несколько более вероятно. Правда, рассмотренная выше модель не имеет полного соответствия ни в венгерском¹⁸, ни в украинском языках (в последнем представлена модель, аналогичная общесловацкой¹⁹). Однако в говорах украинского языка, в частности, в западноукраинских и юго-западноукраинских, звук *h* часто подвергается изменениям: "гортанный звонкий фрикативный *g* имеет в различных диалектах различную степень звучности, в западноукраинских диалектах он часто утрачивает свою звонкость... В интервокальной позиции звонкость *g* ослабляется, в юго-западноукраинских говорах особенно; тогда выступает глухой гортанный *g* или же звук полностью исчезает..."²⁰.

В свете этого представляется вероятным, что турьереметское *γ* ослабленной звучности явилось результатом контакта восточнословацкого говора с местными украинскими говорами. Этот контакт не привел к прямому заимствованию, т.е. непосредственному восприятию словацким говором украинского соотношения *x-h*, однако мог явиться причиной расщепления исконно словацкого соотношения этих звуков и повлечь за собой нарушение их дистрибуции и совпадение их в новом звуке *γ*, с новыми, отличными от словацких *x* и *h* особенностями. Однако для более подробного представления о том, как именно происходил этот процесс, необходимо большее количество сведений по местным украинским говорам, а также наблюдений над контактированием словацких и украинских говоров в других селах Закарпатья со смешанным населением.

Д. ПЕТРОВИЧ

О КАРПАТОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ СЕРБОХОРВАТСКО-АЛБАНСКИХ ЛЕКСИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ*

В настоящее время о славяно-албанских языковых контактах написано достаточно много; проблема изучалась в различных аспектах и поэтому нелегко дать исчерпывающий обзор соответствующей литературы, — даже в том случае, когда анализируется лишь один из аспектов, в частности, тот,

¹⁷ *Liška J.* K otázke pôvodu východoslovenských nárečí, TSM, 1944, c. 45–46; *Stieber Zdz.* Lud Slowianski, t. 1, A, 1930, c. 61.

¹⁸ См. например: *Балашша Й.* Венгерский язык. М., 1951, с. 48; *Майтинская К.Е.* Венгерский язык. М., 1955, с. 75, 78.

¹⁹ *Коструба П.* Фонетика сучасної української літературної мови. Львів, 1963; *Жилко Ф.Т.* Указ. соч., с. 29–30.

²⁰ *Дзендеревський Й.О.* Конспект лекцій з курсу української діалектології. Ч. I, Фонетика. Ужгород, 1965, с. 87–88.

* © Д. Петрович, 1983г.

который касается сербохорватско-албанских лексических параллелей. Из важнейших работ укажем известную книгу А.М. Селищева "Славянское население в Албании" (София, 1931)¹, в которой находим обширный список славянских слов, заимствованных в албанский. В последние годы большое внимание проблеме албано-сербохорватских отношений уделяет И. Аjeti². Заслуживают внимания и серьезные исследования С. Георгиевича о месте сербохорватской лексики в рамках балкано-румынского лингвистического комплекса³.

Углубленная разработка данной проблематики невозможна без обстоятельных диалектологических атласов, прежде всего сербохорватского и албанского языков, или, по крайней мере, без обширных диалектных словарей этих языков. Отсутствие указанных важных материалов не позволило нам рассмотреть сербохорватско-албанские лексические отношения с необходимой степенью детализации, в том числе не удалось дать четкое представление о географическом распределении многих лексем и их значений.

Настоящая статья является попыткой проследить в общих чертах, на основании собственных исследований архаических сербохорватских иекавских говоров вдоль албанской границы, а также достаточно многочисленных неопубликованных лексических материалов из других говоров, распространение ряда лексических (resp. семантических) элементов на территории Югославии. Задача затрудняется тем обстоятельством, что съербохорватское население в результате значительных миграций, происходивших в течение XV–XVIII вв., оказалось сильно перемешанным, и поэтому без густой сет-

¹ Далее – Селищев. Список слов, который анализируется автором, очень разнороден и включает как общеславянские слова, так и южнославянские и балканские; среди них значительное число и таких, которые в настоящее время рассматриваются как карпато-балканские. Можно упомянуть некоторые из них (помимо тех, которые исследуются в нашей статье): *rasój* 'кислая капуста' (с. 162), *bosil'ók* (с. 163), *belice* 'белая вишня' (с. 164), *stan* (с. 165), *yurvolák* (с. 185) и под.

² Ajeti I. Prilog proučavanju međusobnih šiptarsko-srpskih jezičkih odnosa. – In: Gjurmime Albanologjike. Priština, 1965, N 2, (далее – Ajeti); *idem*. Poreklo nekih mitskih i demonskih naziva u šiptarskiom. – In: Godišnjak. Centar za balkanološka ispitivanja, knj. 1. Sarajevo, 1965 (далее – Ajeti. Poreklo); *idem*. Neki zajednički izrazi šiptarske i srpskohervariske leksičke. – In: Zbornik Filozofskog fak-ta u Prištini. Priština, knj. III. 1965–1966 (далее – Ajeti. Neki); *idem*. Contributions à l'étude des rapports linguistiques entre l'albanaise et le serbe. – In: Actes du 1-er Congrès International des études balkaniques et sud-est européennes, VI. Sofia, 1968 (далее – Ajeti. 1968); *idem*. Albansko-srpskohervatske jezičke studije. – In: Godišnjak. VIII. Centar za balkanološka ispitivanja, knj. 6. Sarajevo, 1970 (далее – Ajeti. Alb.); *idem*. Prilog proučavanju davnasnijih arbanasko-južnoslovenskih jezičkih odnosa. – In: Godišnjak. IX. Centar za balkanolska ispitivanja, knj. 8. Sarajevo, 1973 (далее – Ajeti. Prilog.); *idem*. Contribution à l'étude de l'origine de quelques toponymes du Monténégro. – In: Akten des Internationalen Albanologischen Kolloquiums. Innsbruck, 1972 (Innsbrucker Beiträge zur Kulturwissenschaft, Sonderheft 41; 1977) (далее – Ajeti. Contr.); *idem*. Прилог проучавању узајамних арбанашко-српскохрватских језичких односа. – В кн.: Научни састанак слависта у Вукове Јане. Београд, 1977 (далее – Ajeti. 1977); *idem*. Études lexicales albano-slaves. – In: Actes du II-e Congrès International des études du sud-est européennes, IV. Athènes, 1978 (далее – Ajeti. Et.).

³ Georgijević S. Balkanološke studije. – In: Radovi Katedre za jezik Vise pedagoške škole u Nišu. knj. 1. Niš, 1967; knj. 2, 1968 (далее – Georgijević. I, II); *idem*. Iz naše toponomastike. Зборник за филологију и лингвистику, књ. I. Нови Сад, 1957 (далее – Георгиевич. Из наше).

ки пунктов обследования на основных направлениях миграций невозможно требовать точной картины распределения соответствующих изолекс.

Следует специально подчеркнуть, что в существующих исследованиях остался практически неотмеченным тот факт, что основная масса изолекс, представляющих сербохорватско-албанские параллели, входит, помимо всего прочего, в круг схождений, имеющих балкано-карпатское распределение⁴, и что поэтому их судьба оказывается гораздо сложнее, чем это может представиться на первый взгляд.

Материалы, касающиеся албанских говоров, собраны нами в с. Клезна (*Klezna* [K]), ок. г. Ульцинь и дополнены информацией, почерпнутой у носителей албанской речи из с. Милеш (*Mil'eš* [M]), ок. г. Титоград. Данные собирались с помощью Вопросника ОКДА⁵, и поэтому в статье изучаются лишь те слова, семантические регистры которых исследуются по тому же Вопроснику в других языках карпато-балканского ареала в рамках создания ОКДА. Таким образом, основным было направление исследования "от слова к значению". Отмечались лишь некоторые дериваты, хотя в словарях албанского языка можно найти и более обширные серии дериватных форм.

Большая часть рассматриваемого ниже материала известна говорам обоих языков; в то же время в албанском содержится значительное количество слов, для которых в пограничных сербохорватских говорах нет соответствующих параллелей; эти случаи специально отмечаются в нашей работе.

Записи албанской диалектной речи и материалы неопубликованных лексических собраний из сербохорватских диалектов представлены в транскрипции, принятой в ОКДА⁶. Материалы опубликованных источников даются в записи последних.

* * *

Алб. *bacë, -a, bac, -i* '(старший) брат', 'дядя по отцу'; в с.-хорв. говорах обл. Косово и Метохия имеют соответствие *bâca* (с близким значением). — Елез.; в других зонах эта лексема не отмечена. Здесь же следует рассматривать и алб. *baç, -i 'baçijar, mlekar', baçi, -a 'baçija; starica'* (*Ndreca*) а также с.-хорв. *bač, bačja, bačilo, bačica* (*Skok*). И. Аjetи убежден, что *bacë* можно рассматривать как "исконное в албанском" (*Ajeti, 37–38*); неясно в этом случае отсутствие соответствий в пограничных с.-хорв. (зетских) диалектах.

⁴ Работы З. Голомба впервые акцентируют эту проблематику, ср.: *Gołęb Z.* Генетички врски меѓу карпатската и балканската сточарска терминологија и улогата на словенскиот елемент во ова подрачје. — Маќедонски јазик, X Скопје, 1959, № 1–2; *idem*. Wyrazy pochodzenia południowo-słowiańskiego w polskich gwarach góralskich. — *Język polski*, 1952, XXXII. Важным этапом в развитии указанной проблематики, применительно к сербохорватским данным, явилась рецензия П. Ивича на "Карпатский диалектологический атлас" (Зборник за филологију и лингвистику, XII/1. Нови Сад, 1970); Ср. также: *Гутшmidt K.* Карпато-южнославянским лексическим параллелии. — В кн.: Славянское и балканское языкознание. М., 1975; *Младенов M.* Распространение некоторых карпатизмов в болгарских говорах. — (Там же); *Гутшmidt K.* Ареалы некоторых болгарских соответствий карпатоукраинским лексемам. — В кн.: Общекарпатский диалектологический атлас. Кишинев. 1976.

⁵ Вопросник Общекарпатского диалектологического атласа. М., 1981.

⁶ Проект ее публикуется в кн.: Вопросник ОКДА (см. сн. 5).

Лексема *balega* представлена в с.-хорв. диалектах в различных фонетических вариантах: *bâlega*, *bâloga*, *bâлага*, *gâleba*, *ðblega* (*Skok*) баљега (Елез.), с серией дериватов: *bâlegav* 'испачканный навозом', *balegati*, *bâležiti* 'vršiti nuždu' (о животных), *balégär*, *balegara* '(зоол.) Geotrupes stercoraria', *balégärka* '(зоол.) Motacilla alba', *balégäš* '(зоол.) Scarabeus sacer', *balégan* 'то же'. С.-хорв. *balégan* означает также 'плохой человек'. И в албанском фиксируется большое число фонетических вариантов: *bagël*, *baigë*, *balë* (*Ndrecra*), *bagjë* (*Ajeti. Prilog*, 208), также *bagëlit*. Алб. диал. (M) *bagd'*, *-gl'a* 'навоз крупного рогатого скота' в основной массе с.-хорв. пограничных говоров в Черногории соответствует *bal'ega* то же; ср. и *балъега* (обл. Васоевичи, Косово и Метохия). Источник этого слова И. Айти, как и Э. Чабей, видят в албанском языке (*Ajeti. Prilog*, 208); П. Сок предполагает, что оно – наследие фрако-иллирийского (если учитывать отсутствие его в болгарском и, следовательно, отсутствие связи с "языком средневековых тюрков (куманов, печенегов)" (*Skok*).

В с.-хорв. говорах широко распространены соответствия албанским словам с основой *bardh-* 'белый' (ср.: *Ndrecra*); при этом в с.-хорв. отмечается большое число дериватов – *bârzast*, *-a*, *-o*, *бâрзица*, *бâрзеша*, *-шица*, *-уља*, *бâрзân*, *бâрзило*, *бâрзуђић*, *бардока* (*PCXKHJ*). Неясно соотношение данной основы и лексемы *bâra* 'овца черно-белой масти', ср. и *bařan* 'то же', распространенной на западе сербохорватской языковой территории; следы рассматриваемой основы отмечены в топонимике на юге и востоке; с нею, помимо *Barzilovica*, *Barzanovica*, *Barzilova podiva* (*Georgijević*, 98), по-видимому, связан топоним *Beri* (в котором И. Айти видит алб. *bâri*, *bërrue*, *berr* 'pastirska zajednica' – *Ajeti. Contr.*, 678), а также, возможно, и *Bar*, *Berane*, *Berova* (село в обл. Кучи).

Алб. диал. *bëšik*, *mëšik* (K), *p'šika* (M) 'мочевой пузырь' (ср. алб. литер. *mëshikë*, *fshikë* – *Ndrecra*) соответствует с.-хорв. *besika* 'то же'; фиксируется развитие и некоторых секундарных значений: 'мыльный пузырь', 'пленка в яйце'. Источник указанных слов – рум. *băsică* 'Blase и под.' < лат. *vessica* (*Skok*). Омоним с.-хорв. *besika* (ср. с.-хорв. лит. *бешика*) 'колоуль' – иного происхождения, ср. тур. *besik* (БЕР); отмечено развитие вторичных значений от *besika*⁽²⁾ – '(мелкая) борозда, в которую сажают картофель'. К *besika* – также дериваты: *бешикаст*, *бешикица*, *беш(и)ца* и под. (*PCXKHJ*).

Алб. *be'čar* (K, M) 'неженатый человек, парень' с дериватами *be'čare*, *-rja* 'незамужняя девушка', *bečar'lak* 'жениховство' в с.-хорв. говорах близ албанской границы соответствует *be'ča:r* 'неженатый человек разгульного поведения', 'весельчак', ср. также дериваты – *beča:* 'rit, *beča:* 'reñe, *bečar'lak* || *bečar'lak*. В других зонах список дериватов больше, ср.: *бëнаријац* 'веселая разгульная песня', 'народный танец, коло', 'мелодия, сопровождающая разгульную песню', *бëнарија coll.*, *бëнарина augm.*, *бëнарчић* *dem.*, *бëнардовати*, *бëнарски adj.*, *бëнарски adv.*, *бëнарство*, *бëнаруша* 'веселая женщина', 'женщина легкого поведения', 'плохая ракия' (*PCXKHJ*; *PCXKJ*). Наконец, слово *bečar* имело еще одно значение 'солдат-наемник, доброволец в Первом сербском восстании'. По нашим данным, фиксируются и такие оттенки семантики, как 'пьяница, бездельник' (Петровић 1977, 133), также – 'гуляка, пропащий человек' и под.

Соответствий алб. *bješk* (K, M) 'высокая гора', 'загон для скота в горах',

bješka'tar 'пастух на горном пастбище', в с.-хорв. appellativo лексике как будто нет; однако следы этой основы встречаются в топонимике, ср.: *B'ješkeza* (обл. Куши и Пипера— ДП¹).

Слово *būza* (*būdza* = *buža*) отмечено лишь в восточносербских говорах, где фиксируются значения: 'губа, губы', 'рот', 'поцелуй', ср. дериваты: *būdast*, *buzat*, *budžulaſt* 'полногубый' (PCXKHJ) ср. и: 'глотло на котлу' (Елез.); в с.-хорв. диалектах вдоль албанской границы слова с этим корнем не отмечаются. В албанском: *buzë*, -*a*, *buzáç*, -*e*, *buzagáz*, -*e*, *buzél*, -*e* — с теми же или близкими значениями, ср.: *buzë e lumi* 'берег (излучина) реки', *buzë e malit* 'подножье (горы)' (Ndreca). Распространенность слова в карпатском ареале, также в болгарских и сербохорватских говорах, примыкающих к этой зоне (БЕР), а также отсутствие значения 'губа, губы' в с.-хорв. говорах, примыкающих к албанской территории, свидетельствуют против мнения И. Аjetи об албанском источнике с.-хорв. *buzë* (Ajeti, 39).

Алб. *buzdován* 'буздован, hladno oružije' (Ndreca); имеет соответствия в с.-хорв. *buzdogan*, *buzdohan*, *buzduvan*, *bozdovan* 'палица', ср. и однокоренные: *búzda* 'дубина, палка' и 'глупец', с последним могут быть сопоставлены *búzdámka*, *búzdavánka*, *búzdékula*, *búzdast* и др. — все со значением 'глупый, ограниченный человек' (PCXKHJ). Слово интересно тем, что в обоих языках сходным образом отражается судьба тур. *g*; в с.-хорв. слова с этим корнем считаются заимствованиями из турецкого (Skok).

Алб. *bérllók*, -*u* 'помет, навоз', 'навозная куча', 'грязь, отбросы', 'мякина, полови' (Ndreca), нами записано как *br'l'og*, -*u* (К), *br'l'ok* (М) 'нечистоты, грязь', 'яма, нора', 'птичье гнездо', 'kokošije legalo'; соответствует с.-хорв. *brđlog*, имеющему близкие значения: 'загон для свиней', 'нора дикого животного', 'навоз, свалка; нечистота, грязь', 'беспорядок', 'зерно худшего качества, которое при веянии отлетает вместе с половой', 'канава, небольшой овраг', 'запущенная пашня, пар' (PCXKHJ), также — 'тихое место на реке, где рыба собирается зимой' (Mihajlović–Vučović, 29). В пограничных с албанскими с.-хорв. говорах, помимо 'нечистоты', 'птичье гнездо', фиксируются дериваты, со значениями: *br'loži:t* 'валяться в грязи (о свиньях)', 'метать икру', *br'ložené* (зетские говоры — ДП²), также *brđložina* augm. (Елез.), *br'ložina* 'влажная пашня, которую нельзя пахать' (говор Доња Морача — ДП³).

В албанских говорах Черногории нами отмечено слово *çap* (К), *çap* (М) 'козел', однако соответствия ему в местных с.-хорв. говорах не зафиксированы, — так же, как и в большинстве других с.-хорв. диалектных зон; насколько известно, в настоящем время лексема отмечена на п-ове Истрия (Skok) в значении 'козел' и в обл. Косово и Метохия (Елез.) — "как оскорбительная кличка по отношению к бородатому человеку". Вероятно, прав И. Аjetи, связывая кос.-метох. *çap* с албанским языком (Ajeti, 54) однако очевидно, что распространение лексемы в истриском ареале требует иного объяснения; ее следует интерпретировать как заимствование из (восточно) романских (resp. истерорумынских) диалектов.

Алб. *cic* (К), *cik* (М) 'сосок' (ср. алб. литер. *sisë*, *cicë*, *thithë* — Ndreca); в большей части с.-хорв. говоров: *sisa*, на востоке *cice*, *cecke* то же, нами отмечено и *sicolak* 'мелкий картофель' (PCXKHJ); корень в указанных словах — исконнославянский.

Алб. *če'mer* (М) 'острота, горечь', 'яд'; ему соответствуют с.-хорв. *čemēr* 'то же'ср. и дериваты *čemērati* 'мучиться, страдать', *čemērika* 'растение *Veratrum*', *čemērno adv.* и т.д. В косовско-метохийских говорах: *čemēr* с близкими значениями, также *čemērnīk* 'что-либо острое', ' зло, неприятность' и *čemērnīca* 'острый перец' (Елез.) подробнее о с.-хорв. словах с этим корнем см.: Skok.

Для алб. *'cerg*, -*a* (К) 'покрывало из козьей шерсти' (с дериватами в алб. литер. *cergār*, *cergatār* – Ndreca) укажем соответствия в косовско-метохийской зоне: *čerga* то же, *čerēča*, *čerēčē* (Елез.): в с.-хорв. говорах вдоль албанской границы – *čerga* и со значением 'цыганский шатер' (обл. Кучи и Пипери, Зета, Д. Морача, Пјешивци, Баняны, Ровца – ДП¹; ДП²; ДП³; ДП⁴; ДП⁵; МП). В с.-хорв. литературном языке есть дериваты:, например: *čerēgar* 'тот, кто живет в шатре, цыган', 'кочевник, тот, кто часто переселяется с места на место' (PCXKJ). Происхождение с.-хорв. *čerēga* рассматривается в: Skok.

Алб. *čē'tin* (М, К) 'сосновый лес'; в с.-хорв. (зетских) говорах: *čē'tina* то же, дериват *četi'nā:r* (ДП¹); судя по всему, это слово в диалектах новое, вошло из литературного языка; о его происхождении в сербохорватском см.: Skok.

Алб. *čo'ban*, -*eš* (М, К) 'пастух', 'пастушка'; ср. и обычное в с.-хорв.: *čoban(in)*, *čobanica*, *čobānство* и под. (PCXKJ), также *čobō'an* (Jur.), *čobān* (Елез.). По Скоку, в с.-хорватском это слово – балканский турцизм персидского происхождения (Skok).

Алб. *čič* (К) соответствует с.-хорв. *čičati* 'находиться в согнутом положении, с подогнутыми коленями с упором на кончики пальцев'; ср. и: *čučavač* 'фасоль, которая растет на низких кустиках'.

Алб. *du'xan* (М, К) 'растение *Nicotiana tabaccum*', алб. литер. *duhān*, -*i*, *duhanishte*, -*tja* 'поле, засаженное табаком', *duhanpirēs* 'курильщик', *duhan-shitēs* 'продавец табака', *duhantore*, -*rja* 'табачная лавка' (Ndreca); в пограничных с.-хорв. говорах могут быть сопоставлены с алб. *du'ya:n* и дериваты: *duva'niste* 'поле, на котором рос табак', *duvan'žija* 'курильщик', *česa dūva:n-ska* 'кисет, в котором носится прибор для курения (вместе с табаком)', *zaduva:'nit* 'закурить сигарету', *preduva:'nit* 'что-то съесть или выпить перед первой, утренней сигаретой' (обл. Кучи и Пипери – ДП¹). Слово *dūvān* (также более редкий вариант *duhan*) является обычным для большей части с.-хорв. территории (см.: PCXKHJ). П. Скок определяет с.-хорв. *duhan* как турцизм (Skok).

Алб. *žer* (К, М) 'карман'; фонетически близкие формы отмечаются в с.-хорв. говорах вдоль албанской границы (обл. Кучи и Пипери – ДП¹); на западе с.-хорв. языковой территории обычным является вариант *žeb* (Jur.). В с.-хорв. – очевидный турцизм (Skok).

Алб. *žiž'mir* (М, К) 'ostatak od topļjenja loja, čvarak'; в пограничных с Албанией с.-хорв. говорах: *žmira* (обл. Кучи и Пипери, Зета – ДП¹; ДП²), так и в соседних областях (Д. Морача, Пјешивци, Баняни, Ровца – ДП³; ДП⁴; ДП⁵; МП). Слово фиксируется, кроме того, со значением 'девушка небольшого роста' (р-н Пјешивци – ДП⁴), 'хитрая, лукавая женщина' (обл. Кучи и Пипери – ДП¹), ср. и: *pōžmire:p* 'хитрый, лукавый человек, льстец' (Д. Морача, Пјешивци, Ровца – ДП³, ДП⁴; МП), *pōž'mi:re:p* 'то же' (обл. Кучи и Пипери – ДП¹), хотя отношение последнего круга слов (и значений) к заглавному слову неясно.

Для алб. *žérdan* (М) 'ожерелье' в с.-хорв. языке (и диалектах) укажем: *hérðan*, *gérðan*, *génðár*, *hendár*, с дериватами: *-áниh*, патроним *Гердáновиh* и под. (PCXKHJ). П. Скок определяет с.-хорв. *dérden* и родств. как турцизм (Skok).

Алб. *fur'tun* (К), *for'tuna* (М) 'метель', 'гроза, буря'; соответствия в с.-хорв., вероятно, известны лишь косовско-метохийским говорам: *frtúna* то же и приморской зоне: *frtuna* 'очень сильный ветер', *frtun^oā*, *-álā* (Jur.); в с.-хорв. литературном языке – лишь *fortúna* 'судьба и под.' (PCXKJ). См. также: Skok.

Алб. *fül* (К), *fuel* (М) 'небольшой духовой инструмент'; с тем же значением ср. с.-хорв. *frúla* и дериваты: *frúlica*, *frúlás*, *-áča*, *-áčica*, *frúlati* (PCXKJ). В зетских говорах *frula* является, по всей видимости, относительно новым заимствованием; источник его П. Скок видит в языке "средневековых влахов" (Skok).

Алб. *'gajde* (М) 'музыкальный инструмент с надувным мехом'; ср. с.-хорв. *gájde*, также *gájdániča*, *riča*, *gájdár*, *-aš* и под. (PCXKHJ).

Алб. *gar* (М, К) 'oranje strništa'; соответственно можно считать с.-хорв. *ugár* то же, ср. также дериваты *ugáriti*, *zagáriti*, *gáreňje*, *gárevina* и под. В с.-хорв. – исконнославянский корень.

Для алб. *go'mar*, *gomar'ic* (К, М.) 'Equus asinus' (ср. алб. литер. *gomare*, *-ja*, *gomari*', *-a*, *gomarisht*, *gomarjár*, *-i* (*Ndreca*) на большей части с.-хорв. языковой территории соответствует *magare*, также *magarac*, *magarica* и под. (RHSJ; PCXKJ; Skok); однако в западных областях (например, Хорватское Приморье) обычными являются лексемы *osao*, *tovar*, *kenjac*. Рассматривая происхождение основы *magar-*, И. Аjeti разделяет точку зрения Э. Чабея, который полагает, что источник ее – греческий язык, откуда "в славянские, балканские и румынские" языки она проникла через албанское посредство (Ajeti Alb., 185–187; Ajeti Et., 65–67; Ajeti. Neki, 5–6). Приятие такой точки зрения наталкивается на следующие трудности: (1) неясно, каким образом албанский мог быть посредником в распространении основы в карпато-балканском ареале, (2) наиболее старой фиксацией данной основы в албанском является упоминание в латинско-албанском словаре XVII в. (Bardhi–Ajeti. Neki, 5), тогда как в с.-хорв. считают ее заимствованием XVI в. П. Скок называет источником заимствования с.-хорв. *magare* и родств. греческий язык (Skok).

Параллелями к алб. *gjøba* (К, М) 'штраф', *mægio'bít* (М) 'наказывать' в с.-хорв. являются *gløbba*, а также ряд дериватов: (о) *gløbiti*, *gløbъne*, *gløbár*, *gløbárina*, *gløbárniča* (PCXKHJ).

К алб. *grč* (К, М) 'сильная боль, вызванная судорогами мышц, спазм' в качестве соответствия назовем с.-хорв. *grč* то же, ср. и дериваты: *grča*, *-av*, *-an*, *-iti*, *-en e*, *-evica*, *grčač* и под.; для *grč* словари указывают также значения: 'нарыв, личинка коровьего овода, которая живет под кожей животного, отчего кожа выглядит как покрытая чирьями', 'опухоль, нарост' (PCXKHJ). В с.-хорв. – исконнославянское (Skok).

Для алб. *guj* (М) 'короткий кожаный жилет', *žguń* (К) 'верхняя часть женской одежды с короткими рукавами, сшитая из валяного сукна' в с.-хорв. говорах вдоль албанской границы фиксируются параллели: *gúňa*, *gúńica* 'верхняя мужская одежда, подбитая изнутри мехом или сшитая из овечьей шкуры зимняя одежда' (Косово и Метохия – Елез.), *gu:n*,

guščina 'верхняя мужская одежда из грубого валяного сукна длиной до колен или немного короче' (обл. Куши и Пипери – ДП¹); в других говорах *гуњ* значит и 'покрывало, ковер'; ср. также дериваты: *гуњав*, *-авац*, *гуњак*, *гуњар*, *-ка -ача*, *-евица*, *-ётина* и др. (РСХКН). О происхождении слова в с.-хорв. см.: Skok.

В соответствии с алб. *guš* 'отек щитовидной железы, зоб', *gušan* 'с зобом' (К, М) в с.-хорв. обычными являются *гуша* то же, 'горло, зоб', 'двойной подбородок' и чрезвычайно обширная серия дериватов (РСХКН). Этимологические версии для с.-хорв. *гуша* рассмотрены: Skok.

Алб. *gužbat* (К, М), алб. литер. *guzhëm*, *-zhma* – Ndreca) в значении: 'кольцо, сплетенное из прутьев, которым прикрепляется грядиль ярма или которым прикрепляется к столбу отдельная секция ограды', также – 'беспорядок, переполох'. Оба значения находят соответствия в с.-хорв. однокоренных: *gužna* (более распространенный вариант – *gužba*); в с.-хорв. семантика слов с этим корнем шире, она включает также: 'узелок, пакет', 'куча', 'сборка на одежде', 'ожерелье' и под.; фиксируются и многочисленные производные: *gužvati*, *gužvara*, *-aliј a*, *-ача*, *-ачица* 'род пирога, тесто для которого в некоторых местах "собрано" в складки', *gužvar* 'осушен каймак', *gužvjeta*na augm. *gužvjetica* dem. и под. (РСХКН), ср. также: *gužba* 'моток ниток' (Југ.). Исконное в с.-хорв. (Skok).

Алб. *képushë*, *-a* 'Ixodes ricinus', вероятно, находится в связи с с.-хорв. *kriša*, *krepelj* (Skok); если иметь в виду семантику, то неясно отношение указанных слов к алб. *kérleshem* 'нахолиться', с которым И. Айти связывает также с.-хорв. *krélej* (Ajeti, 47), ср. и: *kr'sijel || kri'sijel* (ДП¹); напротив, П. Скок рассматривает все приведенные слова в одном ряду (Skok).

Алб. *ko'raja* (М) (алб. литер. *koráni*, *-i* – Ndreca), также с.-хорв. *kora'na* (зетские говоры – ДП¹; ДП²), имеют значение 'большое корыто, выдолбленное из дерева или сделанное из тонкой жести (для стирки белья, купания)'; ср. в чакавских говорах: *korđana* 'деревянное корыто для замешивания теста' (Југ.), в обл. Косово и Метохия – *копаница* 'израђени, копан предмет из целца камена, као, напр., чираки по црквама' (Елез.); соответствующий глагол со значением 'долбить (дерево, камень)', также 'копать землю' служит для образования в с.-хорв. большого числа дериватов (см., например: РСХКН); в с.-хорв. – исконнославянское.

Алб. *ko'pil* 'внебрачный сын' (К, М), алб. литер. *kopil* – и 'слуга для тяжелых работ', также *kopili*, *-a* 'kopilanstvo', как переносное – 'хитрость', *kopilisht adv.* 'kopilanski' (перен. – 'хитро'), *kopiloj* 'работать, производить тяжелые работы' (перен. – 'хитрить, работать нечестно') (Ndreca); в с.-хорв. диалектах вдоль албанской границыходим соответствие: '*kopi:l'e* 'внебрачный ребенок' (р-н Куши, Зета – ДП¹; ДП²)⁷, ср. и дериваты: *kopi'l'ica* ženka, životinja koja se pre vremena parji', *kopi'l'aca*, *-acica* dem. 'девочка, рожденная вне брака', *ukopi:l'it* 'зачать вне брака (о женщине)', 'pariti se pre vremena (za životinju)', *okopi:l'it* 'родить вне брака', 'doneti na svet mladunče pre vremena (za životinju)', *kopi'l'an* 'мальчик, рожденный вне брака', '*kopiłata:t*, *-di coll.* 'внебрачные дети' (обл. Куши и Пипери – ДП¹), *копиль* 'мошенник, хитрец, ловкач', *копил* *ak* 'мошенник', *копиль* *it* 'мно-

⁷ Такой фонетический облик слова обычен для говора с постакцентным кватитетом: в иных зонах – *копиле* (например, Косово и Метохия) (Елез.).

жити се из жила на корену' (о растении), 'родить прежде временно' (о животных) (*Елез*). В других зонах с.-хорв. языка слово *копиле* отмечается и с такими значениями: 'детеныш от молодой, прежде временно родившей самки', 'животное женского пола, родившее раньше времени', 'закръжалли класићи кукуруза', также – 'вид детской игры с камешками и мячом', 'камешек в этой игре'; фиксируется большое число дериватов: *копилан* 'внебрачный ребенок мужского пола', 'никчемный человек, гуляка, лентяй', но и: 'порядочный, ловкий, подвижный человек', также – 'ягненок от прежде временно родившей овцы', 'рой пчел, который отделился от молодого роя', *копиланка* 'внебрачный ребенок женского пола', *копилара*, -ка 'девушка, родившая внебрачно', *копилаш*, *копилач* 'взрослый внебрачный ребенок', *копилача* 'девушка, родившая внебрачного ребенка', 'внебрачный ребенок женского пола', *копилаш*, *копилак* 'внебрачный ребенок мужского пола', 'мошенник, вор, хулиган', *копиленце*, *копилић* 'отросток от корня старого, срубленного дерева', *копилка* 'кличка домашних животных', *копилница*, *копилуша*, *копилче* (*копилче*) и под. (РСХКН). Из сказанного следует, что значения слов с основой *корил-* в с.-хорв. группируются в семантическом поле, которое в обобщенном виде может быть определено как "нерегулярно функционирующий генеративный механизм", при этом в рамках его очерчиваются два семантических ядра: (а) процесс генерации и (б) результат генерации. Очевидно также, что в существительных ж.р. (также в образованиях глагольного, адъективного и адвербиального характера) может происходить перекрещивание семантических типов (а) и (б). Подобное детальное рассмотрение группы слов с указанным корнем вызвано тем, что в с.-хорв. немного примеров, сходных с данными, когда бы в достаточно обширном ареале семантика однокоренных лексем дифференцировалась с помощью морфологических средств; в качестве исключения могут рассматриваться говоры Черногории, где существительные с суф. *-ica* принадлежат к семантическому ядру (а), а существительные с суф. *aca* – к ядру (б) (р-н Кучи и Пипери, Зета – ДП¹, ДП²).

В албанских говорах, по моим записям, список дериватов невелик: *koril'les'* 'внебрачный ребенок женского пола', *koril'an* 'хитрый, изобретательный, находчивый человек' (М). Следует отметить, что в настоящее время на албанской языковой территории лишь в гегских говорах отмечается значение 'внебрачный ребенок', в чем, вероятно, следует видеть относительно позднее влияние с.-хорв. языка.

В соответствии с мнением большинства этимологов, *корил-* является древнебалканским словом, которое сопоставляется с алб. *pjell* 'родить, рождать' с префиксом *ko-* (первичное значение – 'Missgeburt'), при этом инициальное ударение в с.-хорв. (как и в рум. *soril* 'внебрачный ребенок') толкуется в качестве древнеалбанского реликта (*Skok*); в самом албанском слове определяется как фрако-иллирийское наследие (там же). В связи с этимологическими разысканиями можно вспомнить и мнение С. Георгиевича (основанное на рассмотрении следов основы *корил-* в с.-хорв. топонимии), который сближает такие корни как *kobil-*, *корил-*, *коил-* и видит в них один корень **корит-* 'овчарня, загон для овец' (*Georgijević*, 82–85; Георгиевич. Из наше, 146–152); отражение этого корня (=основы) в с.-хорв. топонимии С. Георгиевич считает следствием древнейших контак-

тов славянского населения с "влахоалбанским" элементом в Черногории, Герцеговине и Сербии. Однако не ясно значение приводимых им данных ономастического характера для определения происхождения *kopil*⁸; на наш взгляд, современное географическое распределение указанных топонимов может породить больше недоразумений, чем подтвердить прелагаемые автором решения⁸.

С.-хорв. *kôrda* И. Айети связывает с алб. *gardh* 'забор, плетеная ограда' (Ajeti. 1977, 402–403), хотя следовало бы с.-хорв. слово сопоставлять с алб. *kordë*, *kordhë*, *kordhe*, *kordhele* и под. (Ndreca) с близкими или идентичными значениями: 'канат, веревка; лента, тесьма; тетива', 'струна, проволока', 'ср. также в с.-хорв. "повоzка для перевозки земли" и "овчинный тулуp (мехом наружу)"' (PCXKHJ); отношение этих значений к приведенным выше, неясно. Несомненно, что с.-хорв. *korda* < ит. *corda* < лат. *chorda* < гр. *χορδή* (Skok).

Алб. *koš* (М, К) 'корзина из прутьев, предназначенная для переноса навоза на поле' сопоставляется в пограничных с.-хорв. говорах с *kôb* 'специальное плетеное помещение для хранения кукурузных зерен', 'мельничный короб в форме перевернутой усеченной пирамиды', также и дериваты: *ko'sa:r* 'приспособление для хранения початков кукурузы', *ko'sara* 'курятник', 'часть дома, отделенная от остальных помещений забором и предназначенная для скота', *ko'sic* 'рыболовная снасть', *ko'si:c* 'корзинка для фруктов', *ko'sica* 'улей' (как новое слово) (обл. Кучи и Пипери, Зета – ДП¹; ДП²); некоторые из перечисленных дериватов отмечены в обл. Косово и Метохия (Елез.); в других с.-хорв. говорах также фиксируется широкий набор дериватов (см.: PCXKHJ); велико число производных и в албанском (Ndreca); слово *koš* 'Fischreuse' фиксируется и в: Селищев, 170. В с.-хорв. *kox* – исконнославянское.

Алб. *ko'tec* (К, М) 'корзина для кукурузы' сопоставляется с с.-хорв. *ko'tac*, *kótac* 'небольшое вспомогательное помещение для домашних животных или специально отгороженное место в хлеву для молодняка' (обл. Зета, Ровца – ДП²; МП); в с.-хорв. фиксируются и значения: 'свинарник', 'курятник', 'огороженное место на мелководье, где ловят рыбу', 'амбар для зерна' и под., также дериваты: (PCXKHJ).

Об отношении с.-хорв. *kračun* и алб. *kërcu*, *-ni*, *kërcu*, *-na* (тоскск. *kercu*, *-ri*, *-ra*) неоднократно писал И. Айети (Ajeti. Neki, 3–4; Ajeti. Alb., 194–195; Ajeti. Et., 76), однако его решения не кажутся убедительными, если иметь в виду этимологические версии, предложенные П. Скоком, М. Фасмером и др. (Skok; Фасмер). На наш взгляд, с.-хорв. не дает надежного материала для установления происхождения этого слова. В с.-хорв. *kračun* фиксируется в значениях: 'засов, задвижка' (западные области, с XV в.) и как патроним (в восточных обл.) (PCXKHJ), однако связь первого из них со значением *kračun* в иных славянских языках неясна. Вероятно, с.-хорв. *kračun* (*krakun*) 'засов' могло возникнуть и распространиться под влиянием ит. диал. (венецианск.) *crazzon* (Jur.); редкие в с.-хорв. патронимы нелегко связать с *krak* 'шаг'. Полагаем, что попытка связать алб. *kërcun* с с.-хорв. *Krcun*, *Krcunovic* неубедительна, поскольку трудно дока-

⁸ Неясно также, можно ли сопоставлять алб. *pjell* с с.-хорв. *piliti*, *ispiliti* 'razviti se iz zametka, roditi se, nastati', *pila dusa* 'nejač, detence', *piličnik* 'parvulus' (RHSJ) и под.

зать, что последнее не выводится из dem. *Krća* (*Krsta*, *Kršic*) (Грковић).

Алб. *ku'loštra* (М, К) 'первое молоко после отела'; в качестве параллели – достаточно редкое в с.-хорв. *konastra*, *kunastra* 'Biestmilch' (Полица), *kulizdra* 'najprostiji sir' (Лика) (Skok), также – в Дубровнике: *kunuzdra* 'первое молоко после отела'; вероятно однако, что для албанского и с.-хорв. должны быть указаны различные источники заимствования.

Алб. *'lasa* (М) (алб. литер. *lasë*, -*a*) 'плоская деревянная палка, используемая при стирке белья, валек' (Ndreca); в с.-хорв. говорах на территории, граничащей с Албанией, – *'lesa*, *lësa* 'переносная секция ограды, чаще всего в загоне', 'плетень, забор', также – 'группа танцоров или воинское подразделение (в организованном строю)', 'борона, сделанная из прутьев' (обл. Кучи и Пипери, Зета, Ровца – ДП¹, ДП², МП); в этих же говорах обычен дериват *'lesica*, *lësica* 'dem. от *lesa*', 'верхняя часть ступни'. Исконное – в с.-хорв.

С.-хорв. *mûrga* 'осадок в оливковом масле после отцеживания, *mûrgâ* 'тутовая ягода оливкового цвета', дериваты *mûrgav*, -*ast* 'оваст', *mûrgul a* 'сорт сливы и инжира' (PCXKJ), *mûrka* 'осадок от масла' (Jur.) имеет ясные параллели в алб. *murg*, *murgâr*, *murgëshe* (Ajeti, 49), *murgë*, *murgján*, *murgjín* (Ndreca). В качестве источника указывается венецианская *morga* (Jur.). В зетских говорах вдоль албанской границы и *tu:r'goňa*, *nati:r'git*, *naturga:čit* 'нахмуренный человек', 'нахмуриться'. Неясно происхождение патронима *Mûrgâski*, который встречается на северо-востоке с.-хорв. языковой территории, что могло бы указывать на его происхождение из румынского (Петровић, 1977, 136).

Алб. *pene* (К, М) 'старая женщина' (алб. литер. *pene*, -*nia* 'жена брата матери'); в с.-хорв. *néna* '(старая) мать', 'старая женщина' (PCXKJ) часто является уменьшительно-ласкательным образованием.

Алб. *o'bor* (М), *o'bor|la'bor* (К) 'двор'; в с.-хорв. (зетских) говорах – *o'bor*, *obor* то же (обл. Кучи и Пипери, Зета; Д. Морача, Пјешивци, Ровца – ДП¹, ДП²; ДП³, ДП⁴, ДП⁵, МП); в косовско-метохийском говоре: *obôr* 'то же' (Елез.). В других областях более обычным является значение 'огороженное пространство, предназначенное для скота, загон', 'открытая часть свинарника'. Происхождение с.-хорв. *obor* – Skok.

Алб. *og'raj* (К, М) 'огороженный лес, заповедник'; в пограничных с.-хорв. говорах – *ograža* 'огороженное поле, луг', 'заповедник'; в говорах Черногорского Приморья – *g'ra:ža* 'стена вокруг двора и дома'.

Алб. *o'raňga* (К), *o'raqt*, *o'raqk*, -*a* (М) 'вид легкой обуви, чаще из кожи, орапак', алб. литер. *oringë*; -*a* (Ndreca); в с.-хорв. (зетских) говорах: *o'raňak*, *o'panak* 'то же'; также дериваты *oran'ča:r* 'ремесленник, который делает этот вид обуви' (обл. Зета – ДП²), *oranča:tica* 'большая игла для шитья этого вида обуви' (обл. Кучи и Пипери – ДП¹). В других с.-хорв. говорах – *đpanak*, *đpānci*, ср. и дериваты *đpānčar*, *opančarija*, *đpānčarka*. Об албанских формах см. и.у.: Селищев, 175.

Алб. *o'soј* (М) 'теневая сторона', ср. в пограничных с.-хорв. диалектах: *osđe*, *o'soje* то же (обл. Кучи и Пипери, р-н Пјешивци, Баняни, Ровца – ДП¹; ДП⁴, ДП⁵, МП), ср. и *đsoje* 'то же' (Елез.). Укажем также на фиксацию *đsoja* 'пашня на теневой стороне', также *osojna* страна (PCXKJ).

Алб. *ra'riče* (М) 'вид легкой домашней обуви'; ср. и с.-хорв. *ráriča*

'то же' известны и многочисленные значения слова: 'полуга која спаја јармац са осовином сељачких кола и служи као степеник за пењање на кола; степеник на превозном средству', 'коритаста плоча која се као кочница подставља под точак сељачких кола', 'равна плоча у коју се ужлебљује предмет који треба да стоји исправно, сталак' (PCXKJ). С.-хорв. *papuča* – из турецкого (Skok).

Алб. *paš'tak* (М) 'dokolenice', *pač'tak* (К) 'короткие чулки'; ср. в с.-хорв. пограничных говорах: *pač'mage* 'вид легкой обуви' (обл. Кучи и Пипери – ДП¹). О турецком источнике с.-хорв. слова см.: Skok.

Алб. *prč* (М, К) 'козел', алб. литер. *përf*, -i 'то же' и дериваты: *përcak*, -i, *përcitës*, -i, *përcés*, -i, *përcór*, -i, *përcuar*, -çori 'баран (или козел) – вожак', также *përcitet* 'pariti se (za koze)' (Ndreca); в албанском, вероятно, имеет ограниченное распространение. Напротив, в с.-хорв. пограничных говорах широко известно и фиксируется с большим числом дериватов: *prč* 'козел', 'находчивый, сильный, храбрый человек', но также и *ljudina, ostar ukus, zarađenost*; и дериваты: *prča:k* 'јараж који smrdi prčevinom', 'крепкий, упрямый старик' (р-н Ровца – МП), *prčak* 'злой человек' (обл. Кучи и Пипери – ДП¹), *prč bđba* 'бойкая на язык женщина', *prčevina* 'smrad jarcia u vremenu parenja', *prčivo vrijeđe* 'сильный холод, мороз', (МП), *prčevit* 'не-устрашимый', 'острого вкуса, наперченный' (обл. Кучи и Пипери – ДП¹), (*velé/prčiti se* 'хвастаться' (р-н Ровца – МП), *veléprčiti se* (р-н Баняни – ДП⁵), *naprčiti se* 'рассердиться (рејог.), *prčiti se* 'ударить рогами', 'biti obestan, ponašati se oholo' (RHSJ). Ср. и семантику слов с корнем *prc-*; *prčati* 'парити се' (PCXKJ), также *prcolák*, *prcko* 'pubertetlija', *prčigu:z*, *prčigura* 'неспокойный ребенок' (р-н Ровца – МП), *prčo pr:* 'cona, pr: 'conica 'nemirno dete kod kojega su naznacene početne pubertetske promene' (обл. Кучи и Пипери – ДП¹). На наш взгляд, можно усмотреть связь семантических объемов лексем с корнями *prč*, *prc*, с одной стороны, и *vrk-*, *frk-* – с другой; ср.: *vruk:u:n*, *vrukunica* 'dečak, devojčica u odmakloj fazi puberteta' (р-н Пешивци – ДП⁴), (*o-, na-, is-*) *fr:'kat* 'zadovoljiti seksualni nagon' 'вести себя вызывающе по отношению к мужчинам, кокетничать' '*vrcka:t* 'frcka:t' (обл. Кучи и Пипери, Зета – ДП¹, ДП²), *vrckha*, *vrčka*, *frčka* 'koketa, nami-gusa', откуда и *závrči:t* (р-н Пешивци – ДП⁴), *za'frči:t* (обл. Кучи и Пипери – ДП¹) 'dići gerd u vremenu parenja (obično za kravu)', 'naglo krenuti ne-kuda s nejasnim ciljem'. П. Скок определяет с.-хорв. *prč* как "балканское слово славянского происхождения" (Skok).

Алб. *piz* (К, М) 'нечто, что не согласуется с установленными нормами поведения'; в с.-хорв. пограничных с албанскими говорах: *'pizma* 'ненависть, отвращение, зависть' также дериват *is'pizmi:t* (обл. Кучи и Пипери – ДП¹): с.-хорв. *pizma* – гречизм (Skok).

Алб. *ro'gač* (К, М) 'пшеничный хлеб круглой формы, обычно из недрожевого теста'; ср. косовско-метох. *pogacha* то же (Елез.), *ro'gača* (обл. Кучи и Пипери, Зета), *rogača* (р-н Пешивци, Баняни, Ровца – ДП⁴, ДП⁵, МП); в некоторых с.-хорв. говорах *rogača* означает и 'svečarski kolač', 'отходы при переработке сахарной свеклы и подсолнечника'; дериваты – *pogačar*, *-arica* 'osobe koje idu u pohode nevesti ili porodilji i donose pogacu', *-ačica* dem., *-ačara* 'сорт яблока'. П. Скок определяет происхождение с.-хорв. *pogača* как неясное (Skok).

Алб. *pot*, *'podi* (М) 'плоскогорье, равнина' в пограничных с.-хорв. гово-

рах соответствует *pot*, *pod* 'то же', также '*podina*, *podimica*, *podī:ňák* (обл. Кучи и Пипери – ДР¹), *podī:ňák* (р-н Пјешивци – ДП⁴); известно и значение '*nezavršen*(ili *razvršen*) *stog sena*' (обл. Кучи и Пипери, Зета, Д. Морача, Пјешивци, Баняни, Ровца – ДП¹, ДП², ДП³, ДП⁴, ДП⁵, МП). В с.-хорв.– исконнославянское (Skok).

Алб. *po'jat* (М, К) 'домушка, бедный дом'; в качестве соответствия в с.-хорв. говорах на границе с албанской языковой территорией укажем: *pojāta* 'загон для ночного пребывания скота' (обл. Косово и Метохия – Елез.), *pojata* 'то же' (обл. Кучи и Пипери, Зета – ДП¹, ДП²); в иных диалектных зонах находим: *nōjata*, *nōjata* 'сарай для скота, хлев', 'сарай для сена', 'холодное, неопрятное помещение', 'клеть, кладовая', также дериваты – *nōjatak*, *nōjatiça*, *nōjatiça* (PCXKJ). О происхождении *pojata* см., например: Skok.

Алб. '*porta* 'dvorišna vrata, ворота' (К); в некоторых с.-хорв. говорах ему соответствует *ndrta* 'дверь, ворота (особенно церковные)', также 'церковный двор' (PCXKJ), ср. и: 'вид сосновых досок' (обл. Косово и Метохия – Елез.); в пограничных с албанской территорией с.-хорв. говорах отмечено лишь '*po:rti:k*, *pō:rtik* 'длинный и узкий коридор, через который входят в дом' (обл. Кучи и Пипери, р-н Пјешивци, Ровца – ДП¹; ДП⁴; МП); ср.: *porta* 'церковная наперть' (PCXKJ). В с.-хорв. – из балканской латыни (Skok).

Алб. *mə pŕžit* (К) 'жарить на растительном или сливочном масле' (алб. литер. *pěrzjarrshēm*, *pěrzhellis*, *pěrzhis*, *pěrzhitur* – Ndreca); в с.-хорв. – *pŕžiti* 'печь (жарить) на растительном или сливочном масле' '≈ без масла', далее – 'обгореть на солнце, получить ожоги', 'высохнуть от сильной жары', ср. и: *pŕževina* 'земля, на которой посев легко гибнет при сильной жаре' (PCXKJ) 'пострадать, загореться от удара молнии' и под. В говорах на с.-хорв.–албанском пограничье, также в Черногорском Приморье отмечена контаминация основ *pŕž-* и *frig(g)* (того же значения). Ср. алб. (*mə*) *fja:r'guše* (М, К) и с.-хорв. *p'riga:t,p'riganica* 'оладья'; наблюдается и сращение итальянских формантов с основой *pŕž-* – *pŕžu:n* (р-н Пјешивци – ДП⁴), *pŕžu:l'i:n* (обл. Кучи и Пипери – ДП¹), 'приспособление для варки кофе'. С.-хорв. *pŕž(i)tī* – исконнославянское (Skok).

Алб. *ro'guš* (М), *ra'guš* (К) 'овца с рогами'; соответствия им в с.-хорв. говорах: *rōguša*, *rōgoša* 'то же' и 'неуживчивая женщина', 'сварливая'. В албанских говорах – прямое заимствование из с.-хорв.; с.-хорв. слово содержит исконнославянский корень (Skok).

Алб. *rip* (К) 'подножье горы, которое переходит в равнину'; в с.-хорв. находим соответствие – *rīna* 'часть скалы, большой камень' (PCXKJ; МП) и 'небольшой камень, галька' (там же), ср. также *xrīna* (PCXKJ). Для с.-хорв. *ripa* П. Скок в качестве источника называет лат. *rapa* (Skok).

Алб. *sa'mar* (К, М) 'деревянное приспособление, похожее на седло, которое кладется на спину лошади, ослу'; ср. соответствие в с.-хорв. *samăr* 'то же' (обл. Кучи и Пипери, Зета – ДП¹, ДП²), также дериваты – *camaratı*, *camáriti*, *camáraç*, *-apina augm.*, *-apih dem.* (PCXKJ); этимологическую версию с.-хорв. *samar* см.: Skok.

С.-хорв. *samărugi* 'вместе еще с одним человеком', *samtrecí* 'вместе с еще двумя людьми', *samsedmi* 'с шестью другими людьми' и под. имеют ясную параллель в алб. *vetë i dyti*, *vetë i treti* (Ajeti. 1968, 569); при этом

с.-хорв. *samdruga* 'беременная' отмечается, по данным И. Айети, уже в памятниках XIV в. Этимология составляющих данное образование корней прозрачна.

Алб. *sa'xan* (М, К) 'медная или жестяная посуда, в которой пища подается на стол'; ср. в с.-хорв.: *sahan*, также *sađan* (обл. Косово и Метохия – Елез.) : *sa:n* 'таз' (зетские : оворы). В с.-хорв. – турцизм (Skok).

Алб. *shterpë* 'яловая корова, овца, коза'; сопоставимо с с.-хорв. *štirka*, *štirkinja*, *štirica* то же (Skok; PCXKJ Ср. и: Елез), при том, что в истрискских говорах и в словенском – *stirp* 'то же', находящееся в связи с *strpl(j)a* (Skok; Georgijević, 89–90). П. Скок сопоставляет с.-хорв. формы с лат. *extirpus* (Skok). И. Айети выдвигает иную версию, полагая, что алб. *shterpë*, также *shter(r)*, *shterc* 'изможденный старик', *shjerra*, *shqerra* 'ягнята' содержат корень **ter-(< tar)* 'сушить' – так же, как и в топонимах *Tara*, *Tarentum*, *Taranto*, *Tarabosh* (Ajeti. 1977, 399–400); однако эта версия значительно усложняет проблему происхождения указанного выше слова, следует указать, что для с.-хорв. говоров слово *štirka* мало известно (Зайцева, 136–137), даже если учитывать, что та же основа – в междометии *štiri* 'междометие, которым отгоняют ягнят и козлят от матки' (р-н Д. Морача, Ровца – ДП³; МП) и в глаголе *oštirat(i)* 'поспешить, поторопиться' (Петровић. 1970, 152).

С.-хорв. *štriga* 'ведьма' встречается, судя по всему, лишь в западных областях, так же, как *štrigān*, *štrigun* 'колдун', *štrigonija* 'ars magica' (RHSJ) *štrigarija* 'колдовство, ворожба' (PCXKJ *štrīnga*, *štrīnya*, *štrīngurīna* (Jur.). Отмечаемое на востоке *striga* обозначает обычно 'ласковое название овцы, которую стригут', как и некоторые слова в словаре В. Караджича, являются производными от глагола *strīći* (RHSJ), ср. также *štrīgūa* и под. ' тот, кто неровно острижен' (Елез.); поэтому они здесь не могут рассматриваться. Указанные с.-хорв. слова *štriga*, *štrigan* и под. соотносятся с алб. *št'rīga* 'ведьма, колдунья', *št'rīgan* 'колдун' (М), *shtrigë*, -a, *shtrigā*, -ni, *shtrig-ni*, -a 'магия, чародейство' (Ndreca) и представляют, по мнению П. Скока, "далматинско-романский рефлекс", восходя к лат. *striga* (Skok); таким образом, мнение И. Айети о том, что с.-хорв. слово соответствует "как фонетически, так и по смыслу аналогичным формам в албанском языке" (Ajeti, 55), не представляется убедительным⁹. В с.-хорв. говорах вдоль албанской границы отмечается *štrigna* 'пероштена zena, koja ispod očiju gleda na druge' (RHSJ); это значение отмечено в центральных зетских говорах, однако наш материал, записанный в ряде говоров, показывает, что есть основания связывать это слово с корнем *strig-*, ср.: *štrigna* 'беспокойный ребенок женского пола, который коротко подстрижен и принимает участие в мальчишеских играх', *devojčica* koja je ušla u pubertet, ali ta činjenica nije uticala na izmenu njenoga ranijeg ponašanja', 'женщина, невоздержанная на язык, грубого поведения' и далее – 'беспокойная корова, овца, коза, которая требует особого внимания, когда она находится на пастбище, которая неспокойно ведет себя во время дойки' (обл. Кути и Пипери – ДП¹). Рассматриваемое слово включается в известную словообразовательную модель, по которой образованы также '*migna* 'кокетка', *bikna* 'сильная,

⁹ Впрочем, в ином месте И. Айети признает, что алб. *shtrigë* – из латинского (Ajeti, Poteklo, 114).

обычно яловая корова' и 'сильная женщина (которой недоволен муж)', '*krkna* 'сильная, мужеподобная женщина'.

Алб. *štrung'a* (К, М) 'вход в загон, где доят овец', *strung'tar* 'пастух, который доит овец' (М); в с.-хорв. в качестве соответствия может быть приведено *struga*, *stržica* со значениями, которые сводятся к инвариантам 'вход в загон', 'prelaz preko zida u ogradien prostor' и также 'дыра в заборе, через которую можно пройти', 'узкое пространство между скалами, теснина', 'щель между верхними средними зубами', также 'речное русло', 'vodenik tok', 'небольшой загон, в который загоняют овец перед дойкой' (RHSJ; Skok); ср. и более специализированные значения: 'время, когда овец перегоняют с пастбища на дойку', 'дом, построенный в удалении от села'. Многие из упомянутых значений неизвестны в с.-хорв. говорах близ албанской границы; они фиксируются в отдельных микрозонах или в памятниках письменности; так, в обл. Косово *struga* отражается как будто в топониме — название теснины (Елез.). В черногорских говорах отмечены значения 'дыра в заборе' и 'время, когда овец гонят на дойку'. Кроме *stržica* dem., существуют также дериваты: *strži:t* 'пускать овец на утренний выпас перед дойкой', *ostrži:t* 'надолго задержаться на утренней дойке; опаздывать на дойку' (р-н Ровца — МП), ср. также *odstržit* 'открыть загон' (RHSJ) *strugarica* 'женщина, которая доит овец', *št'rulg'a* 'доярка' (обл. Кучи и Пипери — ДП¹), также ряд антропонимов (RHSJ). Относительно происхождения с.-хорв. *struga* нет единого мнения. П. Скок связывает его с "иллирийским субстратом", из которого оно заимствовано южными славянами, румынами и албанцами (Skok). И. Айти, вслед за Э. Чабеем, полагает, что это слово — из албанского (Ajeti. Prilog, 209); это мнение не представляется убедительным, поскольку не учитываются важные греческие и латинские параллели; остаются при этом нерешенными и некоторые фонетические проблемы, например, сопоставление алб. *shtrungë* с глаголом *shtroj* 'готовить ложе ко сну' не учитывает возможную близость албанского глагола и слав. *stroj*, *-iti* 'привести в порядок, построить, соорудить и под.' и далее — 'кастрировать' (в черногорских говорах).

Алб. *šu't* (К) 'коза без рогов', *šu'toj* 'вол с короткими рогами', *šu'tan* 'без рогов, безрогий'; для с.-хорв. характерны формы *šut*, *-a*, *-o* — в том же значении ('безрогий'). Можно упомянуть зафиксированные вграничных зетских говорах '*šuta* 'овца, коза без рогов' (обл. Кучи и Пипери, Зета — ДП¹, ДП²), *šuta* 'то же' (р-н Ровца, Д. Морача, Пјешивци, Баняни — МП; ДП³, ДП⁴, ДП⁵), *šu'tan* 'баран, козел без рогов', 'глуповатый и упрямый человек' (обл. Кучи и Пипери — ДП¹), '*šuta:i*', *šu:toňa*, *šu:toňica* 'то же' (обл. Кучи и Пипери, Зета — ДП¹, ДП²), спорадически в этих же говорах встречается *ši: to* 'мужское прозвище' (обл. Кучи и Пипери, Зета, Пјешивци — ДП¹, ДП², ДП⁴).

Алб. *ta'raba* (М) 'ограда из вертикально поставленных досок' (алб. литер. *tarabá*, *-ja*, *tarabé*, *-a* 'то же') имеет соответствие в с.-хорв. *taraba*, *ica*, также *taraba* (обл. Косово и Метохия — Елез.), в том же фонетическом облике фиксируется в настоящее время и в зетских говорах.

Алб. *trin* 'борона', *mət'rinje* 'размельчать землю, боронить' (К); в некоторых с.-хорв. говорах — *trina* || *trinja* 'стружки, труха', 'отходы от сена', также дериваты — *trinuti*, *-i* или, *trinav*, *-i* / *av* 'строгать, мельчить' (PCXKJ), косовско-метох. *trinje* 'стружки, отходы', 'тряпки, одежда, ко-

торую изгрызли мыши или побила моль' (Елез.). Несяса связь с перечисленными словами с.-хорв. диал. *t'rana* с близкими значениями (обл. Кучи и Пипери – ДП¹).

Алб. *u'tar, -i* (М) 'веревка вокруг головы лошади, повод'; ср. соответствие в с.-хорв. *ulär, jülär, ular*, ср. и *jullar* (р-н Шкодра – *Skok*); в с.-хорв. – турцизм (там же).

С.-хорв. *ûrda* (и варианты: *ûrda, vûrda, vurdâ, vûrda*, также – *fûrda, fûrda*) фиксируется с двумя основными значениями: 'творог из вываренной сыворотки', 'внутренности заколотого животного; вид еды из потрохов', ср. и развившееся из последнего 'отбросы, брак', 'ološ' (Петровић. 1970, 159); из дериватов упомянем: *ûzvî:rdati, ûzvî:rdalo se mleko* 'скиснуть, свернуться, испортиться' (обл. Бачка). Слово, очевидно, румынского происхождения, сведения об албанском как источнике отсутствуют (об этом см.: Ajeti, 52), т.к. соответствующее слово известно лишь в тоскских говорах, "где оно совпадает с арумынскими и новогреческими формами" (*Skok*; там же – этимология). На наш взгляд, нуждается в дальнейшем исследовании соотношение указанных выше значений (*v)urda*, поскольку второе из них может быть сравнено со значением тур. *furdâ*.

С.-хорв. *vatra* 'огонь' имеет в настоящее время очень широкое распространение (Тројановић, карта; Georgijević, 45 и сл.), однако неизвестна в пограничных с Албанией говорах (где употребляется *oganj*); не отмечается слово *vatra* и в памятниках письменности (RHSJ; Ajeti. 1977, 397; Ajeti. Prilog, 206); в Хорватии первая фиксация – в Словаре Микали (XVII в.). Соответствие – алб. *uotre* 'каменная плита в очаге', 'очаг', 'дом'; встречается спорадически. Здесь же упомянем *votra* 'каменная плита в очаге' и в сербском говоре Враки (р-н Скадра – БМ). По мнению И. Аjetи, центром иррадиации лексемы к северу, в том числе в с.-хорв., являются южноалбанские говоры (указанные выше работы). П. Скок считает, что "балканское пастушеское слово" *vatra* распространено в с.-хорв. "валахами" (*Skok*).

С.-хорв. *zâriča* 'сув постан сир' отмечается редко, в основном в черногорских говорах (PCXKHJ); может быть сопоставлено с алб. *dhalle* 'молоко' (так – Ajeti, Prilog, 209); по нашему мнению следует учитывать также рум. *zâr* 'вид сыворотки', именно последнее соотносится П. Скоком с албанским словом (*Skok*).

* * *

Рассмотренные выше лексемы – лишь часть сербохорватско-албанских параллелей, имеющих значение для карпатской проблематики. Этот список может быть в дальнейшем расширен, а более точное определение географии отдельных лексем зависит как от появления конкретных работ по диалектной лексике с.-хорв. и албанского языков, как от исследований по этимологии "карпатизмов", так и от теоретической разработки проблем карпатологии.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Ряд сокращений см. выше, в сносках 2–4.

БЕР – Български етимологичен речник, св. 1. София, 1971; БМ – собрание диалектной лексики Б. Марковича (с. Враке, р-н Шкодер, Албания); ДП¹ – собрание

диалектной лексики Д. Петровича (обл. Кучи и Пипери), ДП² – собрание диалектной лексики Д. Петровича (обл. Зета); ДП³ – собрание диалектной лексики Д. Петровича (Д. Морача); ДП⁴ – собрание диалектной лексики Д. Петровича (Пешивићи); ДП⁵ – собрание диалектной лексики Д. Петровича (Баняни); Елез. – Елезовић Г. Речник косовско-метохиског дијалекта, I. Београд, 1932; II, 1935; Зайцева – Зайцева С. Названия овцы в штокавских говорах сербохорватского языка. – Приложи проучавању језика. Нови Сад, 1972, 8; МП – сборник диалектной лексики М. Пижурицы (Ровца); Петровић. 1970 – Петровић Д. Речник (In: Матија Бећковић. Речемиједан чоек. Београд, 1970); Петровић. 1977 – Петровић Д. Из карпатске лексике у говору Змајева, 7. Змајево, 1977; РСХКЈ – Речник српскохрватског књижевног језика (Матица српска), 1–6. Нови Сад, 1967–1976; РСХКНЈ – Речник српскохрватског књижевног и народног језика, 1–10. Београд, 1959–1978; Тројановић – Тројановић С. Вагра у обичајима и животу српског народа. – Српски етнографски зборник. Београд, 1930; Фасмер – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка, I–IV. М., 1964–1974; Грковић – Грковић М. Речник личных имен код Срба. Београд, 1977; Barić – Barić H. Istorija arbanaskog ježika. Sarajevo, 1959; Cabej – Cabej E. Studime gjuhësore. II. Studime etimologjike në fushë të shqipës. Prishtine, 1976; Jur. – Jurišić B. Rječnik govora otoka Vrgade usporeden s nekim čakavskim i zapadnoštokavskim govorima. Zagreb, 1973; Mihajlović – Vuković – Mihajlović V., Vuković G. Srpskohrvatska leksika ribarstva. Novi Sad, 1977; Ndreca – Ndreca M. Fjalor shqip-serbokroatish. Prishtinë, 1976; RHSJ – Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika, I–XXIII. Zagreb, 1881–1976; Skok – Skok P. Etimolođki rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika, I–IV. Zagreb, 1971–1974.

Перевод Т.Ф. СЕМЕНОВОЙ

В. Э. ОРЕЛ БАЛКАНСКИЕ ЭТИМОЛОГИИ. 2–4¹

2. ЮЖНОСЛАВ. *bačъ

Лексема *bačъ так или иначе представлена во всех балканославянских языках: болг. диал. бач 'сиренар в мандра' (предположительно, из сербохорватского), макед. бачило 'загон, пастушья хижина', словен. báček 'ягненок', сербохорв. бач' (горный) пастух, старший пастух'; то же слово мы находим и в более широком карпато-балканском ареале, ср. алб. baç 'горный пастух', рум. baciu (старший) пастух', венг. bacsa, bacso' то же, польск. bacza то же (с мазур. baca), чеш. bača то же, новогреч. эпир. μπάτοιος² γέρωναεβα-στος².

Эта компактная группа почти тождественных материально и семантически лексем оказывается тем не менее достаточно туманной с этимологической точки зрения³. Положение, однако, изменится, если ввести в оборот близкую фонетически пару: алб. bac(ë) 'старший брат, дядя' ~ рум. baci то же. Использование этих форм для сравнения сразу же определяет их как и сточник указанных выше лексем на основании прежде всего семантических соображений: известно, что в балканском ареале (пастушеской культуры) засвидетельствован как раз такой путь изменения значения: от 'старший родственник, хозяин дома' к 'старший пастух, глава над пастухами' (ср. хотя бы болг. стопан и родственные слова, о которых детально в другом месте). Этого довода будет достаточно, если удастся обосновать соотношение форм на -c- и форм на -č-, дифференцированных семантически.

Соотношение алб. bac(ë): рум. baci, точно соответствующее, например,

паре алб. *kercu*: рум. *craicun*⁴, позволяет реконструировать прототип **batja*. Неэтимологизируемое на романской почве **batja* – это, конечно, раннеалбанская форма с дальнейшей, нормальной для албанского, рефлекссией **tj > c (> s)*, что теперь должно быть подтверждено этимологией **batja* в собственном смысле слова.

Раннеалб. **batja* поражает полнотой своего семантического и материального сходства с исходно экспрессивным обозначением отца, старшего брата в славянском **bat(j)a*, **bat'a*, которое, как предполагается, восходит к и.-с. **p̥ater*⁵. Факт этого тождества⁶, в сущности, и есть этимология албанского слова, которая, однако, может иметь целый ряд конкретных воплощений: 1) славянское и албанское образования независимы, 2) славянское – из албанского, 3) албанское – из славянского, 4) оба образования наследуют общему источнику, например, иранскому⁷. Последнее предположение почти сразу можно отнести (см. ЭССЯ I, с. 164). Иначе обстоит дело с гипотезой о взаимовлиянии албанской и славянской форм, особенно если учесть, что слав. вариант **batja* с *-j-* фиксируется только на Балканах,ср. болг. *баша* 'отец'. В то же время семантический переход 'отец' → 'старший брат' получает достоверное объяснение как раз на албанской почве, где он образует точную параллель тому, что произошло с и.-е. **m̥āter* 'мать' > алб. *moter* 'сестра', и позволяет говорить о целом процессе сдвига значений в области терминов родства, направленном первоначально на дифференциацию старших/младших братьев и сестер.

Сказанное заставляет нас исключить возможность заимствования из славянского в албанский⁸, а карпато-балканские названия старшего пастуха возводить именно к раннеалб. **batja*, однако, разумеется, не непосредственно (что вызывает значительные трудности фонетического порядка), а через восточнороманский, где рум. *baci*, с одной стороны, сохраняет промежуточный облик раннеалб. **batja > *batša*, с другой стороны, объясняет славянские и неславянские карпатские лексемы, а также вторичное алб. *baç* (из славянского)⁹.

3. ЮЖНОСЛАВ. **urda*

Среди наиболее известных карпато-балканских терминов пастушества, охватывающих огромный лингвистический ареал, стоит болг. диал. (*в*)урда, макед. *урда*, сербохорв. диал. (*в*)урда, означающее различные виды творога или сыра. Эта лексема распространена также и в славянских диалектах Карпат (укр. диал. (*в*)урда, гурда, польск., чеш. *urda*, слвц. *hurda*), где она, помимо 'творога, полученного перевариванием сыворотки', означает также саму эту сыворотку, пену на ее поверхности и под.¹⁰ Тот же диапазон значений представлен и неславянскими балканскими лексемами: рум. *urdă* 'творог, приготовленный путем переварки сыворотки из овечьего молока' и алб. *udhos* 'сыр, творог' (*h*)urdhë_~ 'глубокое болото, топь; вид сыра', новогреч. *οῦρδα* то же.

Хорошая изученность слова тем не менее не дала ощутимых плодов в этимологическом плане: наличные этимологии лексемы *urda*, по меньшей мере, гадательны¹¹. Между тем весь диалектный, семасиологический и иной материал для решения этого вопроса собран.

Начнем прежде всего с запутанной проблемы отношений между алб.

udhos, (*h*)*urdhë* и рум. *urdă*¹². Что касается *udhos* – это вторичная диалектная форма, восходящая, что нередко в албанских диалектах, к прототипу **urdhos*. “Загадочное” фонетически соотношение рум. *urdă*: алб. *urdhë* является на самом деле вполне регулярным¹³ и прямо указывает на раннеалб. **urdza* < **urda*, ввиду невозможности толковать последнее (заемствованное в восточнороманский) как собственно романское образование. Наконец, об *h*- в варианте *hurdhë* надо сказать, что оно может быть как исконным (например, из **sk-*), так и благоприобретенной протезой – этот вопрос может решить только этимология.

Убедительная семантическая реконструкция для балк. *urda* дана Г.П. Клепиковой (Клепикова, с. 74): ‘творог, получаемый из сыворотки’. Здесь, на наш взгляд, опущен лишь один важный элемент значения: речь, как правило, идет о *п е р е в а р е н н о й* сыворотке. Важность этого обстоятельства следует, кстати, из того, что этот элемент сохранен в периферийных, далеко продвинутых семантических случаях, ср. укр. *вурда* ‘беловатый напиток, образующийся при варке конопляных жмыхов’. С другой стороны, давая в своей книге лингвогеографический анализ лексем типа укр. *зварка* ‘вторичная сыворотка из овечьего молока’, Г.П. Клепикова пишет: “Обращает на себя внимание сходство семантических объемов лексем с корнем **var-* и лексемы **urda*” (Клепикова, с. 142), и далее: “Сопоставление **urda* и лексем с корнем **var-* обнаруживает параллелизм в развитии их семантики... Можно предположить независимое семантическое развитие указанных лексем... Возможно, впрочем, и семантическое развитие под действием аналогии...” (Там же, с. 144). Между тем, констатация совпадения семантических объемов и пространственной характеристики этих слов и служит последним шагом к этимологии балк. *urda*, по отношению к которому укр. *зварка*, болг. *одвара*, *извара* и под. выступают как калька, имеющая ту же структуру и тот же корень.

Мы связываем **urda* с нулевой степенью огласовки **ur-* и *-e.* **yer-*: лит. *virti* ‘кипеть, клокотать’, слав. **variti*, арм. *varəm* ‘зажигать’, тох. *A wrātk* ‘варить’¹⁴. Что касается *-d*, то этот элемент можно было бы считать продолжением суффиксального **-dh*, что не исключено ввиду таких нулевых огласовок с **-dh-*, как греч. *μαδός* < **mydhos*, а также при учете сходных образований в литовском (*vilti*, наст. вр. *verdū*) и тохарском. В то же время нельзя исключать из рассмотрения и возможность членения **ur-dhē*, принимая во внимание некоторые общие соображения об отлагольных образованиях этого типа¹⁵.

Как и в других случаях, между албанским и балканославянским вероятно румынское посредство; фонетический облик южнославянских форм говорит против излишне ранней датировки заимствования. Вместе с тем наша гипотеза о калькировании наводит на мысль о том, что во времена заимствования внутренняя форма албанского слова еще была прозрачной. Таким образом, славянская калька раннеалбанской лексемы предшествовала заимствованию последней (через восточнороманский) в славянские языки.

4. ЮЖНОСЛАВ. **kopil*-

Эта основа, представленная сербохорв. *čōpil* 'внебрачный сын,bastard', *čōpile* то же, болг. *копеле* то же, *копелак*, *копиле* то же, — "классический", давно известный и тщательно изученный балканизм. Следы этой основы мы находим и в карпатской зоне: укр. *копил* 'bastard', — но наиболее существенны ее балканские неславянские продолжения: рум. *copil* 'bastard, ребенок, сын', новогреч. *κόπελος* 'bastard', *κόπελη* 'молодой человек, слуга', алб. *kopil* 'bastard, слуга, юноша'.

Известен ряд этимологий этого слова, в разной степени удачных, ни одна из которых не признана окончательно¹⁶. Причина этого прежде всего не в отдельных фонетических трудностях, а в семантическом обосновании. Не вдаваясь здесь, за неимением места, в подробное исследование номинации в связи со значением 'bastard' (в типологическом плане, кстати, интересны связи последнего со значениями 'раб, слуга' и 'ребенок'¹⁷), отметим только, что известные диахронические цепочки, в том числе типа франц. *bastard* = ст.-франц. *fils de bas(t)* 'сын, (зачатый) на выюном седле', скорее противоречат, чем способствуют популярной гипотезе о том, что *kopil-* < вульг.-лат. **copīlis*, к *сора* 'трактирщица'¹⁸. Наиболее вероятной и перспективной представляется нам этимология Йокля¹⁹, видевшего источник балк. *kopil-* в алб. *kopil*, которое он расчленил на *ko-*, соответствующее, по его мнению, др.-инд. *ka-* 'Miss-, не (до)' и *-pil*, апофоническую ступень алб. *pjell* 'рождать, производить на свет' (о людях, животных и птицах). Соответственно, внутренняя форма алб. *kopil* определяется как '*Missgeburt*', 'выродок, ублюдок'. Сильные стороны этой этимологии несомненны, и вслед за Йоклем мы принимаем как членение слова, так и его отождествление с алб. *pjell*. В то же время некоторые детали семантической мотивации нуждаются, по-видимому, в известной коррекции.

Неудовлетворительной представляется семантическая реконструкция '*Missgeburt*', связанная с интерпретацией алб. *ko-* как материального и смыслового эквивалента др.-инд. *ka-*. Пейоративность др.-инд. *ka-* (и всех его вариантов), восходящего к индоевропейскому вопросительно-относительному **kʷo-*, **kʷi-* (ср. например, *kiṛigūṣa* 'плохой человек', *kimṛigūṣa* 'карлик', *kádartha* 'бесполезная вещь' и т.д.), носит безусловно вторичный характер и развилась независимо на индоарийской почве, что отчасти доказывает и слав. **ka-*, того же происхождения. Алб. *ko-* и др.-инд. *ka-* тождественны только в том смысле, что оба (с вариациями в вокализме) продолжают одну и ту же индоевропейскую основу. Другие примеры префиксального **kʷo-* в албанском, типа *g̑elerē* 'слизь' < **kʷo-loipa*, также не подтверждают мысли о наличии в албанском **kʷo-* в значении 'Miss-, не (до)'.

С другой стороны, корневая часть алб. *kopil*, связываемая с *pjell*, обычно понимается как продолжение и.е. **pelnō*, к **pel(ə)* - 'полный'²⁰, причем мотивировка значения предполагается очевидной. Связь с **pel(ə)* -, впрочем, остается весьма умозрительной, особенно ввиду лежащего на поверхности и.е. **pel-/ple-* 'рождать, производить' (слав. **plemę* и под.). Это, однако, не исчерпывает этимологии этого глагола, особенно если принять во внимание, с одной стороны, родственное алб. *mbjell* 'сеять' < **en-pelnō*, а с другой, — тождественное на уровне реконструкции лат. *pello* 'быть, толкать, *метать', что позволяет для алб. *pjell* и, соответственно, и.е. **pel-*

восстанавливать предшествующую ступень семантического развития как 'приводить в движение, бросать, *метать'. Это, конечно, напомнит нам хорошо изученные аналогии, где прослеживается развитие значений 'метать' в 'рождать'²¹, ср. хотя бы русск. *помет*, нем. *Wurf* 'помет; удар', что и приводит нас к структурной идентификации русск. *по-мет* = алб. *ko-pil*²².

Эту этимологию хотелось бы дополнить наблюдением, связанным с любопытным типологически дальнейшим развитием семантики алб. *pjell*, обладающего значениями 'свидетельствовать, воображать, фантазировать'. Производность последних, или во всяком случае вторичность их по отношению к семантике *знати* позволяет, как нам кажется, видеть в *pjell* 'рождать' и *pjell* 'свидетельствовать, фантазировать' не пару омонимов, а воспроизведение в албанской языковой истории той семантической эволюции, которая известна уже индоевропейской древности – и.е. **gēnə-* 'рождать' → 'знать'²³.

П р и м е ч а н и я

¹ Начало см.: Орел В.Э. Балканские этимологии. I. Слав. **osъtъ*. – Античная балканистика. Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. Лингвистика, история, археология. Предварительные материалы. М., 1980, с. 46–47. В настоящей работе рассматриваются лексемы, анализируемые в синхронном плане в статье Д. Петровича (см. с. 194–210 настоящего сборника).

² Новогреческое слово, скорее всего, заимствовано непосредственно из приводимого ниже алб. *bac*, см: Meyer G. Etymologisches Wörterbuch der Albanesischen Sprache. Strassburg, 1891 (=Meyer).

³ Ср. фантастическую этимологию Махка – к русск. *чабан* и т.д. (Machek V. Etymologický slovník jazyka českého. Praha, 1968, с. 41). Невероятна и этимология Руссы из и.е. **uet-so-* 'старый' (см.: Russu I.I. Elemente autohtone în limba româna. Bucureşti, 1970, с. 133). Обзор ряда других этимологий того же рода: Istoria limbii române, т. 2. Bucureşti, 1969, с. 335.

⁴ См.: Čabej E. Craciun. – Studii și cercetări lingvistice 1961, т. 12, p. 313f.

⁵ См.: Трубачев О.Н. История славянских терминов родства. М., 1959, с. 21, 195 сл.; ЭССЯ I, с. 163–164 с дальнейшей литературой.

⁶ Впервые, без обсуждения деталей, факт албано-славянского тождества упоминается в работе: Polák V. Balkanische Zusammenhänge und etymologische Forschungen des Albanischen (Aus dem Vorwort zu dem Etymologischen Wörterbuch des Albanischen). – Zeitschrift für Balkanologie, 1962, Bd. 1, Hf. 1–2, S. 84.

⁷ См.: Трубачев О.Н. Указ. соч., с. 195 сл.

⁸ Серьезного осмыслиения требует вопрос о возможности обратного влияния: фонетически корректное, оно предполагало бы продвижение славянских форм с Балкан на север и восток с развитием от **batja* к **bat'a* (ср. ст.-укр. *батько*, др.-русск. *батя*, русск. *батя*). Для этого имеется и вполне удовлетворительный культурно-языковой контекст, о котором см.: Десницкая А.В. К вопросу о балканских в лексике восточнославянских языков. – В кн.: Славянское языкознание. VIII Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1978, с. 159–171.

⁹ Возможность "обратного" заимствования, разумеется, нисколько не удивительная в условиях карпато-балканской миксоглottии, особенно в ранний период, подтверждается целым рядом примеров, ср. например судьбу лексемы **gerVnda*.

¹⁰ Приводимый в настоящем этюде материал в значительной своей части почерпнут нами из весьма полного очерка: Клепикова Г.П. Из карпато-балканской терминологии высокогорного скотоводства. I. Urda. – В кн.: Этимология. 1966, М., 1968, с. 219 сл. Там же – разнообразные семантические вариации термина.

¹¹ Из старых этимологий назовем: болг. *урда* < тур. *ırmak* 'бить' (Младенов С. Этимологически и правописен речник на българския книжовен език. София, 1941, с. 654). Справедливую критику более новых решений и обзор см.: Duridanov I. Zur Etymologie des Wortes (H)URDA. – Балканско езикознание, 1974, т. 17, № 1, с. 51–59. Однако объяснение самого Дуриданова, выводящего из одиго источника

(*h*)urdhē и *hirrē* 'сыворотка от творога', также неудовлетворительно, ввиду того, что нулевая ступень и.е. *sker- не может, вопреки Дуриданову, отражаться в албанском как -ir- и -ur-, о чем см. подробно статью И.А. Калужской и автора этих строк в настоящем сборнике.

12 Литературу см.: Rosetti A. Istoria limbii române. Bucuresti, 1978, p. 282.

13 См. об условиях аффикативизации раннеалб. *d c. 22–25 настоящего сборника.

14 Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern, 1959, Bd. 1, S. 1166.

15 См. несколько устаревшую, но богатую идеями и материалом работу Jagic V. Das Leben der Wurzel *dhē-* in den Slavischen Sprachen. Agram, 1871; важны некоторые замечания в работах: Бенвенист Э. Индоевропейское именное словообразование. М., 1955, с. 219 сл.; Трубачев О.Н. Этимологический словарь славянских языков. Проспект. Пробные статьи. М., 1963, с. 64; Он же. О составе праславянского словаря (Проблемы и задачи). – В кн.: Советское славяноведение. Доклады советской делегации. V Международный съезд славистов. М., 1963, с. 182.

16 См. весьма добросовестный обзор большинства имеющихся точек зрения (две наиболее важные указаны нами в тексте) в работе: Moutsos D. The origin of a balkanism and related problems. коп. *ελλα etc.* – Balkan Studies, 1969–1970, v. 7, p. 86–101.

17 Детальный анализ отношений между этими значениями см.: Трубачев О.Н. История славянских терминов родства, с. 39–40 на примере и.е. *ordh-.

18 См.: Meyer, S. 198. Из типологически родственных примеров ср. еще ст.-франц. *coitarr* 'bastard' (к франц. *coite* '(стеганое) одеяло'), нем. *Bankert, Bankling* то же (к *Bank* 'скамья') и заимствованное отсюда англ. *bantling* 'bastard', а позже и 'ребенок'. Иной тип развития обнаруживает слав. *otrokъ (подробно см.: Конечный Ф.Ф. К этимологии слав. *otrokъ. – В кн.: Этимология 1966. М., 1968, с. 54–61). Возможность взаимно противоположных путей эволюции в этой сфере может быть проиллюстрирована др.-англ. *boie* 'слуга' > англ. *boy* 'мальчик' > 'слуга'.

19 Jokl N. Linguistisch-kulturhistorische Untersuchungen im Bereich des Albanischen. Berlin – Leipzig, 1923, S. 7.

20 См.: Meyer, S. 342.

21 См. весьма подробно: Топоров В.Н. К семье анатолийск. *kat(a)*, др.-греч. *kata*. – В кн.: Этимология 1971. М., 1973, с. 288–289.

22 Внешние изменения, которые претерпел алб. *kopil* в своем развитии из раннеалбанского (вероятно, *kōpel-, причем исконная долгота алб. o < *a, как и место ударения, сохранены, по всей видимости, в сербохорв. *čđopil*), незначительны, однако есть соображения как в пользу, так и против непосредственного перехода слова из албанского в славянские языки Балкан, требующие внимательного отношения к мысли о восточнороманском посредстве, которое – в том, что касается распространения слова к северу от Дуная – несомненно. Об условиях распространения балк. *kopil* см.: Трубачев О.Н. История славянских терминов родства, с. 57.

23 См.: там же, с. 154–157; Трубачев О.Н. 'Молчать и 'таить'. О необходимости семasiологического словаря нового типа. – В кн.: Проблемы индоевропейского языкоznания. М., 1964, с. 100–105.

КАРПАТСКАЯ ЛЕКСИКА И ЕЕ ОТНОШЕНИЕ К ЛЕКСИКЕ ИНЫХ ЗОН СЛАВЯНСКОГО МИРА

5. * *gVlVta**

Характеризуя лексику, составляющую фонд, общий для языков и диалектов карпатской (и шире – карпатобалканской) зоны, исследователи указывают на наличие значительного числа (восточно) романизмов, источником которых на Карпатах обычно признается румынский язык, хотя следует учитьвать и влияние молдавского языка¹. Одним из таких заимствований является, в частности, лексема, репрезентирующая друм. *găleată* (resp. молд. *гэлятэ*).

В.-романск. (рум., молд.) *găleată*, *гэлятэ* возводится к лат. *gallēta* 'Eimer' (Meyer-Lübke, № 3656; ср. также: «*lat. de basse é.*» – Wartburg, «*lat. medioev.*» – Battisti, «*spät. lat.*» – Schorta, 159; «*sr. lat.*», вошедшее в далматинскую (XI в.) и балкансскую латынь – Skok, «*v[ulg]. lat.*» – Tiktin, Bezlaи и под.)²; имеет соответствия в некоторых романских языках и их диалектах: ит. *galleta* 'secchio', др.-ит. (XII в.) *galeda* 'misura di capacità', ит. диал. *gaddetta* 'Eimer', *galette*, *galeda*, *galida*; ретором. *galaida*, *galeida* 'Weinfäßchen', 'Saugeimer für Kälber', др.-фр. *jaloie*, *jalon*, фр. диал. *jalais*, *jalasse*, *jalet*; 'Mehlmaß', 'Flüssigkeitmaß', исп. *galleta*, порт. *galheta* (Meyer-Lübke; Wartburg; Battisti; Pušcariu; Candrea; Schorta, 159; Skok); далее – указания на неясное происхождение (Meyer-Lübke; Wartburg; Pušcariu; Machek; Bezlaј и под.) и предположения о его "доримском" (поскольку отсутствует в классической латыни), "доиндоевропейском", "эгейском" происхождении (Skok. SR III, 353; Skok; Popović, 103), а также о греч. γαυλίδα (acc. к γαυλίς, gen. γαυλίδος) как источнике слова в балканской

* Предыдущие этюды см.: Славянское и балканское языкознание. Карпато-восточнославянские параллели. Структура балканского текста. М., 1977, с. 3–20; Общеславянский лингвистический атлас. 1978. М., 1980, с. 102–141; см. также этюд о *s(e)-lem(b)-*: ОЛА. 1981, М., 1983.

¹ Традиция изучения восточнороманских элементов в карпатобалканском регионе насчитывает свыше ста лет, а список работ, посвященных изучению заимствований весьма обширен; как известно, он открывается важным трудом Ф. Миклошича и Э. Калужняцкого (*Miklosich F., Kalužniacki E. Über die Wanderungen der Rumunen in den dalmatischen Alpen und den Karpaten*. – In: *Denkschriften der philos.-hist. Cl. der kaiserlichen Akademie der Wissenschaften*. Bd. XXX. Wien, 1879); в качестве сводных работ, обобщающих результаты разработки данной проблематики, назовем: *Crânjala D. Rumunské vlivy v Karpathach ze zvláštním zřetelem k moravskému Valašsku*. Praha, 1938 (далее – *Crânjala*); *Łukasik S. Pologne et Roumanie. Aux confins de deux peuples et deux langues*. Paris-Varsovie-Cracovie, 1938 (далее – *Łukasik*); *Vrabie E. Influență limbii române asupra limbii ucrainene*. – In: *Romanoslavica*, 1967, XIV (București) (далее – *Vrabie*), *Nița-Armăș S., Pavliuc N., Gămălescu D.* и др. *L'influence roumaine sur la lexicale des langues slaves*. – In: *Romanoslavica*, 1968, XVI. За последнее десятилетие опубликованы новые исследования, касающиеся различных аспектов проблемы восточнороманских заимствований языках карпатобалканского пространства. Обзор их, несомненно, представил бы значительный интерес.

² Помимо друм., также арум. *găleată*, мегленорум. *găleată*; фонетический облик истрорумынских соответствий (*golidă*, *γolidă*) позволяет предположить, что они являются заимствованиями из итальянских диалектов (венецианских, истрийских) или испытали их влияние (см. ниже).

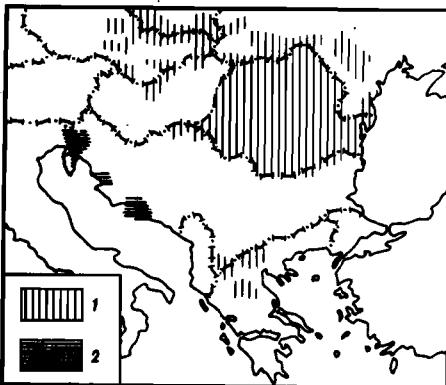
Карта 7. Распространение лексемы *+gVlVta* и родств.

1 – *+gVlVta*, 2 – *golida* и под.

латыни (Skok)³. Различным образом трактуется и связь представителей восточнороманского заимствования *+ gVlVta* и соответствийср.-в.-нем. *gellete* (< лат. *gallēta* [Kluge]), отраженному вср.-в.-нем., н.-в.-нем. *gelte* 'сосуд' (Тюрингия, Пфальц, Каринтия; нем.литер. *die Gelte*) – допускается "влияние" последних на появление *+ gVlVta* в славянских⁴ и венгерском языках (Meyer-Lübke; Berneker; Machek; Bezraj и под.)⁵; Д. Крынджалов возводит славянские формы непосредственно к нем. *gellete* (Crâncală, 276 и сл.); более обоснованным, однако, представляется мнение, отрицающее немецкое посредство в распространении *+ gVlVta* в языках и диалектах карпатского ареала (Goňáb, 244; Vrabie, 144; Дзендз. Спостереження, 104; ср. и отсутствие упоминания о немецком влиянии на карпатские формы в: Candrea; Skok; также MNyTESz).

Поскольку восточнороманские языки трактуются большинством исследователей как центр иррадиации указанной лексемы в языки карпатобалканского ареала, рассмотрим ее географическое распространение и семантику прежде всего в румынском и молдавском. Это поможет точнее представить историю лексемы, ее функционирование в этом ареале (см. карту 7).

Румынский язык. Данные лингвистической географии свидетельствуют, что лексема *găleată* известна на всей территории Румынии (ср. хотя бы карту № 398 MALR I, посвященную форме мн.ч.); однако детальное описание ее семантики в (дако)румынских говорах представляется затруднительным – можно на основании лингвистических атласов указать ареалы лишь некоторых из известных в диалектах значений, например: 1. '(цинковое) ведро (для воды)' (Мунтения, юг Молдовы, юго-восток Трансильвании – ALRsn IV № 1040; MALRsn II № 856)⁶; здесь же упомянем о распространении фразеологизма *ploaî cu găleată* в банатских и юго-западных олтенских говорах (ALRsn III № 787); 2. 'сосуд для хранения

³ Со ссылкой на Г. Рольфа (*Röhlfs G. Etymologisches Wörterbuch der unteritalienischen Gräzität*. Halle, 1930, S. 50); ср. и: *Diculescu*. Ср. в современном новогреческом: γαλάς 'небольшая корзина для сбора фруктов', 'пастушеский сосуд, куда сливают сдоенное молоко' (*Δημητράκος Δ. Μέγα Λεξικόν ὀλης της Ἑλληνικῆς γλωσσῆς. Αθῆναι, 1949*. Об этимологии самого греческого слова см.: Frisk (статья *γαλός*).

⁴ К несомненным германским В. Мажек относит, например, слвц. *geltla*, морав. *kelina* (Machek).

⁵ Допускается, что немецкое влияние было вообще достаточно старым и обширным (ср.др.-в.-нем. *gelte*, *geilda*, откуда прус. *galdo*, лит. *gėlda*, лтш. *gelda* – Fraenkel); возражения против подобного мнения см.: Топоров В.Н. Прусский язык. Словарь. I–К. М., 1979, с. 236–237.

⁶ Также в р-не Бузэу (*Vuiia R. Tipuri de păstorit la români. Bucureşti 1964, p. 22*) (далее – *Vuiia*).

брынзы' (Банат – ALRsn II № 423)⁷; 3. 'сосуд для заквашивания молока' (отдельные говоры юга Мунтении, в Трансильвании – MALRsn I № 273); 4. 'кадка (для молока)' (спорадически на юге Мунтении, в Банате – ALRsn II № 414); на основании сведений, отраженных в ряде карт и комментариев, можно говорить о значении, которое в обобщенном виде представляется как 'сосуд для молока' (ALRsn II № 409, 410, 413, 424) (5). Отмечается употребление *găleată* в качестве мельничного термина: 'мерка, которой зерно насыпают в мельничный короб' (6) (Банат – ALRsn I № 182) и 'часть мельничного круга' (7) (Мунтения – там же, № 157)⁸. Некоторые другие важные значения отражены в этнографических иialectологических трудах. Ср., например: 'сосуд, ведро для доения (овец)' (Трансильвания, Марамуреш – ALRTrans, ALRMar – ответы на вопрос № 917)⁹; обл. Пояна Рускэй, Цара Олтулуй, Хацег, обл. Вранча – Vuia, 41, 85, 87, 138; долина р. Ариеш – AAF V, 115; р-н Герла – AAF VI, 296; обл. Бран – Viehzucht, 229; обл. Парынг – Sl. năr. IX, 123; р-н Сучава – Sez. II, 24; р-н Нямц, Sez. VII, 191; Молдова¹⁰); также – 'Eimer' (Банат, р-н Хунедоара, Телеорман – Viehzucht, 616), 'Zuber' (Цара Олтулуй – там же, 627), *câna-ntr-o găleuze* (Арджеш)¹¹, *găleuică* 'сосуд для доения' (Банат – Folc. Olt. Munt. I, 418), 'сосуд, куда сливают сдоенное молоко'¹²; 2. 'чем меряют молоко' (р-н Хунедоара, Фэгэраш – Vuia, 69, 182); 3. 'сосуд, где хранят соль, разбивают творог' (обл. Пэдурень – Vuia, 201). Из иных значений упомянем: *găleată* 'мера поверхности' (р-н Фэгэраш)¹³, *găletă* то же (28 ар) (Трансильвания)¹⁴. Наконец, сведения о значениях *găleată* в DLR представлены в следующем виде: 'ведро, сосуд (деревянный, железный)' (р-н Рымнику-Сэрэт), '– для дойки овец' (Нямц), 'ведро каменщика' (р-н Дымбовица), 'мера (бринзы, зерна)' (р-н Брашов), также вариант *găreată* (Долж), ср. и отражение слова в словаре Х. Тиктина: *găleată* 'Eimer', 'Kübel', 'Gelte' – 'конический, сужающийся книзу деревянный или цинковый сосуд для несения жидкости коням..., для доения овец, коз...', кроме того, единственная у нас фиксация значения 'вид свадебного танца' (Tiktin).

Словари литературного языка, например, DLRLC, приводят такие значения: 'деревянный или металлический сосуд, которым набирают воду из колодца, в который доят молоко, в котором переносят различные вещества и под.', 'старая мера количества молока, зерна' и '(устар.) налог в виде зерна'.

В румынских диалектах на юге Балканского п-ва: арум. *găleată* 'seau'¹⁵,

⁷ Ср.: *gheleată* то же (Банат) (*Costin L. Graiul bănățean*. I. Timișoara, 1926, p. 111).

⁸ Ср. и: 'tubul strîmt de lemn care se atașează la jgheabul morii de apă' (зап. Тыргу-Жиу) (*Cazacu B. Glosarul dialectal. Oltenia*. București, 1967, p. 42).

⁹ С данными материалами нам удалось ознакомиться в 1972 г. при посещении Ин-та языка и литературы в г. Клуж, за что выражаем искреннюю признательность руководству Института.

¹⁰ *Damé F. Încercare de terminologie populară română*. Buc., 1898, p. 31. (в некоторых районах – 'сосуд для дойки к коров' – там же).

¹¹ *Folclor din Oltenia și Muntenia*, I, București, 1967, p. 212 (далее – Folc. Olt. Munt.).

¹² *Pamfile T. Industria casnică*. București, 1910, p. 31.

¹³ *Lexic regional*, v. I. București, 1961, p. 91.

¹⁴ *Folclor din Transilvania*, v. II. București, 1970, p. 612.

¹⁵ *Papahagi T. Dicționarul dialectului aromân*. București, 1963.

găl'áta té muldzáré ɿbili 'сосуд для доения овец' (обл. Пелистер)¹⁶; о наличии слова в мегленорумынском свидетельствует MALRsn (v. I, № 273: 'сосуд для подквашивания молока').

Исторум. *golidă* (вариант *għolida* – р-н Риека; в иной транскрипции – *ȝolida*) *'găleată'*¹⁷ отражает изменение исходной формы **gallēta* (озвончение *t > d* – как в некоторых североитальянских диалектах, прежде всего венецианских и истрийских – *Skok*¹⁸), однако переход *a > o* – не итальянское влияние; если учесть, что славянские соответствия (хорв., словен. *golida*) – романское заимствование (см. также ниже), то исторум. *golidă* должно интерпретироваться как "обратное" заимствование (также: *Pușcariu*).

М о л д а в с к и й я з ы к. Данные о распространении и семантике лексемы ⁺*gVlVta* в диалектах содержатся в ряде карт АЛМ (т. II, ч. 1): гэлятэ, гэляты в значении 'ведро' отмечается в восточной части МССР, вдоль р. Днестр, также единично – сев. Кишинева, на Буковине, в анклавах на территории Николаевской и Кировоградской обл. (карта № 666 и комментарии, также сводная карта № 719); фиксируется и значение 'жестяное ведро (для дойки коров)' (говоры Буковины – АЛМ № 680)¹⁹, 'вид бады' (в некоторых подnestровских говорах – АЛМ № 665), 'маслобойка' (Закарпатье – там же, № 685). Молдавская часть Вопросника ОКДА предусматривает возможность фиксации следующей амплитуды значений данной лексемы: 'ведро', 'деревянная посуда, в которую доят овец', 'мера емкости (для зерна, молочных продуктов)', 'бочонок для брызги'²⁰. По данным обследования молдавских говоров для ОКДА наиболее частотным значением *ga'ȝiaty(ga'ȝatys)* является 'деревянный сосуд для дойки овец (сужающийся сверху)' – почти повсеместно, кроме небольшого ареала на юго-западе Молдавской ССР; на юге молдавского языкового массива известно менее специализированное 'деревянный сосуд', в некоторых северных говорах – 'ведро'. Из других значений укажем также 'мера молока' (в основном, север и центр МССР) и 'мера сыпучих тел' (на юге), ср. и: *ga'ȝatys* 'бочка для засолки овощей' (также на юге) (материал ответов на в. № 178).

В украинском языке репрезентанты ⁺*gVlVta*, свидетельствующие о неоднократном – по времени и месту – заимствовании ее из восточнороманского (*geleta*, *gel'ata*, *gal'ata* и под.)²¹, представляют собой типичные лока-

¹⁶ *Golqb* Z. Szkic dialekту Aromunów macedońskich. – In: Prace językoznawcze, t. 4. Kraków, 1961, s. 194.

¹⁷ *Flora R. Despre stadiul actual al istroromânei. Contribuția geografiei lingvistice la chestiunea stabilitării poziției graiurilor istroromâne față de dacoromâna.* – In: Fonetica și dialectologie, v. V. București, 1962, p. 164, карта № 4; ср. и: *Byhan*, 227.

¹⁸ Так же: *Skok*, SR III, 353; *Skok P. Zum Balkanlatein*, IV. – ZrPh, 1934, Bd. 54, S. 204; ср. и данные AIS, карты № 1053 ('Saugeimer'), № 1197 ('Melheimer'), № 966 ('Holzeimer').

¹⁹ На карте № 681, посвященной названиям подойника, лексема гэлятэ отсутствует.

²⁰ Общекарпатский диалектологический атлас. Лингвистические и этнографические аспекты. Кишинев, 1976, с. 160.

²¹ Вероятно, в частности, что формы с (‘) *e* (> i, ī, e^u, и под.) в 1-м, предударном, слоге могли бы рассматриваться как более старые восточнороманские заимствования, в которых [ā] регулярно адаптируется как [e] (Vrabie, 121 и 125); в данном случае обычно наблюдается и смягчение [g] (возможный результат регressiveной ассимиляции под влиянием [l'], передающего в.-романск. [l'] и [l]). Напротив, формы с [a] в той же позиции рассматривались бы как относительно поздние

лизмы, характерные в целом лишь для карпатской зоны и сопредельных областей. Отсутствие лексемы в современном литературном языке подтверждают словари (Словник української мови, т. III. Київ, 1971 и др.); ср. фиксации в словарях Б. Гринченко (*гелета* 'деревянный сосуд, бочка' [с пометой «угор.»] и 'подойник' [Полтава]), Е. Желеховского (*гелета* [Желеховский]), также в "Историческом словаре" Е. Тимченко: *гелетка*²².

География и семантика лексемы описывается на основании многочисленных диалектологических источников; упомянем прежде всего материалы, собранные по Вопроснику ОКДА. В Прикарпатье лексема известна почти повсеместно со значениями: 1. 'деревянный сосуд (различного назначения)', например: *g'el'ëtka* 'суживающийся кверху, большого размера', *g'el'ëk'ë* 'то же (малого размера)' (Ст. Лысец, ИФ), *g'le'teka* 'суживающийся кверху' (Яблоница, ИФ), *g'le'teka* то же (высокий), *gal'ëta* 'то же (низкий)', *g'le'točka* 'невысокая бочка для вытискания сыворотки из творога', *gal'ëta*, *gal'ëta* 'куда доят овец' (Турятка, Ч.), *g'el'ëk'ë* 'бочка малого размера (для засолки капусты)', 'бочка для хранения брынзы' (Манява, ИФ), *gi'le'teka* 'бочка для хранения брынзы', 'общее название бочки', *g'le'let'a* 'общее название небольшого деревянного сосуда' (Кропивник, ИФ), *g'le'eta* 'деревянный сосуд для мерения молока' (Вышков, ИФ), *ge'le'eta* 'деревянный сосуд для молока' (Ильинцы, ИФ), *g'le'chčina* 'бочка для творога, брынзы и др.' (Ридковцы, Ч.), *g'el'at'a* 'деревянный сосуд (более широкий кверху) для молока' (Плоска, Ч.) *g'le'teka* 'с ровными стенками для засолки огурцов, капусты', *gal'ëta* 'сосуд для доения овец', 'для сливания сдоенного молока' (Тецканы, МССР), *g'le'teka* 'сосуд, где киснет тесто' (Голосков, ИФ), *g'le'tka* 'небольшой бочонок, до 12 л' (Ясина, З.), 2. '(деревянное) ведро' – *gal'ëta* (Ленковцы, Ч.), *gal'ëta* (Тецканы, МССР), *g'el'ëta* 'то же' (Барладяны МССР); 3. 'мера сыпучих тел (ок. 25 кг)' – *g'le'teka* (Голосков, ИФ; Василев, Ч.; Ленковцы, Ч.; Ридковцы, Ч.), *g'el'at'a*, *g'el'ëta* (Ясень, ИФ; Виженка, Ч.), *g'le'eta* (Манява, ИФ), *g'el'ëtka*, *g'el'ëtka* (Плоска, Ч.) *g'le'teka* (Ст. Жадова, Ч.; Д. Шепот, Ч.) и под.

Многие из перечисленных выше значений лексемы ⁺*g'VlVta* зафиксированы в иных, в том числе опубликованных, источниках. Для бойковских говоров укажем, в частности материалы И. Зелинского, изданные М. Карапесом: 'кадъ (стіни прости) – від діжки з рівними боками' – *g'le'teka* (р-н Самбор), 'бочка (випуклі стіни)' – *g'le'eta* (р-н Стрый), 'невелика діжечка' (для закваски капусты) – *g'le'eta* (р-н Турка) и 'сосуд, выдолбленный из пня' – *g'lit'ëta* (там же)²³; М.И. Онышкевич в своем словаре

заимствования, трактующие рум. [ă] как [a], что исключает смягчение [g]. Поскольку известно, что контакты славянского населения зоны Лесистых Карпат (resp.: украинского) осуществлялись на протяжении нескольких веков, начиная с появления пастухов-«валахов» в период раннего феодализма, и – в ряде районов – продолжаются и поныне, можно также допустить, что различно оформленные представители ⁺*g'VlVta* в украинских говорах – следствие влияния разных групп восточнославянских диалектов.

²² Тимченко С. Историчний словник українського язика. I. Київ, 1930, с. 642 (цитируется словарь Л. Зизания – XVI в.). Ср. отсутствие слова в: Словник староукраїнської мови. I. Київ, 1978.

²³ Karas M. Studia nad dialektologią ukraińską i polską. Kraków, 1975, s. 65, 66 (далее – Karas).

бойковских говоров приводит: *g'iletka, gelétká* 'деревянный сосуд для творога (из молока 2–3 овец)', 'деревянный сосуд, выдолбленный, различной величины (для соли, муки, зерна), часто с одной ручкой', 'четверть (25 кг)', 'посуда для капусты', 'посуда для творога'²⁴ также *gilotka* 'Faß, 25 kg', *g'letčuna* 'kleine Gefäß' (Вовче)²⁵, *g'iel'etka* 'единица меры, объема, ок. 10 л', *g'ieľică* 'a' 'діжка' (для закваски капусты, огурцов) (зап. Дрогобыч)²⁶. В надсанских говорах: *g'it'ē* 'деревянный сосуд для хранения творога, огурцов'²⁷; в северноподнестровских говорах: *gilétká* 'діжка, чвертка (25 кг)' (Романов, Лв. – НЗ УТГІ VII, 41) и далее – *g'iletka* 'то же' (Теребовля – НЗ УТГІ XIX–XX, 158).

О наличии лексемы в лемках говорах со значением 'сосуд для доения' (р-н Пивнична, Криница, верхнее и нижнее течение р. Ослава)²⁸, *g'ileta* 'бочка' (р-н Билгорай) и *galétká* 'невелика діжечка' (р-н Любачев – Karaś, 65); также – в украинских говорах Восточной Словакии: *gelétká*, *g'iletka*, *gel'atka*, *gel'ata* (р-н Снина, долина р. Лаборец) в значении 'посуда у вигляді дерев'яної діжечки, в якій складають сир на зиму' (часто – выдолбленная из целого дерева)²⁹. Здесь же упомянем стоящее особняком *galéta* 'кокон шовківниці' (у украинцев Керестура, обл. Бачка [Югославия] – НЗ МУК, 4, 1969, с. 331), которому как будто нет параллели в карпатобалканском регионе³⁰.

Для з а к а р п а т с к и х говоров исследователи указывают значения: 'сосуд для доения' (верховья рек Боржава и Тиса)³¹, ср. и: *mír'iaty molokó gelétoú*, *geleťa* – *dví dečys* (Волове)³²; значительный материал по семантике данной лексемы приведен и в работе З. Ганудель: *geléta* 'діжка' (для рассола, где квасят огурцы, капусту)', 'посуд для доїння молока', 'міра для овечего молока (8–15 л)', *g'elétká*, *g'létká* 'діжка (до 50 л)', *g'eléta*

²⁴ Оньшкевич М.И. Нариси з лексикографії та лексикології Бойківщини. Львів, 1970 (рукопись); ср.: *geléta* 'деревянный сосуд, бочка для квашения капусты)', 'для творога', *gelétká* 'бочка на 10–15 л' (с. Козева, р-н Стрый), *gelétká, geléta* 'вид деревянного сосуда' (с. Клименц, там же) (материалы собраны по Вопроснику М.И. Оньшкевича; хранятся в Ин-те общественных наук АН УССР, во Львове).

²⁵ Nakonetschna H., Rudnicki J. Ukrainische Mundarten. Südkarpatoukrainisch. Leipzig, 1940, S. 91, 92.

²⁶ Пура Я.Е. Говори Західної Дрогобиччини. Львів, 1957, с. 279 (канд. дис.). О распространении лексемы в значении 'вид деревянного сосуда для творога, капусты и др.' в бойковских и соседних говорах см. в: Atlas gwar bojkowskich, t. 1. Włodawa–Warszawa–Kraków–Gdańsk. 1980, карта № 23.

²⁷ Шепелюрка М. Надсянський говор. Варшава, 1938, с. 73.

²⁸ Stieber Z. Atlas językowy Dawnej Lemkowszczyzny, t. III, Łódź № III; ср. записи из с. Остурня: *geleťka* 'деревянный сосуд для молока', *geleťa* 'Viertelmaß' (In: Serta slavica. München, 1971, S. 278, 284).

²⁹ Ганудель З. Назви посуду і кухонного начиння в українських народних говорах Східної Словаччини. – НЗ МУК. Мовознавство, № 3, 1978, с. 256, карта № 9; также ср.: Stieber Z. Op cit., № 111.

³⁰ Неясно отношение этого термина к ит. диал. *galéta* (Истрия), *galéta*, *galéte*, *galéte*, *gaéta*, *galeta* и под. (Северная Италия, вплоть до р. По) – с тем же значением (AIS, карта № 1164 – *Einspinnen, faire le cocon*).

³¹ Дзензелівський Й.О. Лінгвістичний атлас українських народних говорів Закарпатської обл. УРСР, т. I. Ужгород, 1958, карта № 66; ср. пояснение, что в Закарпатье *gelēt(k)a*, *gelēt'ā* также имеет общее значение 'діжечка місткістю 6–12 л', что позволяет использовать ее в качестве мерки молока (Дзенз. Спостереження, с. 103–104).

³² Панькевич И. Ег. f

'мала ~' и др.³³; *gelétko* 'небольшая (до 50 л) бочка для закваски ка-
пусты' отмечается и П.Н. Лизанцом в р-не Хуст, Тячев³⁴.

На Гуцульши и н е: *g'elétko* 'міра збіжжя — 25 кг'³⁵, также 'мера
веса (25 кг)', 'бочка (ок. 25 л)'³⁶; здесь же упомянем *geleta* 'деревянный
сосуд, суживающийся кверху' (р-н Лесистых Карпат, Ясина)³⁷, и, с дру-
гой стороны, — *gilétko* 'сосуд для доения' (Ясень, ИФ — Karas, 94), *geletka*
'ведро для доения' (Перегинске, ИФ — Lud XVII, 1912, с. 145).

В соседних по к у т с к и х говорах: *galéta*, *galétko* 'деревянный,
долблений сосуд (для зерна)', *Gelte* '(р-н Снятин)³⁸', *g'iletchina* 'кадь (сті-
ни прости)' (р-н Городенка — Karaś, 65).

Значительная семантическая амплитуда лексемы ⁺ *g'IVta* в б у к о в и н-
с к и х говорах подтверждается данными Словаря этих говоров и иными
собраниями диалектной лексики: *gilétko*-/діжка' (повсеместно), *gilétko*,
díletka '(устар.) мера, объем, бочка (25 кг) для зерна' (р-н Заставна,
Кицман, Вижница, Строжинец, Новоселица, Глыбока), '(редко) деревянное
ведро, куда сливают сдоенное молоко' (р-н Кельменцы, Сокиряны, Хотин),
'(редко) кошік' (р-н Новоселица); также вариант *gal'áta* 'деревянное вед-
ро, подойник' (р-н Кельменцы)³⁹; далее — в украинских говорах Южной
Буковины (р-н Сучава): *geletka* 'Maß von 2 Eimern' (с. Бродина), *g'iletka*
'kleine Bütte als Kessel für eine Art Weinnachtstrommel der Säuger' (с. Ипо-
тешть)⁴⁰, *g'elátko* 'мерка, которой насыпают зерно в мельничный короб'
(с. Бродина — ALRsN № 182). Здесь же упомянем южнобессарабские фор-
мы: *gal'áta*, *gil'áta* 'ведро в которое доят овец'⁴¹.

На территории Польши лексема в различных фонетических вариантах —

³² Панькевич И. Українські говори Підкарпатської Русі і сумежних областей. Praha, 1938, с. 450.

³³ Ганудель З. Указ. соч., с. 256.

³⁴ Лизанец П.Н. Венгерские заимствования в украинских говорах Закарпатья. Будапешт, 1976, комм. к карте № 336 (с. 492). В пояснениях к карте 425 в кн.: Атлас лексических мад'яризмів та їх відповідників в українських говорах Закарпатської обл. (Ужгород, 1976) он отмечает, что в говорах Закарпатья *gelétko* обозначает и 'сосуд, в котором засаливают сало (без копчения)'.

³⁵ Кобилянський Б.В. Гуцульський говор і його відношення до говору Покуття. — В кн.: Український діалектологічний збірник. Київ, 1928, с. 83; спр. и: *g'iletka* (Janów J. Ze stosunków językowych małorosko-rumuńskich. — В кн.: Сборник в честь А.И. Соболевского. Л., 1928, с. 457. Упомянем и: *gel'ítka* 'низкая бочка' (р-н Бая-Маре, в кн.: Павлюк Н. Українські говорки Мараморошини. Харків, 1958, с. 211 (канд. дис.)

³⁶ Рукописный словарь гуцульского говора (хранится в Ин-те общественных наук АН УССР, во Львове)

³⁷ Podolák J. Poloninské hospodárstvo huculov v Ukrajinských Karpatoch. — Sl. nář., 1966, XIV, s. 260.

³⁸ Верхратский I. Говір батюків. Львів, 1912, с. 261.

³⁹ Материалы до словарника буковинских говоров, в. 2. Черновцы, 1972, с. 6.; спр. и: Прокопенко В.А. Областной словарь буковинских говоров. — В кн.: Карпатская диа-
лектоология и ономастика. М., 1972, с. 416); также вариант *gal'áta* 'деревянное
ведро, подойник' (р-н Кельменцы) (Герман К.Ф., Прокопенко В.А. Об изучении
наименований посуды в карпатоукраинских говорах. — В кн.: Справочно-инфор-
мационные материалы по ОКДА, 2. М., 1979, с. 42).

⁴⁰ Festschrift für A. Rammelmeyer. München, 1975, S. 357; спр. и запись К. Регуша: *gi-
letka* (LR 1971, № 2, p. 166).

⁴¹ Дроздовский В.П. Українські говорки Бесарабського Примор'я. Одеса, 1961, т. 1, с. 36, т. 2, с. 306 (канд. дис.).

gielata, gieleta (и деминутивы) 'ведро, сосуд, в который доят молоко' – известна в части говоров Подкарпатья: р-н Цешин-верховья рек Сола и Скава – Н. Тарг – Н. Сонч (а далее – на территории Чехословакии: р-н Чадца, долины рек Кисуца, Орава, Попрад)⁴². Распространение этого значения специально описано в подгалианских говорах А. Шифер⁴³. В более общем виде указанное выше и некоторые близкие значения лексемы ⁺*gVtA* формулируется следующим образом: 'деревянный сосуд из клепок для доения овец, коз, используется также для воды и других жидкостей либо для сохранения чего-либо, например, брынзы'⁴⁴. Этнографические работы как правило фиксируют лишь значение 'сосуд для доения, подойник': *geleta* (р-н Сонч), *gieleta* (р-н Горце), *geletka* (р-н Живец), *gelata* (Силезия) (Viehzucht, 419); диалектологические записи показывают, что подкарпатские говоры дифференцируются в отношении семантики препрезентантов лексемы ⁺*gVtA*: на Подгалье основным, действительно, является '(деревянный) сосуд для доения' (*geleta* 'kübelek z pałączkiem wewnętrz., z jednej strony niższy, z drugiej wyższy...' [PamTT X, 8]; *galety* [RWF X, 214]; *gelet[k]a* [SKJ IV, 279]; *geleta* [SKJ III, 309; IV, 344; V, 356]; *gieleta* [Lud, VIII, 189, 40], *gel'ety*⁴⁵ и под.), в р-не Живец и в соседних районах отмечается значение 'деревянный сосуд [объемом до одной кварти] для масла, творога, брынзы' (*gielotka*⁴⁶, *gelatka*⁴⁷, *gielotka* [SKJ IV, 353]; *gelatka* [с. Жарнувце, в верховьях р. Скава – SKJ IV, 376] и др.). В южных силезских говорах *gielata* записана со значением 'деревянное ведро для дойки овец (на горном пастбище)'⁴⁸. Отметим также *gelata* 'ведро' – в польском говоре Южной Буковины (р-н Сучава)⁴⁹. Ряд упоминавшихся фиксаций лексемы в польских диалектах отражен в словаре Я. Карловича⁵⁰.

Варшавский словарь включает формы: *gieleta*, *gielata*, *galeta*, *giletka* и значения 'wiaderko do dojenia, skopek do mleka, kubełek z pałączkiem wewnętrz do dojenia owiec', 'faska drewniana na masło', 'ćwierć korcza'⁵¹; в историческом словаре (XVI в.): *galeta* 'waza metalowa lub szklana'⁵².

Несмотря на относительно позднее отражение лексемы в памятниках письменности, можно полагать, что в диалекты она проникала раньше; вопрос о том, являются ли препрезентанты ⁺*gVtA* прямыми или опосредствован-

⁴² Małecki M., Nitsch K. Atlas językowy Polskiego Podkarpacia. Kraków, 1934, mapa 173; далее – AJPP; также: Zaręba A. Orawskie teksty gwarowe z obszaru Czechosłowacji. Kraków, 1967, s. 111, 50; MAAE I, 189. Ср. единично отмеченное: 'сосуд, в котором замешивают тесто' (верховья р. Скава – AJPP, карта 85).

⁴³ Pasterstwo Tatr Polskich i Podhala. Wrocław–Warszawa, 1962, карта 30 (далее – PTTP); ср.: PTTP III, 19; PTTP IV, 122; *gieleta mirowa* 'сосуд для измерения молока' (PTTP IV, 112).

⁴⁴ Herniczek-Morozowa W. Terminologia polskiego pasterstwa górskiego, cz. II–III. Wrocław–Warszawa–Kraków–Gdańsk. 1976, s. 104, cz. 1, s. 66.

⁴⁵ Bubak J. Teksty gwarowe ze wsi Ząb w pow. Nowotarskim. Kraków, 1966, s. 23.

⁴⁶ Prace jazykoznawcze, t. 4. Kraków, 1963, s. 358.

⁴⁷ Ramułt S. Gwara ślemieńska. Poznań, 1930, s. 17.

⁴⁸ Zaręba A. Atlas językowy Śląska, t. 3, Kraków, 1972 карта 447.

⁴⁹ Deboveanu E. Polska gwar górali bukowińskich w Rumunii. Wrocław–Warszawa–Kraków, 1971, s. 26.

⁵⁰ Karłowicz J. Słownik gwar polskich, t. II. Kraków, 1901.

⁵¹ Karłowicz J., Kryński A., Niedźwiedzki W. Słownik języka polskiego. t. II. Warszawa, 1952.

⁵² Słownik polszczyzny XVI w., t. VII. Warszawa, 1600; ср. отсутствие в: "Słownik starej polski".

ванными заимствованиями из (восточно)романского, остается открытым, во всяком случае, — для территории метрополии; больше оснований считать прямым заимствованием упомянутое выше польск. (буков.) *gel'ata*; однако и в этом случае не может быть полностью исключено посредство, например, украинских диалектов.

В словацких говорах лексема ⁺*gVlVta* хорошо известна; инвариантное значение ее — 'деревянный сосуд (для доения, хранения молочных продуктов)'; А. Габовштиак подчеркивает "карпатский" характер ареала лексемы — Высокие и Низкие Татры, Словацкое Рудогорье, Бескиды⁵³. Уточнение зоны ее распространения дают этнографические и, конечно, диалектологические работы: *geleta* 'сосуд, в который доят молоко' (Поважье, обл. Кисуца)⁵⁴, *gel'eta* то же (верховья р. Грон)⁵⁵, *galeca* 'geleta' (с. Ст. Тура, вост. Миева)⁵⁶, *geletka* 'сосуд для доения' (р-н Гелница, обл. Гемер)⁵⁷; из диалектологических материалов укажем прежде всего данные ОКДА: *gel'eta* 'сосуд для доения' (р-н Д. Кубин), *galata na hnité ovčí syr*, *geletka* 'бочка для хранения брынзы' (р-н Тренчин), *geleta* (сосуд для дойки) (р-н Попрад). Ср. также: *gel'ata*, *gel'áta*, *gel'eta* (обл. Средней и Верхней Оравы)⁵⁸, *geleta* (обл. Липтов)⁵⁹, *gel'áta*, *geletka* 'geleta' (р-н Новоград)⁶⁰, *geleta* 'деревянный сосуд для дойки' (обл. Гонт)⁶¹; по рукописным источникам, хранящимся на кафедре словацкого языка Философского факультета в Братиславе (= FFUK)⁶² — *geletka* 'nádoba na lekvár' (с. Репиште, р-н Б. Штявница), *gel'ata* 'geleta' (с. Коцига, р-н Римавска Собота), *galata* 'сосуд для жира', 'количество, вмещаемое этим сосудом' (с. Глбоке, обл. Загорье), *galeta* 'plechová nádoba na mast' (с. Шураны, р-н Нитра), *geleta* 'сосуд для сливового повидла' (с. Рудно над Гроном), *galeta* 'geleta' (с. Трстян, р-н Трнава), *gel'ata* 'деревянный сосуд для овечьего молока, брынзы или муки' (р-н Кисуца); далее: *galata* 'drvená nádoba na mliečne výrobky (na mast)' (обл. Тренчин)⁶³; в обл. Земплин — *gal'ata* '(сосуд) для молока, брынзы'⁶⁴.

⁵³ *Habovštíak A.* Slovenské nárečia z lexikálneho hľadiska. — In: Studia Academica Slovaca. 4. Bratislava, 1975, s. 74; ср. и: *geleta* 'сосуд для доения' — Срезневский И.И. Материалы для словаря наречий горных словаков. — В кн.: Кондрашов Н.А. Возникновение и начальный этап развития словацкого литературного языка. М., 1968.

⁵⁴ *Štítko J.* Salašníctví v povážské a kysucké oblasti. — Sl. nář., VIII. Bratislava, 1960, s. 358.

⁵⁵ *Horehronie. Kultúra a spôsob života ľudu.* Bratislava, 1969, s. 114.

⁵⁶ *Melicherčík A.* Slovenský folklor. Chrestomatia. Bratislava, 1959, s. 730.

⁵⁷ *Banická dedina Žakarovce.* Bratislava, 1956, s. 104.

⁵⁸ *Habovštíak A.* Oravské nárečia. Bratislava, 1969, s. 63.

⁵⁹ *Štanislav J.* Liptovské nárečia. Turč. Sv. Martin, 1932, s. 213, 499.

⁶⁰ *Matejčík J.* Lexika Novohradu. Bratislava, 1974, s. 121.

⁶¹ *Palkovič K.* Nárečova terminológia súvisiaca s dojením a spracovaním mlieka. — Jazykové vedné štúdie, X. Bratislava, 1969, s. 166.

⁶² Пользуемся случаем выразить признательность руководству кафедры, прежде всего проф. П. Ондрусу, позволившему ознакомиться с этими цennymi материалами (1977 г.).

⁶³ *Ripka I.* Vecný slovník dolnotrenčianských nárečí. Bratislava 1976 (рукопись); выражаем автору исследования благодарность за предоставленную возможность использовать эти данные.

⁶⁴ *Lipták S.* Slovná zásoba zemplinských nárečí. Bratislava, 1974 (рукопись); выражаем автору благодарность за ознакомление с этим трудом.

Лексема фиксируется и за пределами Словакии – *geleta* (Венгрия)⁶⁵, *galeta* 'деревянный сосуд для (хранения) масла' (р-н Пилишсанто)⁶⁶; далее – *galeta* '(сосуд) для дойки' (р-н Нови Сад, Югославия)⁶⁷, *gal'atka*, *geleta* (там же)⁶⁸, *galeta*, *gelata*, *gel'ata* (также на территории Югославии)⁶⁹.

Словари отражают приведенные выше значения, ср.: *galetka*, *gelata*, *geleta* 'dížka na dojení', 'nádoba na bryndzu, soudek'⁷⁰; *geleta*, *geletka* (dem.) 'diečka, nádoba na mlieko, bryndzu' (с пометами: "Липтов", в произведениях Кукучина, Гвездослава)⁷¹, *geleta* 'подойник' (в овцеводстве)⁷², *geleta* 'drevená nádoba na mlieko, bryndzu a ine mliečne výrobky', *geletka* (dem.)⁷³.

Наличие в словацком форм с *e* и *a* в 1-м предударном слоге позволяет, как и в случае с украинским языком, допускать, что заимствование лексемы ^{+g}VIVta могло происходить неоднократно; при этом, на наш взгляд, заимствование прямо из восточнороманского (resp. румынского) проблематично, скорее источником могли быть диалекты других языков, украинского (в Лесистых Карпатах), сербского (в Бачке – см. также ниже) и т.д.

Из чешских говоров представители лексемы известны только моравским; описание семантики ^{+g}VIVta находим у Ф. Бартоша: 'dřevěný hrnek na dojení ovce, bez ucha, s postrčeným na příč kolíkem, zaníž se nosí, na jedné straně kterou bača doje k sobe obrácenu má, roněkud vyšší, aby mléko vystříkalo'⁷⁴, *geleta* '(деревянный) сосуд для доения' (р-н Карловице)⁷⁵, 'das etwas kleinere Melkgefäß'⁷⁶, 'сосуд для дойки' (обл. Радгошт)⁷⁷, *galeta* 'nádoba dřevěná' (для дойки) (р-н Рожнов)⁷⁸. Лексему также находим в словарях: *geleta* (dial.) 'nádoba na mléko'⁷⁹, *geleta* (nář.) 'dřevěná dížka na ovci mléko'⁸⁰.

В моравских говорах, по-видимому, следует говорить об опосредствованных заимствованиях указанных слов; поскольку Моравия была последним (во времени и пространстве) районом, куда дошла "валашская" колонизация (см. ниже), то наличие романского этнического элемента приз-

⁶⁵ Štolc J. Nárečia troch slovenských ostrovov v MĽR. Bratislava, 1949, s. 34, 82; ср.: *geľatka* 'drevená nádoba na mast' (Palkovič K. Z vecného slovníka Slovákov v Maďarsky. – JŠ II, s. 327).

⁶⁶ Gregor F. Der slowakische Dialekt von Pilisszántó. Budapest, 1976, S. 220; ср. и: *galeta* 'nádoba, napr., na mast' (тот же р-н – FFUK).

⁶⁷ Bednárik K. Slovaci v Juhosláviji. Materiály k ich hmotnej a duchovnej kultúre. Bratislava, 1966, s. 78.

⁶⁸ Štolc J. Reč slovakov v Juhosláviji. Bratislava, 1968, s. 47.

⁶⁹ Dudok D. Nárečia Pivnice v Báčke. Martin, 1972, s. 35, 51, 60, 63.

⁷⁰ Kálal K., Kálal M. Slovenský slovník z literatúry aj nárečí. 1923. Banská Bystrica, 1923.

⁷¹ Janošik A., Jona E. Slovník spisovného jazyka slovenského. Turč. sv. Martin. 1946.

⁷² Slovensko-rysý prekladový slovník, І. Bratislava, 1950.

⁷³ Slovník slovenského jazyka, д. I. Bratislava, 1954.

⁷⁴ Bartoš F. Dialektický slovník moravský. Praha, 1905, s. 52; ср. и: *galeta* 'сосуд для доения' (Kott F. Dodatky k Bartošový Dialektickému slovníku moravskému. Praha, 1970, s. 23).

⁷⁵ Sverák F. Karlovické nárečí. Praha, 1957, s. 114.

⁷⁶ Štika J. Schalaschenwirtschaft in Ostmähren bis Mitte des 19. Jahrhunderts. – Viehwirtschaft, 281; там же упомянута форма *galata* (запись начала XIX в.) с указанием, что этот сосуд выдалбливался из дерева; ср. и в: Sl. nář., IX, 520.

⁷⁷ Štika J. Salašníství na Moravském Valašsku ve světle literárních pramenů do poloviny 19 st. – Etnografie polská, V, 1968, s. 91.

⁷⁸ Kulda B. Pohádky a povešti z Rožnovská. Praha, 1963, s. 53.

⁷⁹ Příruční slovník jazyka českého, I. Praha, 19.

⁸⁰ Slovník spisovného jazyka českého, I. Praha, 1960.

настся сомнительным⁸⁷; поэтому источник репрезентантов ⁺*gVlVta* следует видеть в других, нежели романские языках карпатского ареала.

В венгерском отмечаемые словарями и другими источниками соответсвия ⁺*gVlVta* являются диалектными словами; ср. в: *galeta* (с XVII в.), *gilitta*, *geleta*, *geléta*, *gelata*, *gelyáta*, *géléta*, *gajata*, *gajéta* и под. выступают со значениями: 'деревянный сосуд для молочных продуктов', 'маслобойка', 'подойник', 'ведро (для воды)', 'Hohlmäß von vier Scheffen' (MNyETSz), ср. и: *gelyeta* 'Milkgefäß' (обл. Черехат, р-н Дебрецен – Viehzucht, 353, 575), *geleta* 'то же' (обл. Палоци – Viehwirtschaft, 414)⁸², *galáta*, *gajata* 'сосуд (для овечьего молока)', *gelyáta* то же (обл. Альшофехер) (Herman 530, 704). В некоторых говорах Северной Венгрии, по данным ОКДА, – '*geleta* '(деревянный) сосуд для дойки овец', но и 'сосуд для сохранения молочных продуктов' и 'квашня' (ответы на в. № 178), в говорах чангэу: *galáta* (р-н Клуж – MN I, 449), *galáta* то же, *galíta* 'Melkeimer' (Трансильвания – Viehzucht 649, 346), *gelyata* 'сосуд для доения' (р-н Бистрица)⁸³, *geláta* 'Wassereimer', 'Melk ~'⁸⁴; также на территории Словакии: *géléta* 'сосуд для (хранения) жира' (обл. Нитра – MNy L, 216), *gelata* 'подойник' (Липтов – Негман, 695).

В венгерском репрезентанты ⁺*gVlVta* считаются в одних говорах заимствованием из словацкого, в других – из румынского языков (Nagy, 622).

В сербохорватском лексема ⁺*gVlVta* является узкодиалектной и отмечается в двух районах карпатской зоны. Это, во-первых, говоры Воеводины – область Югославского Баната: *gelata* 'деревянное ведро (16–18 л), куда сливают сдоенное молоко'⁸⁵, также *galjata* 'ведро для воды' (Popović, 103) – несомненное заимствование из румынского. Во-вторых, говор переселенцев-хорватов на юго-западе Словакии (р-н Братиславы): *galeta* 'сосуд для масла, творога' (с. Хорватски Гроб)⁸⁶, ср: запись Важного: *galjetka*, *geljetka* 'сосуд для жидкости, сала'⁸⁷ – как заимствование из словацкого⁸⁸.

В чакавских говорах метрополии фиксируется родственное слово *golida* 'drvena posuda za mlijeko' (Истрия)⁸⁹, также *golica* 'деревянный сосуд для доения', 'malen kablić kojim se crepe voda i iz koje se pije' (р-н Учка, Риека – ZbNZO XLII, 215; Skok); в словарях: *golida*, *-ica* 'маленький сосуд, в который доят или из которого пьют', 'деревянный сосуд для молока' (Хор-

⁸¹ Ср., например: Antoniewicz W. Dzieje badań pasterstwa górskiego w Polsce. – In: PTPP I, s. 16; см. также: Клепикова, с. 25.

⁸² Ср.: *galeta*, *gelata* 'сосуд для (хранения) творога, сыворотки, масла' (там же – Herman, 530)

⁸³ Nagy J. Contribuții la studiul influenței limbii române asupra lexicului graiului maghiar din com. Săratu (r-nul Bistrița). – In: Omagiu lui I. Iordan. Buc., 1958, p. 622 (далее – Nagy).

⁸⁴ Wörterbuch des ungarischen Moldauer Nordcsángó und des Hétfaluer Csán-góialekta. Helsinki, 1935.

⁸⁵ Филипович М. Банатске Хере. Нови Сад, 1958, с. 115.

⁸⁶ Václavík A. Podunajská dedina v Československu. Bratislava, 1925, s. 159.

⁸⁷ Vázny V. Čakavské nářečí v Slovenském Podunaji. Bratislava, 1927, s. 266.

⁸⁸ Фиксируемое РСХКН *galjeta*, *gaeta* 'корабль' (только *galjeta*, *gaete* то же – RHSJ, Skok) не связано с рассматриваемой лексемой; восходит к лат. *gayetana* (с XV в.), прилагательное к топониму *Gaeta* (обл. Кампания, Италия) (подробнее: Skok).

⁸⁹ Ribarić J. Razmjestaj južnoslovenskih dijalekata na poluotoku Istri. – СДЗБ IX, 148.

ватское Приморье — RHSJ; Skok), *голица*, *голидица* то же (р-н Сень — РСХКН);ср. и: *goličina* (augm.) (о. Хвар — Skok). Как указывалось выше, славянск. *golida* — заимствование из романского, через северноитальянские диалекты (венецианские, истрийские)⁹⁰. Переход *a* > *o*, вероятно, произошел на славянской почве.

Изоглосса лексемы *golida* продолжается и в словенских диалектах (*lesena posoda za molžo* — Bezljaj), также *ȝulīda* 'сосуд' (Идрия)⁹¹, *ȝulīdo*, *ȝulīdu*, *ȝulīdu* (р-н Нотрань)⁹², *golida* (р-н Долен, Крас, Резия — Skok). Словари также фиксируют: *gclida*, *golidica* 'Gelte', 'Melk ~', 'Schöpfgelte', 'Wasser ~', 'Weinmaß' (Pleteršnik), 'сосуд для доения' (SSKJ).

В болгарском фиксации лексемы ⁺*gVlVta*, вероятно, крайне редки, во всяком случае, мы располагаем лишь записью И. Кочева из р-на Силистры: *ȝəl'ata* 'сосуд для доения молока' — как несомненное заимствование из румынского⁹³.

Наконец, наличие лексемы в албанском как будто подтверждают некоторые словари, однако фиксируется иная, весьма далекая семантика,ср.: *galete* 'Loch, Graben'⁹⁴, *galête* то же⁹⁵; это заставляет например, Г. Мейера колебаться при сопоставлении албанского слова и отмеченных в других языках соответствий ⁺*gVlVta* ("... Aber die Bedeutung lassen sich nicht ohne Zwang vermitteln" — Meyer).

* * *

Таким образом, изучение функционирования репрезентантов ⁺*gVlVta* в карпато-балканском языковом ареале дает возможность сделать некоторые выводы, касающиеся их истории, или, по крайней мере, высказать суждения о хронологии появления указанного лексического элемента в тех или иных зонах ареала.

Знание географии репрезентантов ⁺*gVlVta* и, если не этимона, то "общего лингвистического источника"⁹⁶, позволяет квалифицировать все зафиксированные лексемы как "прямые" или "опосредственные" заимствования из восточнороманских языков (что должно способствовать разграничению проблемы происхождения явления и его распространения). Далее указанные заимствования могут быть стратифицированы, при этом речь идет как правило лишь об относительной хронологии. Статус "прямое" заимствование для репрезентанта ⁺*gVlVta* предполагается в диалектах, длительное время контактировавших (или контактирующих и в настоящее время) с восточнороманской языковой средой, например, в некоторых карпатоукраинских говорах (буковинских, гуцульских), венгерских говорах Трансильвании, в славянских анклавах на территории Румынии

⁹⁰ См. сн. 2.

⁹¹ Tominec I. Čtnovršku dialekt. Ljubljana, 1964, s. 94.

⁹² Rigler J. Južnonotranjski govor. Ljubljana, 1963, s. 99, 100, 103, 112.

⁹³ Кочев И. Гребенският говор в Силистренско. София, 1969, с. 108.

⁹⁴ Meyer G. Etymologisches Wörterbuch der albanesischen Sprache. Strassburg, 1891 (далее — Meyer).

⁹⁵ Mann S. An Historical Albanian-English Dictionary. London — New-York — Toronto, 1948.

⁹⁶ Это словосочетание, встреченное у О.Н. Трубачева, понимается нами как термин (см.: Трубачев О.Н. Лингвистическая география и этимология. — ВЯ, 1959, № 1, с. 26).

и Молдавии и т.д.⁹⁷. Во всех указанных (и подобных) случаях, при наличии одного источника – "восточнороманская языковая среда" – допускается множественность источников заимствования (= влияние различных групп восточнороманских диалектов) и многократность заимствования (= возможность разновременного появления этого элемента в нескольких зонах одной языковой территории) – в зависимости от времени, когда начались интенсивные маргинальные контакты или от времени появления соответствующих анклавов.

В ряде диалектных зон карпатского региона изученный восточнороманизм представляет собой "опосредованное" заимствование – как следствие постепенного смещения центров иррадиации явления и смены языка – "первоисточника" языком-посредником". Так, по крайней мере, для некоторых словацких говоров посредником в распространении ^{+g}VIta (как и целого пласта соответствующей апеллятивной лексики) выступали украинские говоры, для ряда венгерских – словацкие и под.⁹⁸

В качестве собственно лингвистических критериев, помогающих квалифицировать восточнороманские лексические элементы, и, в частности,резидентанты ^{+g}VIta в языках и диалектах ареала, выступает их фонетический облик (прежде всего модификация гласных 1-го и 2-го слогов), а также, в определенной степени, семантика.

Ареальное изучение карпатской (resp. карпато-балканской) лексики позволяет подойти к определению лексической системы языковых общностей, возникающих вследствие конвергентного развития (близко) родственных и неродственных языков. Представляется, что одной из таких особенностей указанных систем является отражение в них множественности источников заимствования и многократности заимствований. Более того – именно процесс этих многократных (и перекрещивающихся) заимствований является сущностью механизма формирования и функционирования подобных языковых общностей.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

АЛМ – Атласул лингвистик молдовенеск, в. 1. Кишинэу, 1968; в. 2, 1972; Дзендр. Спостереження – Дзендролівський Й.О. Спостереження над лексикою українських го-вірок Нижнього Подністров'я. – Наукові зап. Ужгородськ. держ. ун-ту, 1955, т. XIII. ДМР – Дикционар молдовенеск-руссек. Кишинэу, 1961; НЗ УГГІ – Наукові зап. українськ. технічно-гospодарськ. Ін-ту; НЗ МУК – Наукові зап. музея української культури у Свиднику. Пряшів; ОКДА – матеріали ОКДА: РСХНІ = РСА; СДЗБ – Списки диалектолошки зборник. Београд; ААФ – Aanuarul archivei de folclor. Cluj;

⁹⁷ "Прямые" заимствования из романских языков и рассматривавшиеся выше, но не связанные прямо с карпато-балканским ^{+g}VIta, чакавско-словенские параллели (*golida* и под.).

⁹⁸ Это согласуется с идеей, что на Карпатах специфической особенностью пастушеской (= "валашской") колонизации (в которой видят одну из экстралингвистических причин появления в языках ареала большого числа восточнороманизмов) была этническая (и лингвистическая) гетерогенность "валахов" – при ее гомогенности в экономическом отношении (подробнее см., например: *Vášek A. Sur la methodologie des recherches carpatologique linguistique*. – *Romanoslavica*, 1967, XIV, p. 14; *Krandžalov D. Valaši na Moravě. Materiály, problémy, metody*. Praha, 1963, s. 74, 76, 66–67; *Idem. Zum Frage des Ursprungs des Hirtenwesens und seines Wortschatz in den Karpaten*. – *Viehwirtschaft*, S. 230; *Chaloupecký V. Valaši na Slovensku*. Praha, 1949, s. 66; *Dobrowolski K. Die Haupttypen der Hirtenwanderungen in den Nordkarpaten von 14. bis 20. Jahrhundert*. – *Viehzucht*, S. 122; *Klepikova*, 24–26).

AIS – Jaberg K., Jid J. Sprach- und Sachatlas Italiens und der Südschweiz. I–VIII. Zofingen, 1928–1940; ALRM^at – Atlasul lingvistic român pe regiuni. Maramureş v. 7, 2. Bucureşti, 1969, 1972 (также материалы неопубликованных томов); ALR sn – Atlasul lingvistic român. Serie nouă, v. 1–8. Bucureşti, 1959–1974; ALRTrans – материалы регионального атласа Трансильвания (хранятся в г. Клуже); Battisti-Alessio – Battisti C., Alessio G. Dizionario etimologico italiano, 1 – . Firenze, 1951–; Bezraj – Bezraj F. Etimološki slovar slovenskega jezika, I. Ljubljana, 1976; Byhan. – In: Jahresbericht des Instituts der rumänischen Sprache, VI. Leipzig, 189; Candrea – Candrea I., Densușianu O. Dictionarul etimologic al limbii române. Bucureşti, 1907–1914; Diculescu – In: Dacoromania, t. IV. Bucureşti 1924–1926; DLR – Dictionarul limbii române, 1. Bucureşti, 1913 и сл.; Herman – Herman O. A magyar pásztorok nyelv kincse. Budapest, 1914; Gotăb – In: Македонски јазик, X. Скопје, 1959; JST – Jazykovedné štúdie. Bratislava; LR – Limba română. Bucureşti; Lud – Lud. Kraków; MAAE – Materiały archeologiczno-anthropologiczno-etynograficzne. 1. Kraków; MALR I – Pop S. Micul atlas lingvistic român, p. I, v. 1. Cluj, 1938; MALRsn – Micul atlas lingvistic român. Serie nouă, I–III. Cluj, 1956–1972; MNy – Magyar nyelv. Budapest; Pam TT – Pamiętnik Towarzystwa Tatrzańskiego. Kraków; Popović – In: Godišnjak. Centar za balkanološki ispitivanja, II. Sarajevo, 1966; Pušcariu – Pušcariu S. Etymologisches Wörterbuch der rumänischen Sprache, I. Heidelberg, 1905; RHSJ = RJA; RWF – Rozprawe i sprawozdania z posiedzeń Wydziału filologicznego PAU. Kraków; Schorta – Schorta A. Rätschen Namensbuch, Bd. 2. Etymologie. Bern, 1964; SKJ – Sprawozdania Komisji językowej. Kraków; Sl. nár. – Slovensky národopis. Bratislava; Sz. – Széztoarea. Fälticeni; Viehzucht – Viehzucht und Hirtenleben in Ostmitteleuropa. Budapest, 1961; Viehwirtschaft – Viehwirtschaft und Hirtenkultur. Budapest, 1969; Wartburg – Bloch O., Wartburg W. Dictionnaire étymologique de la langue française. Paris, 1927; ZbNŽO – Zborník žá narodní život i običaje Južní Slavena. Zagreb.

Остальные сокращения см. в издании Института русского языка АН СССР "Этимология".

С. В. СЕМЧИНСКИЙ

РЕГИОНАЛЬНАЯ И ПОГРАНИЧНАЯ ИЗОСЕМИЯ

ИНТЕРФЕРЕНЦИОННОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

В РУМЫНСКОМ ЯЗЫКЕ

1.1. Межъязыковой изосемией нами было названо такое явление, при котором отдельные слова различных языков обнаруживают изоморфность своей эксформы (= фономорфологической внешности) при одинаковом значении или идентичность (полную или частичную) семантической структуры многозначных слов. Явление межъязыковой изосемии (МИ) по-разному проявляется в конкретных языках и возникает оно в связи с различными причинами¹.

1.2. С одной стороны, МИ может возникнуть в родственных языках в результате наследования лексического материала от общего языкового источника. Если в этом лексическом материале семантическая структура полисемичных слов не подвергается значительным изменениям, то на ее основе и возникает та разновидность МИ, которую называют генетической. Так, если представители слав. **baba* обладают в южнославянских и ряде восточно- и западнославянских языков не только значением 'старая женщина', но и 'повивальная бабка, акушерка'², то следует предположить, что такая

¹ Семчинський С.В. Семантична інтерференція мов. На матеріалі слов'яно-східноруманських мовних контактів. Київ, 1974, с. 4.

² См.: Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд, вып. 1. М., 1974. с. 105–107. Иных значений соответствий **baba* в славянских языках мы здесь не касаемся.

связь значений унаследована этими языками из общего источника, а не возникла в каждом языке независимо от других языков.

1.3. С другой стороны, на основе общечеловеческой способности к ассоциациям одинаковые связи между единицами плана выражения и плана содержания в разных языках могут возникать вполне самостоятельно. Ни общим генетическим материалом, ни языковыми контактами нельзя, например, объяснить одинаковую семантическую связь наименований 'игольного ушка' и 'глаза' в английском и туркменском языках (ср.: англ. *eye* и *göz*); это — независимая ассоциативная изосемия.

1.4. Между генетической и независимой располагается еще одна разновидность межязыковой изосемии, причина возникновения которой в языковых контактах, — интерференционная изосемия. Ее появление объясняется стремлением билингвов устранять семантическую асимметрию лексических единиц, принадлежащих языкам, которыми они владеют. Предки современных восточнороманских народов унаследовали из латыни для наименования 'ночного небесного светила' и 'единицы счета времени (месяц)' два разных слова — *luna* и *mensis*. Славяне обозначали оба понятия единым словом *мѣсяцъ*. Те из них, которые в результате контакта с восточными романцами оказались двуязычными, обнаруживали различия между славянским и романским типом номинации. Процесс славяно-восточнороманско-го двуязычия, длившийся несколько веков, привел к выравниванию типа номинации по славянскому образцу, и в современном румынском языке естественный спутник земли и одна из единиц календаря обозначаются словом *luna*. Заслуживает внимания, что из двух романских названий было сохранено не *mensis*, этимологически близкое слав. *мѣсяцъ*, а *lună*. Впрочем, арумынский не знает подобной интерференции, в нем есть *lună* и *mes*³.

Межязыковая интерференционная изосемия может иметь и другие формы проявления. Так, рум. *tăciune*, молд. тэчунэ обозначают и 'обуглившееся полено', и 'грибковое заболевание хлебных злаков', — совершенно так же, как русск., укр. *головня*, болг. *главня*, с.-хорв. *главња*, польск. *głownia* и др., при том, что лат. *titio* (> рум. *tăciune*, молд. тэчунэ) обозначало лишь 'обгоревшее полено'; для сравнения укажем, что данная болезнь растений в других романских языках называется словами, не связанными с наименованиями 'головни', ср. фр. *nielle*, ит. *gópre*.

1.5. Следует добавить, что расширение контактов между народами, особенно усилившееся в последние века и десятилетия, приводит к образованию интернациональной изосемии, — процессу, параллельному интернационализации лексики. В орбиту этого процесса втягиваются во все большем масштабе неблизкородственные и совсем неродственные языки. В качестве примера подобного явления назовем связь значений, отмечаемую едва ли не во всех литературных языках: 'левый — антоним к правому' и 'левый — передовой, прогрессивный, революционный'.

1.6. Если интернациональная изосемия — высшая ступень проявления данного процесса, то его начальную стадию можно проследить на уровне отдельных говоров и наречий, и более того — в идиолектах отдельных двуязычных индивидуумов. Интерференция возникает первоначально в речи

³ Papahagi T. Dicționarul dialectului aromân general și etimologic. București, 1974, p. 753, 754.

одного билингва, но она приобретает "языковое" значение, когда распространяется через речь билингвов к одноязычным представителям данного языкового коллектива. Ниже рассматриваются главным образом явления, зафиксированные в лингвистических источниках как характерные для меньших, чем национальный язык, образований (диалект, говор, наречие).

1.7. Изучение МИ приобретает особое значение в силу того, что она является одним из путей сближения лексики разных языков, языкового ви-дения мира разных народов. Семантическое заимствование (семантическое калькирование, семантическая индукция) – один из процессов языкового взаимодействия, ведущего к обогащению языка. Он состоит в том, что унаследованное слово под влиянием полисемии иноязычного слова, с которым оно совпадает в одном или нескольких значениях, усложняет свою семантическую структуру, приобретая новые значения, известные данному иноязычному слову.

К сожалению, лингвисты еще не уделяют этому явлению достаточного внимания. Семантические заимствования очень редко отмечаются в этимологических словарях, что ведет к неправильным представлениям об истории того или иного слова и лексики в целом⁴. Представляется, что семантические заимствования в определенной мере содействовали формированию "лексической специфики" отдельных говоров того или иного языка. Ниже этот тезис подтверждается примерами из румынских наречий. Внимание обращается преимущественно на факты, появление которых можно связывать с румынско-славянским языковым взаимодействием.

2.1. В 1958 г. румынский славист И. Пэтруц, вслед за акад. И. Иорданом, высказал точку зрения, согласно которой современное диалектное членение румынского языка вызвано не только внутренними, но и внешними причинами, в том числе иноязычными влияниями.

2.2. Автор рассмотрел главным образом фонетические черты румынских говоров, возникновение которых он связывает со славянским и венгерским влиянием. Так, отвердение переднеязычных смычных в валашских говорах, по его мнению, объясняется болгарским влиянием, смягчение тех же согласных в говорах Трансильвании вызвано влиянием венгерского языка, переход переднеязычных зубных в аффрикаты в Банате не без оснований связывается с аналогичным явлением в сербских говорах и т.д.⁶

2.3. Затрагивает И. Пэтруц и вопрос о лексических особенностях пяти основных наречий румынского языка, отмечая, что в общих чертах дистрибуция лексических диалектизмов совпадает с фонетическими изоглоссами. Например, заимствования из новоболгарского языка чаще представлены в валашском (мунтенском) наречии, в то же время украинские заимствования фиксируются преимущественно в наречиях Молдовы и Марамуреша, банатский говор характеризуется лексическими заимствованиями из сербохорватского и под. Естественно, что ареалы распространения тех или иных лексических заимствований могут и не совпадать с границами диалектных фонетических явлений, однако в целом наблюдение И. Пэтруца

⁴ Семчински С.В. Данните на българските народни говори и румънски думи с латинско-славянска етимология. – Език и литература, 1973, кн. 2, с. 11–22.

⁵ Iordan I. Limba română contemporană. Bucureşti, 1956, p. 168.

⁶ Pătruț I. Influences slaves et magyares sur les parlers roumains. – Romanoslavica. I. Bucureşti, 1958, p. 31–43.

следует признать правильным. К этому можно только добавить, что такая же закономерность характеризует не только лексические заимствования, но и заимствования семантические.

3.1. Выше указывалось (см. сн. 4), что явление болгарско-румынской межъязыковой изосемии интерференционного происхождения уже исследовалось. К приведенным примерам добавим теперь и некоторые иные.

Крючковатый нос человека ("орлиный") или же клюв птицы в румынском литературном языке обозначается прилагательным *coroiat*, но в отдельных валашских говорах, соседствующих с болгарской языковой территорией, для обозначения данного понятия используется выражение *nas adus* (ALR II, № 18), которое соответствует болг. *наведен нос* (> *наведа* 'наклонить'). Таким образом, рум. *a aduce*, основным значением которого является 'принести, приводить' претерпело семантические изменения в результате его отождествления билингвами с болг. *приведа* 'привести', но и 'наклонять' (ср. тя *приведе глава* 'она наклонила голову', *той ходи приведен* 'он ходит склоненный').

Глагол латинского происхождения *a arunca* означает 'бросать, метать', но в южном наречии румынского языка он приобрел и значение 'сажать (хлеб в печь)' (ALRM sn, № 868). Последнее значение известно и арумынскому. Вполне вероятно, что оно могло быть заимствовано из болгарского, где *метна* обладает обоими упомянутыми выше значениями.

Исключительно в говорах Олтении (= Малой Валахии) слово *cotoi* 'кот' используется и для обозначения обжаренной куриной ноги. Аналогичная связь значений обнаруживается и в болг. *котка* 'кошка', 'кусок мяса, которым одаривают колядников'⁷. Возможно, что в болгарском второе значение связано с глаголом *коткам* 'угождать, относиться с вниманием'. Во всяком случае, возникает предположение, что в румынских говорах обозначение словом *cotoi* и 'куска мяса' вызвано семантическим заимствованием из болгарского (тем более, что среди семантических заимствований из болгарского в румынский есть и другие метаформы – название продуктов питания).

В части говоров Олтении 'грыжа' называется *surupătură*, а больной этой болезнью – *surupat* (NALR Olt., № 137, 139). Глагол *a surupa* < лат. *subrumpare* почти нигде в Румании не сохранился, за исключением восточнороманских языков. Его основное значение – 'обваливать, разрушать', развившееся из 'сбрасывать вниз' (ср. ит. *dirupare*). Но в южных румынских областях у него появилось новое, связанное с народным видением упомянутой болезни, значение. Аналогичный принцип номинации отмечается и в болгарских говорах, ср. *спадам* 'падать', 'валиться', 'уменьшаться', а также и 'болеть грыжей'⁸. Такая МИ, конечно же, может быть интерференционного происхождения.

Слово *car* 'воз' в румынском языке – наследие латинского, однако названия отдельных частей этого средства передвижения являются заимствованиями: *bucă*, *loitră*, *orcic*, *osie*, *profap*, *șină*, *vîrtej* и др. Ступица колеса в румынском литературном языке и в большинстве говоров обозначается словом неясного происхождения *butuc*, в отдельных районах – словом

⁷ Българска диалектология. Проучвания и материали, V. София. 1970, с. 123.

⁸ Българска диалектология. Проучвания и материали, III, София, 1967, с. 169, 276.

bucium (< лат. *bucinum*). Но в Южной Румынии эта часть колеса называется *căpăfină* (ALR sn, № 340: NALR Olt., № 386). Относительно происхождения этого слова высказывалось предположение, что оно восходит к незасвидетельствованному в памятниках лат. **capitina*. По нашему мнению, прав А. Чоранеску, полагающий, что более вероятно собственно румынское образование этого слова как экспрессивного от *cap* 'голова'⁹. В болгарских говорах также засвидетельствовано экспрессивное образование от *глава* – *главина*¹⁰. Основное значение последнего, фиксируемое толковыми словарями, – 'част на колело, в която се вкарват спиците и оста'¹¹. Подобное образование известно и сербохорватскому языку. О том, что именно от южных славян заимствована в валашских говорах румынского языка внутренняя форма этого слова и что, следовательно, процесс шел не в обратном направлении, свидетельствует, наряду с территорией распространения указанного румынского слова, и фиксация этой метаформы в других славянских языках, ср. укр. *голова*, *головка*, чеш. *hlava*. Албанцы также заимствовали от славян данное название, но в виде непосредственного лексического заимствования – *gllavine*¹²; ср. в этой связи и венг. *kerékagy*). В то же время в западнороманских языках названия ступицы колеса либо имеют иную внутреннюю форму, либо вообще ее утратили (ср. исп. *cubo*, ит. *тоззо*, фр. *тоуеи*). Территория распространения рум. *căpăfină* в основном совпадает с ареалом валашской диалектной зоны. Отсюда возникает заключение, что данный термин – калька южнославянского, а точнее – болгарского происхождения. Можно установить лишь относительную хронологию указанного семантического заимствования, имея в виду, что арум. *căpăfină* не употребляется в значении 'ступица колеса'¹³. Исторумыны, как и албанцы, пользуются для обозначения рассматриваемого понятия непосредственным заимствованием из славянского – *oъlavindъ*.

Количество примеров подобного рода можно увеличить, однако и приведенных достаточно, чтобы подтвердить тезис о том, что в лексико-семантической сфере валашского (мунтенского) диалекта румынского языка отразились семантические заимствования из болгарского языка. Одни из них распространились на значительной части этого диалектного ареала, другие известны только в определенных районах и в пограничной зоне. Территория распространения МИ может быть в известной степени и аргументом в пользу более давней или более новой хронологии заимствования.

3.2. Выше отмечалось, что формирование банатского говора румынского языка не может рассматриваться вне зависимости от влияния, оказанного на него сербскими говорами. Как известно, и ныне в Банате сохраняется значительный сербский этнический элемент, что определяет интенсивное румынско-сербское взаимодействие. Ниже приводятся примеры МИ.

Румынский глагол *a direge* в Банате фиксируется со значением 'дубить

⁹ Cioranescu A. Diccionario Etimologico Rumano. La Laguna, 1958, p. 137.

¹⁰ Българска диалектология. Проучвания и материали, II. София, 1965, с. 144.

¹¹ Андрейчин Л., Георгиев Л. и др. Български тълковен речник. София, 1963; ср.: Български диалектен атлас, I. София, 1964, карта 264; Българска диалектология, III, с. 50, 208, 296; IV, с. 196; V, с. 15, 226.

¹² Десницкая А.В. Славянские заимствования в албанском языке. М., 1963, с. 11.

¹³ Papahagi T. Op. cit., p. 340.

(шкуры)’ (ALR sn, № 531). Это значение, как показывает его ареал, заимствовано из соседних сербских говоров, в которых чинити среди других имеет и значение ‘дубить’. Семантическое заимствование произошло на основании идентификации билингвами значений ‘делать’ сербского чинити и соответствующего ему лат. *dirigere*, в связи с чем последний в речи двуязычных индивидов приобрел значение ‘дубить’, которое затем получило распространение и в речи монолингвов.

В румынских говорах Баната понятие ‘варить водку’ (= ‘гнать самогон’) обозначается глаголами, основное значение которых – ‘печь’, ‘жарить’: *a coace, a frige* (ALR sn, № 250); действие, связанное со вторичной перегонкой, в тех же районах обозначается глаголом *prefrige* ‘перепечь’, ‘пережарить’ (ALR sn, № 252). Несомненно, что такое употребление слов латинского происхождения отражает семантическое заимствование из сербских говоров, ср. *peñi (препенї) rakiјu*.

В Банате жениха называют *tinăru* ‘молодой’, невесту – *tinărdă* ‘молодая’. Вполне возможным является самостоятельное развитие данных значений, но региональная ограниченность этого семантического явления, а также наличие в соседних сербских говорах слов *млад, млада* с теми же значениями свидетельствуют в пользу семантической интерференции славянского происхождения. В западнороманских языках понятие ‘молодые’ передается словами с другими корнями, ср. фр. *nouveaux*, ит. *novelli*, исп. *recién casados, desposados*. Интересно, что в венгерском ‘молодые’ называются ‘новыми’ – *új*.

Иногда сербские семантические заимствования распространяются и за пределами банатского говора румынского языка. Примером подобного рода может служить одно из народных названий млечного пути – *piale* (букв. ‘солома’). Известна народная легенда, лежащая в основе этого наименования: крестник (или же кум, поп, цыган) уворовал у своего крестного отца (кума и под.) солому (сено), но, везя ее домой, оставил след и по нему был обнаружен – этот соломенный след запечатлен на небесном своде¹⁴. Румынский славист Э. Врабие пришел к выводу, что название *piale* (*figanului*) ‘млечный путь’ – это “местная адаптация балканского наименования, которое в свою очередь имеет восточное происхождение и было распространено, по крайней мере частично, турками”¹⁵. Это мнение поддерживает и М. Божан, написавшая работу о румынских народных названиях млечного пути¹⁶. Восточное происхождение указанного метафорического наименования можно считать несомненным, ибо млечный путь называется ‘соломенной дорогой’ не только у турок (*zatanyolu*), но и у арабов (*darbu't tibni*), узбеков (*сомон ўули*) и других народов Востока. Территориальное распространение этого термина и легенды (главным образом – Банат, Трансильвания, Марамуреш) дает возможность уточнить пути их проникновения в румынский язык. Вряд ли можно считать, что упомянутая легенда и соответствующее метафорическое название получены румынами непо-

¹⁴ Candrea I.-A., Adamescu Gh. Dicționarul enciclopedic ilustrat. – Cartea românească. București, 1932, p. 887.

¹⁵ Vrabie E. Termini bazați pe metafore, la români și la alte popoare. – In: Studii de slavistică, v. 1. București, 1969, p. 96.

¹⁶ Bojan M. Numiri populare românesti pentru Calea lactee. – Cercetări de lingvistică (Cluj). 1970, № 1.

средственно от турок. Данные лингвистической географии, приведенные в статье М. Божан, свидетельствуют, что румынские названия млечного пути с корнем *rai-*, генетически связаны с сербохорватским языком, ср. с.-хорв. *кумовска слама*; здесь же упомянем болг. *кумова слама*, *кумово сено*, *попова слама*, *попово сено*, макед. *кумова слама*, алб. *kash'ta e kum-tërit*, ср. и арум. *kalea pal'elor* (букв. 'соломенная дорога')¹⁷. С продвижением легенды на север *кум* превращается то в крестника, то в цыгана, то служит основанием для образования названий типа *drumu-figanului* 'дорога цыгана', *calea-figanului* 'путь цыгана', *urta-figanului* 'след цыгана'. Приведенные факты позволяют подвергнуть сомнению гипотезу В. Богри о появлении названия *drumu-figanului* из *drumul-robilor* 'путь рабов' на основании якобы имевшей место синонимии слов *figan* и *rob*¹⁸. Что же касается появления указанной легенды у сербов, то она могла быть заимствована либо непосредственно от турок, либо, что вероятнее, от соседних народов – болгар, македонцев, албанцев. Таким образом, балканизм может быть наследием "субстрата", но и результатом заимствований, последовательно распространявшихся среди народов Балканского п-ва.

3.3. Наряду с рассмотренными выше семантическими заимствованиями румынских говоров из южнославянских языков, в народной румынской речи можно установить следы семантической интерференции, являющейся следствием восточнославянско-восточнороманского взаимодействия. Соответствующие языковые факты прослеживаются преимущественно на территории исторических областей Молдовы, Буковины и Марамуреша, где они представлены или повсеместно, или в отдельных районах.

В северных районах Румынии режущая часть лезвия косы называется *ascuțit* (ср.: *a ascuțî* 'острить', см.: ALRR Mar, № 49 и ALR sn, № 835). Такое наименование могло возникнуть и самостоятельно, однако, если учесть, что в других местах данное понятие передается словами *tăiș* (ср. *a tăia* 'резать') или *gură* 'рот' (собственно румынская метафора), то можно предположить связь между подобным способом номинации и "славянским" видением мира. Упомянем, что в соседних славянских языках это понятие обозначается сходным образом: укр. *вістря*, польск. *ostrze*, слвц. *ostrie*; они же, как и рум. *ascuțit* используются и для обозначения лезвия топора (ср. ALRM sn, № 340). Кстати, и понятие 'острый умом', в Марамуреше передается отлагольным прилагательным (из причастия) *ascuțit* (*la minte*), хотя в литературном языке и в большинстве румынских говоров употребляется прилагательное *ager* (< лат. *agilis*) (ALR sn, № 911).

Еще одним заимствованием славянского происхождения является семантика глагола *a fierbe* 'сваривать (о металле)' в народных говорах (тогда как в литературном румынском языке закрепилось заимствование из французского) – ALR sn, № 549. Заимствование значения опиралось на идентификацию значения *a fierbe miñcarea* 'варить еду' и слав. *варити*. В молдавских говорах *a fierbe* приобрело и значение 'переваривать пищу': *stomacul fierbe miñcarea* (ALR II, № 101).

Характерным признаком говоров Молдовы является значение 'дядя' слова *toș*, в других говорах оно обозначает 'дед'. Указанное семантическое

¹⁷ Grai și suflet, IV. București, 1929, p. 68.

¹⁸ Bogrea V. Pagini istorico-filologice. Cluj, 1971, p. 82.

изменение, вероятно, имеет какую-то связь со значением репрезентантов слав. **dēdъ*; во всяком случае, в.-слав. дядя и дед связаны между собой¹⁹. В польском *dziad* 'дед', а *dziadko* 'дядя'; в части югозападных украинских говоров *dido* обозначает 'муж сестры отца', понятие же '(родной) дед' передается уменьшительным (гипокористическим) наименованием *di-dusъ(o)*²⁰. В молдавских говорах понятия 'дед' (= 'отец отца'), 'дядя' (= 'брать отца или матери') и 'пожилой мужчина' выражаются словами *bunic*, *moş* и *moşneag* соответственно (ALRM I, № 232, 233, 273). Изменение значения 'дед' → 'дядя' в слове *moş* представляется связанным с весьма древним восточнославянским влиянием. Вспомним, что территория, на которой засвидетельствован указанный семантический диалектизм, входила некогда в состав Галицкого княжества. В Олтении *moş* означает 'дед' (NALR Olt., № 152), 'пожилой мужчина' (NALR Olt., № 153) и даже 'супруг акушерки'²¹, но никогда не используется в значении 'дядя'.

Глагол *a unge* 'смазывать, мазать' унаследован с этим значением из латыни, но его сочетаемость и семантическая структура в румынских народных говорах изменились; теперь, например, этот глагол выступает и в значении 'выпачкать(ся) кровью' (ALR sn, № 1369), хотя в других говорах и в литературном языке это понятие передается иными словосочетаниями. Словосочетание *a se unge de singe* употребляется в районах украинско-восточнороманских языковых контактов (Буковина, Марамуреш). Глагол *a se unge* употребляется также в сочетании со словами, обозначающими сажу (ALR sn, № 1455), изоглосса этого языкового явления проходит вблизи украинского лингвоареала.

По свидетельству лексикографических источников и исследования М. Бэческу, в северо-восточных румынских говорах название бекаса — метаморфического происхождения: *berbecel*²² (ср.: *berbec* 'баран'). Вероятно, данная метафора — семантическое заимствование, ибо уменьшительная форма названия барана употребляется в качестве обозначения бекаса в соседних славянских языках, ср. укр. *баранець*, *баранок*, *баранчик*, русск. *барашек*, *баранчик*, польск. *baranek*.

Результатом семантической интерефенции являются и некоторые румынские диалектные названия птицы королька; одни из них — структурные кальки, другие воссоздают внутреннюю форму иноязычного наименования. Так, название *amăgiitoare* (ср. *a amăgi* 'обманывать') соотносится по внутренней форме с украинскими диалектными терминами *зводій*, *зводитель*, *дурійчик*, *дурібаба*, *дурисвіт*, *облуда*, *блудник*, обозначающими королька. Название *gojicel* (ср. *goarece* 'мышь') повторяет укр. *мишка*, *миша-чок* 'королек'. Ряд других румынских диалектных названий королька — *gărdurar*, *gătejel*, *ciocljejel* подобны украинским наименованиям *ломівник*, *ломовик*, *плотик*, *поллоток*. Еще одно название этой птички — *nisciliță* — соответствует кр. *горішок* (ср. *nisă* 'орех'), *a firitoare* (ср. *a firii* 'треп-

¹⁹ Филин Ф.П. О терминах родства и родственных отношений в древнерусском языке. — Язык и мышление, 1948, XI, с. 338; Ср.: Трубачев О.Н. История славянских терминов родства. М., 1959, с. 69, 85.

²⁰ Бурячок А.А. Із спостережень над лексикою української мови (Назви спорідненості і своєцвта). — Українська мова в школі, 1956, № 6, с. 68.

²¹ Glosar dialectal. Olteția. București, 1967, p. 69.

²² Băcescu M. Păsările în nomenclatură și viața poporului român. București, 1961, p. 34.

щать') — Укр. *тріщук*. Возможно, отдельные из упомянутых румынских названий могли появиться и вполне самостоятельно, но соответствующие изоглоссы охватывают только тот ограниченный регион, где интенсивнее всего проявляются результаты восточнороманско-восточнославянских языковых контактов, поэтому надо полагать, что скорее всего они связаны именно с указанным языковым взаимодействием. Тем более, что в иных районах Румынии птичка королек имеет совершенно другие названия.

В связи с темой нашей статьи рассмотрим и возможные объяснения румынского диалектного названия фиалки — *toporaș*, которое совсем недавно привлекло к себе внимание исследователей. Х. Кюнель высказал предположение о немецком влиянии на возникновение ботанического значения указанного слова (основное значение слова *toporaș* — 'маленький топор, топорик', ср. *topor* 'топор'). По его мнению, решающей оказалась паронимия немецких слов *Welchen* 'фиалка' и *Beilchen* 'топорик'²³. Против такого объяснения выступил И. Иордан, считающий, что румынское народное название фиалки возникло самостоятельно по ассоциации между формой цветка и маленьким топором²⁴.

В румынских говорах есть немало наименований растений, которые созданы по ассоциации формы цветка, листа или всего растения с различными объектами, ср. *creasta-cocozului* (букв. 'петушиный гребень'), *țăropiță* (букв. 'маленькое копье'), *sageata-apei* (букв. 'водная стрела'), *rungulijă* (букв. 'кошелек'), *scînte(i)ușă* (букв. 'искорка'), *urechea-iepurelui* (букв. 'заячье ухо'), *lumînarică* (букв. 'свечечка'), *săbiuță* (букв. 'сабелька'), *căldărușă* (букв. 'ведерко'), *talpa-gîștii* (букв. 'тусинная ступня'), *degejel* (букв. 'пальчик'), *coada-mielului* (букв. 'хвост ягненка'), *mărgelucă* (букв. 'бусинка'), и др. С другой стороны, название колокольчика во многих языках Европы обладает идентичной внутренней формой, ср. русск. колокольчик, укр. дзвінчик, болг. камбанка, с.-хорв. звонце, польск. *dzwonek*, чеш. *zvonek*, англ. *bellflower*, нем. *Glockenblume*, фр. *clochette*, ит. *campanella*, исп. *campanilla*, порт. *campainha*, греч. *καμπανέλι*, венг. *harangvirág*, тур. *çançiceğî*, так и научное (латинское) название — *Campanula* L. Эти названия, таким образом, являются производными от слов, обозначающих в соответствующих языках 'колокол'. Трудно предположить моногенез внутренней формы названий колокольчика в указанных языках, хотя и отрицать его также невозможно, поскольку цветок данного растения действительно похож на 'маленький колокол', — предмет, хорошо известный многим народам. Однако трудно отрицать в том или ином случае иноязычное влияние, особенно, если отмечается интенсивное взаимодействие языков. Поэтому в случае с названием *toporaș* можно говорить и о независимом возникновении его в румынском, и о том, что появление его — следствие иноязычного влияния.

Прежде всего следует отметить, что значение 'фиалка' слово *toporaș* не является общенародным. "Малый атлас румынской флоры", например, вообще не отмечает ни одного растения с таким названием²⁵. С другой стороны, "Этноботанический словарь" А. Борзы фиксирует данное наименование как обозначение различных растений — особенно некоторых видов

²³ Kühnel H. Note etimologice. — Limba română, 1979, XXVIII, № 3, p. 237.

²⁴ Iordan I. Note lingvistice. Toporaș. — Limba română 1980, XXIX, № 2, p. 161–162.

²⁵ Todor I. Micul atlas de plante din flora Republicii Socialiste România. București, 1968.

семейства фиалковых: *Viola hirta*, *Viola jooi*, *Viola mirabilis*, *Viola odorata*, *Viola silvestris*, *Viola suavis*, *Viola tricolor*, но также и некоторых других видов растений: *Aquilegia vulgaris*, *Consolida ajacis*, *Consolida regalis*, *Libanotis montana*, которые сходны с фиалками формой или цветом лепестков и цветов²⁶. Это положение подтверждается данными энциклопедического словаря И.-А. Кандри и Г. Адамеску, свидетельствующего, что название *toporaș* используется в народных говорах для обозначения растений *Viola odorata*, *Viola hirta*, *Viola jooi*, *Viola tricolor*, *Aquilegia vulgaris*, *Delphinium consolida*, *Delphinium ajacis* и *Libanotis montana*²⁷. Принимая во внимание, что название *toporaș* для растения *Libanotis montana* (русское народное название – ‘порезник’) было зафиксировано, по нашим сведениям, только один раз²⁸, а в других говорах это растение обычно называют *tămioară*, можно допустить, что значение ‘порезник’ у слова *toporaș* появилось в результате синонимической аттракции. Отметим также, что в диалектах словом *tămioară* обозначают различные виды фиалок (*Viola jooi*, *Viola hirta*, *Viola odorata*, *Viola tricolor*).

Упомянутый словарь И.-А. Кандри и Г. Адамеску не указывает области, где чаще употребляется народный ботанический термин *toporaș*. Любопытное указание на этот счет можно найти в словаре Х. Тиктина: *toporaș* в ботаническом значении локализуется в Молдове и соответствует народному термину *tișcineea*, бытующему преимущественно в Мунтении (Валахии)²⁹. Такого же мнения и И. Иордан³⁰. Об этом же говорят и румынские лингвогеографические источники, ср. распространение слова *toporași* (мн.ч.) в значении ‘фиалка’ исключительно в Молдове (ALRM sn, № 449, ALR sn № 642). К сожалению, нам не удалось разыскать лингвистические карты, отражающие территориальное распространение народных наименований растений *Aquilegia vulgaris*, *Consolida ajacis*, *Consolida regalis*, поэтому неясно, в каких районах локализуются названия *toporași* (*toporisi*, *toporici*); следует иметь лишь в виду, что научные названия *Consolida* и *Delphinium* являются синонимическими.

Распространение *toporași* как ботанического термина в Молдове, т.е. там, где ярче всего проявляются результаты восточнороманско-восточнославянского языкового взаимодействия, в том числе румынско-украинского, привело нас к поискам слов с аналогичной внутренней формой в языках восточных славян, в частности, в украинском.

Новейший словарь украинского языка регистрирует существительное *сокирки* как название растения *Consolida*³¹; слово представляет собой мн.ч. (или pl.t.) от деминутива *сокирка* ‘маленький топор’ (< *сокира* ‘топор’ < слав. **sekyra*, родственного лат. *securis* то же)³². В словаре Б. Гринченко фиксируется несколько ботанических названий – *сокирка* 1) *Delphinium consolida*, 2) *Vicia sepium*, 3) *Delphinium ajacia*, 4) *Matthiola annua*³³.

²⁶ Borza A. Dicționar etnobotanic. București, 1968.

²⁷ Candrea I.-A., Adamescu Ch. Op. cit., p. 1313.

²⁸ Crăiniceanu G. Nomenclatura româno-latînă din istoria naturală. II. Nomenclatura botanică. – Convorbiri literare, XXIII. București, 1889–1890.

²⁹ Tiktin H. Rumänisch-deutsches Wörterbuch, Bd. III. Bukarest, 1924, S. 1624.

³⁰ Iordan I. Op. cit., p. 161.

³¹ Словник української мови, т. IХ. Київ, 1978, с. 438.

³² Фасмер М. Этимологический словарь русского языка, т. III. М., 1971, с. 592.

³³ Гринченко Б. Словарь украинской мови, т. IV. Київ. 1909, с. 165.

Можно было предположить, что в западноукраинских говорах это — семантическая калька по восточнороманскому образцу, однако запись термина *сокирки* в Лубенском районе Полтавской обл. и в других местах Левобережной Украины, как и использование данного народного ботанического термина в произведениях писателей — выходцев из восточных областей Украины, как будто исключают возможность румынского влияния на украинский язык в таких широких масштабах. Более того: слово *сокирки* засвидетельствовано и в русском языке именно для обозначения того же растения *Delphinium*³⁴.

Все это дает основание говорить о семантическом влиянии восточнославянских говоров на те восточнороманские диалекты, которые в настоящее время используют слово *toporasi* для обозначения растений семейства лютиковых (куда входят *Consolida* [= *Delphinium*]). Влияние это, вероятно, и ограничилось использованием данного наименования для обозначения представителей семейства лютиковых, а позже, уже в самих восточнороманских говорах, название *toporasi* было перенесено и на растения семейства фиалковых. Конечно, как указывалось выше, речь идет о гипотезе, которая не может исключить и независимое появление в этих говорах ботанического значения слова. Во всяком случае, очевидно, что на территории Румынии существовали (resp. существуют) говоры, в которых *toporasi* и *viorele* — это обозначения различных лесных цветов; об этом говорит и анализ соответствующего отрывка из "Воспоминаний детства" классика румынской и молдавской литературы И. Крянгэ, из которого совершенно ясно, что данные названия обозначают разные цветы³⁵. Таким образом, например, в говоре с. Хумулешти (у. Нямц), откуда родом И. Крянгэ, существовала лексическая оппозиция *toporă* — *viorea*. Со временем на основе смешения формы и цвета цветков название *toporă* было перенесено на фиалку. Этот перенос известен только говорам Молдовы, и в этом случае вряд ли можно говорить об украинском семантическом (resp. словообразовательном) влиянии; что касается названия *toporasi* для 'шпорника' (*Delphinium*) и для 'живокостя' (*Sympodium off.*), то его появление в восточнороманских говорах можно объяснить взаимодействием внешней (= семантическое калькирование) и внутренней (= ассоциация между формой цветка и очертаниями топора) причин.

Мы остановились так подробно на этом примере, так как в нем отражается вся сложность выявления семантической интерференции при языковых контактах. Процесс номинации — всегда весьма сложное переплетение внутриязыковых, внешнеязыковых и внеязыковых факторов, в котором бывает порой трудно разобраться и безошибочно назвать причину, вызвавшую появление данного наименования. Однако учет фактов истории языка, его взаимоотношений с другими языками, особенностей и многообразия ассоциативных процессов, характерных для человеческой психики, дает возможность объяснить происхождение данного слова или его значений.

³⁴ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. т. IV. СПб. — М., 1882, с. 262.

³⁵ Creangă I. Opere, v. I. Bucureşti, 1970, p. 168. Переводчик на русский язык допустил ошибку, употребив в этом случае "фиалки и подснежники" (Крянгэ И. Избранные произведения. Бухарест, 1966, с. 39), поскольку в румынском подснежники никогда не называются *viorele* и *toporă*.

4.1. Славянское влияние на румынский язык в области лексики не ограничилось только непосредственными заимствованиями. Оно проявилось также в том, что отдельные румынские слова перестроили свою семантическую структуру по славянскому образцу. Наиболее глубоким было влияние, явившееся результатом славяно-румынского симбиоза и двуязычия старшего периода, следы которого обнаруживаются на всей или большей части территории распространения румынского языка. Семантические интерференции славянского происхождения были восприняты монолингвами — носителями романской речи и затем приобрели общенародный характер.

4.2. Наряду с общерумынскими семантическими интерференциями славянского происхождения существуют примеры семантической интерференции, характерные для определенных диалектных зон. Они, как правило, отражают языковые контакты румынского и славянских языков, происходившие в более поздний период. Они, как и непосредственные лексические заимствования, а также отдельные фонетические черты, способствовали формированию специфики румынских говоров.

4.3. В литературе высказывалось мнение, что семантический способ словообразования не является предметом лингвогеографического исследования³⁶. Мы полагаем однако, что лингвогеографические методы и приемы могут весьма успешно применяться для установления языка — источника семантической интерференции; во всяком случае, часто именно территория распространения того или иного семантического диалектизма является наиболее достоверным свидетельством его происхождения.

4.4. В данной статье были рассмотрены факты семантической интерференции славянского происхождения, наблюдаемые в говорах румынского языка. Однако очевидно, что межъязыковая изосемия — явление, отражающееся в обоих контактирующих языках. Вот почему в пограничных с румынской языковой территорией зонах украинского, болгарского, сербского языков наблюдаются следы семантической интерференции восточнороманского (румынского, молдавского, арумынского) происхождения. Изучение указанных явлений представляет собой важную задачу проблематики восточнороманско-славянских языковых взаимоотношений³⁷.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

ALR II — *Atlasul lingvistic român, partea II*. Cluj, 1940; ALR sn — *Atlasul lingvistic român. Serie nouă*, v. V—VII. Cluj, 1956—1972; ALRM I — *Micul atlas lingvistic român. Partea I*, v. II. Cluj, 1942; ALRM sn — *Micul atlas lingvistic român. Serie nouă*, v. I—III. Cluj, 1956—1967; ALRR Mar — *Atlasul lingvistic român pe regiuni. Maramureş*, v. I—III. Bucureşti, 1969—1973; NALR Olt — *Noul atlas lingvistic român pe regiuni. Oltenia*, v. I—III. Bucureşti, 1967—1974.

³⁶ Герд А.С. Об общеславянском лингвистическом атласе. — ВЯ, 1964, № 3, с. 81.

³⁷ Отдельные факты семантических заимствований восточнороманского происхождения в украинских говорах отмечены в статье: Семчинський С.В. Семантичні запозичення східнороманського походження в українській мові. — Українське мовознавство, в. 2. Київ, 1974, с. 52—58.

ИНОЯЗЫЧНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ В СКОТОВОДЧЕСКОЙ ЛЕКСИКЕ УКРАИНСКИХ ГОВОРОВ РАЙОНА КАРПАТ

Специфические условия формирования карпатоукраинских говоров, исторически своеобразная экономическая и политическая жизнь украинцев, населяющих этот район, многовековые непосредственные контакты их с венгерским, восточнороманскими, словацким, польским и другими народами, наконец, длительные и интенсивные языковые взаимодействия обусловили наличие большого числа иноязычных элементов в этих говорах.

Предметом настоящих заметок является ареальная характеристика ряда заимствованных элементов, относящихся к обширному терминологическому разряду, связанному с разведением и содержанием крупного рогатого скота¹. Следует сказать, что некоторые из приводимых ниже лексем встречаются в лингвогеографических трудах, посвященных изучению карпатоукраинских говоров. Однако мы считаем целесообразным включить их в наши заметки, представляющие фрагмент специального исследования², в котором содержится подробное и систематическое описание указанной лексики. Оно строится на материале, собранном по обширной программе-вопроснику, в которой учитывались как собственно лингвистические, так и этнографические аспекты данной проблематики. Как правило, наш материал позволяет уточнить, детализировать изоглоссы и семантику элементов, отраженных в работах иных авторов.

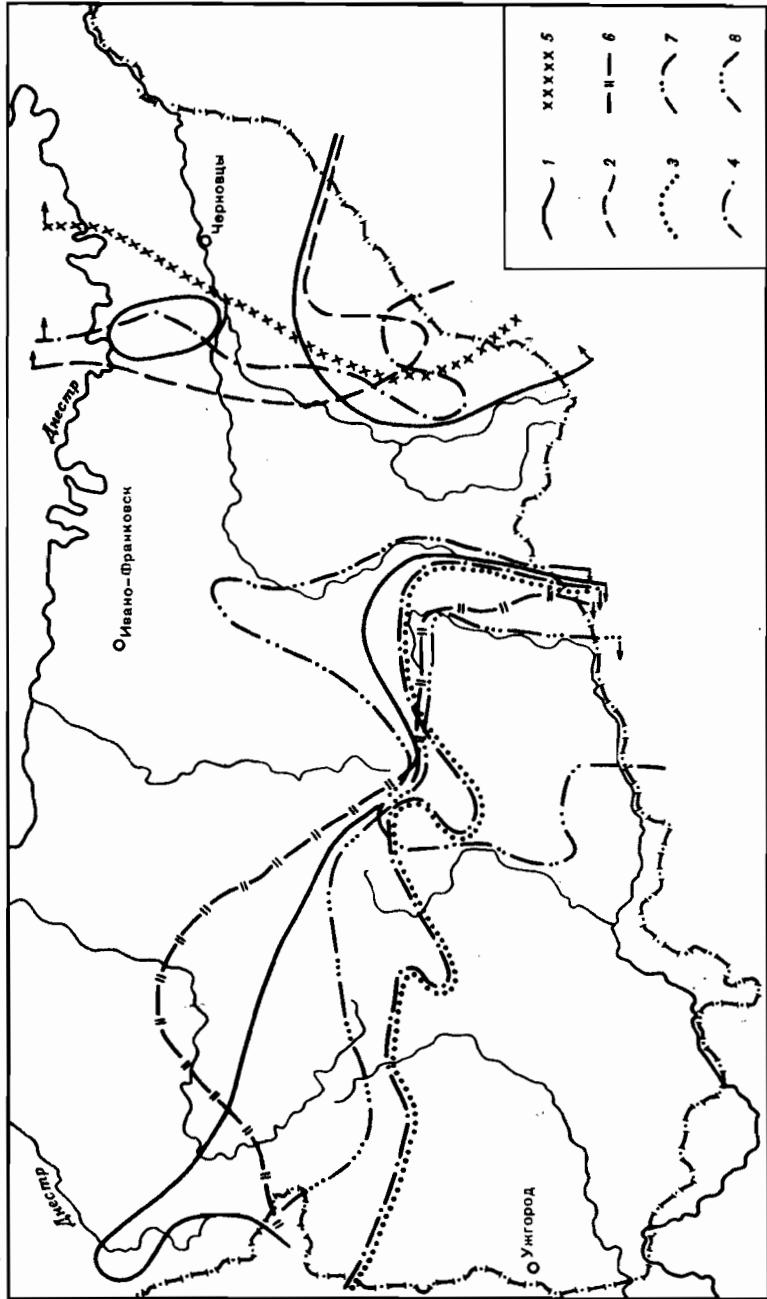
По нашим наблюдениям, значительный процент заимствований в терминологии скотоводства приходится на унгаризмы³; большинство их зафиксировано в Закарпатье. Можно указать на наличие трех типов изоглосс заимствований из венгерского языка.

1. Изоглоссы, охватывающие говоры Закарпатья и Прикарпатья (бойковские, гуцульские, буковинские): *ча!*, *чáла!* 'междометие, которым направляют волов направо или налево' (<венг. *csá*, *csálé* 'то же; спр. КДА, № 151); *фárto*, (*фóрто*, *фóрте*, *фóрта*, *фárta*)! 'междометие, которым побуждают волов повернуть в сторону' (<венг. *farta*, *farto* 'то же'); *gýba* (*гýбы*) 'старая корова; пренебрежительное название коровы' (<венг. *gebe* 'старая корова, кляча'); также *чáпаи* 'протоптанная скотом тропинка' (<венг.

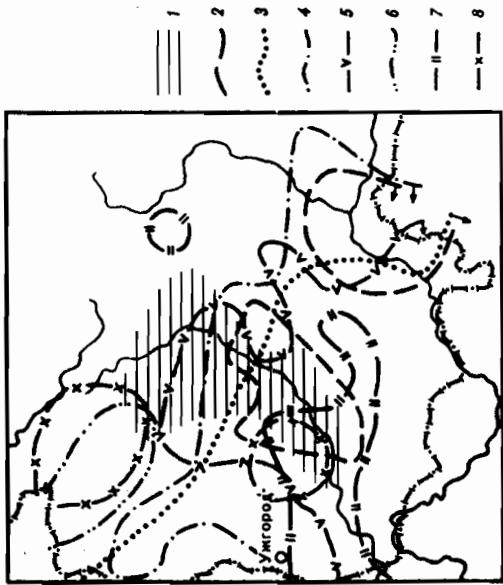
¹ Обычно внимание лингвистов (и этнографов) привлекает терминология отгонного овцеводства, поскольку она дает ценный материал для изучения пастушеской (-валашской) колонизации на Карпатах; упомянем в этой связи работы И.А. Дзэндзелевского, Я. Подолака, Г.П. Клепиковой и др.

² Пуйо И.Ю. Скотоводческая лексика в украинских говорах района Карпат, т. I, II (-Атлас). Одесса, 1980 (канд. дисс.).

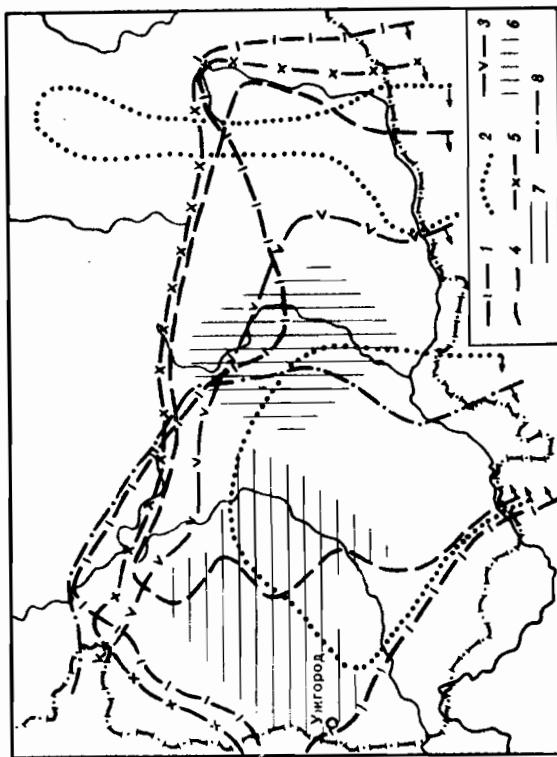
³ Проблема определения языка-источника решается ниже в самом общем виде – исходя из принятой большинством исследователей этимологии той или иной лексемы. Так, в качестве унгаризма рассматривается укр. диал. *ча!*, *чáла!*, поскольку исходными формами считаются венг. *csá*, *csálé* (MNyTESz; *Tamás*; *Machek* и под.), хотя в данном случае, по крайней мере, для ряда украинских говоров, вероятно, следовало бы в качестве непосредственного источника принять румынский (и молдавский) язык; об этом говорит распространение *сег!* 'на всей (дако) румынской языковой территории (см.: АЛР sn, № 324; как румынизм рассматривается укр. *ча!*, *чáла!* в работе: Клепикова Г.П. Об изучении лексических заимствований из румынского языка в карпатоукраинских говорах. – Сов. славяноведение, 1973, № 6, с. 76, карта 1).

Карта 8. Изоглоссы явлений:
 1 – *ча!*, 2 – *шал!*, 3 – *фáрго!*, 4 – *фáрга!*; 5 – *фáркоти*; 5 – *гáбó*; 7 – *чáшá*; 7 – *карбáц*

К а р т а 9. И з о г лоссы явлений:
1 – г/л/a; 2 – в/л/Чи; 3 – к/бо/; 4 – б/к/бо/; 5 – к/g/а/ричка; 6 – гарбъка 'кольцо в шеи'; 7 – g/k/арбъка 'вертиго'; 8 – файра

К а р т а 10. И з о г лоссы явлений:
1 – к/и/ни/д; 2 – к/е/ншина/; 3 – бойтар; 4 – мангъ; 5 – мангъ; 6 – фылка; 7 – фойт; 8 – чал/и/ка (чаил/ка)

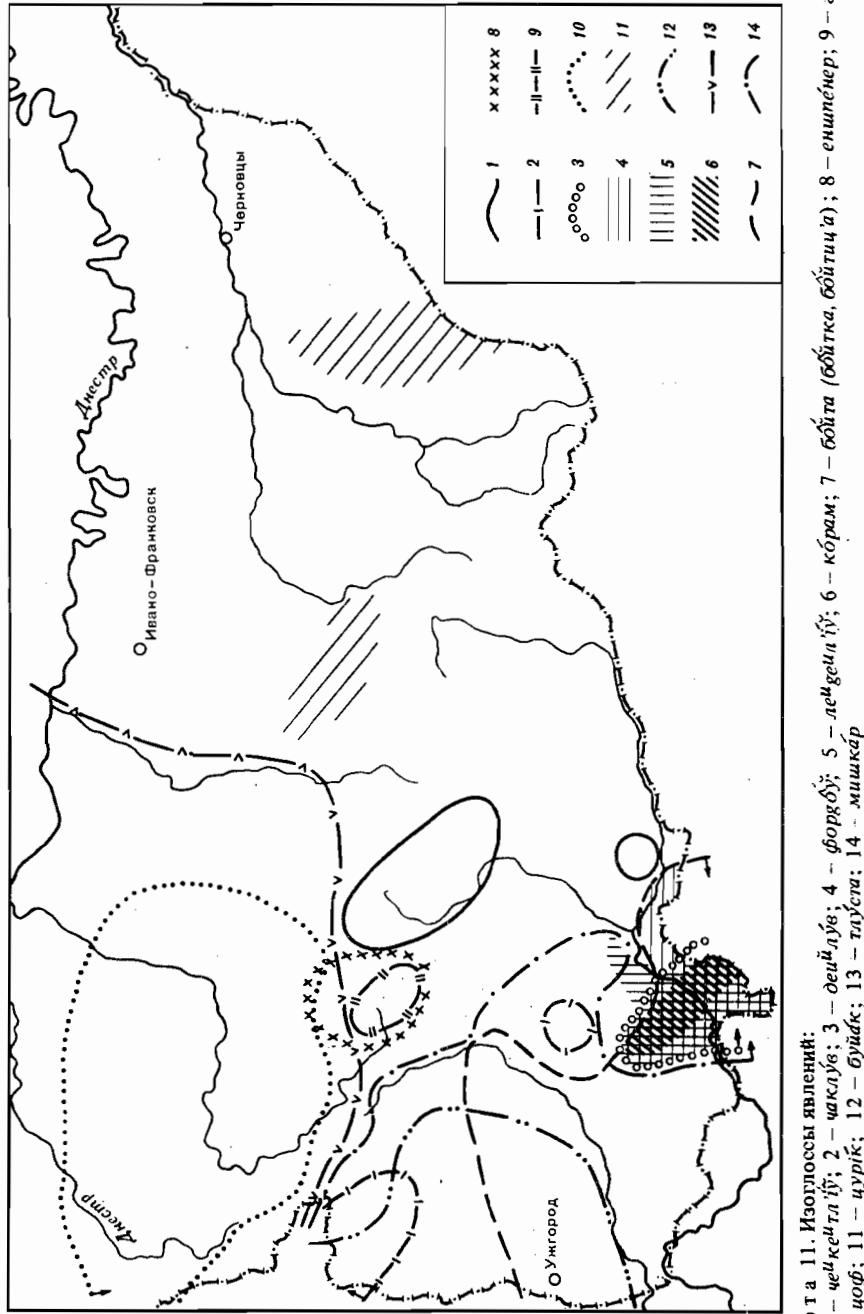
csapás 'тропинка') и *карбáч* (*корбáч*, *ке^ирбáч*) 'кнут' (< венг. *korbács* 'бич, кнут, плеть') (ср. карта 8).

2. Изоглоссы, охватывающие большую (или значительную) часть закарпатских говоров: *gýl'a* 'стадо волов' (< венг. *gulya* 'стадо крупного рогатого скота'), *gýl'aš* 'пастух волов и ялового крупного рогатого скота' (< венг. *gulyás* 'пастух'; ср.: КДА, № 146); *кéфá* 'щетка' (< венг. *kefe* то же), *бíká* 'бык' (< венг. *bika* то же), *к(g)арíčka* 'большое кольцо в цепи', 'вертлюг' (< венг. *karika* 'кольцо, обруч, кружок'; с иными значениями см.: ЛАЗГ, № 168, 238, 245), *фáйта* 'порода' (< венг. *fajta* 'порода,раса, род') (карта 9).

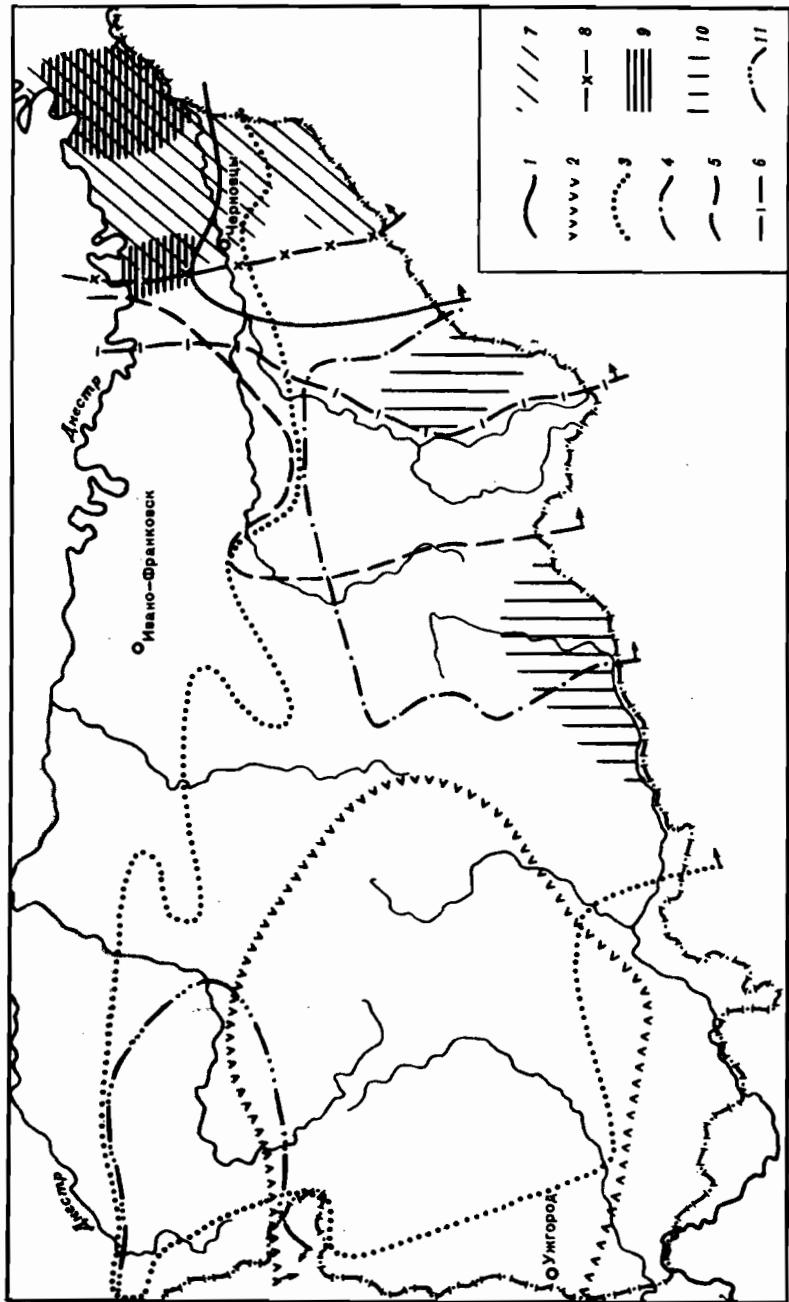
3. Изоглоссы, представляющие локальные унгаризмы в закарпатских говорах (прежде всего в южной части ужанских и боржавских): *кívílná* (*корóва*) 'прихоливая в еде корова' (< венг. *kevély* 'надменный, высокомерный'), *кéн'ешна* (*корóва*) 'прихоливая в еде корова' (< венг. *képűes* 'деликатный, изнеженный'); *бójtár* 'подпасок' (< венг. *bojtár* 'пастушок, подпасок'); *чингíj* 'медный колокольчик' (< венг. *cséngettyű*, венг. диал. *csengőj* 'колокольчик'); *кéцож* 'клетка для телят и других животных' (< венг. диал. *kes* 'то же'; ср. Liz. I, N 61); *фáлка* 'небольшое стадо или несколько голов крупного рогатого скота' (< венг. *falka* 'стая', венг. диал. *falka* 'стадо волов, телок'); *фóйт* 'небольшое стадо, часть стада' (< венг. диал. *fójt* 'стадо овец'); *чалíúka*, *чалóúka* 'прежде временно отелившаяся корова' (< венг. *csaló* 'обманщик', *csalóka* то же, венг. диал. *csalouka* то же); (карта 10). Далее: *че^икé^итлíj*, *чаклúв* 'Т-образный крючок', который закладывают в большое кольцо цепи, когда привязывают корову' (< венг. *csáklya* 'крюк, багор'); *дe^ийлúв* 'место отдыха скота в полдень' (< венг. диал. *dillój* 'место отдыха скота', ср. и венг. литер. *délel* 'отдыхать', *délelőtt* 'время перед обедом, полуднем'); *форгбój* 'вертлюг' (< венг. диал. *forgou* 'вертушка, водоворот', ср. венг. литер. *forgó* 'вертеть'; с иным значением – см.: ЛАЗГ, № 192); *ле^игейлíj* 'пастбище' (< венг. *legelő*, венг. диал. *legelőj* 'то же'); *корáм* 'загон для скота' (< венг. *karam* то же); *бóйта* 'кисточка для украшения кнута' (< венг. *bojt* 'кисть, кисточка') (карта 11).

В карпатоукраинской терминологии скотоводства отмечается большое число восточнороманизмов. На карте 12 представлены следующие лексемы: *румегáти* 'животные жевать жвачку' (< рум. [a] *rumega* 'то же', молд. [a] *румега*); *цáрок* 'отгороженная часть загона для животных' (< рум. *țarc* 'зимний загон для телят, изгородь вокруг стога сена', молд. *царок* 'отгороженный загон для овец' и под.; КДА, № 127); *бóйгар* 'пастух крупного рогатого скота' (< рум. *boiar*, *boar* 'то же'; ср.: КДА № 146); *курмéй* 'веревка, которая надевается на рога корове' (< рум. *curmăi* 'веревка', молд. *курмей* 'кусок веревки'); *вакáр* 'пастух крупного рогатого скота, преимущественно коров' (< рум. *vâcăr* 'пастух коров', молд. *вэкар*; ср.: КДА № 146); *талáнка* 'жестяной колокольчик' (< рум. *talanga* 'то же'); *тýрбе шíйу*, *чýрбе шíйу!* 'междометие, которым побуждают волов засовывать шею в ярмо' (< рум. [a] *curba* 'гнуть, согнуть', молд. [a] *курба*); *бел'чúк* (*белчук*) 'Т-образный крючок, который закладывается в большое кольцо цепи, когда привязывают корову' (< рум. *belciug* 'кольцо')⁴.

⁴ Неясна возможность объяснения укр. диал. *гин'áтна* (*корбáча*) 'слабая'; можно учитывать рум. *a gâina* 'захватить слабость'; ср. и венг. *genny* 'гной', *gennyeid* 'гноить' (ср. закарп. *гин'ád*) – Liz. I, 107.

Карты 11. Изобилие яловеней:
 1 - волк; 2 - козел; 3 - олень; 4 - лиса; 5 - лемминг; 6 - мarmot; 7 - борсук (богомолка, бойка); 8 - заяц;
 9 - мышь полевая; 10 - мышь полевая; 11 - белка; 12 - борсук; 13 - ласка; 14 - ласка

Карта 12. Міологосся явленчі:

1 - симброзит; 2 - руменіт; 3 - циркоон; 4 - більшор; 5 - курмей; 6 - залізний; 7 - палимка; 8 - інші; 9 - гурбіс (гурбес) ший; 10 - бельпук; 11 - гіпситна

Таким образом, большинство заимствований восточнороманских языков представлены в буковинских и гуцульских говорах; следует отметить, что ряд подобных заимствований известны на обширной территории (почти до р. Днестр).

В исследуемой лексике сравнительно мало специфических западнославянлизмов; можно отметить: *буйдк* 'некопленный бык' (< слвц. *buјák* то же), *глúста (корóва)* 'откормленная' (< польск. *thusty*). Однако нельзя забывать, что большинство скотоводческих терминов, бытующих в карпатоукраинских говорах, известны и в диалектах западнославянских языков, поскольку они составляют общеславянский фонд (см. карту 11).

Через западнославянские языки в украинские говоры района Карпат вошло и известное число германлизмов. Ср.: *гурт* 'стадо крупного рогатого скота' (< польск. *hurt* 'стадо и под.' < с.-в.-нем. *hurt* 'загон из сплетенных прутьев' – Brückner); *цоф!* 'междометие, которым побуждают волов попытаться назад' *цофати* 'подвигать волов, лошадей (вместе с повозкой) назад' (< польск. *cof, cofać* то же < с.-в.-нем. *zofen*, ю.-нем. *zaufen* 'отходить назад' – Brückner); *ме^шшкар'* (мошкар') ' тот, кто кастрирует животных (< слвц. *míškár*; польск. *mískař* – Machek).

Для некоторых терминов можно допустить прямое заимствование из немецкого; ср.: *енішепéнер* 'вол, которого запрягают в одиночку' (< нем. *Einspänner* 'одноконный выезд'); *цурíк* 'междометие, которым побуждают лошадей, волов отступить назад' (< нем. *zurück* 'назад, обратно') (карта 11).

Анализ заимствованной лексики показывает, что большинство иноязычных элементов полностью адаптировалось в украинских говорах; показательно, например, что многие из этих заимствований служат базой для образования дериватов (ср.: *фáрто* > *фартóкати*, *зафортíкати*, *цурíк* > *цурíк [g]áти* и т.д.).

Характерной чертой скотоводческой терминологии карпатоукраинских говоров является то, что со времени Воссоединения иноязычные слова почти не заимствуются, поскольку потребность в новых терминах (в том числе и дериватах) полностью обеспечивается лексикой и словообразовательными средствами литературного языка; термины литературного языка постепенно вытесняют заимствованные слова, последние выходят из употребления, составляя архаический пласт лексики.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

КДА – *Бернштейн С.Б.* и др. Карпатський діалектологічний атлас. М., 1967; ЛАЗГ – *Дзенджелівський И.О.* Лінгвістичний атлас українських нарідов говорів Закарпатської обл. I–II. Ужгород, 1958, 1960; ALR sn – *Atlasul lingvistic român*, I–II. Bucureşti, 1956, 1960; Brückner – *Brückner A. Słownik etymologiczny języka polskiego*. Kraków, 1927; Liz. I – *Lizanec P. Magyar-ukrán nyelvi kapcsolátok*. Uzhorod, 1970; Machek – *Machek V. Etymologický slovník jazyka českého*. Praha, 1957; MNyETSz – *A magyar nyelv történeti etimológiai szótár*. I. Budapest, 1967; Tamás – *Tamás L. Etymologisch-historisches Wörterbuch der ungarischen Elemente in Rumänischen*. Budapest, 1966.

Т.Ф. СЕМЕНОВА

ФОНЕТИКА ТЮРСКИХ ЗАЙМСТВОВАНИЙ

В ПОЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ

(на материале тюркизмов,
общих для языков карпатского ареала)

Целый ряд тюркизмов польского языка восходит к эпохе праславянского единства, поскольку начало славяно-тюркских контактов относится к середине 5 в. н.э., когда в составе гуннских орд тюркские племена впервые проникли на территорию Европы. Затем на указанной территории одна за другой появляются тюркские группы, представители которых говорили на различных языках, относящихся к булгарской, кыпчакской и огузской группам тюркских языков (авары, хазары, печенеги, половцы, татары, турки). Среди заимствований из этих языков в польском есть как прямые, так и опосредованные — через русский, украинский, румынский, венгерский.

В польском языкознании вопрос об изучении тюркских элементов почти всегда рассматривался в рамках общей проблемы восточных заимствований в польском языке. Следует отметить, что достаточно многочисленные работы, касающиеся этого вопроса, посвящены выявлению тюркизмов в рамках восточных заимствований в польском, анализу их происхождения, методике изучения¹.

Целью настоящего исследования является описание фонетики тюркских заимствований в польском. Подобные разыскания могут дать целый ряд сведений как для истории контактов польского языка, так и по истории тюркских языков, ибо, находясь на окраине славянской языковой территории, польский в целом ряде случаев мог сохранить черты древних и отразить ряд ступеней развития живых тюркских языков. Материалом для этой работы послужили данные различных польских словарей, лингвистических атласов², а также данные Общекарпатского диалектологического атласа, на основе которых выделены польские тюркизмы, имеющие параллели в других языках карпатского ареала, а также в некоторых восточных и южных славянских языках. Отметим, что в большинстве словарей материал по диалектам не дифференцирован, поэтому о диалектной принадлежности тех или иных слов приходится судить по самым общим фонетическим признакам.

Принимая во внимание сложность и многогранность польско-тюркских контактов, разделим языки-источники тюркских элементов на две группы с условным названием: источники этимологические и источники исторические. Под этимологическими источниками будут подразумеваться тюркские языки-источники рассматриваемых элементов вне зависимости от языков-посредников. Историческими источниками назовем языки-посредники. Этимологическими источниками польских тюркизмов являются тюркские языки, принадлежащие к трем группам: булгарской, кыпчакской, огузской. Если при определении принадлежности рассматриваемых тюркских заимствований к какому-либо живому языку достаточно обра-

¹ См. список использованной литературы.

² См. список использованной литературы.

титься к данным сравнительной фонетики современных тюркских языков, то уточнение принадлежности к древним тюркским языкам связано с большими трудностями из-за отсутствия памятников письменности большинства из них. Заемствование тюркизмов проходило также в результате взаимодействия польского с соседними нетюркскими языками. Таким образом, в фонетике рассматриваемого слоя заимствований помимо различных тюркских фонетических переходов, могут быть отражены и процессы, происходившие в языках—посредниках. Поэтому целесообразным представляется следующий порядок изложения материала. Сначала дается таблица основных фонетических соответствий в 3-х указанных выше группах тюркских языков с примерами из наиболее важных для нашего случая представителей этих групп: чувашского, татарского, турецкого, поскольку они традиционно считаются основными источниками тюркских элементов в польском. Далее показывается передача рассмотренных в таблице звуков в польских тюркизмах (с учетом фонетики языков-посредников). При изложении тюркских фонетических соответствий мы опираемся на данные "Сравнительной фонетики тюркских языков" А.М. Щербака (Л., 1970) и пользуемся его транскрипцией. В других случаях тюркский материал приводится в записях используемых источников.

ВОКАЛИЗМ

*[a, ā]	a	ā
булг.	ї, у, ѣ, а	у
кыпч.		ä (татар., башк.), а
огуз.	а	ä, ā (турк.)

Примеры: *алтін 'золото' — чув. *йидән*, тат. *алтін*, тур. *altıñ*; *алма 'яблоко' — чув. *улма*, тат. *алма*, тур. *alma*; *адыр 'жеребец' чув. *äjär*, тур. *ağır*; *ата 'отец' — чув. *attö*, тат. *atta*, тур. *ata*; *ай 'луна' — чув. *uŷax*, тат. *aj*, тур. *aj*.

В польском: 1) в большинстве случаев a > a: тат. *arkan* 'толстая веревка, канат, 'лассо' — польск. *arkan* < русск. *аркан* 'то же' (ср. венг. *diyal. árkán* < рум. *arcan*, рум. *alcan* < венг. *alkalm, alkalom*); тат., ктат. *амбар*, тур. *амбар*, *анбар*, *хамбар*, *ханбар* < перс. *anbār* 'амбар' — польск. *ambar*, *hambar* (ср. укр. *амбар*, словац. *hambár*, венг. *ámbár, hombar, habar*; рум. *ambăr, ambăré, hambár/*; 2) a > e в заимствованиях через украинский: тур. *амбар*, *эмбар* — укр. *вінбар*, *ембар* > польск. *imbary* (ср. польск. *ambar*); 3) a > o в заимствованиях через венгерский и русский: венг. *hombár (hám-bár, hambár, imbár)* > польск. *hombar*; тат., тур., ккал. — русск. *колпак, кал-пан* > польск. *kolpak*; 4) a > e в заимствованиях через русский: чаг., уаз. *чакан* 'боевой топор' > русск. *чекан* > польск. *czekan*, в то же время польск. *czakan* считается заимствованием из венг. *czakány*; 5) утрата начального а в заимствованиях через русский: тур. *alaфа*, *улуфа* < араб. *alūfa* 'жалованье, паек солдата' — русск. стар. *алафа* 'жалованье'; 'удача, паек'; 'фураж на лошадь'; *лафа* 'счастье, удача, нечаянная прибыль, особенно выигрыш в карты' > польск. *lafa* 'удача, жалованье, паек солдата'; польск. *alaфа* < тур. *alaфа*, *улұғе* (ср. укр. *лафа, лефа*; венг. *alafa, lefa, lafe*, рум. *lafa, lefa, laf*).

Итак, тюркский а в польском отражен следующим образом:

на уровне тюркских языков	на уровне языков-посредников
а	а, е, и, о, ѿ

*[о, ӧ]

о		ӧ
булг.		у, і (ві), ^в а (ва)
кыпч.		у (тат., баш.), о (каз., кар., ккал., ног.)
огуз.	о, у (в диал. тур., аз., гаг.)	ӧ (турк.)

Примеры: **кол* 'рука' – чув. *хул*, тат. *кул*., тур. *kol*; **օղլ* 'сын' – чув. *івайл*, тат. *ул*, тур. *օֆул*; **орман* 'лес' – чув. *вәрман*, тат. *урман*, тур. *орман*; **өт* 'огонь' – чув. *вут*, тат. *ут*, тур. *ot*.

В польском, как правило, о > о: тур., каз., борсук, тат. бурсык, барсык 'борсук' – польск. *borsuk* (ср. укр. *борсук*, *бурсук*, словац. *borsuk*, венг. *borz*, рум. *borz*, рум. *bursuc*, русск. *борсук*, *барсук*); каз., аз., чаг. *орда* 'дворец, палатка султана, военная ставка'; чаг., тур., *орду* 'лагерь, армейский корпус, армия'; тат. *урда* то же – польск. *orda*, *horda* (ср. укр. *орда*, словац. *horda*, венг. *horda*, рум. *ordie*, *urdie*, *orda*, *horda*, русск. *орда*).

Итак, тюркский о в польском отражен следующим образом:

на уровне тюркских языков	на уровне языков-посредников
о	о

*[у, ў, ѹ]

	у	ӱ
булг.	^в а, ^в е	
кыпч.	ö /j/	
огуз.	у	ӱ (турк.)

Примеры: **үр-* 'быть, ударять' – чув. *вәр-*, тат. *үр-*, тур. *диал. ur-*; **ӱч* – 'конец' – чув. *вେс*, тат. *үч*, тур. *үч*; **булут* 'облако' – чув. *пёлёт*, тат. *бүлүт*, тур. *булут*.

В польском, как правило, у > и: ктат. *бунчук*, тур. *бунчук* 'раковины, бусы на шее лошади'; 'конский хвост на древке как знак власти' – польск. *binczik* (ср. укр. *бунчук*, рум. *bincis* русск. *бунчук*); тат. *буза*, тур. *боза* 'напиток из квашеного проса, напиток из квашенного молока' – польск. *biza* (ср. укр. *буза*, венг. *boza*, рум. *boza*, русск. *буза*).

Итак, тюркский у в польском отражен следующим образом:

на уровне тюркских языков	на уровне языков-посредников
и	и

	i	ī
булг.	ä, īn, i	e
кыпч.		
огуз.	i, ī (тур. диал.)	ī (турк.)

Примеры: **īzan* 'межа' — чув. *järän*, тат. *īzän*; **īrmak* 'река' — чув. *cīrma*, тур. *īrmak*; **īz* 'след' — чув. *jēp*, тат. *īz*, тур. *īz* (диал.).

В польском: 1) в большинстве случаев ī > y: тур., тат. *āryshyn* 'мера длины' — польск. *arszyn* (ср. укр. *аршин*, венг. *arsin*, рум. *arşin*, русск. *аршин*); 2) ī > i в заимствованиях через посредство тех языков, где фонема ī отсутствует, в частности, из венгерского: тур. *бычак* 'нож' > венг. *bicsak* > польск. *biczak* (ср. укр. *бичак*, словац. *bíčak*, рум. *biciac* также из венг.); 3) ī > a в заимствованиях через южнославянское посредство: тур. *пастырма*, *бастырма* 'сущеное, вяленое мясо' > серб.-хорв. *pāstrma*, болг. *настрама*, *настърма*, рум. *pastrama*, венг. *pasztorma*, *pásztormány* > польск. *bastram*, *bastramy*; 4) ī > o в заимствованиях через южнославянское посредство: тур. *кырбач* 'плеть' > серб.-хорв. *kībač*, *kārbāč*, *kōbač* > рум. *corbaci*, венг. *korbacs*, словац. *korbač*, польск. *korbač*; укр., русск. *карбач* из польск.

Итак, тюркский ī в польском отражен следующим образом:

на уровне тюркских языков	на уровне языков-посредников
ī	i, a, o

	ä	ā
булг.	i, ÿ, č, ī, ē	
кыпч.	i (тат., баш.), ī	
огуз.	ä, ā (аз.)	ā (турк.)

Примеры: **ät* 'мясо' — чув. *üt*, тат. *it*, тур. *ët*; **äm* 'лекарство' — чув. *im*, тат. *im*, тур. диал. *ëm*; **äc* 'память, ум' — чув. *ăc*, тат. *ic*; **äm* — 'сосать' — чув. *ëm*—, тат. *im*, тур. *ëm*—; **ädik/a* 'обувь' — чув. *atā*, тат. *itik*, тур. *ëdik*; **är/a* 'мужчина' — чув. *är*., тат. *ip*, тур. *ër*.

В польском: 1) ä > e: тур., ктат., чаг. *chäkmäñ*, тат. *çikm n*, чакмен 'вид верхней одежды' — польск. *sz k t p n* (ср. укр. *чекмен*, *чекм n*, венг. *sz k tm ny*, русск. *чекмень*; хак. *c p z*, тув. *sh r g*, якут. *s p i*, чув. *s p  *, сар. *s p * 'войско' — венг. *s reg* > польск. *sz reg* (ср. словац. *  reg*, рум. *  reg* также из венг.); 2) ä > i: тур. *  rm n*, *  rm n* < перс. *ferm n* 'указ' — польск. *f rm n* (ср. укр. *  rm n*, словац. *f rm n*, венг. *ferm n*, рум. *f rm n*); 3) ä > a: тур. *b    v i* ат < ар. *b    w y*, *b    w * 'конь арабской породы' — польск. *badawia* (*bedew*) (ср. словац. *bedelija*, *badalija*, рум. *bidiviu*).

Итак, тюркский ä в польском отражен следующим образом:

на уровне тюркских языков	на уровне языков-посредников
e, i	a

*[ÿ, ū]

	ÿ	ū
булг.	é	
кыпч.		ö
огуз.	ÿ	ū (турк.)

Примеры: *вўрче 'блоха' – чув. *pérçä*, тат. *börçä*, тур. диал. *bürçj*; *үјр- 'лаять' – чув. *věr-*, тат. *jyr-*, *ör-*, тур. диал. *jyr-*, *үлеш 'доля, часть' – чув. *élēsh*, тат. *üliš*, тур. *ülüş*.

В польском: 1) ў > u: тур. *lüle* 'трубка' – польск. *lulka* (ср. укр. *люлька*, словац. *lulka*, рум. *lule*, *lulea*, *lulca*); тур. *tütün* 'табак' – польск. *tutin*, *tutun* (ср. словац. *tutun*, венг. *tutony*); 2) ў > y: польск. *tyton*, *tytiń*. По всей вероятности, форма с у на месте ў могла возникнуть в польских говорах с мазурением, в которых происходит смешение i ~ y. Таким образом, в говорах подобного типа процесс фонетического усвоения тюрк. *tütün* мог происходить следующим образом: *tütün* > *titiun* > *tytiń*. Это предположение подтверждается наличием в словац. формы *tyton*, считающейся заимствованием из польского (Mach., 546). Подобная форма могла проникнуть в словацкие говоры из малопольских, где встречаются и мазурение и смешение i ~ y.

Итак, тюркский ў в польском отражен следующим образом:

на уровне тюркских языков	на уровне польского
ÿ	'u, y

*[i, ī]

	i	ī
булг.	é	
кыпч.		í
огуз.	i,	ī (турк.)

Примеры: *iç- 'пить' – чув. *ěc-*, тат. *ïç-*, тур. *iç*; *īsh 'работа' – чув. *ěc-*, тат. *ış*, тур. *iş*.

В польском: 1) i > i: тур. *çizmə* 'сапог' – польск. *ciżma* (ср. укр. *чижмі*, словац. *čižma*, венг. *ciszma*, рум. *cizma*); тур., ктат. *килим* < перс. *kīlm* – польск. *kilim* (ср. укр. *килим*, венг. *kilim*, рум. *chilim*); 2) i > y в польских тюркизмах, зафиксированных в диалектах с мазурением: *čyžta* (укр. *чижмі* < польск.); 3) i > e в заимствованиях через венгерский: тур. *míntan* 'вид верхней одежды' < перс. *nímtan* 'вид верхней одежды' – польск. *mentik* < венг. *mente*, словац. *mentek*, *mentik* также из венг. (ср. укр. *мента*, *ментек*, рум. *mintean*, *mintie*).

Итак, тюркский i в польском отражен следующим образом:

на уровне тюркских языков	на уровне языков – посредников	на уровне польского
i	e	y

ГАРМОНИЯ ГЛАСНЫХ

В польских тюркизмах небная гармония отражена следующим образом. 1) Сохранение небной гармонии и исконно тюркских словах: тур., ктат., чаг. *čäkmän* 'вид верхней одежды' – польск. *czekmek* (ср. укр. чекмень, венг. *csokmany*). 2) Нарушение небной гармонии в исконно тюркских словах: тур. *jöñicärí, janıçar*, 'янычар' (ср. укр. *янічар*, *янчар*, словац. *janíčiar, janciar*, венг. *jancsár, jinjicsár*, рум. *ianicer, ienicer, inicer*). 3) Нарушение небной гармонии в тюркизмах арабского и персидского происхождения: тур. *fırman*, фэрман < перс. *fermān* 'указ' – польск. *firman* (ср. словац. *ferman*, венг. *ferman*, рум. *firman*). 4) Нарушение небной гармонии в заимствованиях через южнославянское посредство. В данном случае нарушения чаще всего вызваны особенностями морфологической адаптации заимствованных слов, когда конечный гласный меняет свое качество при включении слова в ту или иную грамматическую категорию. Примеры, находящиеся в нашем распоряжении, отражают особенности морфологической адаптации тюркизмов в южнославянских языках, откуда, чаще всего, через венгерское посредство, они проникали в польский. Следует отметить, что в венгерском те же причины вызвали нарушение небной гармонии в рассматриваемых словах, в то же время, прямые тюркские заимствования в венгерском сохраняют особенности тюркской гармонии, чему способствует фонетический (наличие гармонии, небной и губной) и грамматический (агглютинация) строй языка: тур. *cizmə* 'сапог' > серб.–хор. *cizma* > венг. *csizma*, но *csizme* < тур.; польск. *czizma*. 5) Нарушения небной гармонии, вызванные польскими фонетическими особенностями: тур. *iþrik* < перс. *ibriq* 'кувшин' – польск. *imbryk* (ср. укр. *імбрік* из польск., словац. *ibrík*, венг. *ibrik*, рум. *ibric*).

В польских тюркизмах губная гармония отражена следующим образом. 1) Сохранение губной гармонии: а) абсолютная: тур., ктат. *бунчук* 'бусы на шее лошади, конский хвост на древке копья как знак власти' – польск. *bunczuk* (ср. укр. *бунчук*, венг. *boncsov*, рум. *buncisuc*, русск. *бунчук*; б) огубление последующих узких после лабиализованных гласных первого слога: каз., балк., тур. *борсук*, тат. *бурсук*, тат. *барсик* 'борсук' – польск. *borsuk* (ср. укр. *бурсук*, *борсук*, словац. *borsuk*, венг. *diyal. borsuc* из рум. *bursuc*). 2) Нарушение губной гармонии: а) отсутствие огубления и широких гласных после лабиализованных твердого ряда, тип у–а: тур., каз., боза, тат. *буза* 'напиток из квашенного проса, напиток из кислого молока' – польск. *biza* (ср. укр. *буза*, венг. *boza*, *biza*, рум. *boză*, русск. *буза*); тип о–а: тур. *dolaman*, долама 'вид верхней одежды' – польск. *dolaman* (ср. укр. *доламан*, словац. *dolaman*, венг. *dolman*, рум. *dulama*, русск. *доламан*); б) нарушения лабиальной гармонии, вызванные действием польских фонетических законов: тур., ктат. *чубук* – польск. *cybuc* (ср. укр. *чубук*, венг. *subuk*, рум. *ciubuc*, русск. *чубук*).

КОНСОНАНТИЗМ

*[θ]

	θ_1	$\theta_2 \quad \theta_3$
булг.	с'	р
кыпч.	j (тат., каз., ккал., ног.) j (кар., кум., баш.)	j
огуз.	j, ѡ (аз., в ряде случаев перед узкими гласными)	j

Примеры: *θас 'весна, лето' – чув. сур., тат. яз, тур. яз; *θил 'год' – чув. сүл, тат. ѹл, тур. ѹл, аз. ил.

В польском тюркский *θ представлен в одном примере: тур., гаг. фінjan, філjan, філјан < ар. finğan 'стакан' – польск. filżanka (ср. венг. findza, рум. finea, felegean).

*[c]

	C ₁	C ₂	C ₃
булг.	с, ш	с	р
кыпч.	с, һ (баш.)	с, ү (баш.,) з, ө (баш., некот. тат. гов.)	
огуз.	с	с	з

Примеры: *су 'вода' – чув. шів, тат. су, тур. су; *сүт 'молоко' – чув. сёт, тат. сөт, тур. сүт; *ас – 'вещай' – чув. ус., тур. ас; *кас 'тусь' – чув. хур, тур. каз.

В польском тюркский C₁ отражен следующим образом: C₁ – с – чув. сәкман, тоб. сүкмән, чікмән – польск. sükman 'вид верхней одежды' (ср. укр. сукман, венг. szukmánу, рум. sucman, suman, русск. сукман); C₂ > с – тур., аз., ккал. есір, ясір 'пленик' – польск. jasyr из русск. ясырь.

Итак, тюркский С в польском представлен следующим образом:

на уровне тюркских языков	
C ₁ с	C ₂ – с

*[ш]

	Ш ₁	Ш ₂	Ш ₃
булг.	с	с	л
кыпч.	ш (тат., кум., баш., кар.)	с	ш
	с (каз., ккал., ног.):		
огуз.	ш	ш	ш

Примеры: *шіш 'опухоль' – чув. шіз'я, тат. шіш, тур. шіш; *куш 'птица' – тат. кóш, тур. куш; *таш 'камень' – чув. чул, тур. таш.

В польском: Ш₂ > ѿ – тур., тат. аршин < перс. arşyn – польск. arsyn < из русск. аршин (ср. укр. аршин, венг. arsin, рум. arşin); Ш₃ – с под дей-

ствием польских фонетических законов (мазурение): тур. *чауш* 'чин в старой турецкой армии' – польск. *czaus, czausz* (ср. укр. *чауш, чаус* из польск., венг. *czaus*, рум. *ceaus*).

Итак, тюркский Ш в польском отражен следующим образом:

на уровне тюркских языков	на уровне польского
Ш ₂ – ſ Ш ₃ – ſ̄	Ш ₃ – s

*[П]

	П ₁	П ₂	П ₃
булг.	п	п	п
кыпч.	п, м	п	п
огуз.	б, в (тур., аз., в отдельных случаях)	п	п

Примеры: **nash* 'голова' – чув. *nus'*, тат. *bâsh*, тур. *baş*; **nán* 'я' – чув. *žb  *, тат. *m  n*, тур. *b  n*; **kap* 'модель, сосуд' – чув. *xub  *, тат. *kap*, тур. *kap*; **par-* – 'идти' – чув. *n  r-*, тат. *b  r-*, тур. *var-*.

В польском: П₁ > b-тат. *bašmak*, тур. *pاشماك* – польск. *baszmaga* (ср. укр. *башмак*, рум. *pașmac*, *bușmachi*, русск. *башмак*); тур., ктат., тат. *bal  k* 'рыба' – польск. *balyk, baluk* (ср. укр. *балик*, венг. *baluk*, рум. *balic*); П₂ > p, b – тур., тат. *kalpак* 'шапка' – польск. *kalpak* (ср. укр. *калпак*, венг. *kalpag*, рум. *calpac*, русск. *калпак*); тур., ктат. *t  bur, tankur*, чаг. *t  k  ur* – польск. *tabor* (ср. укр. *табор*, венг. *t  bor*, рум. *tabor*, русск. *табор, товары, товары*).

Итак, тюркский П в польском отражен следующим образом:

на уровне тюркских языков:
П ₁ – b П ₂ – p, b

*[Т]

	Т ₁	Т ₂	Т ₃
булг.,	т, ч, щ	т	т
кыпч.	т	т	т
огуз.	д	т	т

Примеры: **t  l* 'язык' – чув. *ч  л  *, тат. *t  l*, тур. *d  l*; **ot* 'трава' – чув. *ут  *, тат. *ut*, тур. *ot*; **  t* 'огонь' – чув. *v  t*, тат. *ut*, тур. *ot*; **at* 'лошадь' – тат. *at*, тур. *at*.

В польском тюркский Т представлен следующим образом: Т₁ > t – тур., ктат. *t  t  n* 'табак' – польск. *tutu  * (ср. укр. *тютюн*, словац. *tutu  *); тур. *d  lm  n, dolama* – польск. *dolaman, dolman* (ср. укр. *доломан*, словац. *dolm  n*,

венг. *dohmany*, *dolman*, рум. *dolman*, русск. *доламан*); $T_2 > t$ – тур., тат. *балта* 'топор с узким лезвием' – польск. *balta* (укр. *балта*, словац. *balta*, венг. *balta*, рум. *baltac*); каз., тар. чаг. *орда*, тур. *орду* 'ставка султана, военный лагерь, армия' – польск. *horda* (ср. укр. *орда*, словац. *horda*, венг. *horda*, рум. *horda*, русск. *орда*); $T_2 > dz$ под влиянием польских фонетических законов: аз. *бурдук* 'мех для вина' – польск. *bardziuk* (ср. укр. *бурдюк*, словац. *bard'uk*, венг. *burdo*, рум. *burduf*).

Итак, тюркский Т в польском представлен следующим образом:

на уровне тюркских языков	на уровне польского
$T_1 = t, d$	$T_2 = t$
$T_2 = dz$	

*[*K, K*]

	*K ₁	K ₁ *
булг.	x, j, к (в заимств. словах)	к
кыпч.	к	к, г (кум., ккал.)
огуз.	к, ч, j (тур., аз. диал.)	г

	*K ₂	K ₂ *	*K ₃	K ₃ *
булг.	к		к	
кыпч.	к., х (кар.)		к, х (кар.)	
огуз.	к, х (аз.)		к, җ (аз.)	ј (аз.)

Примеры: *кум 'песок' – тат. *кäm*, тур. *кум*, аз. *бум*; *казан 'котел' – чув. *хуран*, тат. *казан*, тур. *казан*; *кар 'снег' – чув. *jyr*, тур. *kar*; *köç 'глаз' – чув. *кус'*, тур. *göz*; *ок 'стрела' – чув. *үфә*, тур. *ok*, аз. *ox*; *ák 'белый' – тат. *ák*, тур. *ak*, аз. *af*; *ðок 'нет' – чув. *сук*, тур. *jok*, аз. *jox*; *kök 'синий' – чув. *кäвак*, тур. *gök*, аз. *göj*.

В польском тюркские *К и K* отражены следующим образом: 1) *K₁ > k: тат. *кубыз*, *кобуз*, тур. *копус*, *кобус* 'вид музыкального инструмента' – польск. *kobza* (ср. укр. *кобза*, словац. *kobza*, венг. *kobza*, *kobuz*, рум. *cobza*, русск. *кобза*, *кобыз*, *кобуз*); K₁* > k: тур., тат. *килім* 'ковер'. < перс. *kilim* – польск. *kilim* (ср. укр. *кілім*, венг. *kilim*, рум. *chilim*, русск. *килим*); 2) *K₂ > k: тат. *капкан* 'звероловный снаряд' – польск. *karpan* (ср. укр. *капкан*, словац. *karpan*, венг. *kaptány*, *karpan*, рум. *carpana*, русск. *капкан*); *K₂ > h: кирг. *саадак*, *сайдак*, *садак*, чаг. *сагдак*, *садак* 'лук, колчан со стрелами' – польск. *sahajdak* (укр. *сайдак*, *сагайдак*, рум. *sahaidac*, русск. *саадак*, *сагайдак*, *сагдак*, *сайдак*); 3) *K₃ > k: тур., тат. *калпак* – польск. *kalpak* (ср. укр. *калпак*, словац. *kalpak*, венг. *kalpag*, рум. *calpac*, русск. *калпак*); K₃* > h: в заимствованиях из венгерского: тур., тат., камсы, плеть – венг. *kancsó*, *kancsika* > польск. *kanczioch*, *kanczak* 'то же' (ср. словац. *kancík*, *kancích*, *kancicha*, укр. *канчук*, рум. *canciuc*, русск. *канчук*, *камчук*, *камча*). По-видимому, польская форма с h на месте турецкого *K₃ отра-

жает одну из стадий венгерского фонетического процесса фарингализации конечного k: *ak* > *aγ* > *ay* > *öy* > *ö* на 2-ой стадии, эта же стадия отражена и в словацкой форме.

Итак, тюркские *К и К* в польском отражены следующим образом:

на уровне тюркских языков	на уровне языков-посредников
K ₁ – k K ₁ – k	
*K ₂ – h, k	
*K ₃ – k	*K ₃ – h

*[ч]

	Ч ₁	Ч ₂
булг.	с, ч	с
кипч.	с (баш.), ш (каз., ккал.) ч (тат.)	с (баш.), ш (каз., ккал. ч (тат.)
огуз.	ч	ч

	Ч ₃
булг.	с
кипч.	с (баш.), ш (каз., ккал., ног), ч (тат.)
огуз.	ч

Примеры: *čör 'мусор' – чув. čýn, тат. çun, тур. čön; *čāk 'время' – чув. чух., тат. чак, тур. чак; *ač 'открой' – чув. yc, тат. ač; *āč 'голодный' – чув. vīzā, тат. ač, тур. ač.

В польском тюркский Ч представлен следующим образом: 1) Ч₁ > cz: тур. чакман, тат. čikmāń 'вид верхней одежды' – польск. czekmek (ср. укр. чекмень, венг. csoktmány, русск. чекмень); тур. čoha, чока, ктат. чука, чока, čoha 'вид верхней одежды' – польск. czuha (ср. укр. чуга, словац. čuha, венг. csuha, рум. ciusa, русск. чоха, чуха); 2) Ч₁ > с: др.-турк. čybyk, тур. чубук, тат. čybyk 'чубук' – польск. cübuc, cibuc (ср. укр. чубук, цибук, словац. čívuk, венг. csibuk, рум. ciubuc, cibuc, русск. чубук); 3) Ч₁ > š: др.-турк. čatyr, шатыр, тат. шатыр, тур., аз. čadır 'палатка, шатер' – польск. szater, szatr, szattro (ср. укр. шатер, шатро, словац. šator, šiator, венг. sátor, satra, диал. рум. şatra, şatir, ceadir, русск. шатер).

Итак, тюркский Ч в польском отражен следующим образом:

на уровне тюркских языков
Ч ₁ – č, с, š

Сонанты *р, *л, *ј, *м, *н, *н, в пратюркском выступавшие лишь в конце слова, в современных тюркских языках сохранились почти без изменений: *öñ 'перед' – чув. ум, тур. öñ; *тон 'стужа, мороз' – чув. тым, тат. түң, тур. дон; *ур 'опухоль' – тат. уры, тур. ur.; *ел 'рука' – чув. ал, тур. el; *öй 'мысль' – чув. уй, тат. уй, тур. ой; *уйан 'уздечка' – чув. ѿёвэн, тат. ѹүгэн, тур. ойан; *үзүм 'виноград' – чув. изэм, тат. ѿзим, тур. ѿзүм.

В польском указанные звуки отражены следующим образом: каз. *ip* 'растение с синими цветами, употребляемое как лекарство против кашля' – польск. *ajer* (ср. укр. *aip*, *айер*, рум. *aier*, *aer*, *aior*, русск. *aip*, *ip*); чув. *hemla*, *hemla* – польск. *chmiel* (укр. хмель, венг. *komló*, русск. хмель); тат. *ярлык*, *ярлыг* – польск. *jarłyk* (ср. укр. *ярлик*, русск. *ярлык*); тат., тур. *килим* 'ковер' – польск. *ki li m* (ср. укр. *кілім*, венг. *kilim*, рум. *chilim*, russk. *килим*); тат. *аркан* – польск. *arkan* (ср. укр. *аркан*, венг. *árkány*, рум. *arcan*, русск. *аркан*).

Сонанты *ј, *γ(*γ'), *β, *δ, в пратюркском оказавшиеся неустойчивыми, в современных языках дали разнообразные рефлексы или выпали.

	*ј	*γ (*γ')	*β	*δ
булг.	ј	в	в	во всех языках совпал с рефлексами *θ _{2,3} (см. соответствующий раздел)
кипч.	ј	в (у), ј (и)	в	
огуз.	ј	г, ꝑ, в	в	

Примеры: узб. *kajs* 'какой'; *тāγ 'гора' – чув. ту, каз. тав, тур. *daf*; *äγ 'сгибай' – чув. ав, каз. *ij*, тур. ёг: *ab 'охота' – тат. ав, тур. ав.

В польском указанные звуки отражены следующим образом: 1) *β: др.-турк. *tavar* 'добро, имущество, богатство', тат. *tavar* 'шелковая материя, атлас', тур. *davar* 'стадо, скот' – польск. *towar*, *towor* (ср. укр. *товар*, словац. *tovar*, венг. *tovar*, рум. *tovar* (из русск. *товар*); 2) *γ(*γ'): тур. *bey*, *бег*, *бек* 'господин' – польск. *bej*, *beg*, *bek* (ср. укр. *бей*, венг. *beg*, рум. *beiu*, *beg*); сары-уйг. *пайар* 'богатый, знатный человек' – польск. *bojar*, *bajarz*, *bojarzyn* из русск. *боярин* (ср. укр. *боярин*, слов. *bojar* венг. *bojár*, рум. *boier*, *boer*).

ЛИТЕРАТУРА

Добродомов И.Г. Пути проникновения булгарских элементов в славянские языки. – В кн.: Тюрканизмы в восточно-славянских языках. М., 1974.

Древнетюркский словарь. Л., 1969.

Львов А.С. Иноязычные влияния в лексике памятников старославянской письменности (турканизмы). – В кн.: VII международный съезд славистов. Доклады советской делегации. Славянское языкознание. М., 1973.

Одран М. Тюркские заимствования в словацком языке. – Советская тюркология (Баку), 1974, № 4.

Макарушка О. Словарь українських виразів, перейнятих з мов турецьких. – Зап. наук. тов-ва ім. Шевченка, т. V, № 2. Львів, 1895.

Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий. т. I–IV. Спб., 1893–1911.

Рясицен М. Материалы по исторической фонетике тюркских языков. М., 1955.

Севорян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. М., 1974–1980.

- Шипова Е.Н.* Словарь тюркизмов в русском языке. Алма-Ата, 1976.
- Щербак А.М.* Сравнительная фонетика тюркских языков. М.-Л., 1970.
- Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. I-IV. М., 1964.
- A magyar nyelv történeti–etimológiai szótára. Köt. I–III. Budapest, 1967–1976.
- Blandr V.* Otazki lexikalnych turcizmow v slovenčine. – In: Jazykivedni časopis, 1962, XIII, 1.
- Blašković J.* Çekoslovakya'da eski türklerin izleri. – In: Reşid Rahmeti Arat için. Ankara, 1966.
- Brückner A.* Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków, 1927.
- Lódź. Tow. Naukowe. Lódź, 1950, 3.
- Cioranescu Al.* Diccionario etimológico rumano. Fasc. 1–6. Tenerif–Madrid, 1958–1961.
- Czartoryski A.* Słowniczek wyrazów przyjętych do mowy polskiej ze wschodnich języków. – In: Czasopismo Naukowe Ossolińskich, t. 1, VI. Lwów, 1828.
- Déjna K.* Atlas gwarowy województwa kieleckiego. Warszawa, 1968.
- Gombocz Z.* Die bulgarisch–türkischen Lehnwörter in der ungarischen Sprache. – In: Suomilais-ugrilaisen seuram (toimituksia) 30. Helsinki, 1912.
- Oriens, 1952, V. 1.
- Horodyska-Gadkowska H.* Atlas gwas mazowieckich. Wrocław, 1971.
- Kakuk S.* Recherches sur l'histoire de la langue osmanlie des XVIe et XVIIe siècles. Éléments osmanlis de la langue hongroise. Budapest, 1973.
- Karłowicz J.* Mémoire sur l'influence des langues orientales sur la langue polonaise. – In: Actes du Sixième Congrès International des orientalistes tenu en 1883 à Leide. 2 Partie, section 1–semitique. Leide, 1885.
- Karłowicz J.* Słownik wyrazów obcego a mniej jasnego pochodzenia, zesz. 1. Kraków, 1894.
- Karłowicz J.* Słownik gwar polskich, 6 t. Kraków, 1900–1911.
- Kowalska A.* Atlas gwar mazowieckich. Wrocław, 1973.
- Kowalski T.* Szaránca. – Język polski. 1947, XXVII.
- Kowalski T.* Türk dilinin komşu millet dilleri üzerindeki tesiri. – Ülkü. Ankara, 1934, 20.
- Kowalski T.* W sprawie zapożyczeń tureckich w języku polskim. – In: Symbolae Grammaticae in honorem Joannis Rozwadowski, t. II. Kraków, 1932.
- Kowalski T.* W sprawie metodologie badań zapożyczeń tureckich w językach słowiańskich. – I Szesz Slovanských Filologů v Praze. Sekce II. Praha, 1929.
- Linde M.* Słownik języka polskiego przez M. Samuela Bogumila Linde wydanie drugie, poprawione i pomnożone. I–IV. Lwów, 1854–1860.
- Machek V.* Etymologický slovník jazyka českého. Praha, 1968.
- Matecki M., Nitsch K.* Atlas językowy polskiego Podkarpacia. Cz. I–II. Kraków, 1934.
- Mały atlas gwar polskich.*
- Mały atlas gwar polskich. t. 1–7. Warszawa–Wrocław, 1959–1964.
- Meniński Fr.* Thesaurus Linguarum Linguarum Orientalium, Turcicae, Arabicae, Persicae. 3 t. Vienna, 1680.
- Muchliński A.* Zrodłostownik wyrazów, które przeszły wprost czy pośrednio do naszej mowy z języków wschodnich. S. Pb., 1858.
- Reczek St.* Podręczny słownik dawniej polszczyzny. Warszawa, 1959.
- Słownik gwar polskich. Warszawa, 1977.
- Sobierjski Z.* Atlas gwas spiskich na terenie Polski i Czechosłowacji. t. 1–4. Krakow, 1961.
- Studia Iranische. III. Teheran, 1945.
- Škalid A.* Turcizmi u srpskohrvatskom jeziku. Sarajevo, 1966.
- Sychta B.* Słownik gwar kaszubskich na tle kultury buduwej. t. 1–6. Warszawa, 1959.
- Tamás L.* Die ungarische Elemente im Rumänischen. Budapest, 1966.
- Twardowski S.* Przewaźne Legacjia Krzyszofa Zbaraskiego. 1921.
- Urbánczyk S.* Zarys dialektologii polskiej. Warszawa, 1976.
- Wendt H.* Die türkischen elemente im Rumänischen. – In: Berliner byzantinische Arbeiten. Bd. 12. Berlin, 1960.
- Zajaczkowski A.* Elemyt tureckie na ziemiach piłskich. Zamość, 1935.
- Zajaczkowski A.* Studia orientalistyczne z dziejów słownictwa polskiego. Wrocław, 1953.
- Zajaczkowski A.* Związki językowe polowiecko–słowińskie. Wrocław, 1949.
- Zaręba A.* Atlas językowy Śląska. t. 1–5. Kraków, 1966.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
АНТИЧНАЯ БАЛКАНИСТИКА	
А.В. Десницкая. Палеобалканистика и албанский язык	5
И.А. Калужская, В.Э. Орел. Наблюдения над отражением индоевропейских слоговых сонантов (ж, ѡ, ѹ) в албанском языке	17
В.Э. Орел. Вопросы сравнительно-исторической грамматики албанского языка	22
Л.А. Гиндин. Гом. ΚΗΤΕΙΟΙ в конкретно-исторической интерпретации	32
О.Н. Трубачев. Rasparaganus rex Roxolanorum	36
В.Н. Топоров. Еще раз о Golthescytha у Иордана (Getica, 116): к вопросу северо-западных границ древнеиранского ареала	38
О.Н. Трубачев. Шуга	49
Вяч. Иванов. К проблеме соотношения древнегреческой и хаттской традиций	53
Ю.В. Откупщикова. Догреческие -ss-топонимы и антропонимы (словообразовательный и этимологический анализ)	61
В.П. Яленко. "Лога" – "лесистый" остров: к этимологии названия	66
ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ	
Вяч. Иванов. К восстановлению общебалтийских фрагментов прилагольных сочетаний	70
В.Н. Топоров. Русск. Святогор: свое и чужое (к проблеме культурноязыковых контактов)	89
В.Н. Чекман. Об интерпретации моделей родства языков в сравнительноисторическом языкознании	126
М.И. Лекомцева. Фонологические параллели в языках балто-балканского ареала	134
Т.Н. Молешная. Опыт типологического сопоставления синтаксиса близкородственных языков (адъективные словосочетания в болгарском и сербокорватском языках)	144
Т.М. Судник. Из наблюдений над числительными в говорах литовско-славянского пограничья	159
З. Зинкевич. О литовской форме род. п. дв. ч. <i>ті́ті</i> 'нас обоих'	165
В.А. Вайткевич. Слоговые акценты литовского литературного языка в двусложных омонимах, произнесенных шепотом	167
Б.П. Рейдзане. Балто-славянские языковые контакты на юго-востоке Латвии (на материале названий растений)	171
Ю. Кришшакова. Отражение словацко-польских языковых контактов на фонетическом уровне в горальских говорах Словакии	175
Е.Н. Очинников. Наблюдения над согласными <i>x</i> – <i>h</i> в одном из словацких говоров Закарпатья	189

Д. Петрович. О карпатологическом аспекте сербохорватско-албанских лексических отношений	194
В.Э. Орел. Балканские этимологии. 2–4	210
Г.П. Клепикова. Карпатская лексика и ее отношение к лексике иных зон славянского мира. 5	216
С.В. Семчинский. Региональная и пограничная изосемия интерференционного происхождения в румынском языке	229
И.Ю. Пуйо. Иноязычные элементы в скотоводческой лексике украинских говоров района Карпат	241
Т.Ф. Семено娃. Фонетика тюркских заимствований в польском языке (на материале тюркизмов, общих для языков карпатского ареала)	248

СЛАВЯНСКОЕ И БАЛКАНСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Проблемы языковых контактов

Утверждено к печати

*Институтом славяноведения и балканстики
АН СССР*

Редактор издательства *Т.М. Дрибинг*
Художественный редактор *Т.П. Поленова*
Технический редактор *Н.А. Кубышкина*

ИБ № 25059

Подписано к печати 14.12.82. Формат 60x90 1/16
Бумага офсетная № 1. Печать офсетная
Усл.печ.л. 16,5 . Усл.кр.-отт. 16,5. Уч.-изд.л. 21,8.
Тираж 1400 экз. Тип.зак. 1931. Цена 3 р. 60 к.

Издательство "Наука", 117864 ГСП-7,
Москва, В-485, Профсоюзная ул., д. 90
Ордена Трудового Красного Знамени
1-я типография издательства "Наука"
199034, Ленинград, В-34, 9-я линия, 12.

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ "НАУКА"

вышли из печати:

История русского языка. Памятники XI–XVIII вв. 18 л. 1 р. 80 к

Сборник посвящен источниковедческому анализу памятников как древних, так и более позднего периода. Раскрывается значение определенных лингвистических явлений и фактов, представленных в старинных рукописях: фонетических, морфологических, синтаксических, лексических, а также графических. Анализируются особенности русской скорописи XVII в.

Для филологов, историков.

Некрасова Е.А., Бакина М.А. Языковые процессы в современной русской поэзии. 18 л. 1 р. 80 к.

Книга посвящена изучению некоторых языковых приемов в поэзии XX в. В первом разделе книги на примерах употребления сравнений анализируются тексты А. Блока, Б. Пастернака, С. Есенина. Во втором — освещаются способы использования устойчивых словосочетаний в поэтических текстах современных русских поэтов.

Для филологов, преподавателей вузов, аспирантов.

Язык и письменность среднеболгарского периода. 18 л. 3 р. 20 к.

Сборник является коллективным трудом советских и болгарских ученых. Рассматриваются важнейшие для истории болгарского языка XII–XVI вв. процессы, русско-болгарские и болгарско-русские культурные и языковые связи в этот период, вводятся в научный оборот новые данные о языке среднеболгарских рукописей.

Для лингвистов — специалистов по болгарскому языку и письменности.

Заказы просим направлять по одному из перечисленных адресов магазинов
"Книга-почтой" "Академкнига"

- 480091 Алма-Ата, 91, ул. Фурманова, 91/97;
- 370005 Баку, 5, ул. Джапаридзе, 13;
- 320093 Днепропетровск, проспект Ю. Гагарина, 24;
- 734001 Душанбе, проспект Ленина, 95;
- 252030 Киев, ул. Пирогова, 4;
- 277012 Кишинев, проспект Ленина, 148;
- 443002 Куйбышев, проспект Ленина, 2;
- 197345 Ленинград, Петрозаводская ул., 7;
- 220012 Минск, Ленинский проспект, 72;
- 117192 Москва, В-192, Мичуринский проспект, 12;
- 630090 Новосибирск, Академгородок, Морской проспект, 22;
- 620151 Свердловск, ул. Мамина-Сибиряка, 137;
- 700187 Ташкент, ул. Дружбы народов, 6;
- 450059 Уфа, 59, ул. Р. Зорге, 10;
- 720001 Фрунзе, бульвар Дзержинского, 42;
- 310078 Харьков, ул. Чернышевского, 87.

25.53

СЛАВЯНСКОЕ И БАЛКАНСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ